Престон Дуглас, Чайлд Линкольн
Огонь и сера

Дуглас Престон посвящает эту книгу Даве и дедушке

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу дочери Веронике

Глава 1

Подъехав к поместью Гроува на белом «форд-эскорте», Агнес Торрес выбралась из машины в прохладу утра и услышала, как из-за высокой живой изгороди долетают шум океана и соленое дыхание волн.

Заперев машину и проверив замок – ибо пренебрегать осторожностью не стоило даже здесь, – Агнес подошла к массивным воротам. Выбрав из увесистой связки нужный ключ, она вставила его в замочную скважину, и створки из листового железа плавно открылись. За ними до самых дюн песчаного пляжа зеленело триста ярдов лужайки.

На панели с внутренней стороны замигал красный светодиод: система давала всего тридцать секунд, и Агнес поторопилась войти. Как-то раз, переволновавшись и промешкав, она не успела ввести код, и тогда рев сигнализации перебудил полгородка. Примчались аж три патрульные машины и злой как черт мистер Джереми.

Агнес нажала последнюю кнопку, лампочка на панели загорелась зеленым, и домработница облегченно вздохнула. Закрыв ворота и быстро перекрестившись, она ступила на выложенную плитами извилистую тропинку, ведущую к дому. Пухлая, с короткими ногами Агнес, вооружившись четками, очень медленно пошла по дорожке, бормоча «Отче наш», «Аве Мария» и «Славься». Прочитав молитвы по десять раз, она снова перекрестилась. Еще бы, ведь это жилище Гроува.

А дом-то – не дом, а великанище! Щурит желтый глаз-окошко, почитай, что облизывается. В сером небе над ним кружат чайки, неймется крикуньям.

Агнес остановилась. Странно, раньше на чердаке свет не включали. И что бы мистеру Джереми делать там в семь часов? Спал бы себе до полудня, как всегда. Так и Агнес сподручнее. Бывает, хозяин, ходит за ней и бросает окурки – будто нарочно в местах, где она только-только прошлась шваброй. Стоит ей прибраться на кухне, в раковине сразу же вырастают горы немытой посуды. К тому же Гроув постоянно ругается, даже оставаясь наедине с собой. Облив кого-нибудь грязью, ему обязательно надо рассмеяться, и его хохот режет слух, как тупой ржавый нож. Иногда этот человек, пропахший сигаретами и бренди, принимает у себя содомитов. Однажды владельцу поместья вздумалось заговорить с Агнес по-испански, но та быстро поставила его на место. Вот еще, ее

английский и без того хорош, а по-испански с ней говорят только в семье.

Впрочем, за десять лет Агнес успела поработать во многих домах, и мистер Джереми обращался с ней нисколько не хуже прежних хозяев: платил достойно и вовремя, сверхурочно задерживаться не просил, графика не менял и ни разу не обвинил в воровстве. Случилось как-то Гроуву богохульствовать, но Агнес отчитала его, и владелец дома вполне даже вежливо извинился.

Агнес вторым ключом открыла заднюю дверь и вступила в противоборство с панелью внутренней сигнализации.

В окно было видно, как бушующие волны устилают берег ковром из водорослей. В угрюмой серости дома ощущался подозрительный жар. И еще запах – словно кто-то забыл в духовке подгоревшее мясо. Проковыляв на кухню, Агнес застала там обычный бардак: немытая посуда с остатками жареной рыбы, батарея пустых винных бутылок и размазанный по ковру сыр. Последний праздник – День труда – прошел месяц назад, но в этом доме гулянка продлится как минимум до ноября.

Агнес прошла в зал. Да, пахло горелым мясом, однако поверх этого душка накладывался еще один – запах горелых спичек, который шел сверху.

Ощущая смутную тревогу, домработница поднялась на второй этаж. Прокравшись мимо кабинета и спальни Гроува, она заковыляла дальше. Следующий пролет вывел ее к двери на третий этаж. Вонь усилилась, да и сгустившийся воздух как будто стал горячее.

Подобрав ключ, Агнес открыла дверь.

«Матерь Божья!» Дышать здесь было почти нечем. Щадя артритные ноги, Агнес по одной преодолела крутые недоделанные ступеньки и задержалась на самом верху – перевести дух.

На пыльном чердаке обрастали паутиной забытые игровая и с полдесятка детских комнат. Здесь хозяин складывал мебель и коробки с кошмарной современной живописью.

В конце невообразимо длинного коридора, под дверью, Агнес увидела полоску желтого света. Сжимая в руках четки и стараясь унять бешено стучащее сердце, домработница подошла к той самой комнате, из которой исходил смрад.

Дотронувшись до круглой дверной ручки, Агнес обожглась. Не дай Бог, кто-то из пьяных гостей уснул в комнате с сигаретой! Из-под двери тянуло дымом. Необычно едкий, дым нес в себе что-то злое.

А если кому-то нужна помощь? Ведь было однажды: в монастырской школе, где училась Агнес, ночью умерла старая сумасшедшая монахиня, и утром, чтобы войти к ней, пришлось ломать дверь.

С десятой попытки Агнес подобрала ключ, но дверь поддалась только на несколько дюймов. Толкнув сильнее, домработница услышала грохот.

Святая Мария, вот теперь мистер Джереми точно проснется! А если не спал, то сейчас как выскочит из ванной или из кабинета! А хуже будет, если выяснится, что Агнес отвлекла хозяина от важного дела в уборной.

Однако ни раздраженных шагов, ни хлопка дверью она так и не дождалась.

Задержав дыхание, домработница просунула голову внутрь. В удушливой сизой дымке с фанерных стен грязными хлопьями свисала паутина.

Взглянув на пол, Агнес поняла, что гремело – шкаф. Мистер Джереми подпер им дверь. Впрочем, и остальная мебель в комнате, казалось, готова была обрушиться на голову любого вошедшего.

Гроув в верхней одежде лежал на кровати у дальней стены.

– Мистер Джереми! – позвала Агнес, хоть и было ясно, что Гроув не ответит.

Хозяин не спал. Спящие не смотрят в потолок выжженными глазами, изо рта у них не торчит распухший черный язык, ногти не впиваются до крови в ладони, а тела не выгибаются обугленной головней. На мертвецов Агнес Торрес насмотрелась еще в детстве, пока жила в Колумбии, а мистер Джереми выглядел мертвее мертвого.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа… – забормотал кто-то, и Агнес вдруг осознала, что слышит собственный голос.

На полу у самой кровати чернели следы раздвоенных копыт.

Из горла вырвался сдавленный крик, ноги сами вынесли Агнес в коридор. Ключ никак не желал попадать в скважину, но вот, справившись с дверью, домработница шаг за шагом попятилась к выходу, бормоча «Символ веры». Она снова и снова осеняла себя крестным знамением, и постепенно за всхлипами стало не различить слов молитвы.

Агнес Торрес все поняла: за мистером Джереми наконец пришел дьявол.

Глава 2

Сжимая в руках моток желтой ленты, сержант критически оглядывал творящееся безобразие. Надо же было так лопухнуться! Не установили вовремя ограждения, и теперь на пляже топчется толпа зевак. А если там были следы?! Потом – да, поставили ограду, но оказалось, что заперли на стоянке два джипа. Прибежали хозяева, такие крутые мужик с бабой, и как заорут, потрясая мобильниками: мол, они сейчас вызовут адвокатов, потому как опаздывают на жизненно важные встречи (конечно, без новой прически и партии в теннис богачи умирают).

Дерьмо уже чавкало под ногами, и сержант понимал: огласка пойдет такая, что чистыми останутся очень немногие. Убиенный, видите ли, еще при жизни успел прославиться на весь Саутгемптон – и далеко не с лучшей стороны.

– Сержант! – окликнул его лейтенант Браски. – Разве я не вам поручил закрыть место преступления полностью?! Шевелитесь уже, ну!

Ответом сержант утруждаться не стал, только принялся растягивать ленту вдоль живой изгороди. Как будто высоченных кустов и колючей проволоки не хватит, чтобы сдержать журналистов! Или они звери какие и от желтой ленты побегут, будто черти от ладана?

К поместью Гроува съезжались фургоны со спутниковыми тарелками. Где-то неподалеку занудно гудел вертолет. У ограждения на Дюн-роуд как снежный ком росла толпа орущих газетчиков. Не успели со стороны Сэг-Харбора и Ист-Гемптона подтянуться вспомогательный отряд и ребята из убойного отдела, как лейтенант в отчаянии бросил их сдерживать наплыв зевак, а особняк отдали в распоряжение экспертам-криминалистам. Да, не упусти он время, подумал сержант, работал бы сейчас с ними и, может быть, даже командовал.

Обклеивая изгородь, сержант дошел до пляжа, где любопытных сдерживало несколько полицейских. Публика, слава Богу, попалась вменяемая: люди тупо глазели на дом с вычурными окнами и покрытыми черепицей башенками. Бабье лето затянулось, и атлетического вида парни в передних рядах были одеты кто в шорты, а кто в плавки, словно вот так старались задержать приход настоящей осени. Эти раздолбаи притащили с собой ящик пива и «бум-бокс» и теперь попивали себе под музычку. Будто на тусовку явились. Глядя на плоские животы парней, сержант подумал: «Ну-ну, посмотрим, что пиво и чипсы сделают с вами годиков через двадцать». Наглядный пример он каждый день видел в зеркале.

Лейтенант цаплей расхаживал в стороне от экспертов, ползавших по лужайке и таскавших за собой металлические чемоданчики. Улик не предвиделось. «И на что я трачу таланты и опыт?! – сокрушался сержант. – Настоящая работа вот она, проходит мимо. Ладно, проехали».

Репортеры уже наводили прицелы камер, красавчики корреспонденты без умолку трещали в микрофоны, а лейтенант – вы не поверите! – бросив экспертов, устремился в их сторону, будто муха на свежую кучку.

Сержант покачал головой.

Завидев, как в сторону дома короткими перебежками между дюн движется человек, он сорвался с места и подрезал бегуна у края лужайки. Нарушитель оказался фотографом: наметив жертву – «убойщика» и домработницу на веранде – и припав на колено, репортер уже наводил резкость. Глядя, как удлиняется серо-стальной объектив, сержант невольно подумал: «Таким только слоних иметь».

Он накрыл камеру ладонью и мирно произнес:

– Давайте отсюда.

– Ладно вам, офицер. Ну пожалуйста…

С людьми, которые просто делали свою работу – будь они хоть трижды из прессы, – сержант всегда обходился вежливо, а потому просто сказал:

– Не хотелось бы конфисковывать у вас пленку.

Отойдя на несколько шагов, фотограф воровато щелкнул фотоаппаратом и бросился наутек.

Возвращаясь к дому, сержант почувствовал, как ветер разносит странный запах отработанных хлопушек и фейерверков.

Лейтенант в окружении репортеров наслаждался звездным часом. Такая возможность – выборы не за горами и шеф в отпуске, – грех не воспользоваться. Лучшего шанса высунуться и придумать нельзя, разве только убить кого-то самому.

Чтобы не мешать экспертам, сержант пошел в обход.

У пруда с утками, где он собирался срезать дорогу, одинокий турист в «гавайке», гигантских мешковатых шортах и солнцезащитных очках крошил в воду хлеб. Чудо в перьях. Октябрь месяц, а он вырядился так, будто навсегда застрял в первом дне лета, пережив прежде лет десять сплошных снегопадов и бурь.

Если к репортерам сержант относился терпимо, то заезжие искатели приключений вызывали у него исключительно ненависть и отвращение.

– Эй, вы!

Турист обернулся.

– Вы что себе думаете? Это место преступления, разве не знаете?

– Знаю, офицер, и мне ужасно жаль, правда. Но ведь…

– Ну и катитесь к чертям!

– …Но ведь нельзя оставить уток голодными. Обычно их кормят, а сегодня…

Нет, ну точно идиот! Тут человека убили, а он – утки голодные.

– Документики предъявим.

– Да-да, конечно. – Мужчина принялся шарить по карманам. – Мне, право, неловко, офицер… – затравленно произнес он. – Как только я услышал о преступлении, сразу примчался сюда. Накинул первое, что попалось под руку, а бумажник, похоже, остался в пиджаке.

Его нью-йоркский акцент действовал сержанту на нервы. Гнать придурка в шею, подсказал рефлекс. Однако сержант не спешил. Никакой мужик не турист: во-первых, шмотки пахнут новьем, будто только-только из магазина, а во-вторых, сочетание цветов и предметов – просто страх божий. Небось нахватал только что в окрестном бутике.

– Так я пойду?

– Нет, не пойдете. – Сержант извлек из кармана блокнот и, открыв чистую страничку, послюнявил карандаш. – Живете поблизости?

– В Амагансетте. Снял дом на неделю.

– Адрес?

– Брикмэн-Хаус, на Уиндмилл-лейн.

Шляются тут, засранцы богатые.

– Постоянное место жительства?

– «Дакота», Вест-Сайд.

Сержант даже писать перестал. В голове мелькнула мысль: «Совпадение?!»

– Имя?

– Офицер, не стоит, это целая история. Лучше я все же пойду…

– Стоять. Имя? – И добавил с нажимом: – Пожалуйста.

– Это правда необходимо? Мое имя не каждый сможет прочесть, а вслух произнести… Удивляюсь, о чем только думала мама?!

Стоило оторваться от блокнота, и поток сарказма тут же иссяк. «Ох, докривляешься», – подумал сержант, мысленно уже надевая на остряка наручники.

– Давайте-ка еще разок. Имя?

– Алоизий.

– А если по буквам?

Человек продиктовал.

– Фамилия?

– Пендергаст.

На последней закорючке карандаш замер, и сержант медленно поднял взгляд. На него смотрели серые глаза блондина с такими знакомыми благородными чертами лица; и эта мраморно-бледная, почти просвечивающая кожа...

– Пендергаст?!

– Собственной персоной, дорогой Винсент. – На смену нью-йоркскому акценту пришел милый сердцу протяжный южный выговор.

– Вы что здесь делаете?

– То же самое хотелось бы спросить и у вас.

Винсент д'Агоста почувствовал, что краснеет. Еще бы, в последний раз, когда они виделись, он служил в полиции Нью-Йорка и страшно гордился должностью лейтенанта. А теперь... теперь он самый обыкновенный мухосранский сержант и украшает желтой лентой поместья мухосранских же богатеев.

– Я как раз был в Амагансетте, – поведал Пендергаст, – когда узнал о безвременной кончине Джереми Гроува. Не устоял. Торопился как на пожар, так что за вид извините.

– Вы ведете это дело?

– Пока что я кормлю уток, дожидаясь официального подтверждения полномочий. Из горького опыта знаю: без него опасно беспокоить высшие круги. Честно говоря, Винсент, встретить здесь вас – большая удача.

– Я тоже рад. – Д'Агоста вновь покраснел. – Вы уж извините, я сейчас не в фаворе...

– У нас еще будет время пообщаться. – Пендергаст положил руку ему на плечо. – Вижу, к нам приближается довольно крупный представитель местной юридической фауны, явно не страдающий недостатком эмоций.

– Мне страшно неудобно прерывать ваш разговор, – басом прогремел лейтенант, и д'Агоста обернулся. – Возможно, я что-то путаю, сержант, – Браски окинул взглядом Пендергаста, – но разве этот человек не нарушает границ вверенной вам территории?

– Ну… э-э… мы тут… – Д'Агоста посмотрел на друга.

– Я так понимаю, этот человек – ваш приятель.

– На самом деле я…

– Сержант как раз просил покинуть территорию, – мягко подсказал Пендергаст.

– Да что вы говорите?! Ну раз так, позволю себе поинтересоваться, что вы тут делали?

– Кормил уток.

– Кормили уток. – Лицо Браски вспыхнуло, и д'Агоста подумал: «Самое время Пендергасту показать значок». – Какая прелесть, – продолжил тем временем лейтенант. – А не предъявите ли документы?

«Сейчас, – думал д'Агоста, – сейчас…»

– Понимаете ли, я объяснил сержанту, что забыл бумажник дома…

Повернувшись к д'Агосте, Браски кивнул на блокнот:

– Уже опросили?

– Да. – Д'Агоста умоляюще посмотрел на друга, но лицо агента ФБР оставалось бесстрастным.

– Как он прошел через кордон?

– Я… я не спрашивал.

– А вам не пришло в голову, что спросить-таки надо?

– Через боковые ворота на Литл-Дюн-роуд, – признался Пендергаст.

– Невозможно. Они заперты. Я лично проверял.

– Простите, но замок сам упал мне в руки. Может, механизм бракованный?

– Ну вот, сержант, – сказал Браски. – Используйте возможность хоть как-то доказать свою полезность. Разберитесь с прорехой и ровно в

одиннадцать отчитаетесь. Лично. У меня к вам разговор. А вас, сэр, я немедленно препровожу на выход.

– Благодарю, лейтенант.

С тяжелым сердцем д'Агоста посмотрел в спину начальнику и вальяжно, как на прогулке, шедшему рядом Пендергасту.

Глава 3

Лейтенант полиции Саутгемптона Л.П. Браски-младший стоял в тени увитой виноградной лозой беседки и наблюдал, как эксперты-криминалисты прочесывают бесконечную лужайку. Он думал о шефе Маккриди – старик улетел на отдых в Сент-Эндрюс поиграть в гольф. Оно и понятно: горы Шотландии, осень, вересковые холмы, извилистые тропки, поросшие дерном, мрачный замок над торфяниками... Надо, конечно, звякнуть и доложиться, но Браски сделает это завтра. Спешить незачем – Маккриди свое отначальствовал, полиции Саутгемптона нужна свежая кровь.

Сам Браски был местный – шустрый парень со связями в мэрии и родней в городе. Вдобавок успел втереться в доверие к влиятельной летней публике. Услуга здесь, услуга там... Браски умел разыграть свою карту.

Приближался ноябрь, а с ним выборы шефа полиции. О да, убийство пришлось как нельзя кстати. Неделька-другая, и преступник у него в руках, так что кресло начальника – дело решенное. Маккриди... А что Маккриди? Браски звякнет ему – ну не завтра, так послезавтра – и скажет: «Блин, шеф, понимаю, ваш отдых – святое, но тут кое-что приключилось...»

Сейчас главное не прошляпить дело: узнать, кто владел домом раньше, опросить свидетелей, найти мотив и орудие – все это надлежит сделать в первые сутки. Тогда получится крепкая цепочка расследования. Умудренный опытом работы в убойном отделе Саутфорка, Браски лично цепей не ковал, но следил за тем, чтобы в них не вплетались слабые звенья. И вот сегодня одно такое слабое звено он нашел: сержант Винсент д'Агоста. Этот малый не подчинился приказу, и лейтенант знал, в чем причина. Когда-то д'Агоста сам дослужился до лейтенанта убойного отдела в Нью-Йорке, однако страсть к сочинительству заставила его уволиться и переехать в Канаду. Когда же мистические романы не пошли, блудный пес, поджав хвост, вернулся. Разумеется, ему указали на дверь, и вот бывший нью-йоркский «убойщик» трудится здесь, в Саутгемптоне, в чине сержанта.

Будь Браски шефом, он бы давно уже выдавил этот чирей на заднице департамента. Нет, свое дело сержант знал, но точно так же свое дело знает атомная бомба с часовым механизмом. Он – не командный игрок.

Помяни черта... Обернувшись, Браски увидел д'Агосту. Сержант приближался, распространяя слезоточивый «аромат» самомнения – как, впрочем, и положено всякому обросшему неудачнику с намеком на брюшко. Миссис д'Агоста поступила верно, что осталась в Канаде с сыном.

Лейтенант взглянул на часы: ровно 11.

– Сэр, – приветствовал начальника сержант.

Подумать только, одно слово, а сколько сарказма! Браски отвернулся. Криминалисты все ползали по лужайке.

– Это дело, сержант, очень важное.

Д'Агоста кивнул. Браски сощурился, окинул взглядом особняк, затем – океан.

– И провалить его – роскошь непозволительная.

– Так точно, сэр.

– Рад слышать, а то я уж подумал, что дела Саутгемптона вас вроде как не касаются.

Вздохнув, лейтенант вперил в д'Агосту пристальный взгляд и наткнулся на молчаливый вызов. Сержант напомнил ему Клинта Иствуда: «Ну, дай мне повод», – всем своим видом говорил подчиненный.

– У вас что, – сказал Браски, – проблемы с ориентацией во времени и пространстве? Уж как-нибудь свыкнитесь с тем, что теперь вы – сержант департамента полиции Саутгемптона.

– Не понимаю, к чему вы клоните, сэр.

– Ваши мысли для меня открытая книга. – Лейтенант потихоньку терял терпение. – Мне глубоко плевать на нью-йоркское прошлое лейтенанта д'Агосты. Сейчас от сержанта Д'Агосты требуется только действовать согласно моему плану.

Винсент д'Агоста промолчал.

– Утром я добрых пять минут вынужден был наблюдать, как вы болтаете с тем нарушителем. Думаете, сейчас я устрою вам головомойку? Нет. Но запомните: мой сержант не стал бы тратить пять минут на то, чтобы сказать: «Пшел вон, козел!»

Лейтенант буравил д'Агосту взглядом и ждал, что на лице подчиненного вот-вот появится ехидная ухмылка. Нет, хитрец держался. Надо с ним что-то делать.

Тут Браски краешком глаза уловил знакомое сочетание «гавайки», мешковатых шортов и дорогих солнечных очков в причудливой оправе. С тем же упорством, с каким дерьмо отказывается тонуть, давешний нарушитель во второй раз преодолел кордон и теперь спокойно шел прямо к беседке.

Браски обернулся к д'Агосте и мягко произнес:

– Сержант, арестуйте этого человека и зачитайте ему права.

– Погодите, лейтенант...

Да Браски никак ослышался: д'Агоста спорил?! После того что лейтенант ему высказал!

– Сержант, – еще тише произнес Браски, – я отдал приказ. – И лейтенант обратился к незнакомцу: – Надеюсь, сейчас-то документы у вас при себе?

– По правде говоря, да. – Мужчина полез в карман.

– Ради Бога, увольте! Бумажки предъявите на описи в участке.

Но мужчина плавным, отработанным движением извлек из кармана бумажник и раскрыл его. В глаза Браски ударили золотые с серебряным блики.

– Что за... – не поверил глазам лейтенант.

– Специальный агент Пендергаст, Федеральное бюро расследований.

Судорожно сглотнув, Браски сказал:

– Понимаю.

Бумажник захлопнулся и исчез в кармане шортов агента.

– Что же привлекло внимание федеральной службы? – как можно тщательнее подбирая слова, поинтересовался Браски. – Здесь налицо рядовое убийство.

– Предполагается, что убийца или убийцы подошли к поместью на лодке через пролив. Возможно, из Коннектикута.

– На лодке?

– Или даже самолетом.

– Приличный крюк.

– Только если речь идет о рядовом убийстве.

А и верно. Выходит, Гроув был крупной рыбой. Чем же он занимался: наркотиками, отмыванием денег, терроризмом? Федералы секут все в нашем бешеном мире, без их внимания даже пукнуть нельзя. Дело приняло новый оборот, и Браски использует его с максимальной выгодой.

Сглотнув, лейтенант протянул руку:

– Добро пожаловать в Саутгемптон. Если я или департамент в состоянии хоть как-то помочь, дайте знать. Шеф сейчас в отпуске, так что со всеми вопросами обращайтесь ко мне. К вашим услугам.

Агент пожал руку сухо и сдержанно. Чего и следовало ожидать от человека сухого и сдержанного. И еще, разве федералы бывают такие бледные? Вот на этого посмотреть, так старуха смерть – образец румяности для художников. Осень осенью, а к вечеру для специального агента нужно организовать крем от солнечных ожогов и мартини по первому требованию.

– Теперь, когда все прояснилось, – елейным голосом произнес назвавшийся Пендергастом, – хотелось бы осмотреться. И я бы взглянул на предварительные результаты расследования. Они готовы? – Агент посмотрел на д'Агосту. – Не составите ли компанию, сержант?

– Да, сэр.

Браски вздохнул. Вмешательство ФБР – все равно что инфекция гриппа. Остается лишь набраться терпения и ждать, пока жар, понос и головная боль не пройдут сами собой.

Глава 4

На веранде, выходящей на большой внутренний двор, детективы устроили импровизированный допрос домработницы. Вместе с Пендергастом и Браски Винсент д'Агоста направился прямо туда. Фэбээровец шел так быстро, что Браски и д'Агоста едва поспевали.

Главный инспектор поднялся из-за стола и вышел навстречу. Этого маленького смуглого человека с большими черными глазами в обрамлении длиннющих ресниц д'Агоста прежде не видел. Браски представил их:

– Детектив Тони Инносенте. Агент Пендергаст, ФБР.

Инносенте протянул руку.

Для человека, нашедшего труп, домработница выглядела чересчур безмятежной, если не считать беспокойного блеска в глазах.

Пендергаст наклонился к ней и, протянув руку, представился.

– Агнес Торрес, – ответила женщина.

– Разрешите? – с азартом спросил Пендергаст у Инносенте.

– Пожалуйста, только учтите, идет видеозапись.

– Миссис Торрес…

– Мисс.

– Да-да, конечно. Мисс Торрес, вы верите в Бога?

Детективы во главе с Инносенте переглянулись. Повисла неловкая пауза.

– Верю, – ответила домработница.

– Вы – ортодоксальная католичка?

– Да.

– А в дьявола верите?

Вновь наступила тишина.

– Верю.

– И ваша вера подсказала, как истолковать найденные следы, так?

– Да. – Ответ прозвучал настолько обыденно, что д'Агоста непроизвольно вздрогнул.

– По-вашему, так важно, во что леди верит? – вмешался Браски.

– Мы видим то, во что верим. – Пендергаст смерил лейтенанта холодным взглядом. – Спасибо, мисс Торрес.

Браски повел их к боковому входу, где один из полицейских, кивком приветствовав лейтенанта, открыл дверь. В холле заместитель шефа остановился.

– Сейчас мы выясняем, кому раньше принадлежал дом, – пояснил Браски. – Ворота были заперты, сигнализация по периметру включена. Тут повсюду датчики движения. Их можно отключить с панели, и, возможно, кто-то еще, кроме хозяина и прислуги, знал код. Сигнализация стоит и на дверях, и на окнах. По всему дому вкупе с инфракрасными сенсорами установлены датчики объема. Система

работает превосходно, мы проверяли. Как видите, у мистера Гроува богатая коллекция произведений искусства, однако ничего не пропало.

Д'Агоста заметил, как восхищенно разглядывает Пендергаст одну из картин. Сам он так и не понял, что особенного фэбээровец нашел в гибриде свиньи, пары игральных костей и нагой девицы.

– Этой ночью мистер Гроув принимал гостей. Немного, всего четыре человека.

– Список составили?

– Д'Агоста! Список у Инносенте. Пойдите принесите!

Но Пендергаст остановил д'Агосту, сказав:

– Будет лучше, лейтенант, если сержант останется. Пошлите кого-нибудь другого.

Браски долго и подозрительно смотрел на д'Агосту, затем сделал знак другому копу.

– Прошу, продолжайте, – сказал Пендергаст.

– Гости разъехались; последний, по нашим подсчетам, ушел в половине первого. До половины восьмого Гроув находился в доме один.

– Время смерти установили?

– Еще нет. Патологоанатом как раз наверху. Но мы точно знаем, что в три десять Гроув был еще жив – в это время он звонил отцу Каппи.

– Священнику? – удивился Пендергаст.

– По-моему, это старый друг Гроува. Лет тридцать – сорок назад они поссорились, и больше Гроув с Каппи не общались. Собственно, и сейчас Гроув довольствовался беседой с автоответчиком.

– Предоставьте мне копию сообщения.

– Да, разумеется. На пленке слышно, как Гроув в истерике просит отца Каппи приехать.

– А прихватить с собой Библию, крест и святую воду не просит?

– Так вы уже знаете?!

– Только предполагаю.

– Отец Каппи прибыл в восемь утра – сразу, как только прослушал сообщение. Естественно, он опоздал и смог только соборовать Гроува.

– Вы опросили гостей?

– Есть предварительные показания. Так, мы узнали, во сколько завершилась вечеринка. А еще – что Гроув, похоже, был не в духе, беспрестанно и возбужденно говорил. Некоторые гости утверждают, будто он чего-то боялся.

– Из них кто-то мог остаться или проникнуть в дом, когда ушли остальные?

– Эту версию мы прорабатываем. Мистер Гроув, видите ли, имел извращенные сексуальные наклонности.

– То есть?

– Ему нравились мужчины и женщины.

– При чем же здесь извращения?

– Так я же говорю: мужчины. И женщины.

– То есть он был бисексуалом? Насколько я знаю, подобные склонности проявляют тридцать процентов мужчин.

– Только не в Саутгемптоне.

Д'Агоста изобразил приступ кашля, чтобы скрыть смех.

– Лейтенант, вы отлично поработали. Не покажете мне место преступления?

Браски повел их наверх. Слабый душок сгоревших петард сделался намного сильнее, теперь к нему примешался запах горелого дерева и жареной дичи. Это напомнило д'Агосте, как он однажды пробовал во дворе дома готовить шашлык из медвежатины. Тогда на запах выбежала жена и устроила ему разнос. Пришлось ограничиться заказанной пиццей.

Они поднялись на второй этаж, попетляли по извилистому коридору и вышли к лестнице на чердак.

– Дверь была заперта, – пояснил Браски. – Ее открыла домработница.

По узеньким скрипучим ступенькам они поднялись на третий этаж. Стараясь дышать через нос, д'Агоста шел по длинной анфиладе к последней двери, из которой лился яркий свет.

– Дверь в ту комнату тоже была заперта. Внутри есть окно – его не открывали, – продолжал Браски. – За десять лет там выросла настоящая баррикада из мебели.

Следом за Браски Пендергаст с д'Агостой переступили порог.

Зловоние в маленькой спальне под самой крышей одуряло. Единственное слуховое окошко выходило на Дюн-роуд. Джереми Гроув лежал на кровати в дальнем конце комнаты. Дабы произвести необходимые изыскания, патологоанатом уже разрезал на нем одежду. Сейчас, однако, эксперт стоял чуть поодаль, спиной к вошедшим, и делал записи.

Д'Агоста утер пот со лба. Жар от нагретой крыши и вонь делали пребывание в комнате невозможным.

Пендергаст вертелся у трупа. И так и эдак, он подходил к телу с разных сторон. Д'Агоста нервничал – похоже, ему передались исходящие от фэбээровца мощные флюиды напряжения.

Выпученные глаза мертвеца налились кровью, пальцы были стиснуты в кулаки. Неестественно лоснящаяся кожа как бы отслаивалась. Рот, да и все лицо искривила гримаса столь сильного ужаса и боли, что д'Агоста, не выдержав, отвернулся. За долгие годы работы в Нью-Йорке он составил и хранил в уме небольшую картотеку образов смерти. Сегодня коллекция пополнилась еще одним файлом, который вместе с другими сохранится навсегда.

Патологоанатом собирал инструменты, а двое ассистентов готовились упаковать труп в мешок. Еще один полицейский брал образцы прожженного напольного покрытия.

– Доктор! – позвал Пендергаст.

– Да?

К удивлению д'Агосты, эксперт оказался молодой привлекательной блондинкой, которая просто-напросто спрятала волосы под форменной кепкой.

– ФБР. – Пендергаст предъявил жетон. – Не ответите на несколько вопросов?

Женщина кивнула.

– Время смерти установлено?

– Нет, и даже не знаю, что делать.

– То есть? – приподнял бровь Пендергаст.

– Когда термометр показал сорок два градуса по Цельсию, мы поняли, что оказались там же, где и градусник. А температуру мы замеряли через анус.

– Вот именно это я собирался сказать, – подал голос Браски. – Тело каким-то образом поджарили.

– Именно, – подтвердила доктор. – И по большей части его поджарили изнутри.

– Изнутри? – недоверчиво переспросил Пендергаст.

– Да. Как будто… как будто его прожгли насквозь.

Пендергаст посмотрел на доктора в упор:

– Есть какие-нибудь следы горения на теле? На коже?

– Нет, видимых повреждений мы не нашли. Даже на одежде. Разве что странный ожог на шее, но кожа там почти цела.

На мгновение Пендергаст задумался.

– Как такое может быть? Приступ лихорадки?

– Нет. До того температура была сорок девять градусов – слишком высокая для естественной. При такой температуре плоть частично обваривается. Все признаки, по которым обычно устанавливают время смерти, полностью уничтожены. Кровь затвердела, мышечный белок изменил свойства, а следовательно, нет и трупного окоченения. Жар уничтожил большую часть микрофлоры, так что о разложении говорить не приходится. А когда ферменты не активны, нет и саморазрушения клеток. Могу лишь сказать, что жертва умерла между тремя десятью, когда был предположительно сделан телефонный звонок, и семью тридцатью, когда погибшего обнаружили. Но такое заключение, сами понимаете, имеет мало общего с медициной.

– А это, – Пендергаст указал на грудь Гроува, – как я понимаю, тот самый ожог?

В желтом узоре, похожем на клеймо, безошибочно угадывалась форма распятия.

– По всей видимости, он носил очень дорогой крест. Металл расплавился частично, а дерево сгорело полностью, однако в золе мы нашли алмазы и рубины.

Задумчиво кивнув, Пендергаст поблагодарил доктора и обратился к офицеру, собиравшему частицы с пола:

– Можно?

Офицер подвинулся, позволяя Пендергасту опуститься рядом на колени.

– Сержант!

Д'Агоста направился к нему, и Браски двинулся следом.

– Что вы об этом думаете?

Д'Агоста присмотрелся к выжженным на полу глубоким отметинам. Полированное покрытие потрескалось и расщепилось, но следы больших раздвоенных копыт не узнать было невозможно.

– Думаю, – пробормотал д'Агоста, – убийца не лишен чувства юмора.

– Дорогой Винсент, вы действительно полагаете, что это шутка?

– А вы – нет?

– Я – нет.

Д'Агоста поймал на себе пристальный взгляд Браски. «Дорогой Винсент» явно не прошел незамеченным.

Пендергаст тем временем, совсем как собака, ползал на четвереньках вокруг следов. Наконец из карманов шортов он достал пробирку и пинцет, щипцами подцепил коричневатую крупицу, обнюхал и протянул лейтенанту.

– Что это? – нахмурился Браски.

– Сера, лейтенант. Ветхий Завет может быть ветхим, но про Содом и Гоморру, надеюсь, вы помните?

Глава 5

Ресторанчик «Шантеклер» на шесть столиков приткнулся в одном из закоулков Амагансетта, между Блафф-роуд и главной дорогой. Д'Агоста сидел на узкой деревянной скамеечке и щурился по сторонам. Больше всего это миниатюрное заведение походило на одну из тех восьмиугольных французских тарелочек, за которые люди с непонятной радостью выкладывают бешеные деньги только потому, что посуда французская. Д'Агоста на мгновение зажмурился. После затхлого сумрака на чердаке Гроува желтые ящички с нарциссами и желтые тафтовые занавески на желтых разрисованных окнах и скатерти из желтого шелка – все это казалось нестерпимо жизнерадостным. Взгляд сам собой цеплялся за спасительные островки зеленых и красных пятнышек.

Хозяйка – невысокая румяная женщина средних лет – поспешила к их столику.

– А, мсье Пендергаст! Comment cava?[1]

– Bien, madame[2].

– Вам как обычно, мсье?

– Oui, merci[3].

– А вам, офицер? – обратилась она к д'Агосте.

Д'Агоста покосился на исписанную мелом грифельную доску у входа. Половина меню была ему незнакома, вторая половина не вызывала аппетита. Словно запах немытого тела, д'Агосту преследовал смрад горелой плоти.

– Спасибо, ничего.

– Что-нибудь выпить?

– Пиво «Бад», охлажденное.

– К сожалению, мсье, спиртное мы не подаем. Нет лицензии.

Д'Агоста облизнул губы.

– Тогда чаю со льдом, пожалуйста.

Приняв заказ, хозяйка удалилась, и д'Агоста перевел взгляд на Пендергаста, который успел переодеться в обычный для себя черный костюм. Все еще под впечатлением от неожиданной встречи, д'Агоста заметил, что за пять лет фэбээровец ни капли не изменился. Эх, жизнь, нормальные люди за это время идут в рост по работе, а сам д'Агоста идет только вширь. Останься он в Нью-Йорке, и за десять лет бы так не раздался!

– Как вы нашли это место? – спросил он.

– Почти случайно – я живу в нескольких кварталах отсюда. Вполне возможно, это единственное приличное заведение во всем Гемптоне, свободное от представителей элиты. И я все же надеюсь, вы передумаете и закажете поесть. Рекомендую яйца-пашот. За пределами Парижа никто не готовит голландский соус так хорошо, как мадам Мерле: у него такой нежный, бархатистый вкус с тончайшим оттенком полынной горечи, который не спутаешь ни с чем.

Д'Агоста мотнул головой.

– Вы так и не сказали, зачем приехали.

– Я уже говорил, что снял дом на неделю. Я… как бы это выразиться… Разведываю местность.

– Разведываете? Чего ради?

– Организую нечто вроде курорта для приболевшего друга. Подруги, если быть точным. Вы с ней еще познакомитесь. А теперь ваша очередь. Последняя весточка от вас пришла из Британской Колумбии, где вы писали романы. Должен сказать, «Ангелы чистилища» очень даже читабельны.

– Читабельны?

– Что до полицейского делопроизводства, – помахал рукой Пендергаст, – то здесь я пас. Мои вкусы относительно остросюжетной прозы не заходят дальше Джеймса[4].

Д'Агоста уже хотел поправить друга, спросив, не имел ли тот в виду Ф.Д. Джеймс[5], но «разговорами о литературе» за последние годы он уже пресытился – и предпочел промолчать.

Принесли напитки. Д'Агоста сделал большой глоток. Чай оказался несладким, и он открыл пакетик с сахаром.

– Да что рассказывать? Писательством прокормиться не удалось, вот и двинул домой. Там нынешний мэр как раз сокращает штат полиции, на прежнее место устроиться я не смог. Думал, все, умру с голоду, а тут подвернулась вакансия в Саутгемптоне. И я решился.

– Полагаю, вы еще неплохо устроились.

– И зря полагаете. Побегайте-ка за собачниками, чьи питомцы все лето помечают пляж дымящимися кучками. А приезжие... Лонг-Айленд – курорт, кого здесь только не встретишь. Выписываешь квитанцию за превышение скорости и потом узнаешь, что в участок по твою душу с повесткой в суд явится король адвокатов и киноактер Мелвин Белли. Знали бы вы, сколько стоят эти разборки!

Пендергаст сделал глоток чего-то похожего на чай.

– А как работается с лейтенантом Браски?

– Он настоящий говнюк, увязший в политике. Метит на должность шефа.

– А впечатление производит неплохое, вроде бы компетентный.

– Ну тогда он настоящий компетентный говнюк.

От пристального взгляда Пендергаста стало не по себе. Д'Агоста совсем забыл, каково это, когда глубокие серые глаза фэбээровца проникают в самую сердцевину твоей души.

– Вы кое-что упустили, – сказал Пендергаст. – Я помню, у вас были жена и сын – Винсент-младший, надо полагать.

– Сын и теперь есть, – кивнул д'Агоста. – Остался в Канаде с моей женой. По крайней мере с женой по бумагам.

Пендергаст молчал, и д'Агоста, тяжело вздохнув, продолжил:

– Мы с Лидией стали все больше отдаляться друг от друга. Знаете, как это бывает, когда работаешь в полиции, по многу часов. Начать хотя бы с того, что она не хотела переезжать в Канаду, особенно в такую даль, в Инвермер. А уж когда я стал работать дома целыми днями, пытался писать… Мягко говоря, мы действовали друг другу на нервы. – Пожав плечами, он покачал головой. – Жить там ей понравилось, а мое возвращение в Нью-Йорк стало последней каплей.

Вернулась мадам Мерле и принесла заказ Пендергаста. Д'Агоста решил, что пора сменить тему.

– Ну а вы? – спросил он почти что враждебно. – Чем занимались? Прилипли небось к своему Нью-Йорку?

– Вообще-то я недавно вернулся со Среднего Запада. Из Канзаса. Разбирался там кое с чем. Дельце так себе, небольшое, хотя и со своими… э-э… особенностями.

– А Гроув?

– Вы же знаете, Винсент, я питаю страсть к необычным убийствам. Кто-то скажет, эта страсть нездоровая, но в поисках дел я забредал в места подальше Лонг-Айленда. Дурное хобби, от которого трудно избавиться.

Пендергаст проткнул яйцо ножом, и на тарелку вытек омерзительно яркий желток.

– Так вы здесь официально?

– Вполне. – Фэбээровец похлопал по карману, где лежал сотовый.

– И как же вы оправдываете свое присутствие? В смысле, как федерал: наркотики, терроризм?

– Именно так, как я сказал лейтенанту: вероятностью того, что убийцы прибыли на самолете из другого штата. Притянуто за уши, но для прикрытия хватит. – Пендергаст наклонился к д'Агосте через стол и, слегка понизив голос, добавил: – Винсент, мне нужна ваша помощь.

Д'Агосте показалось, что Пендергаст шутит.

– Когда-то мы были хорошей командой.

– Но я… – замялся д'Агоста и закончил чуть резче, чем хотелось бы: – Вам не нужна моя помощь.

– Так же как и вам – моя. – Снова этот проклятый взгляд серых глаз.

– То есть?! Не надо мне помогать, у меня все прекрасно.

– Простите за вольность, Винсент, но ничего у вас не прекрасно.

– Да какого черта вам от меня нужно?!

– Вы зарываете свой талант. И вдобавок даете понять это окружающим. Лейтенант Браски в чем-то хорош и даже неглуп, однако не вам ходить под его началом. Когда-нибудь он станет шефом, и все только усложнится.

– Значит, вы здесь, чтобы спасти меня?

– Нет, Винсент. Вас спасет это дело – спасет от себя самого.

Д'Агоста встал.

– Я никому не позволю пудрить себе мозги, даже вам.

Он вытащил из бумажника мятую пятерку и, гордо бросив купюру на стол, направился к выходу.

* * *

Спустя десять минут д'Агоста нашел Пендергаста сидящим на прежнем месте. Мятая пятерка все так же лежала на столе. Покраснев, д'Агоста сел и заказал себе еще чаю.

Пендергаст как раз заканчивал еду. Как ни в чем не бывало он кивнул другу и достал из кармана пиджака лист бумаги.

– Вот список гостей Джереми Гроува. – Пендергаст положил лист на стол. – Здесь даже имя и телефон священника, которому он звонил. С него и начнем. В общем, имен в списке мало, зато каждое из них заслуживает отдельного внимания. – Пендергаст подвинул листок д'Агосте.

Кивнув, д'Агоста пробежал глазами по списку. Впечатление от увиденного в поместье постепенно притупилось, и он ощутил почти забытое предвкушение работы – работы над хорошим делом.

– И чем же сержант департамента полиции Саутгемптона может помочь ФБР?

– Я поговорю с лейтенантом Браски, и вас назначат местным представителем Бюро.

– Да Браски на дыбы встанет!

– Напротив, лейтенант будет только рад от вас избавиться. К тому же на дыбы встают вольные звери, а Браски – зверь политический. Сделает, как прикажут.

Д'Агоста кивнул.

– Почти два, – посмотрел на часы Пендергаст. – Собирайтесь, Винсент, нам предстоит долгий путь. Священники обедают рано, но если поспешим, как раз попадем на прием к отцу Каппи.

Глава 6

Усевшись в «роллс-ройс» Пендергаста, д'Агоста почувствовал себя капитаном Ахавом в желудке у кита Моби Дика. «Силвер-рейт» пятьдесят девятого года, белый кожаный салон, да еще, наверное, личный шофер. Это вам не «бьюик» из запасника ФБР, на котором напарник д'Агосты выезжал расследовать убийства в музее[6]. Что ж, некоторым везет на богатых родственников, не скупящихся оставить тебе в наследство миллиардик-другой.

Машина катила вверх по шоссе № 9. Вокруг простиралась долина Гудзона, и д'Агоста радовался пышной растительности – так устали его глаза от песчаных дюн и чахлого кустарника Саутгемптона. Осень еще не набрала полную силу, но деревья на отлогих холмах уже вовсю наряжались в ее цвета. Вдалеке на обочине то и дело мелькали старые особняки: монастырские владения, приюты, частная собственность – с видом на реку или полускрытые лесом.

К одному из таких домов и свернул «роллс-ройс». Сбросив скорость, машина въехала на мощенную булыжником подъездную дорожку и бесшумно остановилась у портика из красного кирпича. Особняк во фламандском стиле знавал лучшие дни; табличка на фасаде сообщала, что построенный в 1874 году дом значится в Национальном регистре исторических памятников. Зато новые хозяева озаботились колокольней и ухоженной лужайкой, ровным ковром спускавшейся к самой реке Гудзон.

На стук в дверь вышел монах в коричневой сутане, перепоясанной шелковой веревкой. Молча, не снимая капюшона, он провел гостей внутрь, где Пендергаст с поклоном представил служителю веры визитную карточку. Монах кивнул и поманил за собой.

Вдыхая аромат веков и мастики, д'Агоста вместе с агентом следовал за монахом изгибами коридора. На ходу он подметил, что внутреннее убранство не лишено вкуса. В конце пути их ждала по-спартански обставленная комната: два ряда тяжелых деревянных стульев вдоль противоположных стен да одинокое распятие, что висело на голой

выбеленной поверхности. Свет проникал сюда косым столбиком через единственное окно у открытых потолочных балок.

Монах с поклоном удалился, и почти сразу же вошел его двойник. Однако стоило ему сбросить капюшон, удивленный д'Агоста увидел, что этот священник крупнее – ростом выше шести футов, широкоплечий, с квадратной челюстью. Черные глаза человека лучились энергией.

Снаружи донесся приглушенный перезвон колоколов, и д'Агоста невольно вздрогнул.

– Я отец Бернард Каппи, – представился священник. – Добро пожаловать в монастырь. Эту комнату мы называем Палатой дискуссий, здесь по выходным собираются братья и изливают друг другу все, что накапливается за неделю. У нас в монастыре хранят обет молчания, так что накопиться успевает многое.

Одернув полы сутаны, отец Каппи сел.

Пендергаст последовал его примеру, затем представил д'Агосту:

– Мой напарник, сержант д'Агоста. Он тоже будет задавать вопросы.

– Рад знакомству. – Священник сдавил руку д'Агосте в пожатии.

«Да уж, не агнец Божий», – подумал д'Агоста. Он поерзал на стуле: сидеть было жестко, к тому же холодный воздух в комнате отдавал сыростью, хоть на улице и светило теплое солнце. Д'Агоста признался себе, что кого-кого, а хорошего монаха из него бы не вышло.

– Искренне прошу простить за вторжение, – сказал Пендергаст.

– Ничего страшного. Я лишь надеюсь, что смогу помочь. Такая трагедия...

– Мы постараемся вас не задерживать. Для начала расскажите о звонке.

– Как я уже говорил полиции, Гроув звонил мне домой в три десять утра – автоответчик зафиксировал время. Я проверяю сообщения по утрам, хоть это и нарушение правил. У меня, знаете ли, престарелая мать... Как только я прослушал запись, сразу же отправился на Лонг-Айленд. И разумеется, опоздал.

– Почему Гроув звонил вам?

– Это сложный вопрос, и ответ потребует времени.

Пендергаст кивнул в знак того, что готов слушать.

– Мы с Джереми Гроувом знакомы давно, встретились еще в бытность студентами, в Колумбии. Я пошел учиться на священника, а он уехал во

Флоренцию изучать искусство. В то время мы оба… Что ж, я не сказал бы, что мы были религиозны в обычном смысле, но мы увлекались всем, что касается духовности. Случалось, ночи напролет спорили о вопросах благочестия, основ знания, природы добра и зла и тому подобном. Потом я продолжил изучать теологию в семинарии Маунт-Сент-Мэрис, но дружбы с Гроувом не прерывал и через несколько лет отслужил венчание на его свадьбе.

– Понимаю, – пробормотал Пендергаст.

– Гроув жил во Флоренции. Несколько раз я навещал его на прекрасной вилле – на холмах к югу от города.

– А где он брал деньги? – прочистив горло, спросил д'Агоста.

– С этим связана интересная история, сержант. Гроув купил на аукционе Сотбис картину, заявленную как работа одного из последних учеников Рафаэля. Он лично сумел подтвердить подлинность и в итоге продал картину музею Гетти за тридцать миллионов долларов.

– Мило.

– Вы правы. Как бы там ни было, живя во Флоренции, Гроув приобщился к религии. В интеллектуальном плане, как поступают некоторые. Понимаете, мистер Пендергаст, есть такое определение: «католик-интеллектуал», вот оно в полной мере относилось к Гроуву – он обожал дискутировать.

Пендергаст кивнул.

– Брак Гроува удался. Он боготворил жену. Однако потом, довольно неожиданно, она сбежала с другим мужчиной. Сказать, что это стало несчастьем, значит, не сказать ничего. Гроув был убит горем, и свой гнев он сосредоточил на Боге.

– Ясно, – ответил Пендергаст.

– Гроув посчитал, что Бог его предал. Он стал… не атеистом и не агностиком, нет. Нельзя сказать, что он отрекся от Бога. Скорее, он вступил с Господом в противоборство. Гроув намеренно избрал путь греха и жестокости, обращенный против Всевышнего. Но жестокость эта на деле оказалась направлена против собственной духовной сущности. Гроув стал критиком-искусствоведом, а критика – такая профессия, что позволяет вести порочный образ жизни, выходя за рамки общественных норм. В обычной жизни вы не скажете художнику, что его картина – отвратительный мусор. Критик же, напротив, так и поступит. Для него подобное отношение к миру и есть соблюдение норм высокой морали. Нет более постыдной профессии, чем критик. Разве что врач, осуществляющий смертную казнь.

– Тут вы правы, – с чувством заявил д'Агоста. – Кто не может творить сам – учит, а кто не может учить – критикует.

– Святая правда, сержант д'Агоста! – рассмеялся отец Каппи.

– Сержант д'Агоста пишет триллеры, – пояснил Пендергаст.

– Неужели?! Обожаю детективные романы. А что же вы написали?

– Последняя вещь – «Ангелы чистилища».

– Всенепременно куплю эту книгу.

Д'Агоста невнятно поблагодарил священника. Уже второй раз за день он был готов провалиться со стыда. Надо бы поговорить с Пендергастом, чтобы тот не трубил направо и налево о его неудачной карьере писателя.

– Достаточно сказать, – продолжил священник, – что из Гроува получился выдающийся критик. Он окружил себя самыми низкими, эгоистичными и жестокими людьми, которых только знал, и посвятил себя излишествам – алкоголю, чревоугодию, сексу, деньгам и сплетням. Гроув устраивал званые обеды, подобно римскому императору, часто выступал на телевидении, нападая на разных художников, причем весьма утонченным образом. Его статьи в нью-йоркском «Книжном обозрении» шли на ура. Ничего удивительного, что Гроув добился огромного успеха.

– А как вы к этому отнеслись?

– Гроув не мог простить мне то, чему я служу. Наша дружба попросту распалась.

– Когда это случилось? – спросил д'Агоста.

– В тысяча девятьсот семьдесят четвертом году от него ушла жена, и немногим позже произошел разрыв между нами. С тех пор и до сегодняшнего утра он ко мне не обращался. Вот так.

– А что же с сообщением?

Священник достал из кармана диктофон.

– Перед тем как отдать кассету полиции, я сделал копию. Он нажал на кнопку воспроизведения.

– Бернард? Бернард! – Высокий голос звенел от напряжения. – Это Джереми Гроув. Ты там? Ради Бога, возьми трубку! Послушай, Бернард, ты нужен мне. Ты должен приехать. Саутгемптон, семнадцать, Дюн-роуд. Приезжай немедленно. Это… это ужасно. Захвати крест, Библию и святую воду. Бог мой, Бернард, он пришел за мной, слышишь?! Он пришел за мной! Я должен исповедаться, мне нужно

прощение, отпусти мне грехи… Ради любви к Господу, Бернард, возьми трубку…

Резкий голос эхом отзывался от выбеленных стен пустой комнаты… Тут истекло время, отпущенное программой автоответчика, и речь прервалась. Д'Агоста вздрогнул от ужаса.

– Что ж, – произнес Пендергаст, – было бы любопытно услышать ваше мнение по этому поводу, отче.

– Думаю, – помрачнев, сказал Каппи, – Гроув ощущал на себе проклятие.

– Проклятие? Или присутствие дьявола?

– Какова бы ни была причина, – Каппи поерзал на стуле, – Джереми Гроув знал о неизбежном конце и перед смертью хотел получить прощение. Для него это было куда важнее, чем помощь полиции. Гроув, видите ли, не переставал верить.

– Вы в курсе, какие следы найдены на месте преступления? Выжженные отпечатки копыт, частицы серы, необычно высокая температура тела?

– Да, мне рассказали.

– Можете это объяснить?

– Дело рук смертного. Убийца лишь хотел показать, что за человек был Гроув. Отсюда и следы копыт, и сера, и прочее. – Диктофон исчез в складках сутаны отца Каппи. – Во зле нет ничего мистического, мистер Пендергаст. Оно повсюду, оно нас окружает, я вижу его каждый день. И почему-то я сомневаюсь, что дьявол, какую бы форму он ни принял, стал бы привлекать к себе внимание.

Глава 7

Сумерки сгущались над верхней частью Риверсайд-драйв. Вот последний луч солнца коснулся на прощание багряного неба, и от фонаря к фонарю заметалась тень одинокого пешехода. Городские власти не забывали об этом районе и постепенно облагораживали его, но мало кто решился бы выйти на улицу с наступлением ночи. Однако в прохожем было нечто такое, что заставляло ночных хищников держаться на расстоянии. Худой как скелет, с буйной и неестественно густой седой шевелюрой, человек, известный просто как Рен, шел вверх по главной дороге. Мягко, почти крадучись, он огибал завалы мусора, постепенно удаляясь вправо от чернеющих над рекой Гудзон силуэтов Манхэттена.

Рен шел к серым громадинам некогда роскошных особняков. Вот он остановился перед оградой вычурного четырехэтажного дома. Время

усыпало шипы изгороди хлопьями ржавчины, обкрошило черепицу на крыше, надежно забрало окна листами жести и лишило портик половины металлических столбиков. Не задумываясь Рен скользнул во двор и двинулся мимо разросшихся сорняков и древних кустов айланта. Мощенная булыжником подъездная дорожка вывела его к крыльцу. Граффити и кучи мусора, которым скульптор-ветер годами придавал гротескные формы, не смутили Рена. Он постучал в массивную дубовую дверь.

Необъятное чрево дома поглотило эхо от стука, и только через минуту послышался скрежет замка. На пороге появился Пендергаст. Желтый свет из коридора бил ему в спину, отчего хозяин казался еще бледнее обычного. Не говоря ни слова, Пендергаст впустил Рена и запер дверь.

Из выложенной мрамором прихожей Пендергаст повел Рена по длинному коридору, где гость остановился как вкопанный. В приглушенном свете новых медных светильников дом блестел лаком светло-коричневых панелей, а стены покрывали обои в викторианском стиле. В стенных нишах и на мраморных постаментах красовались образцы роскошной коллекции: кусочки метеоритов, драгоценные камни, редкие бабочки, окаменелые останки давно вымерших тварей. Рен знал, это лишь жалкие крохи, частицы кунсткамеры, не имевшей себе равных. Восстановленная, она засияла как никогда, однако ей суждено было навсегда остаться скрытой от мира в глубине этого дома.

– Мне нравится то, что вы сделали, – сказал Рен, поводя вокруг рукой.

В прошлый раз Пендергаст был в отъезде, в Канзасе, а Рен составлял опись дома, и тогда интерьер смотрелся не лучше фасада. Особняк перерыли, перевернули вверх дном, и только Рен да еще трое – нет, с фэбээровцем четверо – знали, чем завершились поиски и что они значили[7].

Пендергаст отвесил легкий поклон.

– Просто удивительно, как вы успели все провернуть за каких-то два месяца.

– Мастера-каджуны[8], – Пендергаст повел Рена дальше по коридору, – и плотники с юга Луизианы, как всегда, оказались незаменимы. Они долгое время служили моей семье. Не отказали в помощи и на этот раз, хоть и не одобрили, скажем так, выбор места.

– Не могу с ними не согласиться, – едва слышно хихикнул Рен. – Странно, что вы поселились здесь. Бросаете такое замечательное место в Дакоте, чтобы... – Он прервался на полуслове, и глаза его широко раскрылись. Рен понял. – Вы здесь, чтобы...

– Да, Рен, – кивнул Пендергаст. – Я здесь именно за этим. За этим – и кое чем еще.

В зале приемов, куда они прошли, сводчатый потолок отливал дымчатой синевой, а вдоль стен поблескивали матовым стеклом шкафы с артефактами. Проходя мимо установленных в рамки миниатюрных скелетов динозавров и чучел животных, Рен подергал фэбээровца за рукав.

– А как она?

– В порядке. – Пендергаст остановился. – Физически. Эмоционально – как мы и ожидали. Ей предстоит многое наверстать.

Рен кивнул, доставая из кармана DVD-диск.

– Вот. Полная инвентаризация коллекций этого дома: каталогизировано и пронумеровано. Все в лучшем виде. В меру моих скромных способностей.

Пендергаст кивнул.

– До сих пор не могу поверить, – добавил Рен, – что под крышей этого дома собрана богатейшая в мире кунсткамера.

– Тем не менее это так. Надеюсь, те экземпляры, что я выделил, послужили достойной оплатой за твою службу?

– О да, – прошептал Рен. – Да-да, их определенно хватило.

– Помню, ты так увлекся реставрацией индийского гроссбуха, что я стал опасаться, как бы законный владелец чего-нибудь не заподозрил.

– Искусство не терпит спешки, – фыркнул Рен. – Книга была прекрасна. Понимаете, тут все дело… во времени. Оно, как сказал Вергилий, уносит все. И прямо сейчас время уносит мои книги – мои прекрасные книги – быстрее, чем я успеваю приводить их в порядок.

Рен заботился о легионах ветхих книг и делил с ними свое обиталище – седьмой, самый глубокий подвал нью-йоркской публичной библиотеки. Стеллажи с неучтенными экземплярами выстроились там стенами лабиринта, ориентироваться в котором мог только Рен.

– Согласен, – сказал Пендергаст. – Тогда тебе наверняка отрадно будет узнать, что твоя работа здесь окончена.

– Я бы охотно инвентаризировал библиотеку. Впрочем, – горько рассмеялся Рен, – все это, похоже, хранится в голове у нашей знакомой.

– Ее знания о доме поразительны, и я уже нашел им кое-какое применение.

Рен испытующе посмотрел на собеседника.

– Я хочу, чтобы она нашла в библиотеке все, что касается сатаны.

– Сатаны? Это обширная тема, hypocrite lecteur[9].

– Так получилось, что меня интересует только один аспект: смерть человека от руки дьявола.

– То есть когда человек продает душу? В уплату за услуги?

Пендергаст кивнул.

– Тоже весьма обширная тема.

– Мне не нужна беллетристика, Рен. Меня интересуют лишь документальные источники. Желательно написанные от первого лица или же очевидцами.

– Вы слишком долго находитесь в этом доме.

– И не зря. К тому же ты сам сказал: наша знакомая превосходно владеет содержанием библиотеки.

– Понимаю.

Блуждающий взгляд Рена коснулся дверей в дальней стене зала. Пендергаст заметил это и произнес:

– Хочешь с ней увидеться?

– Спрашиваете! Вы забыли, что я для нее сделал? После того, что случилось здесь летом, я почти ее крестный.

– Я ничего не забываю и буду обязан тебе до конца жизни.

Не говоря больше ни слова, Пендергаст направился к дверям и открыл их. Рен заглянул внутрь, и его желтые глаза загорелись. У дальней стены до самого потолка возвышались полки с книгами, и отсветы пламени из камина взбегали по корешкам роскошных кожаных переплетов. У самого же камина в «крылатом» кресле сидела девушка в окружении еще десятка стульев и диванчиков, расставленных на персидском ковре. Положив на колени массивный фолиант, она листала страницы с гравюрами Пиранези. Новая страница перевернулась, и пламя ярко озарило темные волосы и глаза девушки, обозначило контуры стройной фигуры, которые не скрыл даже длинный передник поверх белого платья.

Рядом на столике жаркие отблески плясали на чайном сервизе на двоих.

Пендергаст тихо кашлянул, и девушка подняла на него глаза. Увидев Рена, она испугалась, но затем, узнав его, отложила книгу и встала.

– Как поживаешь, Констанс? – мягко проговорил Рен своим хриплым голосом.

– Замечательно, мистер Рен, спасибо. – Констанс присела в небольшом реверансе. – А вы?

– Занят, очень занят. Книги отнимают все мое время.

– Никогда бы не подумала, что можно говорить с такой неохотой о столь благородном занятии, – сказала Констанс. На ее губах промелькнула тень улыбки, и Рен не успел понять, что это – насмешка или же снисхождение?

– Нет-нет, как можно?! – Рен попытался взять себя в руки. Все же быстро он забыл об этом мудром голосе и старомодных, изящных оборотах речи. Забыл, как светятся глубиной времени глаза на молодом прекрасном лице. – Как же ты проводишь время, Констанс?

– Довольно обыденно. По утрам Алоиз наставляет меня в латыни и греческом, а днем я предоставлена самой себе: по большей части изучаю коллекции, исправляю неточности в ярлыках, если таковые встречаются.

Рен метнул быстрый взгляд на Пендергаста.

– Затем у нас поздний чай, и Алоиз читает для меня газеты. После обеда он заставляет меня играть на скрипке, заверяя, что ему нравится моя игра.

– Констанс, в мире нет человека честнее доктора Пендергаста.

– Я бы сказала, в мире нет человека тактичнее.

– Как бы то ни было, я надеюсь, однажды ты сыграешь и для меня.

– С превеликим удовольствием. – Констанс вновь присела в реверансе.

Рен кивнул и уже было направился к выходу, но тут девушка его окликнула. Обернувшись, Рен удивленно приподнял густые брови.

– Еще раз спасибо, мистер Рен, – сказала Констанс. – За все.

Рен шел по коридору к выходу в сопровождении Пендергаста и гулкого эхо.

– Вы читаете Констанс газеты?!

– Само собой, тщательно подбираю статьи. На мой взгляд, это лучшая форма социальной… социальной декомпрессии, скажем так. Мы уже дошли до тысяча девятьсот шестидесятых годов.

– А ее ночные… э-э… вылазки?

– Под моей опекой ей нет нужды добывать пропитание. Я подобрал место для укрепляющих прогулок – от сестры бабушки мне досталось имение на реке Гудзон. Оно все равно пустует. Если все пойдет гладко, Констанс скоро вновь увидит солнечный свет.

– Солнечный свет... – медленно повторил Рен, словно пробуя слова на вкус. – Диву даешься, как она продержалась все время там, в тоннеле у выхода к реке – после того, что случилось. И почему только Констанс открылась мне?!

– Должно быть, ты подкупил ее тем, как заботился о коллекциях. Или она дошла до точки, когда пришлось забыть осторожность и выйти к людям.

– Вы уверены, – покачал головой Рен, – точно уверены, что ей всего девятнадцать лет?

– Физически – да, но я бы не стал ограничиваться возрастом тела.

У входной двери Рен подождал, пока Пендергаст отопрет ее.

– Спасибо, Рен, – сказал фэбээровец.

В открытую дверь ворвался ночной воздух, принося с собой далекие звуки уличного движения.

Переступив через порог, Рен обернулся:

– Вы уже решили, как поступите с ней?

Некоторое время Пендергаст молчал, затем просто кивнул.

Глава 8

Перенесенный по кусочкам из палаццо Дати и кропотливо воссозданный салон эпохи позднего Ренессанса стал одним из самых примечательных мест музея искусств «Метрополитен». Сегодня этот внушительный, но в то же время скромный и строгий выставочный зал выбрали, чтобы провести поминки по Джереми Гроуву.

Сопровождая Пендергаста, д'Агоста при полной форме и знаках отличия не знал, куда себя деть. Добро бы гости сразу принимали его за недостойного внимания телохранителя, так ведь прежде каждый считал своим долгом обернуться и ощупать полицейского взглядом, словно какой-нибудь диковинный экспонат.

Он прошел за Пендергастом в зал и поразился, как стол не треснул под тяжестью угощений. Рядом стоял такой же – с вином и крепкими напитками, которых хватило бы свалить стадо носорогов. Гроув только два дня как помер, и если это и поминки, то скорее уж ирландские. В

Нью-Йорке д'Агоста работал с копами-ирландцами и бывал на таких – повезло, он выжил[10].

Устроители задумали шведский стол, так что гости не сидели с набожным видом, а всей ордой кочевали по залу. Рядом с накрытой ковром сценой, где дожидался своего часа маленький подиум, развернули оборудование телевизионщики. Из дальнего угла сквозь шум толпы еле-еле пробивались звуки клавесина. Если в зале кто-то и ронял слезу по Джереми Гроуву, этот кто-то хорошо спрятался.

– Винсент, – наклонился к д'Агосте Пендергаст, – самое время делать запасы съестного. С подобной толпой еды надолго не хватит.

– Съестного? Вы о продуктах на том столе? Нет уж, спасибо.

Знакомство с литературной тусовкой научило д'Агосту, что богемные вечеринки сервируются исключительно икрой или сыром. При запахе этих деликатесов его всегда тянуло проверить подошвы ботинок и оглянуться, не привел ли кто собаку.

– Ну, вливаемся? – И Пендергаст с грацией сильфиды заскользил сквозь толпу.

На сцену выбрался высокий человек в безупречном костюме: волосы тщательно зализаны назад, лицо сияет от наведенного гримерами лоска. Толпа умолкла еще прежде, чем он подошел к микрофону.

– Сэр Жервес де Ваше, директор музея. – Пендергаст взял д'Агосту под локоть.

Элегантно, с подчеркнутым достоинством, директор снял микрофон со стойки.

– Приветствую всех вас, – видимо, не сочтя нужным представляться, сказал он. – Мы здесь, чтобы почтить память нашего друга и коллеги Джереми Гроува. Почтить, однако, не кислыми минами и траурными речами, а едой и выпивкой, под музыку и с весельем.

В момент, когда речь началась, Пендергаст замер, его взгляд безостановочно рыскал по залу.

– Впервые я встретил Джереми Гроува лет двадцать назад, когда он писал обзор нашей выставки работ Моне. То была классическая статья в стиле Гроува, если можно так выразиться.

Что значит «стиль Гроува», знали все, и рябь смеха тронула гладь тишины.

– Джереми Гроув, помимо всего прочего, всегда говорил правду – такой, какой ее видел, решительно и со вкусом. Многие званые обеды остались

бы серыми, если бы не его острый, как рапира, ум и непочтительные реплики…

Отключившись от происходящего, д'Агоста наблюдал за Пендергастом. Фэбээровец в деле – зрелище потрясающее. Наметив цель, он двинулся к ней с плавностью акулы, почуявшей кровь. У стола с выпивкой угощался молодой человек с аккуратной козлиной бородкой и невероятно большими и ясными голубыми глазами. Хрустальный кокон бокала пауком сжимали пальцы – еще длиннее и тоньше, чем у Пендергаста.

– Морис Вильнюс, художник-абстракционист, – пробормотал фэбээровец. – Один из тех, кто пользовался особым вниманием Гроува.

– Что значит «особым вниманием»?

– Несколько лет назад Гроув написал критическую статью на его работы. Вот самая яркая фраза: «Своей заурядностью его картины вызывают благоговейный трепет. Нужен особый талант, чтобы творить посредственность на таком уровне, и Вильнюс обладает этим талантом в избытке».

– Убить за такое не грех, – проглотил смешок д'Агоста.

Поспешно сделав серьезную мину, он с Пендергастом направился к Вильнюсу, который как раз обернулся.

– А, Морис! Как поживаете? – спросил Пендергаст.

Угольно-черные брови художника приподнялись, и д'Агоста, хлебнувший в свое время критики, ожидал взрыва гнева или хотя бы негодования. Однако лицо Вильнюса озарилось широкой улыбкой.

– Мы знакомы?

– Мельком – на открытии вашей выставки в прошлом году. Моя фамилия Пендергаст. Я подумываю купить кое-что из ваших чудесных работ для апартаментов в Дакоте.

– Польщен, – еще шире улыбнулся Вильнюс. – Приходите в любое время, – добавил он с русским акцентом. – Пожалуй, сегодня. Вы станете моим пятым покупателем на этой неделе.

– Неужели? – стараясь не выдать удивления, произнес Пендергаст, в то время как на заднем плане директор бубнил: «…Человек мужественный и решительный, он не ушел покорно в мрак ночной…»[11] – Морис, – продолжил Пендергаст. – Я бы хотел поговорить о Гроуве, о его последней…

Внезапно в разговор вмешалась женщина средних лет, похожая на труп, задрапированный в бархат и блестки. Словно на буксире, она тащила за собой высокого мужчину в смокинге, сверкавшего жемчужно-гладкой лысиной.

– Морис, – она потянула Вильнюса за рукав, – я просто обязана поздравить тебя лично. Великолепная вышла статья о твоих работах. Жаль, Гроув с ней запоздал.

– Вы уже читали? – обернувшись, спросил Вильнюс.

– Только сегодня, после полудня, – ответил высокий господин. – Мне в галерею прислали по факсу корректурный вариант.

– ...прозвучит одна из любимых Джереми сонат Гайдна... – Слова директора уходили в пустоту – гости не слушали.

Вильнюс на мгновение обернулся к Пендергасту.

– Было приятно вновь повидаться, мистер Пендергаст, – сказал он, вынимая из кармана визитную карточку. – Вот, заходите ко мне в студию когда пожелаете. – Удаляясь в сопровождении древней леди с эскортом, он произнес: – Поражаюсь, как быстро разносятся вести – статья выходит лишь завтрашним утром.

– Любопытно, – прошептал Пендергаст, глядя им вслед.

Де Ваше тем временем завершил речь. Публика словно того и ждала – все кинулись к еде и напиткам. Надрывался клавесин, но бряцанье столовых приборов, перезвон хрусталя и светские пересуды поглотили все прочие звуки.

Пендергаст стрелой понесся сквозь толпу. На этот раз целью стал спускавшийся со сцены директор «Метрополитена».

Заметив Пендергаста с д'Агостой, де Ваше остановился.

– Пендергаст!.. Только не говорите, что дело поручили вам.

Пендергаст кивнул, и француз поджал губы.

– Официально? – спросил он. – Или вы здесь как друг?

– Разве у Гроува были друзья?

– И то верно, – усмехнулся де Ваше. – Джереми был чужд дружбе, держался от нее на расстоянии. Помню, на одном званом ужине он попросил сидящего напротив не клацать за едой передними зубами, словно крыса. Джереми не заботило, что пожилой господин – совершенно безобидный, он видел только вставную челюсть, которая клацала. Потом кто-то капнул ему на галстук соусом, и Джереми

поинтересовался у обидчика, не ученик ли тот экспрессиониста Джексона Поллока. – Сэр Жервес усмехнулся. – И это только на одном ужине. Может ли человек, для которого подобная манера общения – норма, иметь друзей?

Тут сэра Жервеса окликнула группа обвешанных драгоценностями матрон, и де Ваше, извинившись перед Пендергастом и кивнув д'Агосте, отошел. Взгляд Пендергаста вновь принялся блуждать по залу и наконец остановились на группе людей возле клавесина.

– Voila, – сказал Пендергаст. – Основная жила.

– Кто?

– Те трое. Только что мы видели Вильнюса – он первый, а они – последние в списке гостей с вечеринки у Джереми Гроува. Из-за них мы сюда и пришли.

Взгляд д'Агосты зацепился за непримечательного мужчину в сером костюме. Рядом же стояла похожая на призрак пожилая дама. Ее лицо, несмотря на грим и румяна, ясно говорило, что даже коллагеновые инъекции в конце концов пасуют перед страшной цифрой «шестьдесят». Разодетая в пух и прах, дама похвалялась маникюром, завивкой, но главное – ожерельем из необычайно крупных изумрудов. Д'Агоста даже подумал, не сломается ли под такой тяжестью хрупкая шея.

Однако больше всех выделялся мужчина по другую руку от женщины: невероятно толстый, в роскошном сизом костюме, дополненном шелковой жилеткой, белыми перчатками и золотой цепью.

– Женщина, – пробормотал Пендергаст, – это леди Милбэнк, вдова седьмого барона Милбэнка. Поговаривают, яд ее сплетен по крепости не уступает абсенту, который она обожает, равно как спиритические сеансы и воскрешение мертвых.

– Ее саму не мешало бы воскресить.

– Как же я соскучился по вашему сарказму, Винсент. А вон тот крупный господин – это, несомненно, граф Фоско. Много слышал о нем, но вижу впервые.

– Он весит, наверное, фунтов триста.

– И все же обратите внимание, как легко держится. Ну а высокий человек в сером костюме – Джонатан Фредрик, критик-искусствовед из «Арт-энд-антиквитис».

Д'Агоста кивнул.

– Рискнем заглянуть в пещеру льва?

– Стихия ваша – рулите.

Пендергаст широким шагом подошел к троице, ловко и бесцеремонно подхватил ручку леди Милбэнк и поднес ее к губам. Лицо старой женщины вспыхнуло под слоем грима.

– Разве мы имели удовольствие быть…

– Нет, – сказал Пендергаст. – И тем прискорбнее. Меня зовут Пендергаст.

– Пендергаст… А кто же ваш друг? Телохранитель? – Вся троица усмехнулась.

Рассмеялся и Пендергаст.

– В некотором роде.

– Если он подхалтуривает, – сказал Фредрик, – ему лучше было прийти в штатском. Все же поминки…

И не думая поправлять Фредрика, Пендергаст лишь грустно покачал головой:

– Ужасно жаль Гроува.

Троица закивала.

– Ходят слухи, будто в ночь смерти он давал прием.

Наступила внезапная тишина.

– Мистер Пендергаст, – съязвила наконец леди Милбэнк, – ваша прозорливость не знает границ. Видите ли, мы все были на той вечеринке.

– Замечательно. Говорят также, убийцей мог быть кто-то из гостей.

– Вы рассуждаете прямо как Эркюль Пуаро! – возбужденно воскликнула леди Милбэнк. – Жду не дождусь, когда же вы скажете, что у каждого здесь имелись причины покончить с Гроувом. Да, мистер Пендергаст, причины были. Раньше. – Она обменялась быстрыми взглядами с Фредриком и Фоско. – Но оглянитесь: мы не единственные. Не так ли, Джейсон? – повысила она голос.

Мимо как раз проходил юноша с бокалом шампанского; в петлице его желто-коричневого пиджака – в тон волосам – алела орхидея.

– О чем вы? – нахмурился молодой человек, останавливаясь.

– Это Джейсон Принц, – издевательски рассмеялась леди Милбэнк. – Джейсон, я тут рассказываю мистеру Пендергасту, сколь многие из

гостей желали Джереми Гроуву смерти. А ведь у тебя репутация настоящего Отелло.

– Зато вы все та же пустозвонка! – вспыхнул Принц и зашагал прочь.

Залившись смехом, леди Милбэнк поддела Фредрика:

– И тебя Джонатан, Гроуву случалось выставить. Ведь так, Джонатан?

– Да, – иронично усмехнулся тот. – Гроув записал меня в армию своих жертв.

– Напомни, какое прозвище он тебе дал? Надувная Женщина Критиков, а?

– Язык у Гроува был подвешен. – Мужчина и глазом не моргнул. – Но ведь прошло уже больше пяти лет. Я полагал, ты забыла. Или хотя бы помнишь, что мы договорились хранить это в тайне.

– А вот и граф, главный подозреваемый. Посмотрите на него! Сразу видно, этот человек полон темных секретов. Он итальянец, а вы же их знаете.

– Мы, итальянцы, заблудшие твари, – улыбнулся граф.

С любопытством посмотрев на Фоско, д'Агоста поразился его глазам темно-серого цвета, похожим на два глубоких колодца кристально чистой воды. Несмотря на возраст под шестьдесят, лицо графа светилось здоровьем.

– И наконец я, – продолжила леди Милбэнк. – Разрешаю предположить, что у меня был идеальный мотив. В конце концов, мы с Гроувом были любовниками. Cherchez la femme[12].

Д'Агоста вздрогнул, но вздрогнул и Фредрик. Похоже, фантазия нарисовала обоим одну и ту же картину.

– Прошу простить, – тихонько ретировался критик, – у меня важная встреча.

– Полагаю, – улыбнулась леди Милбэнк, – по поводу нового назначения?

– По правде говоря, да. Мистер Пендергаст, рад был познакомиться.

В разговоре возникла короткая пауза. Серые глаза Фоско остановились на Пендергасте, и на губах графа заиграла улыбка.

– Что ж, мистер Пендергаст, – сказал итальянец. – Прошу, поведайте, как с этим делом связана ваша служба?

Пендергаст спокойно достал бумажник и открыл его медленно, благоговейно, словно шкатулку с драгоценностями. В свете большого зала сверкнул значок.

– Ecce signum![13] – восхищенно воскликнул граф.

Пожилая дама отступила на шаг.

– Вы? Полицейский?

– Специальный агент Пендергаст, Федеральное бюро расследований.

– Ты знал, – накинулась леди Милбэнк на графа. – Знал и позволил мне сделать нас подозреваемыми!

– Уже когда мистер Пендергаст подошел, – улыбнулся граф, – я распознал в нем полицейского.

– Но я не распознала в нем агента.

– Надеюсь, сэр, – обратился граф к Пендергасту, – информация Эвелин принесет пользу?

– И большую, – ответил Пендергаст. – Много слышал о вас, граф Фоско.

Граф улыбнулся.

– Полагаю, вы с Гроувом долгое время дружили?

– Нас объединяла любовь к музыке и живописи, а еще к их величайшему союзу – к опере. Вы, случайно, не любитель оперы?

– Нет, не любитель.

– Нет? – Брови графа выгнулись дугой. – Почему же?

– Всегда считал оперу вульгарной и инфантильной. Предпочитаю симфонию – чистую музыку, без мишуры декораций, костюмов, мелодрамы, секса и крови.

Д'Агоста подумал, что граф застыл как громом пораженный. Однако это только казалось. Фоско тихонько смеялся, что было видно по едва заметным волнениям, исходящим из самого нутра тучного тела. Смеялся граф достаточно долго, а затем, промокнув платочком уголки глаз, уважительно захлопал в пухлые ладоши.

– Ну-ну. Вижу, вы джентльмен твердых взглядов. – Он наклонился к Пендергасту и запел глубоким басом, слегка перекрывая шум в помещении:

Braveggia, urla! T'affretta

a palesarmi il fondo dell'alma ria!

Выпрямившись, граф просиял и огляделся.

– «Тоска», одна из моих любимых.

Пендергаст слегка поджал губы.

– «Кричи, хвастун, – перевел он. – Как же ты торопишься выставить напоказ остатки ничтожной душонки!»

Все замерли, ожидая, что граф ответит на столь прямой вызов. Но Фоско лишь улыбнулся:

– Браво. Вы говорите по-итальянски?

– Ci provo, – сказал Пендергаст.

– Дорогой мой, перевести Пуччини так хорошо и сказать просто «пытаюсь» – это, поверьте, самоуничижение. Значит, вам не нравится опера? Надеюсь только, в живописи ваши интересы не столь обывательские. Здесь в зале висит картина самого Гирландайо. Нельзя упускать шанс насладиться божественным творением, идемте.

– Возвращаясь к нашему делу, – сказал Пендергаст, – не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

Граф кивнул.

– Опишите настроение Гроува в ночь смерти. Он был подавлен? Напуган?

– Да, был. Но давайте же взглянем поближе. – И граф повел их к картине.

– Граф Фоско, вы одним из последних видели Гроува в живых. Я буду очень признателен, если вы мне поможете.

– Простите, если покажусь легкомысленным, – граф снова похлопал в ладоши, – но меня восхитил ваш стиль работы. Я страстный поклонник английских детективных романов. Они, возможно, то единственное, за что стоит любить английский язык. Хотя, признаюсь, самому быть подозреваемым – чувство не из приятных.

– Такова проза жизни. Как вы думаете, почему Гроув был подавлен?

– Видите ли, он за весь вечер не смог высидеть спокойно и пяти минут. Даже к вину не притронулся – мыслимое ли дело для Джереми Гроува! То и дело выкрикивал что-то невпопад, иногда плакал.

– Что же его угнетало?

– Он боялся дьявола.

Не сдержав возбуждения, леди Милбэнк захлопала в ладоши.

– Почему вы так думаете? – Пендергаст пристально посмотрел на Фоско.

– Когда я уходил, Гроув задал наистраннейший вопрос: католик ли я? Я сказал «да», и он попросил одолжить ему крест.

– И?..

– Я одолжил. Должен признаться, прочитав утренние газеты, я слегка опасаюсь за его сохранность. Можно мне будет вернуть его?

– Теперь это вещественное доказательство.

Граф облегченно вздохнул.

– Но со временем я смогу получить его назад, правда?

– Боюсь, сохранившиеся драгоценные камни послужат слабой заменой всей вещице.

– Отчего же?

– Ваш крест сильно оплавился.

– Как! – вскричал граф. – Бесценная фамильная реликвия, десять поколений Фоско носили его! Мне он достался от дедушки на конфирмацию! – Фоско быстро взял себя в руки. – Судьба капризна, мистер Пендергаст. И с этим ничего не поделаешь, так же, как и с тем, что у нас с Гроувом осталось незавершенное дело, и с тем, что по вине Гроува погибла бесценная реликвия. А теперь, – граф потер руки, – может, совершим обмен? Я удовлетворил ваше любопытство, удовлетворите же и вы мое.

– Увы, я не вправе раскрывать материалы дела.

– Дорогой мой сэр, кто говорит о деле?! Я имел в виду живопись! Я бы оценил ваше мнение.

Пендергаст развернулся к картине и навскидку произнес:

– В том, как написаны лица крестьян, четко прослеживается влияние триптиха Портинари.

– Гений! – улыбнулся граф Фоско. – Что за глаз!

Пендергаст отвесил легкий поклон.

– Я не о вас, мой друг. Я о художнике. Чудо. Гирландайо написал это небольшое панно, а триптих прибыл из Фландрии во Флоренцию только через три года. – С сияющей улыбкой граф огляделся.

– Но за пять лет до прибытия триптиха семья Портинари получила его этюды, – холодно ответил Пендергаст. – И Гирландайо видел эти наброски. Удивлен, граф, что вы не знали.

Улыбка исчезла с лица графа, однако тут же вернулась, и Фоско зааплодировал:

– Отлично, отлично! Вы побили меня на моем же поле. Мне и правда следует изучить вас получше, мистер Пендергаст: для полицейского вы исключительно образованы.

Глава 9

Гудок в трубке, такой тихий и далекий, будто звонишь на Луну. Д'Агоста надеялся, что ответит все-таки сын Винсент. Говорить с женой совсем не хотелось.

В трубке щелкнуло, и знакомый голос ответил: «Да?» Хоть бы раз сказала «Привет» или «Алло». Ведет себя так, будто давно развелись и там у нее над душой стоит судебный пристав, сует под нос бумаги: мол, ответить она обязана.

– Это я.

– Да?

«Господи Иисусе!»

– Я, Винни.

– Догадалась уже.

– Позови сына, пожалуйста.

Пауза.

– Не выйдет.

– Это почему? – закипая от гнева, спросил д'Агоста.

– У нас тут, в Канаде, есть одно заведение. Называется школой.

Какой же он идиот! Ну конечно, пятница, полдень.

– Я забыл.

– Естественно. Ты ведь даже с днем рождения забыл его поздравить.

– У вас все время было занято.

– Наверное, собака сбила трубку. Хотя бы открытку с подарком прислал...

– Так я послал.

– И опоздал на день.

– Господи Боже, я виноват, что почта работает медленно?

Откуда в ней столько злобы? Но он позволяет ей втягивать себя в новую ссору. Лучше просто не отвечать.

– Слушай, Лидия, я перезвоню сегодня попозже, ладно?

– У Винсента планы на вечер.

– Я позвоню завтра утром.

– Не успеешь. Винсент...

– Так пусть он позвонит мне.

– Ты присылаешь нам мизер и хочешь, чтобы мы разорялись на междугородные звонки?!

– Я стараюсь. В конце концов, могли бы сами сюда переехать.

– Винни, сначала ты затащил нас в Канаду. Да, мне не понравилась эта дыра, хотя потом что-то случилось, и... И я прижилась. Винсент тоже. У нас друзья, Винни, своя жизнь. А сейчас тебе вожжа под хвост попала, и ты хочешь уволочь нас обратно в Куинс. Только знаешь, Винни? Черта с два я туда вернусь!

Началось, подумал д'Агоста. За что?! Ведь он всего лишь хотел поговорить с сыном.

– Лидия, еще не все потеряно. Что-нибудь придумаем.

– Придумаем? Нам давно пора...

– Не говори так, Лидия.

– Нет, я скажу! Давно пора взглянуть правде в лицо. Самое время...

– Не надо...

– ...самое время развестись.

Д'Агоста медленно положил трубку. Нужно отвлечься, забыть. Нужно работать.

Взяв старое, но милое деревянное здание, полиция Саутгемптона закатала его в шлакоблоки и линолеум цвета блевотины. Тогда из

бывшего государственного клуба любителей кантри получилась типичная полицейская штаб-квартира. С типичным, отметил д'Агоста, запахом потных тел, перегревшихся копиров, грязного металла и хлорки в сортире.

Он не появлялся в участке три дня, и при мысли о возвращении желудок наливался свинцом. Прежде хватало отчетов по телефону, но вот пришел день предстать пред светлы очи начальника. Да еще звонок Лидии выбил его из колеи.

Косые взгляды коллег напомнили д'Агосте о вечерах, когда он не ходил с компанией в боулинг-клуб и не играл в дартс за пивом у «Тини». Зря он, наверное, отнесся к этой работе как к перевалочному пункту. Разумные люди заводят друзей, где бы они ни находились.

Надпись на матовом стекле двери гласила: «БРАСКИ». Имя лейтенанта тускло поблескивало золотом в обрамлении черного. Отбросив лишние мысли, д'Агоста постучал.

– Да входите уже!

Начальник сидел за старым металлическим столом, на краю которого возвышалась кипа газет: от «Пост» и «Таймс» до «Ист-Гемптон рекорд» – все посвященные расследованию. Д'Агоста поразился, как плохо выглядел лейтенант: он осунулся, под глазами темнели круги.

– Ну, рассказывай, – указал Браски на стул.

Заслушав краткий доклад, лейтенант со вздохом провел пятерней по преждевременной плешке.

– Завтра возвращается шеф, а у нас полный голяк: ни бывших владельцев поместья, ни волос, ни частиц кожи, ни очевидцев. Когда приедет Пендергаст? – не сумев скрыть отчаяния, спросил он.

– Через полчаса. Просил удостовериться, все ли готово.

– Готово, готово. – Вздохнув, лейтенант встал. – Идем.

* * *

Хранилищем вещдоков в участке называли сооружение из сваренных грузовых контейнеров. Они железной змеей протянулись позади здания, на краю последнего из уцелевших картофельных полей Саутгемптона.

Лейтенант открыл дверь магнитной карточкой. В узком темном проходе между переполненных шкафов и полок сержант Джо Лиллиан как раз выкладывал на стол последний предмет. Он замечательно поработал, разложил все по порядку: бумаги, пергаментные конверты, пробирки с частицами.

– Специальному агенту понравится, – сказал Браски.

Может, лейтенант и съехидничал, а может, действительно хотел угодить, д'Агоста понять не успел. Из-за спины послышался елейный голос:

– Понравится, лейтенант, даже очень.

Непонятно как, но Пендергаст проник в хранилище вслед за ними, напугав лейтенанта до полусмерти. Поджав губы и заложив руки за спину, фэбээровец подошел к столу и осмотрел вещдоки, как коллекционер осматривает предложенный раритет.

– Вы тут располагайтесь, – пригласил агента Браски. – У нас, конечно, не лаборатории ФБР, скромно, почти по-домашнему.

– Скромно, под стать тому, что убийца оставил. Собственно, я не ищу чего-то конкретного. Вот только... Ага, расплавленный крест. Разрешите?

Сержант Лиллиан извлек крест из конверта и передал Пендергасту. Тот бережно осмотрел предмет со всех сторон и сказал:

– Я бы хотел отослать его в лабораторию в Нью-Йорк.

– Нет проблем. – Лиллиан упаковал конверт с крестиком в пластиковый пакет.

– И еще вот это. – Откупорив пробирку с частицами серы, Пендергаст понюхал ее и вновь закупорил.

– Будет сделано, – сказал Лиллиан.

– А вас, сержант, – спросил Пендергаст д'Агосту, – что-нибудь заинтересовало?

– Пожалуй, – подошел к столу д'Агоста.

Приметив пакет с письмами, он вопросительно взглянул на Лиллиана.

– Судебная экспертиза уже состоялась, – поведал сержант. – Так что все в вашем распоряжении.

Первое письмо написал Гроуву Джейсон Принц. Краем глаза д'Агоста заметил, как ухмыляется Лиллиан. Черт возьми, что здесь такого? Однако, вчитавшись, д'Агоста покраснел. «Бог мой, Иисусе!» – подумал он и отложил письмо.

– Век живи, век учись, да? – осклабился Лиллиан.

На столе оставалась еще небольшая стопка книг: «Трагическая история доктора Фауста» Кристофера Марло, «Новая книга христианских молитв», «Malleus Maleficarum».

– «Молот ведьм», – перевел Пендергаст последнее название. – Практическое пособие для профессиональных охотников на ведьм, кладезь знаний по темным искусствам.

Рядом с книгами лежала стопка распечатанных интернет-статей. Д'Агоста взял верхний лист: файл с сайта «Maledicat Dominus», чары и молитвы для защиты от дьявола.

– За последние сутки жизни Гроув посетил массу тематических сайтов, – пояснил Браски.

Рассматривая под лупой пробку от винной бутылки, Пендергаст поинтересовался:

– Что было на ужин?

Браски пролистал несколько страниц в записной книжке и передал ее Пендергасту.

– Дуврская камбала, – прочитал тот, – говяжьи медальоны в бургундском вине и грибном соусе, корейская морковь, салат, лимонный шербет. Подавалось с шато петрюс девяностого года, затем – с вин санто де Альтези девяносто шестого. Отличный вкус.

Вернув блокнот, Пендергаст взял со стола мятый лист бумаги.

– Это черновик, – сказал Браски. – Мы нашли его скомканным в корзине.

– Пробный экземпляр статьи для «Арт ревю». Для завтрашнего выпуска, если не ошибаюсь. – Пендергаст разгладил лист и зачитал: – «Великая дисциплина – великая история. Великая история – великие события, великие места и моменты. В истории искусств известно немало событий, величие которых разделили бы многие. Сколько критиков вырезали бы себе языки за то, чтобы оказаться на бульваре Капуцинов в апреле тысяча восемьсот семьдесят четвертого года[14], или за то, чтобы вместе с Браком[15] впервые узреть «Юных дев Авиньона» Пикассо. И я рад сообщить, что история искусств совершила новый поворот. Великим местом станет Ист-Виллидж, а великим моментом – открытие серии «Голгофа» Мориса Вильнюса».

– Кажется, вчера вы сказали, что Гроув ненавидел работы Вильнюса? – напомнил д'Агоста.

– Выходит, Гроув пережил смену идеалов. – Пендергаст задумчиво вернул черновик на место. – Теперь ясно, чему так радовался Вильнюс.

– Рядом с компьютером мы нашли похожую статью. – Браски указал на второй лист бумаги. – Распечатка не подписана, но принадлежит перу Гроува.

– Статья для «Берлингтон мэгэзин». «Новый взгляд на „Воспитание девы“ Жоржа де ла Тура». – Пендергаст бегло просмотрел статью. – Короткая статья, здесь Гроув пересматривает свою критику, в которой назвал работу де ла Тура подделкой. – Он положил статью на стол. – В последние часы жизни Гроув изменил взгляды на многие вещи.

Пендергаст плавно переместился к перечню телефонных звонков.

– Пригодится, правда, Винсент? – сказал он, передавая д'Агосте пачку распечаток.

– Мы только утром получили ордер и сразу же сделали запрос, – пояснил Браски. – Сзади прикреплены имена, адреса и краткая характеристика каждого, кому звонил Гроув.

– Похоже, в последний день он звонил многим, – сказал д'Агоста, пробегаясь по списку.

– Многим, – подтвердил Браски, – странным людям.

Странного в списке действительно было много. По международной линии Гроув звонил в Нью-колледж, Оксфорд, на кафедру истории средних веков профессору Лэйну Монткальму. Затем по местной линии он разговаривал с Эвелин Милбэнк и Джонатаном Фредриком. Многие номера принадлежали справочным. Около двух пополуночи Гроув созванивался с Локком Баллардом, промышленником, потом с Найджелом Катфортом и только потом – много позже – Гроув вызывал отца Каппи.

– Мы планируем всех опросить, – сказал Браски. – Монткальм, кстати, один из крупнейших специалистов по средневековому сатанизму.

Пендергаст кивнул.

– Милбэнк и Фредрику Гроув звонил скорее всего, чтобы договориться насчет той самой вечеринки. Но вот зачем Гроув звонил Балларду, мы не имеем понятия. У нас даже нет свидетельств того, что они вообще встречались. Катфорт вроде как музыкальный продюсер, но данных тоже ноль, никаких следов того, что их с Гроувом пути пересекались. Однако Гроув, как ни странно, достал их домашние номера.

– А как насчет справочных? – спросил д'Агоста. – Гроув обзвонил с десяток городов.

– Очевидно, он пытался выследить некоего Бекманна. Ренье Бекманна. Тем же самым он занимался и в Интернете.

Положив на стол грязную салфетку, которую до того изучал, Пендергаст произнес:

– Отличная работа, лейтенант. Не возражаете, если и мы опросим кое-кого из этих людей?

– Пожалуйста, действуйте.

* * *

У хвастливо припаркованного напротив участка «роллс-ройса» их ожидал водитель при полной форме.

Пендергаст с д'Агостой сели в машину. Как только мощный двигатель набрал обороты, фэбээровец достал из кармана блокнот в кожаной обложке и стал делать заметки ручкой с золотым пером.

– Похоже, с подозреваемыми у нас негусто.

– Да уж, со знакомыми Гроува та же проблема.

– Морис Вильнюс наверняка отпадает сразу. Да и список оставшихся кандидатур, думаю, сократится быстро. Ладно, вот план работы на завтра. – Он вырвал листок и передал д'Агосте. – Вы поговорите с Милбэнк, Баллардом и Катфортом. Я беру на себя Вильнюса, Фоско и Монткальма. Вот удостоверения ФБР из местного отделения Южного округа Манхэттена. Предъявите, если кто-то откажется отвечать.

– Я должен искать что-то конкретное?

– Действуйте, как обычный полицейский. Боюсь, мы сейчас на той стадии, когда надо уподобиться старым легавым и ползать, вынюхивая следы. Кажется, в своих романах вы писали именно так?

– Не совсем, – криво усмехнулся д'Агоста.

Глава 10

Опустив газету и принюхавшись, Найджел Катфорт ощутил запах серы. А ведь это не в первый раз, подумал он, и отсюда, из уютного «баухаузовского» уголка для завтраков, он мысленно проклял обслуживающий персонал дома на Пятой авеню. Эти тупицы дважды проверяли вентиляцию и ничего не нашли. Откуда же тогда вонь?!

– Элиза! – отшвырнув газету, закричал Катфорт.

Вторая жена (ту старую кошелку, что износила себя, родив детей, Катфорт давно уже сбагрил и нашел товар посвежее) стояла в дверях, в тренировочном трико, и расчесывалась, наполняя воздух треском статического электричества.

– Опять этот запах, – пожаловался Катфорт.

– А то я не заметила.

Отбросив назад часть длинных белокурых прядей, Элиза принялась за другую. Еще совсем недавно это привело бы Катфорта в восторг, но сейчас он испытал раздражение. Как можно ежедневно тратить полчаса на то, чтобы причесаться?!

– Я выложил за квартиру пять с половиной лимонов, – сказал он, закипая от злости, – а здесь воняет, как на уроке химии! Вызови техников.

– Вообще-то телефон у тебя под рукой. – Подобные колкости были обычным делом, но Катфорт пропускал их мимо ушей. – У меня фитнес через пятнадцать минут. – Элиза тряхнула волосами. – И я уже опаздываю.

Жена вышла, и почти сразу же из чулана донесся шум – Элиза искала теннисные туфли. Немного погодя в холле загудел вызванный лифт, и Катфорт остался один. Уставившись в закрытую дверь, он напоминал себе, что сам хотел товар посвежее. Ну и получил.

Вонь как-то сразу стала сильнее, однако вызывать техников в третий раз Катфорту не улыбалось. Если бы эти придурки знали свое дело, давно бы уже прибежали и все наладили, не ждали бы, пока на них наорут. Катфорту орать надоело, а кричать за него больше некому – соседей с других этажей запах серы, казалось, не беспокоил. Побеспокоиться мог бы кто-нибудь с этажа Катфорта, но хозяева смежной квартиры еще не вселились.

Почувствовав укол тревоги, Катфорт встал. Помнится, Гроув звонил и жаловался на запах серы и еще на сотню странностей. Перед смертью старый клоп совсем сбрендил.

Так откуда же запах? Катфорт прошел в гостиную – там пахло сильнее. В библиотеке запах был гуще, но как нигде воняло у аппаратной. Принюхиваясь, словно собака, Катфорт остановился у своей сокровищницы.

Отперев дверь, он вошел и зажег свет. Здесь хранились его замечательный 64-канальный режиссерский пульт, система параллельных записывающих жестких дисков и стеллажи с акустической аппаратурой. На концерте в Алтамонте Мик Джаггер разбил о сцену прославленный «телекастер» Кейта Ричардса 1950 года – и вот, пожалуйста, гитара согревает душу коллекционера, заключенная в стеклянный шкаф на дальней стене. А рядом с ней буреют пятна кофе и дразнят глаз пошловатые карикатурки на полях нотных листов со словами песни «Imagine». Дура Элиза додумалась сравнить одно из величайших собраний реликвий рока с «Планетой Голливуд»!.. В этой комнате с допотопной 4-дорожечной демозаписи, доставленной из Цинциннати, впервые зазвучали «Сабербан лаунмуверз». Здесь Катфорт

открыл «Брилло-Пи» и «Рэппа Джоули», и ему никогда не забыть то особое чувство, что волной вздымалось по позвоночнику. Это был дар, который помогал раскрыть перспективные группы. Что это за талант и как он работает, Катфорта не интересовало. Главное, денежки капали.

«Планета Голливуд», значит? Шла бы ты, милая, знаешь куда…

Следуя призрачной тропкой запаха, Катфорт уперся в окно из листового стекла. Что ж, значит, пахнет из студии. Толкнув тяжелую звуконепроницаемую дверь, он словно бы окунулся в маслянистый туман. Здесь воняло даже хуже, чем серой – будто кто-то жарким полднем пас тут свиней, подливая им на бока жирной грязи.

Тут не техники нужны, а пожарные, решил Катфорт, оглядывая оборудование: пианино «Безендорфер», микрофоны «Ньюманн», акустические кабины, звукопоглощающее покрытие стен. Тлеет проводка? Нет, вроде все цело.

К гневу вдруг примешался страх: а если в квартиру забрался домушник? Впрочем, ободрил себя Катфорт, когда работаешь с бандитами, которые избрали путь пороха и свинца вместо языка дипломатии, это чему-то да учит. Ни один даже самый хитрозадый воришка не обойдет его систему безопасности. Убедившись, что записывающая аппаратура выключена, Катфорт провел рукой по набору кнопок, рычажков и спящих глаз светодиодов. И тут заметил белеющий в дальнем углу предмет, похожий на кусок дерева. Подобрав его, Катфорт понял, что это – зуб, смахивающий на кабаний клык, все еще влажный, с кровью и кусочком хряща на корне.

Едва сдержав тошноту, Катфорт отбросил зуб, и в голове пронеслось: «Суки, взломали мой дом!» Сквозь мысли о надежности сигнализации, замков и охраны в уме проступил образ промоутера, которому Катфорт показывал вчера студию. Неужели он и навел? Откуда же знать, что у кого за тараканы в голове? В таком бизнесе с кем только не приходится иметь дело.

Завернув зуб в носовой платок, Катфорт помчался на кухню и вытряхнул мерзость в жерло измельчителя мусора. Прибор зажужжал, захрустел, зачавкал, и в ноздри Катфорту ударило такое зловоние, что пришлось отвернуться.

Заверещал звонок домофона, и Катфорт, подпрыгнув на месте, помчался к двери.

– Мистер Катфорт? К вам офицер полиции.

Катфорт взглянул на маленький экран: в холле топтался полицейский лет под сорок.

– В субботу? Что ему нужно?

– Он сказал, что будет говорить только с вами, сэр.

Успокоив наконец дыхание, Катфорт смекнул, что офицер пришел не так уж не вовремя.

– Пусть поднимается.

* * *

Офицер оказался типичным италоамериканцем, а жуткий акцент выдал в нем выходца из рабочего класса района Куинс. Усадив копа на диван в гостиной, Катфорт устроился в кресле напротив. То, что спрашивать будут о Гроуве, он понял сразу, а значок саутгемптонского департамента лишь подтвердил опасения. Катфорт запоздало подумал, что многих проблем удалось бы избежать, взгляни он той ночью на экран определителя номера и не ответь на звонок старого сукина сына.

Коп достал блокнот, ручку и диктофон.

– Никаких записей, – предупредил Катфорт.

Пожав плечами, коп убрал диктофон в карман.

– Как-то странно у вас здесь пахнет, – заметил он.

– Вентиляция не в порядке... Ну, так чем могу, офицер?

– Вы знали Джереми Гроува?

– Нет. – Катфорт скрестил руки на груди.

– Он звонил вам шестнадцатого октября, рано утром.

– Гроув мне звонил?

– Это я у вас спрашиваю.

Опустив руки, Катфорт закинул левую ногу на правую, затем правую – на левую. Уже жалея, что впустил копа, он утешился тем, что офицер не выглядел особенно умным.

– Ответ: да, звонил.

– О чем вы говорили?

– Мне обязательно отвечать?

– Нет, по крайней мере сейчас. Но если хотите, можем устроить все официально.

Перспектива оказаться в участке Катфорта не обрадовала.

– Все просто: у меня коллекция музыкальных инструментов и рок-реликвий. Гроув это знал и хотел кое-что прикупить.

– Что именно?

– Письмо.

– Покажите.

Катфорт не дал удивлению пробиться наружу.

– Идемте, – сказал он, поднявшись.

Он провел копа в аппаратную и там, осмотревшись, указал на письмо:

– Вот.

Нахмурившись, коп подошел и присмотрелся.

– Письмо Дженис Джоплин Джиму Моррисону, которое секс-дива рок-н-ролла так и не отправила. Всего две строки, – Катфорт подавил смешок, – в которых она называет его худшим из своих любовников.

Увидев, что офицер переписывает письмо в блокнот, Катфорт закатил глаза.

– Сколько вы за него просили?

– Письмо не продается.

– А Гроув говорил, почему им интересуется?

– Сказал, будто собирает все, что связано с группой «Дорз». Вот и все.

– Значит, он позвонил вам в два сорок пять? По-вашему, это нормально?

– В музыкальном бизнесе спать ложатся очень поздно.

Катфорт отошел к двери аппаратной, открыл ее, всем видом давая копу понять, что тот уже порядком задержался. Однако офицер, будто бы не замечая этого, стал принюхиваться.

– А все-таки странно у вас пахнет...

– Я как раз собирался вызвать техников.

– Знаете, именно так пахло в доме у Джереми Гроува.

Вспомнив слова Гроува: «Я ничего не соображаю. Меня убивает запах!» – Катфорт сглотнул. «Глупо все это, – подумал он, – мы же в двадцать, мать его так, первом веке».

– Вы знакомы с Локком Баллардом? Или с неким Ренье Бекманном?

Вопросы прозвучали для Катфорта словно выстрелы. Надеясь, что офицер ничего не заметил, он покачал головой.

– Вы общались с Бекманном? – надавил коп.

– Нет. – «Дьявол, его нельзя было впускать!»

– А с Баллардом? Ну, там, по старой дружбе?

– Нет, я же не знаю его. Ни его, ни того, второго.

Коп сделал в блокноте пометку. Чертовски длинную пометку, заметил Катфорт, чувствуя, как струйки пота стекают по ребрам. Он попытался сглотнуть, но не вышло – во рту пересохло.

– Больше вы ничего не хотите сказать? Все, кто общался с Гроувом в ту ночь, говорят, что он был подавлен. Не совсем то настроение для покупок рок-сувениров, не находите?

– Мне нечего добавить.

Наконец они вернулись в гостиную, и Катфорт, не предлагая сесть офицеру, остался стоять сам. Хоть бы коп скорее убрался.

– Мистер Катфорт, у вас в квартире всегда так жарко?

А ведь действительно жарко, про себя отметил Катфорт.

– В ночь убийства отопление в доме Гроува не работало, но там так же пекло.

Офицер испытующе смотрел на Катфорта. Тот по-прежнему не отвечал. Тогда коп, фыркнув, закрыл блокнот и вставил ручку в кожаную петельку.

– На вашем месте, мистер Катфорт, я бы не стал отвечать без адвоката.

– Это почему?

– Адвокат предупредил бы, что молчать лучше, чем врать.

– С чего вы взяли, что я вру? – уставился Катфорт на копа.

– Гроув ненавидел рок.

Катфорт подавил ответ, видя, как недооценил офицера. Коп если и глуп, то глуп как змея.

– Я еще вернусь, мистер Катфорт. В следующий раз вы будете отвечать под присягой, и слова ваши запишут на пленку. О чем вы говорили с Гроувом, мы так или иначе узнаем, а вот за дачу ложных показаний предусмотрена ответственность. Спасибо, что уделили мне время.

Лифт с офицером отправился вниз, и Катфорт бросился к телефону. Дрожащей рукой он стал набирать номер. В голове крутилось одно: прочь, как можно дальше из города. На другой конец света. Яркое солнце, сексотерапия на пляже… какие вещи вытворяла та девчонка в Пхукете! Решено: завтра же надо лететь. С утра принять «Брилло-Пи», они придут на перезапись, а потом – ищи-свищи ветра в поле. Всех остальных клиентов, и жену, и этот гребаный город, и копа с допросами – в задницу!

– Дорис? Это Найджел. Забронируй билет на Бангкок. Если получится, завтра ночью, в крайнем случае – на первый рейс в понедельник. Нет, только я. Да, еще нужен лимузин с водилой – до Пхукета. Найди мне там хорошенький домик у моря, в тихом местечке: с поваром, служанкой, личным тренером, телохранителем и так далее. Дорис, милая, никому не говори, где я, ладно? Да, Таиланд, Таи… ланд… Я знаю, что там сейчас жарко, но это уже как-то мои проблемы.

Сам собой в памяти прозвучал вопрос копа: «Мистер Катфорт, у вас в квартире всегда так жарко?»

Бросив трубку, Катфорт устремился в спальню, где, швырнув на кровать чемодан, стал выгребать вещи из шкафа: купальные принадлежности, куртку и штаны из акульей кожи, темные очки, деньги, наручные часы, паспорт, спутниковый телефон.

Полиции не прижать его за ложные показания, пусть сначала поймают.

Глава 11

Злой как собака сержант Винсент д'Агоста вошел наконец в нью-йоркский атлетический клуб с черного хода. Перед этим, однако, пришлось прогуляться до самой Шестой авеню, через весь квартал, а там – обратно до Пятьдесят восьмой улицы. И все из-за привратника у парадного входа – он даже не взглянул на то, что д'Агоста надел галстук. Офицер, видите ли, не член клуба, и даже по делу ему надлежит пройти к черному ходу.

Взмыленный д'Агоста проклинал Катфорта. Мужик врал ему, прекрасно понимая, что его раскусили. Д'Агоста блефовал, сказав, что Гроув ненавидел рок, но Катфорт повелся и выдал себя выражением глаз. Жаль, прижать богатого ублюдка вроде него не позволит бюрократия. С Милбэнк, правда, вышло и того хуже: удалось разве что полюбоваться новым изумрудным ожерельем, о котором только и трепалась старая курица. А сейчас, чтобы попасть к Балларду, приходится делать крюк в четверть мили.

«Везет как утопленнику», – подумал д'Агоста, ударив кулаком по кнопке вызова лифта. Был бы здесь другой лифт, наверняка бы выбрал его, но

ехать пришлось на грузовом. Заставив пассажира прождать три минуты, кабина наконец прибыла и, стеная, раскрыла двери. Д'Агоста нажал кнопку "9", и полуживой механизм с протяжным воем понес его вверх.

Ступив в необычно густой сумрак коридора, д'Агоста наткнулся на деревянную табличку с золотой стрелкой в сторону бильярдной. Ноздри защекотал терпкий аромат сигарного дыма, и д'Агосте невыносимо захотелось курить. Жена в свое время заставила бросить, но сейчас-то, черт побери, что мешает затянуться хорошей «гаваной»?

В большой комнате д'Агосту окрикнули: «Сэр!» Игнорируя очередного стража порядка, сержант скользнул взглядом вдоль ряда столов. Над самым дальним склонился одинокий силуэт, окутанный облаком дыма.

– Сэр, могу я поинтересоваться...

– Не можете. – Д'Агоста оттер охранника плечом.

Он пошел мимо столов, изумрудное сукно которых заливали лужицы света от низко висящих ламп. В шесть часов через большое окно в дальней стене было видно, как внизу темным прямоугольником, словно кладбище, раскинулся Центральный парк. Наступил тот волшебный момент, когда Нью-Йорк простирается до самого закатного неба, захваченный сумерками на перепутье между тьмой и моментом, когда зажигают ночные огни.

Остановившись футах в десяти от последнего стола, д'Агоста открыл блокнот и сделал пометку: «Баллард, 20 октября».

Он ожидал, что человек обратит на него внимание, но тот еще больше наклонился над зеленым сукном, спрятав лицо в тени. Нанеся удар, игрок легким движением запястья натер кончик кия мелом и снова ударил по шару необычно малого размера. Шары почему-то были только красного и белого цвета; они раскатились по непривычно большому столу с маленькими лузами.

– Мистер Баллард?

Человек будто не слышал, только сменил позицию, чтобы нанести следующий удар. Широкие спина и плечи, затянутые в шелк костюма, по-прежнему скрывались в темноте. Д'Агоста разглядел только тлеющий кончик сигары, а в круг света попадали лишь огромные узловатые руки, на тыльной стороне которых синими червями извивались тугие вены. Блеснув парой массивных золотых перстней, Баллард ударил, зашел с другой стороны и снова ударил.

Д'Агоста уже раскрыл рот, когда игрок, резко выпрямившись, развернулся к нему лицом.

– Что вам нужно? – спросил он, вынув сигару изо рта.

Д'Агоста ответил не сразу, завороженно разглядывая лицо собеседника, уродливее которого, наверное, не было никого в целом мире. Большая голова смотрелась дико непропорционально даже на плечах огромного, как у медведя, тела. Ковшик челюсти крепился на бугорках мышц, под парой великанских улиток ушных раковин. Особенно неприятно со смуглой кожей контрастировали светлые мясистые губы, над которыми торчал плотный, изрытый оспинами нос. Запавшие глаза прятались под выступающими надбровными дугами. Сразу над кустистыми бровями начинался низкий широкий лоб, который плавно переходил в лысый купол, усыпанный веснушками и печеночными бляшками. Человек буквально излучал уверенность в силе своего тела и разума. Подобно тягловой лошади, он перемещался нарочито неспешно, а синий шелк костюма шелестел при каждом движении.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов. – Д'Агоста облизнул пересохшие губы.

Некоторое время Баллард смотрел на него, затем, взяв сигару в рот, отвернулся и слегка ударил по шару.

– Если я вас отвлекаю, можем в любое время встретиться в соответствующем месте в городе.

– Минуту.

Шелестя шелком, Баллард сильно наклонился над столом, так что задрался пиджак и обнажились белая сорочка и красные подтяжки. Кий щелкнул по шару, и снова зашелестел шелк.

– Ваша минута истекла, Баллард.

Вскинув кий, Баллард быстро натер его мелом и снова наклонился к столу. Да эта сволочь и не собирается отвечать на вопросы.

– Вы меня бесите, вы знаете?

Ударив, Баллард перешел на другую сторону стола и сказал:

– Так, может, вам нужен вовсе не я, а психолог-консультант?

Баллард выбрал два шара, которые разделяло каких-то три дюйма. Прицелившись, он легчайшим касанием кия послал шар навстречу другому. Шары встретились с легким щелчком, словно бы в поцелуе, и д'Агоста решил: с него хватит.

– Еще один удар, Баллард, и я надену на вас наручники. Затем поведу вниз: мимо охранника, мимо привратника – мимо всех, и никто меня не остановит. Мы с вами пойдем на площадь Коламбус-серкл, где я оставил

машину. Я вызову подкрепление, и вам, в наручниках, придется стоять, пока оно не прибудет. И хоть вы тресните, но если понадобится, стоять будете до самой ночи.

Стиснув кий и сжав челюсти, Баллард полез в карман за сотовым телефоном.

– Я звоню мэру, – сказал он, набирая номер. – Расскажу ему, как один из его офицеров мне угрожает.

– Валяйте. Но если вы не заметили, я из департамента полиции Саутгемптона и на вашего мэра клал.

Приложив трубку к уху, Баллард прикусил кончик сигары.

– Значит, я вне вашей юрисдикции, – сказал он. – И ваши угрозы арестовать меня фиктивны.

– Я уполномоченный представитель Федерального бюро расследований, отделение в Южном округе Манхэттена. – Д'Агоста вытащил из бумажника выданное Пендергастом удостоверение и бросил его на стол. – Желаете пожаловаться начальнику – звоните специальному агенту Карлтону. Телефон указан.

Баллард с деланной ленцой захлопнул мобильник и бросил сигару в наполненную песком плевательницу в углу.

– Ну хорошо, – сказал он. – Вам удалось привлечь мое внимание.

Д'Агоста не собирался больше терять ни минуты и достал блокнот.

– Шестнадцатого октября, в два часа две минуты Джереми Гроув звонил вам по номеру, не занесенному в справочник. Предполагается, он звонил вам на яхту, и разговор длился сорок две минуты, так?

– Подобного звонка я не припоминаю.

– Серьезно? – Д'Агоста достал из блокнота ксерокопию перечня телефонных звонков и протянул Балларду. – А записи телефонного оператора говорят об обратном.

– Думаете, это заставит меня вспомнить то, чего не было?

– Значит, трубку взял кто-то другой? Кто же: подружка, повар, нянька? – Перо ручки уперлось в листок блокнота.

– На яхте я был один, – после продолжительной паузы ответил Баллард.

– Ну а кто же тогда говорил по телефону? Кошка?

– Я отказываюсь отвечать на дальнейшие вопросы без адвоката.

Его голос производил то же впечатление, что и лицо, – глубокий, он звучал так, что д'Агосте казалось, будто по спинному нерву чиркают спичкой.

– Позвольте заметить, мистер Баллард, вы только что солгали офицеру полиции. Тем самым вы напрямую препятствуете следствию. Можете звонить адвокату, если хотите, – из участка, куда я вас доставлю. Вы этого хотите? Или дать вам еще один шанс?

– Мы в клубе для джентльменов, и я буду признателен, если вы сбавите тон.

– Вообще-то у меня проблемы со слухом. И я не джентльмен, – сказал д'Агоста и стал ждать.

Губы Балларда изогнулись в подобие улыбки.

– Я вдруг вспомнил... Гроув действительно мне звонил.

– О чем же вы беседовали?

– О том о сем.

– О том о сем. – Д'Агоста так и записал: «О том о сем». – Что, все сорок две минуты?

– Ну созвонились два приятеля, давно не виделись, понимаете?

– Вы хорошо знали Гроува?

– Встречались несколько раз. Хотя друзьями не были.

– А когда познакомились?

– Очень давно. Я уж не помню.

– Спрашиваю еще раз: о чем шел разговор?

– Гроув рассказал, чем занимался в последнее время...

– И чем же?

– Ну, писал статьи, устраивал званые ужины...

Баллард врал. Врал, врал и еще раз врал – точно так же, как Катфорт.

– А вы? О чем рассказывали ему вы?

– Собственно, все о том же: работа, компания.

– Так зачем же Гроув звонил?

– Спросите у него. Со мной так он просто болтал по-приятельски.

– Где он нашел ваш номер? Его нет в телефонной книге.

– Должно быть, я как-то сам его назвал.

– Но ведь Гроув не был вам другом.

– Значит, спросил у кого-то, – пожал плечами Баллард.

Прекратив писать, д'Агоста посмотрел на Балларда. Все еще полускрытый тьмой, тот стоял по другую сторону стола, и д'Агоста по-прежнему не видел его глаз.

– Вам не показалось, что Гроув чем-то напуган?

– Может, и так. Я в самом деле не помню.

– Вам знаком некий Найджел Катфорт?

– Нет, – сказал Баллард, но прежде нанес легкий удар по шару.

– А как насчет Ренье Бекманна?

– Нет. – На этот раз Баллард ответил мгновенно.

– Граф Исидор Фоско?

– Знакомое имя. Кажется, я встречал его на страницах светской хроники.

– Леди Милбэнк? Джонатан Фредрик?

– Нет и нет.

Д'Агоста знал, когда человек запирается окончательно, а потому просто закрыл блокнот.

– Не прощаемся, мистер Баллард.

Тот уже успел вернуться к игре.

– Зато я, сержант, с полной уверенностью говорю вам: прощайте.

Д'Агоста развернулся двинулся было к выходу, однако, остановившись, спросил:

– Надеюсь, мистер Баллард, вы не собираетесь покидать страну?

Воодушевленный молчанием, д'Агоста продолжил атаку:

– Знаете, я мог бы объявить вас важным свидетелем и ограничить свободу передвижений.

Он снова блефовал, но когда Баллард притворился, что не слышит, шестое чувство подсказало: прием удался. Д'Агоста пошел к выходу мимо зеленых столов с маленькими лузами, а когда он подошел к

дверям, с лица охранника исчезла ухмылка – осталось только нейтральное выражение.

– Так во что здесь играют? – спросил д'Агоста. – В бильярд?

– В «снукер», сэр.

– «Снукер»?!

Охранник произнес название с честным лицом, однако слово навело на мысль о проститутке, которая после секса огорошила клиента, сказав, что услуги подорожали[16].

Д'Агоста отыскал главный лифт и поехал вниз, мысленно послав привратника и правила к черту.

* * *

Вечерний свет умирал, и бильярдная погружалась во тьму. Локк Баллард курил, сжимая в руке кий и не видя перед собой ничего. Простояв так минуту, он отложил кий и направился к телефону на стойке бара. В Италии намечено важное дело, и никто – даже выскочка сержант – ему не помешает.

Глава 12

На ступеньках клуба д'Агоста остановился и посмотрел на часы. Еще только половина седьмого, а Пендергаст просил приехать к девяти. Порывшись в кармане, д'Агоста вытащил ключ от того, что сам фэбээровец называл своей «резиденцией в жилой части города».

Надо как-то убить время. Д'Агоста вспомнил, что на углу Бродвея и Шестьдесят первой улицы стоит ирландский бар «У Маллина». Хороший бургер и кружка холодного пива с пеной пришлись бы как нельзя кстати.

Любопытно, какого черта Пендергасту понадобился дом в центре. «Дакота» – просто дворец!.. Д'Агоста взглянул на карточку с адресом: Риверсайд-драйв, 891. Кажется, это те старые домины у Риверсайдского парка, в районе Девяносто шестой улицы.

Бар «У Маллина» стоял себе на привычном месте. Когда д'Агоста вошел, его душа запела от аромата настоящего нью-йоркского чизбургера, а нью-йоркский чизбургер – это вам не мешанина из авокадо, аругулы[17], камамбера и панцетты[18], за которую в Саутгемптоне дерут по пятнадцать баксов.

Часом позже, насытившись, д'Агоста покинул бар и двинулся на север в сторону метро на Шестьдесят шестой улице. Даже в половине восьмого поток машин не иссяк, и каждый из миллиона автомобилей пытался обогнать остальные в дымном хаосе стали и хрома. Золотистый

«шевроле-импала» с тонированными стеклами пронесся так близко, что чуть не отдавил д'Агосте ноги. Полицейский напутствовал драндулет эпохи восьмидесятых крепким словцом и нырнул в метро. Времени оставалось еще слишком много; эх, стоило бы задержаться в баре и пропустить еще кружечку...

Не прошло и минуты, как из темноты тоннеля, возвещая о прибытии поезда, вырвались нарастающий рев и плотная стена спертого воздуха. В вагоне д'Агоста умудрился найти свободное место. Устроившись на пластиковом сиденье, он закрыл глаза и почти бессознательно стал отсчитывать станции. На Девяносто шестой улице д'Агоста открыл глаза, встал и вышел.

Он пересек Бродвей, направляясь на запад к Риверсайд-драйв, вниз по Девяносто четвертой улице, мимо Уэст-Энд-авеню. Сквозь узкую полоску зелени Риверсайдского парка виднелись Вест-Сайдское шоссе и река Гудзон. Сгущались сумерки, в воздухе пахло сыростью. Молния высветила Нью-Джерси, искрившийся ночными огнями на другом берегу.

Табличка с номером ближайшего дома сообщала: «214». Два четырнадцать! Д'Агоста выругался. Он и впрямь потерял хватку. Теперь нужно идти дальше вверх, может, даже в Гарлем.

Вернуться к метро? Нет, это же сколько переть в гору, к Бродвею, затем снова толкаться на платформе и опять топать вверх по городу. Ловить такси? Дохлый номер – тоже нужно подниматься к Бродвею.

Махнув рукой, д'Агоста подумал, что идти-то всего десять – пятнадцать небольших кварталов. И, похлопав себя по животику, решил, что в запасе есть еще час, а калории от чизбургера неплохо бы сжечь.

Он взял энергичный темп, слушая, как бряцают ключи и наручники. Ветер вздыхал в листве на краю Риверсайдского парка. Яркий электрический свет заливал фасады домов, большинство из которых могли похвастаться привратниками или даже охраной. В восемь часов люди еще только возвращались с работы: мужчины и женщины в костюмах, музыкант с виолончелью, парочка типов профессорского вида, которые громко спорили о ком-то по имени Гегель. При виде д'Агосты многие улыбались, приветливо кивали; после 11 сентября люди по-новому взглянули на вещи, особенно на полицию. Ну как тут не рваться на прежнее место, хватаясь за первый же шанс?!

Напевая нехитрый мотивчик, д'Агоста вдыхал смесь соленого воздуха, смога, запаха мусора и асфальта. Так благоухал только Вест-Сайд. В круглосуточном продуктовом магазине прямо на месте жарился и варился кофе.

Нью-Йорк – город-наркотик, он попадает в кровь и не дает от себя отвыкнуть. Когда экономика восстановится, появятся вакансии, и первая из них будет за ним, за д'Агостой. Господи, за такое стоит бороться!

Д'Агоста пересек Сто десятую улицу, а номера домов едва перевалили за четвертую сотню. Черт, на Риверсайде улицы определенно пересекались по какой-то неправильной формуле. Д'Агоста перестал гадать и просто шел, уяснив только одно: дом Пендергаста много дальше, чем он рассчитывал.

Тут же на ум пришла мысль: Пендергаст, наверное, живет в коттеджах, выделенных преподавателям университета. Если фэбээровец вроде нашего доктора Пендергаста и поселится в трущобах, то только среди академиков.

Роскошные постройки сменились простенькими, но аккуратными домами из песчаника, улицы заполнились студентами Колумбийского университета в мешковатых одеждах. На глазах у д'Агосты из окна высунулся парень и, прокричав что-то приятелю внизу, бросил тому книгу.

Д'Агоста вдруг задумался: родись он в семье, где хватало денег, уже сейчас он мог бы стать матерым писателем. Кто знает, может, его полюбили бы критики? Где, как не в колледже, обзаводиться связями! Особенно в правильном колледже, ведь если копнуть, половина штата критиков «Нью-Йорк таймс» выходцы из Колумбийского университета. Пресловутое «Книжное обозрение» – вообще королевство блата.

Но тоска развеялась, едва д'Агоста вспомнил слова своего итальянского дедушки: «Aqua passata»[19].

На Сто двадцатой улице д'Агоста остановился перевести дух. Он достиг северной оконечности округа Колумбия, и впереди последним аванпостом на границе фронтира и ничейной земли возвышался «Интернэшнл-Хаус»[20].

Д'Агоста покрыл уже милю – свою дневную норму, – однако гордиться собой не дала очередная табличка с номером дома: «550». Чертыхнувшись, он посмотрел на часы: десять минут девятого. Время есть, но что толку? Здесь ведь даже такси не поймаешь. Студенты словно вымерли, зато чаще стала встречаться праздношатающаяся молодежь, толпами облепившая крылечки домов; подростки провожали д'Агосту взглядами, свистя ему вслед или бормоча что-то невнятное. И тут его осенило: дом 891 по Риверсайд-драйв должен быть где-то в районе Сто тридцать пятой улицы; добраться туда – дело десяти минут… Если идти через самое сердце Гарлема.

* * *

Мистика, подумал д'Агоста, еще раз перечитывая адрес, каллиграфическим почерком написанный на карточке. Однако ошибки быть не могло.

Оставляя позади «Интернэшнл-Хаус», последний оазис света, д'Агоста не торопился, но и не медлил. Он не испытывал страха – проводником ему станут униформа и «глок» калибра 9 миллиметров.

Пейзаж быстро менялся. Исчезли студенты, ушла суета. Тишина окутала темные фасады домов и разбитые фонари. Вокруг стало пусто. Проходя по Сто тридцатой улице, д'Агоста миновал старый особняк – действительно старый, настоящий дворец наркоманов. Дом зиял пустыми глазницами разбитых окон и обдавал улицу запахом плесени и мочи. Следующим попался «отель» с одноместными «номерами». Под нескончаемый лай собаки постояльцы сидели на крылечке, потягивая пиво и провожая д'Агосту мутными взглядами.

У тротуара выстроился целый автопарк разбитых машин, без окон и даже без колес. Но проезжая часть практически пустовала. Мимо проехала старая «хонда-аккорд», изначальный цвет которой съела коррозия. Через минуту д'Агосту обогнал золотистый «шевроле-импала» с тонированными стеклами. Машина скрылась за следующим поворотом, но до этого, поравнявшись с д'Агостой, вроде как сбавила скорость. Спокойно, подумал д'Агоста, в городе наверняка миллион таких тачек. После тепличной жизни в Саутгемптоне у него началась паранойя.

Он все продолжал идти мимо заброшенных зданий, превращенных в «отели» и самоуправляющиеся организации. На тротуарах мусор и осколки соседствовали с собачьим дерьмом. Освещение пало жертвой любимой забавы уличных банд – стрельбы по фонарям; их пытались чинить, но труды ремонтников пропадали втуне.

Эксцентричность Пендергаста показалась д'Агосте еще эксцентричнее, когда он подошел к самому черному сердцу западного Гарлема. В следующем, Сто тридцать втором, квартале царила кромешная тьма. Мертвые фонари не освещали последние два уцелевших здания, приспособленные под «отели». Хулиганы не пощадили даже лампы на автостоянке. Идеальное место для засады на безрассудных прохожих.

Тряхнув головой, д'Агоста отчитал себя за то, что размышляет не как офицер. При нем униформа, оружие, рация – что еще нужно?

Он уверенно зашагал вниз по улице. И вот тогда-то заметил, как медленно – чересчур медленно – за ним катит «импала». Последний фонарь чиркнул лучиком света по золотистому кузову, и остатки сомнений рассыпались в прах. Д'Агоста мог забыть порядок пересечения улиц, но его полицейский радар служил безотказно – и сейчас сигналил

на полную громкость, что д'Агосту ведут к центру квартала, в самую западню!

Не раздумывая д'Агоста сорвался с места и дал резко влево, наперерез «шевроле», к Риверсайдскому парку. Уже из темноты спасительной гущи деревьев он увидел, как одновременно распахнулись обе дверцы машины, когда она заскрипела тормозами у тротуара.

Глава 13

Дворецкий, открывший Пендергасту дверь в анфиладу на десятом этаже отеля «Шерри Нидерланд», выглядел настолько *по-британски,* что казалось, будто он сошел со страниц романа Вудхауза. Слегка поклонившись, шурша накрахмаленным пластроном[21], он принял у Пендергаста пальто и золотистую визитную карточку, которую фэбээровец без колебаний оставил на серебряном подносе.

– Не соблаговолит ли джентльмен подождать здесь? – Вновь поклонившись, дворецкий исчез за дверью; было слышно, как он идет по коридору, открывая одну за другой дальние двери.

Через несколько минут дворецкий вернулся и провел посетителя в обшитую деревянными панелями гостиную. Там в жарком пламени большого камина весело трещали березовые поленья.

– Прошу, располагайтесь, где вам угодно.

Пендергаст, натура теплолюбивая, выбрал ближайшее к камину кресло, обтянутое красной кожей.

– Граф примет вас с минуты на минуту. Не желаете ли бокал хереса? Смею предложить отличный амонтильядо.

– Благодарю.

Дворецкий бесшумно вышел и через минуту внес на серебряном подносе хрустальный бокал с бледно-янтарной жидкостью. Оставив его на столике у кресла, слуга так же бесшумно удалился.

Потягивая изысканный напиток, Пендергаст оглядывал шикарно обставленную комнату, и лаконичность стиля все больше и больше увлекала его. Здесь персидский ковер времен шаха Аббаса и камин из серого флорентийского камня с гербом старинной благородной семьи удивительным образом примирили красоту и уют. На столике, где дворецкий оставлял херес, несколько предметов из серебра, антикварный сифон, флакончики из римского стекла с духами и маленькая этрусская статуэтка из бронзы тоже требовали внимания Пендергаста.

Но поразило гостя другое: над каминной полкой висела картина Вермера. В холодном фламандском свете у окна в свинцовом переплете сидела женщина, кружева в ее руках отбрасывали на платье паутинку теней. И хоть эту работу Пендергаст видел впервые – а все тридцать пять творений мастера он знал наперечет, – мысль о подделке отбросил сразу. Игру света и тени Вермера подделать было нельзя.

На противоположной стене висело незаконченное «Обращение святого Павла» в стиле Караваджо. Уменьшенная версия того, что художник написал для церкви Санта-Мария-дель-Пополо в Риме, она своей глубиной и насыщенностью цвета заставила Пендергаста увериться – перед ним этюд самого мэтра.

Третье полотно на стене по правую руку живо напомнило Пендергасту о серии «Воспитание девы» Жоржа де ла Тура. Картина, впрочем, не была копией, а значит, маленькая девочка, что читала книгу при свечах в темной комнате, принадлежит кисти таинственного француза.

Больше картин в комнате не было, но хватало и этих жемчужин. Ни одна из них, однако, не имела ярлыка с названием или именем мастера. Равнодушный к зависти гостей, хозяин повесил их здесь лишь для собственного удовольствия, как часть интерьера.

Выходит, Фоско не так уж и прост.

Из соседней комнаты донеслись звуки, такие тихие, что различить их смог лишь сверхъестественный слух фэбээровца: открылась дверь, защебетала неведомая птица, стуча когтями по деревянным ступенькам, а глубокий голос нежно позвал:

– Ну же, ну, выходи! Так, теперь наверх – раз, два, три. А сейчас вниз – три, два, раз!

Птица – если это была птица – взорвалась щебетом, закудахтала и захлопала крыльями. Тут зазвучал тенор, постепенно набирая силу и громкость, и птица затихла. Как только ноты арии бельканто смолкли, сразу же появился дворецкий.

– Граф примет вас сейчас, – пригласил он.

По длинному и широкому коридору, мимо стеллажей с книгами лакей повел Пендергаста в огромный кабинет, где во всем своем величии их дожидался граф.

В слаксах и накрахмаленной до хруста белой рубашке, расстегнутой у воротника, Фоско стоял спиной к вошедшим. Его взгляд был обращен на погруженный в вечерние сумерки балкончик, увитый розовыми кустами, за стеклянной стеной. Рядом, на рабочем столе, он разместил в безукоризненном порядке по меньшей мере сотню миниатюрных

инструментов: отвертки, паяльнички, ювелирные пилки, окуляры и напильники часовщика. Изящные маленькие шестеренки, собачки и пружинки лежали бок о бок с микросхемами, платами, связками проводов, светодиодами, кусочками резины и пластика и приспособлениями, о назначении которых оставалось только догадываться.

И над всем этим на Т-образном насесте восседал какаду. Однако, подойдя поближе, Пендергаст понял, что белоснежные перья и лимонно-желтый хохолок ввели его в заблуждение – птица оказалась не живой, а механической, роботом.

Дворецкий указал Пендергасту на стул возле стола. Затем, как добрый волшебник, будто из воздуха, достал недопитый бокал хереса и, оставив его гостю, так же бесшумно удалился.

Фоско тем временем взял со стола орех и зажал его между вытянутых трубочкой губ. Возбужденно присвистнув, искусственный попугай, жужжа моторчиками, перебрался к графу на плечо, схватил клювом орех, расколол его и весьма убедительно принялся есть.

– Ах, моя прелесть, – проворковал граф. – Время игр закончилось. Возвращайся на место.

Фоско слегка повел рукой в перчатке, но попугай, издав недовольный скрип и распушив хохолок, даже не подумал слушаться графа.

– Ай-ай, что-то он сегодня упрямится, – сказал Фоско, уже громче и тверже. – Возвращайся на насест или остаток дня вместо орехов проведешь на просе.

Все еще недовольно клекоча, птица спрыгнула на стол и, цепляясь металлическими когтями, взобралась на жердочку. Утвердившись там, робот уставился на Пендергаста бусинами глаз-светодиодов.

– Прошу простить, – с легким поклоном развернулся граф к гостю, – что заставил вас ждать. Мой друг, как видите, нуждается в упражнениях.

– Безумно интересно, – сухо прокомментировал Пендергаст.

– Еще бы! Хотя вынужден признать, питомцы заставляют меня выглядеть глупо.

– Питомцы?

– Да. Вы только посмотрите, как они любят меня! Мой какаду и… – граф кивнул в сторону проволочной пагоды, где, жужжа крохотными сервомоторами и попискивая электронными голосочками, резвилась стайка серых мышей, – и мои дорогие мышки! Однако отрада моя и услада очей – Буцефал. Ведь так, моя прелесть?

Птица, распушив перья, спрятала в них клюв, как будто слова графа ее смутили.

– Вы должны простить Буцефала, – цокнув языком, сказал граф. – С незнакомцами он осторожен и друзей заводить не спешит, а если что не так – тут же начинает кричать. Ах, мой друг, знали бы вы, какие легкие у этого изумительного существа! Мне даже пришлось занять две смежные квартиры.

Не обращая внимания на похвалу, робот-попугай неподвижно смотрел на Пендергаста.

– И Буцефал, и все прочие мои прелестники не чужды опере. Помните, как у Уильяма Конгрива: «Чары музыка таит…»[22]. Ну и так далее. Вы, должно быть, слышали мое недостойное пение? Узнали отрывок?

– Ария Поллионе из «Нормы», – кивнул Пендергаст. – «Abandonarmi cose potresti».

– А, так вам понравилось?

– Этого я не говорил. Скажите, граф, роботов вы сделали сами?

– Да, механические безделушки и животные – моя страсть. Я одинаково люблю и своих чад, и детей природы. Знаете, у меня еще есть канарейки, живые. Желаете взглянуть?

– Благодарю, не стоит.

– Родись я американцем, кем-нибудь вроде Томаса Эдисона, то нашел бы применение своим талантам. Увы, моей родиной стала Флоренция, а угасающему итальянскому роду такие способности ни к чему. Там, откуда я родом, графы обеими руками держатся за век восемнадцатый, а то и за более древние времена.

– Граф Фоско, – Пендергаст поерзал в кресле, – вас не затруднит ответить на несколько вопросов?

– Ах, оставим этих «графов», в конце концов, мы в Америке! Зовите меня Исидор. Надеюсь, и я могу обращаться к вам Алоизий?

Возникла небольшая пауза, после которой Пендергаст с ледяным спокойствием произнес:

– Если позволите, граф, я предпочел бы сохранить формальную атмосферу.

– Как пожелаете. Вижу, Пинкеттс озаботился хересом для вас. Согласитесь, мой дворецкий просто находка. Англичане веками разыгрывали из себя господ над итальянцами, так что мне доставляет

удовольствие иметь под каблуком хотя бы одного из них. Вы ведь не англичанин?

– Нет.

– Значит, я могу позволить себе замечание: представляете, за всю историю у этой нации был всего один-единственный композитор, Берд. – Граф сел напротив на стул с мягкой обивкой, в который раз поразив Пендергаста легкостью и изяществом.

– Первый вопрос, граф Фоско, касается того памятного ужина у Гроува. Когда вы прибыли?

Граф свел белые ладони в молитвенном жесте и вздохнул.

– Гроув просил приехать к семи. Мне еще показалось странным, что он устраивает ужин в понедельник – это было не в его духе. Однако, как и положено в светском обществе, мы слегка опоздали: явились порознь, где-то между семью тридцатью и восемью. Я прибыл первым.

– Можете описать состояние Гроува?

– Да, Гроув был очень плох. Я уже говорил, он возбуждался по малейшему поводу, сильно нервничал; не так, впрочем, сильно, чтобы это помешало ему принять нас. Он даже приготовил изысканную камбалу – сам, хоть у него и работал повар. Гроув всегда умел прекрасно готовить и тем вечером превзошел самого себя – слегка прожарив рыбу в лимонном соке над огнем, он учел малейшие нюансы. После камбалы нам подали…

– Спасибо, я уже видел меню. Скажите, Гроув не объяснил, из-за чего он так нервничал?

– Не объяснил. Однако ему стоило огромных усилий это скрывать. Да и как можно скрыть такое, когда запираешь дверь на замок за каждым вновь прибывшим гостем и при этом затравленно озираешься по сторонам? Гроува выдало и то, что он почти не пил, а ведь он всегда был не против бокала хорошего бордо или предлагал гостям бутылочку отличного вина: от фриульского токая до совершенно замечательного шато петрюс девяностого года.

В личном погребке Пендергаста в Дакоте хранилось с десяток бутылок померола по две тысячи долларов, и шато петрюс 1990 года – лучшее со времен легендарного урожая 1961-го – занимало среди них почетное место. Однако об этом фэбээровец предпочел умолчать.

Граф продолжил рассказ, сдобрив его хорошей порцией юмора и говорливости:

– Гроув даже открыл – случайно, надо заметить – бутылочку «Кастелло ди Верацциано», так называемое bottiglia particolare, особое, с шелковым ярлычком. Исключительный вкус.

– Остальных гостей вы знали?

Граф улыбнулся:

– С леди Милбэнк я знаком достаточно хорошо, с Вильнюсом мы несколько раз встречались, а Джонатана Фредрика я знаю исключительно по публикациям.

– О чем вы говорили за ужином?

Улыбка на лице графа сделалась шире.

– А вот это самое интересное.

– Правда?

– В первую половину вечера мы обсуждали работу Жоржа де ла Тура. Вы, кстати, видели ее у меня в гостиной. Что скажете?

– Скажу, что нам лучше не уклоняться от темы.

– Но ведь это и есть тема разговора. Терпение, мой друг, терпение. Вот как, по-вашему, это подлинный де ла Тур?

– Да.

– Почему же?

– Кружева написаны в очень характерной технике. К тому же никто, кроме самого де ла Тура, не смог бы так пропустить свет от свечи меж пальцев натурщика.

Граф с любопытством посмотрел на Пендергаста, и в его глазах промелькнуло нечто неопределенное. Выдержав длинную паузу, Фоско очень тихо и серьезно произнес:

– Вы поражаете меня, Пендергаст. Я впечатлен. – Из голоса графа исчезли шутливые, фамильярные нотки. – Двадцать лет назад я оказался в небольшом финансовом затруднении и выставил на аукцион Сотби ту самую картину. Тогда Гроув опубликовал заметку в «Таймс», где назвал полотно одной из подделок Делобре[23] начала века. У меня на руках имелось доказательство подлинности, но картину все равно сняли с аукциона, и я потерял пятнадцать миллионов долларов.

– Значит, – поразмыслив, произнес Пендергаст, – вы говорили о том, как Гроув повесил на вашу картину ярлык «подделка»?

– Да, вначале. Затем мы заговорили о Вильнюсе – о его первой большой выставке в Сохо в начале восьмидесятых, и Гроув напомнил, как по этому случаю написал легендарную разгромную статью. А ведь после того карьера Вильнюса так и не восстановилась.

– Странные темы для беседы.

– Не могу не согласиться. Однако дело дошло и до леди Милбэнк, до их с Гроувом интрижки, имевшей место несколько лет назад.

– Веселый же получился ужин.

– Веселее не придумаешь.

– И как отреагировала леди Милбэнк?

– А как, вы считаете, должна была отреагировать леди? Интрижка разрушила ее брак, а Гроув поступил с ней омерзительно – оставил с ребенком, мальчиком.

– Похоже, причины для смертельной вражды с Гроувом имелись у каждого из вас.

– Воистину имелись, – вздохнул Фоско. – Мы все ненавидели Гроува, и Фредрик тоже. Я совсем его не знаю, но, похоже, несколько лет назад, работая редактором в «Арт энд стайл», он имел дерзость написать о Гроуве нечто неодобрительное. У Гроува имелись друзья на высоких должностях, и Фредрику пришлось искать новое место работы. Бедняга потом годами обивал пороги.

– Во сколько закончился ужин?

– После полуночи.

– Кто ушел первым?

– Первым из-за стола встал я. Мне действительно было пора уходить, ведь я нуждаюсь в длительном сне. Увидев, как следом за мной встали и остальные, Гроув чрезвычайно расстроился. Он очень не хотел, чтобы мы уходили, даже настаивал на кофе.

– Знаете почему?

– Думаю, боялся оставаться один.

– Можете точно вспомнить, что он говорил?

– В определенной мере. – И с пугающим реализмом Фоско заговорил взволнованным голосом, растягивая слова в истинно аристократической манере: – «Друзья мои! Только-только наступила полночь, ведь вы не собираетесь покинуть меня прямо сейчас? Я столько лет посвятил

неоправданной гордыне, но вот я очистился, и мы с вами воссоединились. Это надо отметить. У меня имеется отличный портвейн, мы просто обязаны его распить». – Граф шумно вздохнул. – Я почти соблазнился.

– Вы все ушли вместе?

– Кто как.

– Я хотел бы знать как можно точнее, во сколько ушли вы.

– В двадцать пять минут первого. – Фоско взглянул на Пендергаста. – Простите за дерзость, но за таким множеством вопросов вы забыли один, самый главный.

– Какой же, граф Фоско?

– Вы не спросили, почему Джереми Гроув в последний час собрал у себя четверых своих заклятых врагов.

Долгое время Пендергаст тщательно обдумывал это, размышляя о графе. Затем произнес:

– Хороший вопрос. Считайте, я его задал.

– Его задал и Джереми Гроув, едва усадив нас за стол. И ответил словами, которыми подписал приглашения: он желал искупить вину перед теми, с кем поступил наиболее несправедливо.

– У вас есть копия?

Улыбнувшись, Фоско достал из кармана записку и передал ее Пендергасту.

– Перед Вильнюсом свою вину он искупил, – сказал фэбээровец. – Написал статью.

– И статью шикарную, согласитесь. Вильнюс скорее всего уже арендовал Десятую галерею, а работы, которые он выставил, уходят по двойной цене.

– А с леди Милбэнк? С Джонатаном Фредриком? Как Гроув искупил вину перед ними?

– Восстановить брак леди Милбэнк он был не в силах и предложил кое-что в качестве компенсации. Роскошное ожерелье, которое Гроув выложил на стол перед леди Милбэнк, стало достойной заменой тому высохшему стручку, я имею в виду барона Милбэнка. Безупречные шриланкийские изумруды в сорок карат ценой ни много ни мало миллион долларов. Леди Милбэнк едва не упала в обморок. Джонатану

Фредрику Гроув дал то, чего тот желал больше всего, – кресло президента «Эдсель фаундейшн».

– Просто удивительно. А что же Гроув сделал для вас?

– Уверен, ответить на этот вопрос вы можете сами.

– Так значит, – кивнул Пендергаст, – искупить вину перед вами Гроув хотел, написав статью для «Берлингтон мэгэзин»? «Новый взгляд на „Воспитание девы“ Жоржа де ла Тура»?

– Совершенно верно. Гроув признавался в ошибке и подтверждал подлинность блестящей работы. Он прочел статью вслух, при всех за столом.

– Статья осталась лежать рядом с компьютером. Неподписанная и неотправленная.

– Самая что ни на есть правда, мистер Пендергаст. Из нас четырех смерть Гроува обездолила только меня. – Фоско развел руками. – Обожди убийца хотя бы день, и я стал бы на сорок миллионов богаче.

– Сорок? Мне показалось, вы сказали пятнадцать.

– Во столько полотно оценили на Сотби двадцать лет назад. Сегодня картина ушла бы за сорок. По меньшей мере. А если к этому добавить оправдательную статью… – Граф пожал плечами. – Теперь я утешаюсь тем, что смогу любоваться картиной весь остаток жизни. Никто не верит в ее подлинность, но это не важно, ведь я сам верю. И вы.

– Да, – сказал Пендергаст. – В конце концов, значение имеет лишь это.

– Хорошо сказано.

– А тот Вермер, что висит рядом?

– Подлинник.

– В самом деле?

– Картина датируется тысяча шестьсот семьдесят первым годом. Мэтр написал ее где-то между «Дамой, пишущей письмо, и ее служанкой» и «Символом веры».

– Как она вам досталась?

– Это наша семейная реликвия, Фоско не считали и не считают нужным похваляться достояниями рода.

– Просто поразительно.

– У вас найдется время, – с улыбкой поклонился граф, – осмотреть всю коллекцию?

Мгновение Пендергаст колебался, затем сказал:

– Честно говоря, да, найдется.

Граф повел Пендергаста к выходу и уже в дверях, обернувшись, приказал:

– Буцефал, моя прелесть, приглядывай здесь.

Ответом ему был оцифрованный пронзительный крик.

Глава 14

Д'Агоста продирался сквозь кусты и деревья вдоль набережной, ища самое темное место. За ним гнались двое с оружием.

Пригнувшись, стараясь слиться с деревьями, сержант вытащил пистолет и передернул затвор. Табельный «глок» – это, конечно, не собственный 45-й, но выбирать не приходится: его поставили на вооружение в большинстве департаментов. Пробивная сила не та, зато «глок» легок, надежен, и обойма вмещает пятнадцать патронов. Запасной магазин д'Агоста оставил в ящике стола. Разве мог он подумать, отправляясь собирать показания, что ему пригодится вторая обойма?!

Двое быстро достигли зарослей. В низких кустах, где прятаться можно от силы минуты две, не было смысла сохранять бесшумность. И д'Агоста не сохранял – захрустев ветками, он двинулся на юг. Только бы оторваться – совсем ненадолго, тогда можно будет вернуться на оживленную Риверсайд-драйв, туда погоня не сунется. Д'Агоста быстро сообразил, что лучше всего двигаться к участку на Девяносто пятой улице, между Бродвеем и театром «Нью-Амстердам».

Преследователи коротко перекликнулись.

Д'Агоста мгновенно понял, что сейчас его зажмут с обеих сторон.

Он бежал, низко пригнувшись. Нет времени продумывать план, нет времени вызывать подкрепление – только бежать, бежать со всех ног. Слева мелькали огни Риверсайд-драйв, справа, далеко внизу, монотонно гудели спешащие автомобили. Д'Агоста мельком подумал, можно скатиться по крутой насыпи к набережной и выбежать на шоссе. Нет, на склоне слишком буйно разросся папоротник, в нем запросто можно увязнуть – и тогда пиши пропало.

Внезапно деревья закончились, и сержант оказался у залитого лунным светом сада между параллельными дорожками тротуара. Место хорошо просматривалось, но выбора не было, и д'Агоста побежал.

«Да что за гады меня преследуют?!» – подумал он.

Это не просто грабители или копоненавистники, ведь они вели д'Агосту от самой верхней части города. Значит, его заказали.

Д'Агоста бежал мимо самого настоящего муниципального сада, окруженного обязательными рядами железных скамеек. Слева вспыхнула и заплясала, будто возбужденный светляк, красная точка.

«Лазерный прицел».

Д'Агоста бросился вправо – и тут же громыхнул выстрел. Пуля срикошетила от скамьи с тошнотворным звоном, отозвавшимся в ночи гулким эхом. Д'Агоста упал в клумбу, неуклюже перекатился и встал в огневую позицию. Навстречу мчалась неясная темная фигура. Д'Агоста выстрелил – раз, второй, – перекатился вбок и побежал, проклиная себя за то, что забросил упражнения в тире. Но пусть он и промахнулся, выстрелы задержат погоню. По крайней мере д'Агоста на это надеялся. Добежав до противоположной стороны сада, он пригнулся в гуще деревьев.

Рядом вновь заплясала красная точка. Прозвучал еще выстрел. Сержант упал, перекатился, ссадив об асфальт колено, вскочил и побежал дальше.

За ним гнались профессиональные киллеры. Они стреляли из крупнокалиберных пистолетов, а выстрелы д'Агосты их нимало не задержали.

Задыхаясь, он помчался через игровую площадку, кое-как перепрыгивая через качели, песочницу и костеря себя за то, что совсем распустился. Д'Агоста с трудом мог припомнить, когда в последний раз был в спортзале.

За площадью с фонтаном он перелез через парапет и притаился за каменной стеной. Мимо открытого тротуара тем двоим не пройти. Покрепче сжав рукоять пистолета обеими руками, д'Агоста вспоминал: «Не зацикливайся на курке. Не жди выстрела, он произойдет сам собой. Считай патроны».

«Вот они!» Из зарослей быстро выбежали темные фигуры, и д'Агоста выстрелил – раз, второй, третий.

В воздухе заплясали красные пятна прицелов. Изрыгая проклятия, д'Агоста выпускал один патрон за другим, совершенно забыв свои же советы. За лающим грохотом выстрелов он совершенно не слышал собственный голос, но чувствовал, как у самого лица пули убийц выбивают крошку из камня. Ублюдки промахивались на какие-то сантиметры, а его пули уходили в сторону на добрую милю. Ну-ка,

сколько раз за последние три года он посетил тир? Былые навыки покрылись пылью времени, как и награды за меткость.

Молясь, как бы не подставить спину, д'Агоста побежал от стены. На ходу он извлек обойму и в тусклом свете увидел: один патрон. Еще один в патроннике.

Впереди сквозь листву вдруг проступили контуры съезда с моста над Сто десятой улицей. Он был обнесен проволочной изгородью, и д'Агоста понял, что бежит в ловушку, быстрее барана, идущего на заклание. Но бежать назад, а там через парапет и снова на тротуар – самоубийство.

Осталось одно – бежать направо. Спустившись на шоссе, можно будет создать беспорядок и пробку. Там преследователи не станут стрелять, и д'Агоста успеет вызвать подмогу по рации.

Не давая себе опомниться, он ринулся вниз – сквозь кусты ежевики, сумаха и ядовитого плюща, спотыкаясь, падая и катясь кубарем. Острые ветки не щадили униформы, камни обдирали плечи и локти.

Бах! Грянул выстрел.

Насыпь будто вырвали из-под ног, и д'Агоста покатился, затем заставил себя встать и побежал, лишь раз коротко оглянувшись назад. Погоня шла в каких-то тридцати футах наверху. В отчаянии д'Агоста развернулся и выстрелил в ближайшего преследователя. Убийца качнулся в сторону, но скорости не сбавил.

Д'Агоста несся вниз, и сердце опасно заходилось. Внезапно шум автомобилей сделался громче. Замелькали лучи фар, на мгновение озаряя лицо.

Бах! Бах!

Осталось всего пятьдесят футов. Пригнувшись, д'Агоста бежал, а на нем предательски скрещивались лучи фар, делая отличной мишенью.

Тридцать футов. Деревья редели, уступая место мусору и сорнякам.

Бах!

Насыпь выровнялась. Еще двадцать футов. Он бежал кратчайшим путем на пределе сил…

И тут – бу-ум! – его отбросило назад.

Пораженный д'Агоста решил, что ранен, однако оказалось, что он налетел на забор. Мгновения хватило, чтобы увидеть его целиком: проволочная изгородь, увенчанная спиральной колючей проволокой. У дальнего края, на обочине чернеют остовы разбитых машин.

Изувеченная наркоманами изгородь протянулась вдоль шоссе. Ну конечно же, д'Агоста столько раз проезжал мимо, видел, как опасно нависает она над дорогой, словно преграждая путь завалам мусора и гниющих листьев. Теперь он в ловушке.

Развернувшись, д'Агоста встал на колено. Момент настал.

«Один патрон – два противника».

Хреновый расклад.

Глава 15

В камине горел слабый огонь, изгоняя сырой холод из воздуха, пропитанного запахом клеенки и лака для дерева. Пламя отбрасывало красноватые отблески на стеллажи с книгами, что вздымались полка за полкой до самого потолка и мерцали в темноте золотым тиснением корешков.

С одной стороны камина в «крылатом» кресле сидел специальный агент Пендергаст. С другой стороны в точно таком же кресле – Констанс Грин, худая и стройная, в идеально отглаженном плиссированном платье. Совсем недавно они пили чай со сливками и диетическим печеньем.

Пендергаст мельком глянул на часы над каминной полкой, затем вернулся к газете. Бормоча, пробежался глазами по строчкам и нашел наконец нужную:

– «Сегодня, седьмого августа тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года по итогам голосования (восемьдесят восемь против четырех) сенат уполномочил президента Джонсона применить „все необходимые меры“, чтобы отразить боевые атаки на вооруженные силы США во Вьетнаме. Голосование явилось ответом на артиллерийский обстрел Северным Вьетнамом двух американских военных кораблей в заливе Тонкин…»

Пендергаст перевернул очередную пожелтевшую от времени хрупкую страницу. Констанс, которая до того внимательно слушала, вдруг жестом попросила агента остановиться.

– Я не уверена, что выдержу еще один рассказ о войне. Конец будет плохой?

– Один из худших. Война расколет страну.

– Тогда прибережем этот рассказ на завтра.

Пендергаст кивнул и, аккуратно сложив газету, отложил ее в сторону.

– Моя душа в смятении, – сказала девушка. – Я с трудом могу поверить в жестокость ушедшего века.

Пендергаст согласно кивнул, а Констанс покачала головой. Пламя камина отразилось в больших темных глазах и на прямых черных волосах.

– Думаешь, этот век будет столь же бесчеловечен?

– Двадцатый век показал нам злую личину физики. Двадцать первый покажет злую личину биологии. И станет последним веком для человечества.

– Вы говорите об этом так хладнокровно.

– Даст Бог, я ошибаюсь.

Горка углей в камине рухнула, и в плоти огня открылась тлеющая рана.

– А сейчас, – Пендергаст поерзал, – почему бы не перейти к тому, что ты отыскала?

– Разумеется. – Констанс поднялась и отошла к стеллажу, откуда вернулась с несколькими томами ин-октаво. – Аббат Тиртемий, «Liber de Angelis», тексты Макмастера, «Заклятая книга Гонория», «Secretum Philosoforum» и, конечно же, «Ars Notorium». В них я нашла заклинания для вызова дьявола, образцы договора на продажу души и тому подобное. – Девушка положила книги на столик. – Все книги якобы написаны очевидцами – на латыни, древнегреческом, арамейском, старофранцузском, староскандинавском и среднеанглийском. Еще я нашла гримуары.

– Учебники по магии, – кивнул Пендергаст.

– Самый известный – «Ключ Соломона». Многие из документов некогда принадлежали тайным обществам и орденам. Средневековая знать нередко объединялась в такие организации, очевидно, чтобы заниматься активными сатанинскими практиками.

Пендергаст снова кивнул.

– Мне особенно интересны записи о том, когда дьявол приходит забрать долг.

– Таких много. – С легким выражением неприязни Констанс указала на изъеденную червями обложку «Ars Notorium». – Например, «Сказание о Джеффри, магистре Кентском».

– Продолжай.

– Рассказ не далеко ушел от «Фауста», разве что в деталях. Герой – высоко образованный человек, неспокойный, неудовлетворенный. Он находит рукопись, далее – вызов дьявола, нарушенные обещания и «счастливый» конец. В начале пятнадцатого века наш герой работал в Оксфорде, преподавал химию и математику. Его страстью стали простые числа, он потратил годы на то, чтобы вычислить их. Видя, что некоторые из вычислений занимают больше года, магистр осознал, что без помощи не обойтись, иначе дело останется незавершенным. Так ученый заключил договор с дьяволом. В Ориэл-колледже, где он преподавал, поговаривали, что из комнаты ученого доносились пение, ужасный запах, необъяснимые звуки, а в окнах далеко за полночь мерцали огни. Продолжая преподавать, магистр не бросил алхимических изысканий, и вскоре стало известно, что он сумел преобразовать свинец в золото. Слава о магистре Джеффри разошлась далеко, и сам король Генрих Шестой сделал его членом ордена золотого потира. Ученый опубликовал книгу «Девять чисел Господних», а его мудрость и образованность стали известны за пределами Европы.

Затем все изменилось. На пике славы магистр стал нервным, подозрительным, странным. Он часто болел, запирался у себя в комнате и подпрыгивал на месте при малейшем звуке. Он худел, а глаза его были "аки вел*и*ки запавши очи тельца, приведенного на убой". Он велел обить двери своей комнаты железом и поставить медные замки.

Однажды утром, когда магистр не вышел завтракать, студенты отправились к его келье. Дверь оказалась заперта, а до горячей ручки нельзя было дотронуться. Пахло фосфором и серой.

Только с большим трудом студенты смогли вломиться. Они застали ужасное зрелище: полностью одетый Джеффри, магистр Кентский, нашелся на деревянном ложе, словно готовый к погребению. На теле не было ни порезов, ни переломов, ни синяков. Однако сердце магистра лежало рядом, частично обгоревшее. Говорят, оно билось, пока его не окропили святой водой, и тогда оно взорвалось. В детали вдаваться, пожалуй, не стоит.

Констанс отпила чаю, поставила чашку на место и улыбнулась.

– А в тексте описывается сам вызов Князя тьмы? – спросил Пендергаст.

– Вызывающий демонов вставал в центр круга диаметром в девять футов, который чертил на полу ритуальным ножом артаме. Нередко в большой круг вписывались окружности поменьше или даже пентакль. Но прежде всего необходимо было помнить, что нельзя выходить за пределы круга – только так вызывающий мог защититься от демона.

– А что происходило, когда являлись демоны?

– Составлялся договор. В обмен на бессмертную душу обычно требовали здоровье, богатство, знания. Прототипом историй, особенно их конца, разумеется, служит «Фауст».

Пендергаст ободряюще кивнул, и Констанс продолжила:

– Заключив договор с дьяволом, Фауст получил все, в чем так нуждался: силу – земную и неземную, а в придачу кое-что еще: доктор постоянно жаловался, будто за ним следят глаза со стены, что его преследует звук, очень странный, похожий на скрежет зубов. И несмотря на то что у Фауста было все, что только мог пожелать смертный, он не знал покоя. В конце концов, когда срок договора стал истекать, он взялся за Библию – читал ее и во весь голос каялся. Последние дни он провел в компании собутыльников, обливаясь слезами, причитая и умоляя небо замедлить ход времени.

– «O lente, lente, curritie noctis equi»[24], – тихо, нараспев произнес Пендергаст.

– Кристофер Марло, – немедленно подхватила Констанс, – «Доктор Фауст», акт пятый, сцена вторая. – И продекламировала:

Светила движутся, несется время;

Пробьют часы, придет за мною дьявол,

И я погибну[25].

По лицу Пендергаста пробежала улыбка.

– По легенде, после полуночи из комнаты Фауста раздались ужасные вопли. Никто из гостей не решился войти и проверить, но утром комната напоминала скотобойню: стены были забрызганы кровью. В углу отыскалось глазное яблоко, а на одной из стен висел размозженный череп. Прочие останки нашлись в аллее, в куче конского навоза. Рассказывали, будто… – Девушка прервалась, когда в дверь постучали.

– А вот и сержант д'Агоста. – Пендергаст взглянул на часы. – Войдите, – сказал он уже громче.

Дверь медленно открылась, и в комнату вошел Винсент д'Агоста – грязный, в порванной униформе, исцарапанный, весь в крови.

– Винсент! – Пендергаст резко встал.

Глава 16

Д'Агоста рухнул в кресло словно подкошенный. Казалось, его естество разделилось надвое: первая половина уже онемела, а вторая пульсировала болью.

Так, значит, вот где поселился Пендергаст – в темном холодном особняке, похожем на дом с привидениями. И как он только променял свой домище в Вест-Сайде на этот музей, уставленный чучелами и скелетами животных!.. Среди комнат, увешанных полками со всяческой хренью, библиотека – с огнем в камине и мягкими креслами – напоминала оазис.

У Пендергаста определенно вертелось на языке энное количество вопросов, но д'Агосту больше заботили собственные болячки.

– У вас такой вид, будто вы удрали из лап самого дьявола, – заметил Пендергаст.

– Вы не далеки от истины.

– Хереса?

– А холодного пива не найдется?

Оскорбленный в лучших чувствах, Пендергаст предложил:

– «Пилзнер» подойдет?

– Сгодится любое.

Оказалось, в библиотеке был еще кое-кто – девушка в платье цвета лососины поднялась из кресла и вышла. Вскоре она вернулась, неся на подносе бокал пива. Благодарно мыча, д'Агоста принялся пить.

– Спасибо... э-э...

– Констанс, – мягко подсказала девушка.

– Констанс Грин, – уточнил Пендергаст. – Моя подопечная. А это сержант Винсент д'Агоста, мое доверенное лицо. Он помогает мне в этом деле.

Д'Агоста глянул на Пендергаста. Какая еще, к черту, подопечная?! Присмотревшись, он нашел, что в девушке нет ничего особенного, однако этим она и была красива – привлекала простотой внешности, блеклостью черт. Из-под кружевного переда пуритански скромного платья проступали упругие груди, глядя на которые, д'Агоста ощутил отнюдь не скромный – и далеко не пуританский – позыв в чреслах. Одежду девушка носила старинную, но выглядела не старше, чем на двадцать. И только глаза – выразительные фиалковые глаза – не позволяли назвать юную леди ребенком. Не позволяли никак.

– Рад познакомиться. – Выпрямившись, д'Агоста поморщился.

– Где болит? – спросил Пендергаст.

– Да почти везде. – Он сделал еще один затяжной глоток.

– Расскажите, что случилось.

– Начну с начала. – Д'Агоста отставил бокал. – Первой я опросил леди Милбэнк. С ней вышел полный облом, она только и говорила, что о своем новом изумрудном ожерелье. С Катфортом дело обстояло не лучше: он изворачивался, пытаясь объяснить, зачем Гроув ему звонил, а на прямые вопросы если и отвечал, то уклончиво. Последним я зашел к Балларду в атлетический клуб. Так вот он заявил, будто Гроува знает едва-едва и вообще не помнит, о чем они разговаривали. Мол, понятия не имеет, где Гроув раздобыл его номер… Короче, клиент врет, краснеет и, главное, не пытается этого скрыть.

– Занятно.

– Да, руки так и чешутся с ним поработать. С этим здоровым, уродливым му… – Д'Агоста оглянулся на девушку, – мужчиной. По сути, он меня продинамил. Я ушел, перекусил в баре «У Маллина». По пути несколько раз мне на глаза попадался золотистый «шевроле-импала». Затем на метро я добрался до Девяносто шестой улицы, оттуда – пешком до Риверсайд. А на Сто тридцатой снова появился «шевроле».

– Вы шли на север или на юг?

– На север, – не совсем понимая, к чему клонит напарник, ответил д'Агоста.

Пендергаст кивнул.

– Я просек, – продолжил сержант, – что намечается заварушка, и побежал в Риверсайдский парк. Из машины вылезли двое парней с пистолетами. Метко били, ничего не скажешь – с лазерными-то прицелами. Я драпал от них через весь парк, потом выбежал к Вест-Сайдскому шоссе и наткнулся там, внизу, на забор. Думал, конец. Но тут смотрю, ярдах в пятидесяти – разбитая машина, прошла сквозь забор да так и осталась гнить. На шоссе я оторвался, поймал тачку, и меня подбросили до следующего выхода. Такси не нашел, плелся пешком назад через тридцать кварталов. Все ждал, когда появится «импала». Представьте себе, идешь в тени, боишься выйти на свет, и вдруг становится тихо…

Пендергаст снова кивнул.

– Получается, пока один вел машину, второй спустился за вами в метро. Потом они соединились, чтобы отрезать вам путь.

– Я тоже так подумал. Старый трюк.

– Вы стреляли в ответ?

– Ага, но пользы…

– Куда же делась ваша хваленая меткость?

– Ну, – д'Агоста отвел взгляд, – глаз чуть замылился.

– Вопрос в том, кто подослал убийц.

– Они появились чертовски скоро после того, как я тряхнул Балларда.

– Не думаете, что слишком уж скоро?

– Баллард не из тех, кто выжидает. Он парень резкий.

Пендергаст кивнул.

Пока длился рассказ, юная леди хранила вежливое молчание. Потом она поднялась с дивана.

– С вашего позволения, – сказала она, – я покину вас, дабы вы могли обсудить дело сугубо меж вами.

Отчетливый, но едва уловимый акцент в ее речи почему-то напомнил д'Агосте о старых черно-белых фильмах.

– Доброй ночи, Алоиз. – Девушка поцеловала Пендергаста в щеку и, повернувшись к д'Агосте, кивнула: – Рада знакомству, сержант.

Двери в библиотеку сомкнулись за ней, и на комнату опустилась тишина.

– Значит, подопечная, да? – фыркнул д'Агоста.

Пендергаст кивнул.

– Откуда она?

– Унаследовал вместе с домом.

– Людей, черт подери, не наследуют. Родственница?

– Не родственница. Тут все сложнее. Особняк и коллекции достались мне от двоюродного деда Антуана. А Констанс обнаружил один мой знакомый, который все лето производил в доме опись. Она здесь пряталась.

– И давно?

– Довольно-таки, – ответил Пендергаст, выдержав паузу.

– Кто она такая? Беглянка? Семья у нее есть?

– Она сирота. Дядя Антуан взял ее на попечение, заботился о ее образовании.

– Он, стало быть, святой.

– Едва ли. Так случилось, что Констанс стала единственным человеком, о котором он заботился. Заботился еще долго после того, как перестал заботиться даже о себе самом. Дядя был мизантроп, но Констанс стала тем самым исключением, которое подтверждает правило. Так или иначе, теперь я единственная ее семья. Но должен попросить вас не упоминать об этом при Констанс. Последние полгода стали для нее исключительно… тяжелыми.

– В смысле?

– В том смысле, что прошлое лучше не вспоминать. Достаточно заметить, Винсент, что Констанс – невинная наследница серии давних дьявольских экспериментов. Она очень рано лишилась семьи, причем родители стали жертвами тех опытов, и я решил, что просто обязан позаботиться о благополучии девушки. Зато ее знание дома оказалось бесценным. Из нее выйдет отличный хранитель и ассистент в исследованиях.

– По крайней мере смотреть на нее приятно. – Заметив недовольный взгляд Пендергаста, д'Агоста откашлялся и спросил: – А как там ваши подозреваемые?

– Монткальм не поведал ничего нового. Он путешествовал и вернулся только вчера. Похоже, Гроув, не дозвонившись до него самого, оставил безумное сообщение его помощнику: «Как разорвать договор с дьяволом?» Помощник записку выбросил – очевидно, Монткальм притягивает эксцентриков как магнит и получает множество подобных сообщений. Фоско же, напротив, оказался весьма интересен.

– Надеюсь, вы выжали его как лимон.

– Еще вопрос, кто кого выжал, – сказал Пендергаст, крайне озадачив д'Агосту.

– Он замешан? – спросил тот.

– Смотря что вы имеете в виду. Граф – поразительный человек, и его воспоминаниям нет цены.

– Так, у нас еще не решен вопрос с Катфортом и Баллардом.

– По вашим словам, они оба лгали. Как вы определили?

– Катфорт утверждал, что Гроув позвонил посреди ночи договориться насчет покупки каких-то рок-сувениров. Я сблефовал, сказав, что Гроув ненавидел рок-музыку, и Катфорта выдали глаза.

– Грубо.

– Катфорт сам грубый, а еще глупый. Не моя вина, что он купился. Хотя надо признать, что он хорош в своем деле, особенно если учесть, сколько огреб денег.

– Популярная музыка не обязательно идет рука об руку с умом, воспитанностью и образованием.

– Что ж, Баллард другого типа. Он действительно груб, но мозгов ему не занимать. Я бы не стал его недооценивать. Фокус в том, что все они знают о смерти Гроува больше, чем говорят. И если Катфорта мы расколем – ведь он так себе, размазня, – то Баллард крепкий орешек.

Пендергаст кивнул.

– Завтра будут результаты вскрытия, и мы получим сведения, в которых остро нуждаемся. Главное сейчас найти связь между Катфортом, Баллардом и Гроувом. Нащупаем эту ниточку – и она выведет к разгадке тайны.

Глава 17

В лаборатории ФБР на Конгресс-стрит доктор Джек Динфонг осмотрел металлические столы, вытяжные шкафы, герметичные камеры с манипуляторами-перчатками, микроскопы, микротома и титровальные установки. Оборудование не идеальное, зато работает – хватит, чтобы ввести в курс дела начальство и специального агента Пендергаста. О последнем глава отдела судебной экспертизы был наслышан и с нетерпением ждал сегодняшней встречи.

Приняв у полиции Саутгемптона улики, начальство теперь требовало от Динфонга сложить воедино все кусочки головоломки. Взглянув еще раз на записи в учетной карте, Динфонг ощутил беспокойство. Что говорить, он знал и в отчет смотрел по привычке. Не знал Динфонг только, как преподнести результаты. Он не мог позволить себе вольную трактовку – так недолго отправить за решетку невинного человека. Этого Динфонг боялся больше всего, и никто – даже великий и ужасный Пендергаст – не заставил бы его взять грех на душу. Оставалось надеяться, что репутация специального агента оправдается, и он сам сделает выводы.

Заслышав шаги в коридоре, Динфонг взглянул на часы. Слух о черте Пендергаста приходить с точностью до минуты уже подтвердился.

Дверь открылась, и в лабораторию вошел изящный человек в черном костюме. За ним проследовал директор местного отделения специальный агент Карлтон, затем младшие сотрудники Бюро и ассистенты. В воздухе киселем сгустилось возбуждение, какое могло вызвать лишь исключительно важное дело – настолько важное, что специальный агент Карлтон не поленился прийти сюда в субботу.

Пендергаст выглядел точно так, каким его описывали. Кошачья грация, спокойное аристократическое лицо, почти белые волосы и бегающий взгляд цепких глаз – все это выделяло Пендергаста в некую особую категорию фэбээровцев, с которой Динфонгу прежде не доводилось встречаться.

Сверкнув, серые глаза остановились на Динфонге, и агент широким шагом направился к нему.

– Доктор Динфонг, – проговорил Пендергаст в типичной для выходцев с Юга льстивой манере.

– Очень приятно. – Динфонг пожал сухую холодную руку.

– Прочел вашу заметку в «Журнале судебной медицины» о развитии личинок мясной мухи в человеческом трупе. Очень занимательно.

– Спасибо.

Сам Динфонг о свей статье был иного мнения, а занимательным считал литературные эссе Сэмюеля Джонсона. Впрочем, о вкусах не спорят.

– Все готово, – сказал он, указывая на два ряда металлических стульев перед экраном проектора. – Начнем с небольшой видеопрезентации.

– Отлично.

Бормоча, покашливая и скребя ножками стульев, агенты расселись. Директор Карлтон занял место в середине первого ряда; филейная часть его пышных форм, словно тесто, выступила над краями сиденья.

Кивнув ассистенту, чтобы тот притушил свет, Динфонг включил проектор, соединенный с компьютером.

– Если возникнут вопросы – задавайте, не стесняйтесь, – начал он, когда на экране появилось первое изображение. – Пойдем от простейшего к более сложному. Вот, пожалуйста, кристаллик серы, найденный на месте преступления. Пятидесятикратное увеличение. Химический анализ микроэлементов показал, что сера натуральная, вулканического происхождения. Ее нагрели – очень быстро – неизвестным образом, а при нагревании серы образуется диоксид серы, или сернистый газ, обладающий сильным запахом жженых спичек. Если же затем сера вступит в контакт с водой, получится серная кислота. Вот эти волокна, –

изображение сменилось, – нити из одежды жертвы. Обратите внимание на ямочки и то, как нити свернулись, – это типичные следы воздействия серной кислотой.

Промелькнули еще три слайда.

– Как видите, даже на пластиковых очках жертвы, на лаковом покрытии стен и пола имеются микроскопические следы воздействия кислотой.

– Вы определили, откуда именно сера? – поднявшись, спросил Пендергаст.

– Это практически невозможно. Нам пришлось бы проанализировать и сравнить тысячи проб с различных известных вулканов, а это титанический труд, даже если бы у нас имелись все образцы. Могу сказать лишь, что большая доля кремния говорит в пользу материкового, а не океанического происхождения. То есть эта сера не с Гавайских островов и не с морского дна.

В темноте Динфонг не разглядел выражение лица Пендергаста, когда тот уселся на место.

– Далее – срез участков пола в том месте, где находились так называемые отпечатки копыт. – На экране промелькнуло еще несколько картинок, и Динфонг кашлянул. – И вот тут начинаются трудности. Видите, как глубоко прожжено дерево? Сейчас я дам двухсоткратное увеличение.

Следующий слайд.

– Причиной явился не «эффект клейма». – Доктор сглотнул. – То есть следы не были выжжены раскаленным предметом. Их оставило мощное неионизирующее излучение – возможно даже, в инфракрасном диапазоне, глубоко проникшее в древесину.

Как и ожидал Динфонг, следующий вопрос задал Карлтон:

– Выходит, преступник ничего там не нагревал и не занимался выжиганием на полу?

– Точно. Поверхности пола вообще ничего не касалось.

– Минуточку. – Карлтон пошевелился, и стул под ним угрожающе застонал. – Как такое может быть?

– Мое дело описывать, а не строить догадки, – ответил Динфонг.

– Что же это получается? – не сдавался шеф. – Следы выжгли каким-то лучевым пистолетом?

– Я не в состоянии определить, что служило источником излучения.

Недоуменно хрюкнув, Карлтон вернулся в прежнее положение.

– Перейдем к кресту. – Появился следующий слайд. – Наш эксперт-искусствовед определил его как редкий экземпляр тосканских крестов семнадцатого века. Такие обычно носили в высших кругах общества. Он сделан из спаянных слоев золота и серебра и вырезан вручную, что создает довольно интересный эффект, известный как lamelles fines, пластинчатые волокна. Была еще деревянная оправа, которая большей частью сгорела.

– Сколько же этот крест стоит? – Карлтон, видимо, для разнообразия решил задать умный вопрос.

– С драгоценными камнями – от восьмидесяти до ста тысяч долларов. В первоначальном виде, разумеется.

Карлтон присвистнул.

– Крест нашли на шее жертвы прикипевшим к коже. А вот фотографии с места преступления.

При виде снимков кто-то с отвращением, а кто-то и недоверчиво скривился.

– Как видите, крест, нагретый до температуры плавления, оставил глубокий ожог на коже. Однако посмотрите: прилегающие участки кожи даже не покраснели. Нечто – и я действительно не могу сказать, что именно – выборочно расплавило крест, не обжигая тело жертвы. Крест частично сгорел и вплавился в плоть. А это, – Динфонг дал следующий слайд, – электронный микрофотоснимок – трехтысячекратное увеличение. Крайне необычная точечная коррозия на серебряной части креста. Этого я также не могу объяснить. Подозреваю, что очень сильное, длительное излучение уничтожило слой электронов, испарив часть металла. Почему оно воздействовало на серебро, а не на золото, я сказать не могу.

– Нельзя ли, – поднялся Карлтон, – сказать это нормальным языком?

– Конечно, – сухо ответил Динфонг. – Что-то нагрело и расплавило крест, не тронув ничего вокруг. Полагаю, это некий вид излучения, который воспринимается металлом лучше, чем кожей.

– Со следами копыт – то же самое?

– Вполне возможно. – Динфонг был вынужден признать, что Карлтон лишь притворяется недалеким.

Пендергаст поднял палец.

– Агент Пендергаст?

– Вы нашли еще следы излучения?

– Да, – Динфонг порадовался куда как более достойному вопросу. – Мы нашли их на столбиках кровати из лакированной сосны и на стене за кроватью – это уже крашеная сосна. Краска в этих местах облупилась.

Щелкнув «мышкой», Динфонг вывел на экран новое изображение.

– Поперечное сечение стены – здесь показаны четыре слоя краски. И вот что еще странно: пострадали только самые глубокие слои. Остальные же сохранились, не изменился даже химический состав.

– Вы проанализировали все четыре слоя? – спросил Пендергаст.

Динфонг кивнул.

– Нижний слой – краска на свинцовой основе?

Куда ведет Пендергаст, Динфонг понял в тот же момент и поразился, как не дошел до этого сам.

– Позвольте, я загляну в записи.

Динфонг быстро пролистал отчеты, подшитые в папку «Сера». В ФБР все дела получали названия, и это придумал сам Динфонг. Возможно, и патетично, зато в самую точку.

– Собственно говоря, да, – оторвался он от папки. – Краска на свинцовой основе.

– Остальные – нет?

– Все верно.

– Еще одно доказательство того, что мы имеем дело с неким видом излучения.

– Очень хорошо, агент Пендергаст.

Впервые за время практики прийти к заключению Динфонгу помог агент ФБР. Репутация Пендергаста оказалась заслуженной.

– Еще вопросы? Или комментарии?

Карлтон вяло поднял руку.

– Слушаю.

– Как нечто могло повредить нижние слои и не задеть верхние?

– Свинец в краске, – ответил ему Пендергаст. – Он среагировал на излучение, как и серебро. Свинец хорошо поглощает радиацию. Доктор,

а дополнительное обследование на месте выявило какие-нибудь следы радиоактивности?

– Абсолютно никаких.

Карлтон кивнул.

– Отметь это, Сэм, понял?

– Конечно, сэр, – отозвался один из младших агентов.

Динфонг перешел к следующему слайду.

– Последнее – участок креста крупным планом. Излучением оплавило только крест. Ни один конвективный источник на такое не способен.

– Какой тип излучения может воздействовать на металл, не затронув плоти? – спросил Пендергаст.

– Рентгеновское излучение, гамма-лучи, микроволновое излучение, дальняя область ИК-спектра, определенный спектр радиочастот, не говоря уже об альфа-лучах и потоках быстрых нейтронов. Все они вполне естественны, неестественной была мощность излучения.

Тут бы Карлтону вставить свое, но директор молчал. Вместо него снова заговорил Пендергаст:

– Точечная коррозия ни на что вас не натолкнула?

– Пока нет.

– Никаких догадок?

– Я не строю догадок, мистер Пендергаст.

– Но ведь так воздействовать на крест мог мощный пучок электронов, вы не думаете?

– Только в условиях вакуума. В воздухе пучок рассеялся бы, скажем, в миллиметре или двух. Я уже сказал, это могло быть инфракрасное, рентгеновское или микроволновое излучение. Если не считать, что создают такие пучки лишь передатчики весом в несколько тонн.

– Вы, конечно же, правы, доктор. Но что вы думаете о предположении, высказанном в «Нью-Йорк пост»?

Резкий поворот слегка огорошил Динфонга.

– Я, – помолчав, сказал он, – не имею привычки опираться в работе на предположения «Пост».

– Они высказали догадку о том, что дьявол забрал душу Джереми Гроува.

Возникла небольшая заминка, во время которой по залу пробежали редкие смешки. Очевидно, Пендергаст шутил. Или нет?

– Под такой версией, мистер Пендергаст, я бы не подписался.

– Вот как?

– Я буддист, – улыбнулся Динфонг. – Для меня дьявол скрыт в человеческом сердце.

Глава 18

У входа в Метрополитен-опера бурлил людской поток, но графа Исидора Фоско Пендергаст нашел быстро. Массивную фигуру, застывшую в театральной позе у фонтана Линкольн-центра, фэбээровец не спутал бы ни с кем.

По случаю премьеры «Лукреции Борджиа» Доницетти Фоско нарядился в идеально подогнанный белый фрак, не забыв о гардении в петлице. Вместо обычной жилетки он щеголял роскошным гонконгским шелком с серыми и белыми парчовыми вставками. Пудра довела его ухоженные щеки до розового совершенства, а седые волосы завивались львиными кудрями. Довершали композицию миниатюрные серые перчатки.

– Мой дорогой Пендергаст! – радостно воскликнул Фоско. – Я был уверен, что вы наденете фрак. Не понимаю, как в такую ночь можно одеваться столь вызывающе безвкусно. – Он широким жестом окинул устремленный к фойе поток смокингов. – В наши темные дни осталось лишь три случая, когда можно по-настоящему сверкнуть нарядами: первый – бракосочетание, второй – похороны и третий – премьера в опере. Третий случай, конечно же, самый счастливый.

– Это как посмотреть, – сухо ответил Пендергаст.

– Так вы счастливый муж?

– Не угадали.

– А! – Фоско рассмеялся. – Вы правы, Пендергаст. Я знавал людей, обретших счастье лишь на своих похоронах.

– Хотя радостный повод надеть фрак достается наследникам.

– Ах вы, негодник! – пожурил агента граф. – Ну что же, войдем? Надеюсь, вы не против, что я взял билеты в партер – не люблю ложи, акустика там отвратительная. Наши места в центре, правый сектор. Я долго экспериментировал и понял, что это идеальная акустическая зона:

места от двадцать третьего до тридцать первого. Однако посмотрите, огни в зале гаснут. Нам лучше поспешить.

Толпа, словно косяк мелких рыбешек, расступалась перед графом. Фоско, вскинув массивную голову, плавно двинулся к центральным дверям, где они с Пендергастом не оглядываясь прошмыгнули мимо капельдинеров, предлагавших программы. Уже в зале они устремились по центральному проходу вниз и заняли свои места. Для себя Фоско зарезервировал аж целых три. Усевшись в кресло посередине, он простер руки на перевернутые боковые сиденья и сказал:

– Простите, дорогой Пендергаст, что мы не сидим щека к щеке, мое телосложение требует пространства. – Он достал из кармана небольшое пенсне, украшенное жемчугом, и положил его на сиденье справа. Пустующее место по левую руку занял медный цилиндрик миниатюрной, но мощной подзорной трубы.

Вместе с тем как большой зал заполнялся зрителями, в воздухе росло возбуждение. Из оркестровой ямы доносилось бормотание инструментов – музыканты, настраивая их, прогоняли кусочки из сегодняшней оперы.

Наклонившись к Пендергасту, граф коснулся его предплечья и сказал:

– «Лукреция Борджиа» просто не может оставить равнодушным истинного ценителя оперы... – Граф пригляделся к Пендергасту. – Нет-нет, только не говорите, что это беруши. Ведь это не беруши, сэр?

– Нет, не беруши. Затычки. Они слегка смягчают звук – у меня исключительно тонкий слух. Мне причиняет боль все, что громче обычной беседы. Не бойтесь, граф, уверяю, ни одной ноты я не пропущу.

– Ни одной, вот именно!

– Благодарю за приглашение, граф Фоско. Однако вы помните, я говорил: еще не написана опера, которая бы мне понравилась. Чистая музыка и вульгарный спектакль – две вещи несовместные. Я скорее предпочту Бетховена в исполнении струнного квартета. Но и это для меня пиршество ума, а не ушей.

Фоско вздрогнул.

– Чем, позвольте спросить, вам не угодил спектакль? – Он раскинул руки. – Разве жизнь сама по себе не есть театр?

– Когда на сцене мелькают цвета, действующие лица шумят и притворяются, а на фоне этого носится вопящая толстушка, которая потом с ревом бросается со стен замка... Я не могу сосредоточиться на музыке.

– Но ведь в этом и есть суть оперы! Здесь юмор! Здесь трагедия! Здесь парят на крыльях страсти или падают во тьму жестокости! Здесь любят или предают!

– Вы лишний раз подтвердили мою правоту, граф. Причем много лучше меня самого.

– О, Пендергаст, вы ошибаетесь. Нельзя воспринимать оперу единственно как музыку. Ведь это жизнь! Отдайтесь ей, падите ниц.

– Простите, граф, но я не сдаюсь – никогда и никому, – улыбнулся Пендергаст.

– Может, имя у вас и французское, – похлопал граф Пендергаста по руке, – однако душа – английская. Англичанин никогда не переступит порог своего "я". Он неизменно уверен в себе. Вот почему из англичан получаются отличные антропологи и кошмарные композиторы. – Фоско фыркнул. – Берд, Перселл. Britten[26].

– Вы забываете про Генделя.

– Урожденный немец, – хихикнул Фоско. – Я рад, что вы здесь, Пендергаст. И я таки докажу, что вы не правы.

– Раз уж об этом зашла речь, как вы узнали, куда доставить приглашение?

– Очень просто. – На лице Фоско расцвела победная улыбка. – Я съездил в «Дакоту» и навел справки.

– Я дал строгие указания не разглашать мой второй адрес.

– Для Фоско нет препятствий! Мне всегда была интересна ваша профессия. В юности я прочел всего сэра Артура Конан Дойла, Диккенса, По. А Уилки Коллинз? Потрясающе! Вычитали «Женщину в белом»?

– Естественно.

– Tour de force![27] В следующей жизни я бы хотел стать детективом. Быть графом из старинного рода так утомительно...

– Одно другого не исключает.

– Хорошо сказано! Сегодня кто только не становится детективом! Чем, скажите, графы из клана Данте или Беатриче хуже английского лорда или полицейского из племени навахо? Должен признаться, дело Гроува меня заинтриговало. И не только потому, что я был гостем на последнем, если можно так выразиться, ужине. Конечно, я сочувствую несчастному, но это – аппетитная загадка, и если что, я к вашим услугам.

– Благодарю, хотя вынужден огорчить: ваша помощь вряд ли понадобится.

– Я не настаиваю, тем не менее, если позволите, как друг, хочу предложить услуги, определенные познаниями в живописи, в музыке и, возможно, в обществе. Что до последнего, смею надеяться, я оказался полезен, когда мы говорили о том ужине.

– Оказались.

– Благодарю! – Граф по-детски радостно захлопал в ладоши.

Погасли огни, и на зал опустилась тишина. Фоско обратил все внимание на сцену, буквально извиваясь от возбуждения. Появился концертмейстер, и прозвучала нота ля. Когда занял место дирижер, зазвучали громоподобные аплодисменты. Дирижер поднял палочку и резко опустил ее, начав увертюру.

Фоско обратился в слух; жадно впитывая роскошную музыку Доницетти, он время от времени улыбался и кивал. Подняли занавес, но стоило залу отозваться аплодисментами, раздраженный граф тут же бросил на соседей укоризненный взгляд.

Фоско походил на гиганта во тьме, который время от времени смотрел на сцену то через пенсне, то через подзорную трубу. А если кто-то из соседей в конце арии вдруг начинал аплодировать, граф жестом просил тишины. Глядя на невежду с укором, он грустно и в то же время снисходительно качал головой. Однако когда соседям случалось не заметить сложных пассажей, Фоско легонько хлопал в ладоши, бормоча: «Bravi». Мало-помалу ряд проникся его горячим энтузиазмом и знанием, и стоило графу поднять руки, как ряд взрывался овациями.

Первый акт завершился под неистовые крики и бурю аплодисментов. Всем этим, казалось, управлял граф и громогласными «Bravi!» даже заставил обернуться дирижера. Когда же эмоции утихли, Фоско, промокнув лоб платком, обратился к Пендергасту.

– Видите, видите! – прокричал он, тяжело дыша, но с видом весьма самодовольным. – Вы наслаждаетесь!

– На чем же основан ваш вывод?

– Фоско не обмануть! Вы кивали – вот только что, когда звучало «Vieni, la mia vendetta!»[28].

Пендергаст не ответил. Он лишь слегка качнул головой, когда, возвещая о начале антракта, в зале зажглись огни.

Глава 19

Отбросив одеяло, Найджел Катфорт в полном одиночестве сел на кровати. Элиза не захотела ехать в Таиланд и смоталась к подружке. Ну и черт с ней, с этой дурой, так даже лучше.

Электронные часы на тумбочке показывали 10.34. «Боже, – вгляделся Катфорт в красные цифры, – только половина одиннадцатого».

Самолет вылетал в шесть утра, поэтому два с половиной часа назад Катфорт принял на два пальца джина и завалился спать, но заснул не сразу. А теперь вот внезапно проснулся, и сердце бешено колотилось. Изнывая от жары и пытаясь разогнать мертвый воздух, Катфорт встряхнул одеяло, но духота лишь плотнее обступила его.

Чертыхнувшись, Катфорт перекинул ноги через край кровати и зажег свет. Расшалившиеся нервы и разница между часовыми поясами между Нью-Йорком и Таиландом могут сбить внутренний ритм. Тогда придется продлевать отпуск еще на недельку, а это чревато. Осень – самая горячая пора, зазеваешься – конкуренты проглотят и костей не выплюнут.

Катфорт поднялся и подошел к обогревателю. Он отлично помнил, что не включал прибор, однако термометр говорил, что в комнате двадцать девять градусов. Катфорт провел ладонью над решеткой – нет, жар шел не отсюда.

Жар. О нем твердил Гроув...

Гроув под конец своей жалкой жизни повредился умом!.. Вспомнив об этом, Катфорт повторил себе: на дворе двадцать первый век. Он подошел к балкону и, отдернув тяжелые шторы, открыл дверь на полозьях. Холодный воздух октябрьской ночи нежно обволок разгоряченное тело. Блаженно вдыхая полной грудью, Катфорт вышел навстречу отдаленным звукам уличного движения.

Глядя на город, он чувствовал, как проясняется в голове. Нью-Йорк, оплот современного рационализма. Небоскребы вставали, словно крепостные стены из света, а под окном рекой красного и белого огня сияла Пятая авеню.

Вдохнув напоследок свежего воздуха, Катфорт вернулся в комнату. Тело еще не забыло сладостной прохлады, и тем ужаснее показалась жара. От макушки до пяток пробежало странное покалывание. Прежде Катфорт подобного не испытывал. Должно быть, это первые симптомы гриппа.

Надев шлепанцы, он направился в спальню – к бару, рывком открыл дверцу, достал бутылку «Бомбейского сапфира», лед и банку с оливками. Затем проглотил таблетку дневного транквилизатора, три капсулы от головной боли, пять таблеток витамина С, две пилюли рыбьего жира, селен, три таблетки кораллового кальция – от души запивая каждую порцию джином.

Смешав себе еще коктейль, Катфорт вернулся в гостиную и через окно во всю стену, что выходило на восток, стал смотреть на Мэдисон-Сквер-Гарден и Парк-авеню, на мост, протянувшийся от Пятьдесят девятой улицы до Рузвельт-Айленда[29], и на темную пустыню Куинса за ними.

Думалось с трудом. По телу словно бегали, щекоча мохнатыми лапками, тысячи паучков. Или пчел – как будто он напялил костюм пчеловода, и насекомые не то чтобы жалят, но изводят, ползая по нему.

Сумасшедший. Гроув был сумасшедший, а под конец и вовсе слетел с катушек, отдался фантазиям. И ничего удивительного. Однако оставалось еще кое-что, о чем Катфорт не хотел никогда и ни за что вспоминать...

Он яростно тряхнул головой, прогнав неприятные мысли. Глотнул коктейля и почувствовал, как спиртное с лекарствами наконец ударило в голову. Захотелось отдаться восхитительному скольжению вниз... Но как же трудно забыть, что кожу пронзают тысячи невидимых огненных игл! Руки на ощупь были горячие и сухие, как наждак.

И ведь на то же самое жаловался Гроув. На жару и на запах.

Трясущейся рукой Катфорт опрокинул в глотку остатки спиртного. Главное, без паники. Подумаешь, простудился. Не сделал прививку, вот и подцепил заразу. Однако же вовремя – перед самым отъездом.

– Мать твою! – в сердцах выпалил он.

Коктейль закончился. Смешать еще? Черт возьми, почему нет?! Катфорт схватил бутылку и налил себе джина.

«Я иду».

Подпрыгнув на месте, Катфорт обернулся. В комнате никого. Тогда кто это сказал?! Голос такой низкий, тихий – тише, чем шепот. Катфорт не столько услышал его, сколько почувствовал.

Сглотнув, он облизнул пересохшие губы.

– Кто здесь? – Распухший язык, будто чужой, отказывался выговаривать слова.

Нет ответа.

Катфорт повернулся, расплескав напиток. Бога нет, и дьявола тоже. В них он не верил и никогда верить не будет, а жизнь... Жизнь – она как летающая корова: гадит на кого придется, никто ею не управляет. И после смерти никто и никуда не попадет.

«Maledicat dominus»[30].

Катфорт запрокинул голову, вновь расплескав джин. Латынь? Или что это? Откуда? Неужто клиенты? Кто-нибудь из этих больных на голову рэперов – решили, сволочи, подшутить. Или мстит кто-то из бывших? Точно, Рэппа Джоули – гаитянин, угрожал Катфорту, когда он разорвал договор. Значит, этот вудуист хочет устроить ему инфаркт раньше времени.

– Ладно! – выкрикнул Катфорт. – Хватит!

Тишина.

По коже – неестественно сухой и горячей – побежали мурашки. Внезапно Катфорт понял: никто с ним не шутит, и это не бред, а взаправду. Взаправду, так сказал Гроув.

Но такое невозможно, ведь невозможно же?! На дворе двадцать первый век. Гроув жил как псих, как псих и помер. Только, Господи Боже, что же тогда пишут газеты… Полиция до сих пор не выяснила, как именно он умер. Бульварная пресса только и распускает слухи, будто Гроува сожгли изнутри, а рядом остались следы Люцифера. В наше-то время.

Выронив ополовиненный бокал, Катфорт заметался по комнате. Покойная мать подарила ему распятие, но он хранил его больше как память. Месяц назад оно лежало… Где оно лежало месяц назад?! Катфорт метнулся в спальную, к гардеробу, там рывком открыл комод и принялся шарить в ящике. На пол дождем посыпались запонки, пуговицы, заколки для галстука и монетки.

Распятия нет. Где же оно?!

В остальных ящиках находилось все, что угодно: часы, ювелирные изделия, золото… только не крест. Катфорт всхлипнул, готовый заплакать, и…

«Вот оно!» Он сгреб распятие в охапку, облегченно рыдая. Перекрестился.

Пчелы, что ползали по коже, словно бы оживились, и теперь они жалили – в кожу впивались миллиарды маленьких жал.

– Прочь! Убирайся! – всхлипывал Катфорт. – Отче наш, сущий на Небесах… Господи, как же там дальше?

Распятие в руках нагревалось. В ушах зазвенело, горло будто набили пеплом – горячий воздух не желал проходить в легкие.

«Я иду к тебе».

Катфорт закружился, заслоняясь распятием будто щитом. Руки дрожали.

– Изыди, сатана! – завопил он.

Распятие нагрелось так, что обжигало пальцы. Нагрелась даже пижама. Брови и волоски на руках стали сворачиваться.

– Про-очь!

Вскрикнув, Катфорт выронил крест и с ужасом увидел, как ковер под ним задымился. Катфорт впился пальцами в горло, пытаясь пропихнуть в себя хоть глоток воздуха.

Бежать. Найти святое место: церковь, часовню, да что угодно – может, там он спасется.

Не успел Катфорт добежать до двери, как в нее постучали.

Застыв на месте, он не знал, радоваться или кричать от страха. Кто мог прийти?

Вдруг его осенило: пожар! Ну конечно, сигнализация вышла из строя, и теперь пожарные эвакуируют жильцов.

– Я здесь! – Катфорт зарыдал одновременно от боли и облегчения. – Я здесь!

Он схватился за ручку, и тут же руку пронзила боль.

– Твою мать! – Раскрыв ладонь, Катфорт не поверил глазам: плоть обуглилась, треснула, и по запястью потекла сукровица.

На раскаленной докрасна круглой ручке, будто на сковородке, шипел и шкварчал кусок его собственной кожи.

Вновь постучали: медленно и настойчиво – так звонит колокол на похоронах.

– Помогите! – закричал Катфорт. – Здесь пожар! Пожа-ар!

Внезапно ему показалось, будто с него живьем сдирают кожу, а в животе невидимая рука выворачивает кишки.

Катфорт на неверных ногах попятился от двери, потому что за ней стоял Он.

И снова – чудовищная боль, раздирающая внутренности. Катфорт завопил, согнулся пополам, обхватив живот.

Шатаясь, он вернулся в спальню, пронзаемый иглами боли, ничего не видя из-за красной поволоки. Вновь стало расти давление, и боль

вернулась. Терпеть уже не было сил. Послышался звук, как будто на огне зашипела яичница, и давление вдруг исчезло, а по лицу потекло что-то горячее.

Катфорт упал. Крича, он извивался на полу, оставляя ногами на ковре безумный рисунок глубоких борозд, а руки срывали пижаму, потом добрались до волос на теле, пытаясь содрать кожу, которая жгла, жгла невыносимо…

«Я пришел, я пришел, я…»

Глава 20

Петиция Доллбридж неподвижно лежала в постели. Решив, что больше так продолжаться не может, она в холодной ярости села на кровати и запахнулась в атласный халат. Нацепив очки и проверив время – 11.15, – она поджала губы. Нет, с нее хватит. Хватит с нее!

По внутренней связи она позвонила дежурному.

– Вам помочь, миссис Доллбридж?

– Ну разумеется, Джейсон. Господин, что живет надо мной, в квартире 17B, только что непрерывно молотил по полу. И кричал. Молотил и кричал, молотил и кричал. Джейсон, против вас я ничего не имею, но ведь это второй раз за месяц. Как мне, старой женщине, терпеть такой шум посреди ночи?

– Мы немедленно разберемся, миссис Доллбридж.

– На следующем собрании жильцов я обязательно выскажусь.

– Ваше право, миссис Доллбридж.

– Спасибо, Джейсон.

Летиция Доллбридж положила трубку, прислушалась. И правда, топот как будто стал тише и реже. Крики тоже затихли. Впрочем, затишье наверняка будет недолгим. Поганый продюсер закатил вечеринку с выпивкой, наркотиками и всем прочим. И как всегда, посреди недели.

Запахнувшись плотнее в халат, Летиция Доллбридж подумала, что пытаться снова уснуть бессмысленно, в ее возрасте – это все равно что толкать камень в гору.

Старая женщина отправилась на кухню, где поставила чайник. Когда тот с мелодичным свистом закипел, она заварила три пакетика чая с ромашкой. Для полного комплекта petit dejeuner[31] Летиция Доллбридж озаботилась серебряной чайной ложечкой и двумя тостами с маслом. Поместив все это хозяйство на поднос, она вернулась в спальню, где, сев

на кровати и подбив атласные подушки, мрачно взглянула на потолок, а затем налила себе чаю.

Цветочный аромат и тепло быстро успокоили. Жизнь слишком коротка, чтобы волноваться дольше, чем необходимо. В квартире наверху было тихо, как в могиле, и все-таки придется принять меры.

Заслышав тихий звук, она прислушалась: как будто что-то капало. Наверное, дождь. Не забыть бы завтра утром надеть плащ…

Закапало громче, и вдруг донесся запах – слабый, но отчетливый запах жареного бекона. Звук дождя все нарастал, и вместе с ним сильнее становился запах – не приятный, а, наоборот, отвратительный. Летиция Доллбридж огляделась, вспоминая, не оставила ли включенной духовку. Да нет, ведь она сегодня даже…

Кап! Прямо в чашку, разбрызгав напиток, плюхнулась большая маслянистая капля. Потом еще одна, и еще, и еще. Капли падали, и вот уже чай весь расплескался по лицу миссис Доллбридж, по пижаме и прекрасному английскому пледу.

В ужасе Летиция Доллбридж взглянула на потолок и увидела, как там быстро расползается темное пятно.

Она вновь схватилась за трубку и набрала номер дежурного.

– Да, миссис Доллбридж?

– У меня в спальне течет с потолка! Из квартиры наверху!

– Сейчас мы пошлем кого-нибудь перекрыть воду.

– Это возмутительно! Кто вернет мне мой прекрасный английский плед? Он безвозвратно испорчен, понимаете?!

Текло уже отовсюду: жидкость скапливалась в углах лепных гипсовых плинтусов и ручейками падала с венецианской люстры. Чувствуя, что совершает непростительную глупость, Летиция Доллбридж дотронулась до коричневой капли на фарфоровой чашке. И в ужасе пронзительно закричала, потому что капля оказалась теплой и жирной, как сало или свечной воск.

– Это не вода, – завопила она в трубку. – Это какой-то жир!

– Жир?

– Да! Жир! Из квартиры надо мной!

В трубке послышался растерянный голос:

– У нас тут сигнал тревоги. Похоже, в той квартире начался пожар. Миссис Доллбридж, оставайтесь на месте; если дым начнет проникать в вашу квартиру из-под входной двери, подоткните ее влажным полотенцем. Ждите дальнейших указаний…

Голос дежурного потонул в реве сигнализации. Мгновением позже сирена взвыла в квартире самой миссис Доллбридж, и она выронила трубку, зажимая уши. Раздался щелчок, и на комнату обрушился поток воды из противопожарных распылителей.

Миссис Доллбридж, словно живой символ непонимания, застыла в шоке, а холодная серая вода медленно, наполнив опустевшую чашку, дотемна пропитала ее халат и любимый плед.

Глава 21

Запах д'Агоста почувствовал еще в коридоре. До двух ночи он провозился с рапортом о перестрелке в парке и в холл входил, не чуя под собой ног. Но только он достиг спальни на месте преступления, зловоние ударило по мозгам, и сонливость как рукой сняло. Сразу исчезли скрип в суставах и боль в ободранных коленях. Ожоги от плюща и те успокоились.

В свое время д'Агоста навидался всякого, однако увидеть то, что лежало возле кровати, был не готов. Кто бы подумал, что труп способен разорвать себе брюхо, словно сумку на замке-молнии, извергнув на пол кучку обугленных органов. Рука д'Агосты вдруг сама коснулась крестика под рубашкой, и стало спокойнее. Если дьявол и есть, то действует он именно так. Именно так, не иначе.

Пендергаст стоял тут же – в белом фраке с галстуком-бабочкой. Д'Агосте доставило смутное удовольствие лицезреть шок на лице великого сыщика, которого покинуло обычное стремление высматривать, вынюхивать и копаться.

Возле тела уже ползал на четвереньках «собиратель ногтей». Парень совсем позеленел, а ведь их брат-эксперт – калач тертый: собирают ногти, волосы, волокна, кусочки-осколки, берут мазки… Приходится работать с клиентом так плотно, что плотнее и не придумаешь.

– Закончили? – заглянул в комнату патологоанатом.

– Очень надеюсь, – ответил эксперт.

– Доктор, – Пендергаст показал значок, – не возражаете, если я задам несколько вопросов?

– Валяйте.

– Причина смерти уже известна?

– Пока нет. Ясно, что жертва сгорела, но вот причина… Хотелось бы выяснить.

– Катализаторы?

– Отрицательно. По крайней мере на первом этапе. Есть другие аномалии. Кости конечностей имеют тепловые разрывы, а ближе к центру тела они вовсе перегорели в известь. Представляете, какой должна быть температура? Намного выше простого горения. Однако в комнате все сохранилось. По сути, огонь даже не вырвался за границы тела. Он оставался внутри, и только внутри жертвы.

– А что это за тип возгорания?

– Понятия не имею, – покачал головой доктор.

– Спонтанное?

– Хотите сказать, как у Мэри Ризер?

– Вы знаете об этом?

– Что-то вроде легенды… Разве ФБР не раскрыло то дело?

– Похоже, так называемое спонтанное самовозгорание человека вовсе не легенда.

Эксперт издал низкий, циничный смех.

– Ну ФБР!.. Хлебом не корми, дай только изобрести новый термин-акроним. Просмотрите-ка медицинский справочник, мистер Пендергаст, найдете там «ССВ»? Вряд ли.

– Есть вещи, доктор, о которых составителям справочников и не снится. Я пришлю вам материалы, дабы вы ознакомились с делом подробно.

– Как пожелаете. – Патологоанатом вместе с экспертами удалился, оставив д'Агосту и Пендергаста наедине с трупом.

Голова не работала, но д'Агоста – просто чтобы не смотреть на тело – достал ручку с блокнотом и записал: «23 октября, 02:20, Пятая авеню, 321, квартира 17B, Катфорт». Д'Агоста дышал через рот, и запись вышла корявой. Все, решил он, с этого дня ни шагу из дома без мятного бальзама: на свидание ли, в отпуск – никуда.

Из гостиной доносились приглушенные голоса: детективы-«убойщики» допрашивали дежурного подальше от вони. Вот и славно, решил д'Агоста, не придется светить перед старыми приятелями саутгемптонским значком и сержантскими нашивками.

Пендергаст тем временем преодолел отвращение. Уподобившись эксперту, он вооружился щипцами и пробиркой – где только прятал? – ползал на четвереньках, собирая частицы и очень бережно складывая в стеклянный сосуд. Потом он занялся стеной – тем участком, где краска потемнела и вспузырилась. Фэбээровец так долго рассматривал опаленную часть через лупу, что д'Агоста не выдержал и подошел. Поначалу он не увидел ничего, кроме расплывчатого пятна, однако потом… Следов копыт не было, но по спине поползли мурашки и волосы на затылке зашевелились. Будь он проклят, если все это не просто фантазия (как в тех тестах с чернильными пятнами).

Пендергаст внезапно обернулся:

– Вы тоже видите?

– Кажется, да.

– Что именно?

– Лицо.

– Какое?

– Чья-то харя с толстыми губами и раскрытым ртом – того и гляди укусит.

– Или проглотит.

– Ага, точно.

– Похоже на фреску Вазари на куполе флорентийского собора Дуомо: дьявол, глотающий грешников.

– Жутко похоже? То есть да, жутко… Похоже.

Задумавшись, Пендергаст отошел от стены.

– Знаете историю доктора Фаустуса? – спросил он.

– Фаустуса? В смысле, Фауста? Того, который продал душу дьяволу?

– У этой истории множество пересказов, – кивнул Пендергаст. – Большинство дошло до нас в виде средневековых рукописей. Каждый из вариантов уникален, но в каждом гибель доктора Фауста описана в точности как смерть Мэри Ризер.

– Вы про это говорили доктору?

– Да. Спонтанное возгорание человека. В Средневековье это называлось «внутренний огонь».

Д'Агоста кивнул, чувствуя, как мозг наливается свинцом.

– Найджел Катфорт – классический пример. Даже более классический, чем Гроув.

– Хотите сказать, за ним пришел дьявол?

– Я лишь привожу факты.

Д'Агоста тряхнул головой. Ужас. Настоящий кошмар. Рука вновь потянулась к крестику. «Кто-нибудь, – подумал д'Агоста, – скажите, что дьявола нет. Ну скажите, скажите, что не дьявол убил Катфорта...»

– Добрый вечер, господа, – произнес за спиной приятный голос.

Д'Агоста обернулся. Обладательница голоса стояла в дверном проеме. Одетая в серый, в полосочку, костюм, она носила капитанские лычки на воротнике белой рубашки. Д'Агоста отметил миниатюрную фигурку, большие груди, бледное, утонченное личико в обрамлении черных блестящих волос и яркую голубизну глаз. Он не дал бы женщине больше тридцати пяти, но молодость никак не вязалась с должностью капитана. Постойте-ка, а ведь д'Агоста ее знал... Накатила тоска – рановато он радовался, не пройти ему незамеченным.

– Капитан Хейворд, – представилась женщина, глядя на д'Агосту – похоже, ей он тоже был знаком, и легче от этого не стало. – Я знаю, вы уже предъявляли удостоверения на входе, но можно и мне взглянуть?

– Разумеется, капитан. – Пендергаст изящно достал и раскрыл значок.

Хейворд приняла его и, проверив, посмотрела на фэбээровца.

– Мистер Пендергаст.

– Рад снова видеть вас, капитан Хейворд, – поклонился тот. – Разрешите поздравить с возвращением и особенно с новым званием.

Пропустив речь Пендергаста мимо ушей, Хейворд повернулась к д'Агосте. Он уже протянул ей значок, но капитан будто не видела документа. Она смотрела на д'Агосту. Вспомнилось имя, а вслед за ним и все, что соединяло их в прошлой жизни: Лаура Хейворд, временный полицейский, та, что обучалась в школе и писала книгу о подземке и бездомных Манхэттена, готовилась к защите проекта. Именно с ней д'Агоста работал над делом Памелы Уишер[32]. Только тогда она была сержантом, а он – лейтенантом.

– А вы, по-моему, лейтенант Винсент д'Агоста?

– Вообще-то сержант.

Краснея, он подумал, что дальше ничего объяснять не станет. С чего бы ему перед ней позориться?! Но в то же время он видел: выхода нет.

– Сержант? Так вы больше не в департаменте полиции Нью-Йорка?

– Я сейчас в Саутгемптоне. Официально представляю там ФБР по делу о смерти Гроува.

Д'Агоста вдруг увидел, что Хейворд протягивает ему руку, и на автомате пожал теплую, чуть влажную ладошку. Ему даже понравилось, что капитан оказалась не такой уж холодной и черствой.

– Рада снова работать с вами.

Слава Богу, она произнесла это сухо и без намека на личные интересы. Значит, не будет нести всякую чушь или приставать с расспросами. Значит, предстоит только работа, работа и еще раз работа.

– Что до меня, – сказал Пендергаст, – я рад, что дело передали в столь умелые руки.

– Благодарю. Если честно, я всегда поражалась оригинальности, с какой вы трактуете правила субординации и строите отношения с коллегами.

– Согласен. – Если Пендергаст и удивился, то виду не подал.

– Тогда предлагаю сразу расставить все по местам.

– Отличная идея.

– Дело веду я. И все, что его касается – судебные решения, повестки и прочее, – все это в первую очередь проходит через мой кабинет. Исключение – чрезвычайные ситуации. Любые контакты с прессой – только с моего ведома. Возможно, вы привыкли работать не так, но так привыкла работать я.

– Понятно, – кивнул Пендергаст.

– То, что ФБР порой задирает нос перед местными правоохранительными органами, уже стало притчей во языцех. При мне такого не будет. Убойный отдел департамента полиции Нью-Йорка – это вам не «местные правоохранительные органы». С нами Федеральное бюро расследований будет работать как с равными – и никак иначе.

– Разумеется, капитан.

– Мы, естественно, проявим ответную вежливость.

– Другого я и не ожидал.

– Я всегда следую правилам, даже если они глупы. Знаете почему? Только так можно осудить виновного. Стоит нам чуть расслабиться – и суд присяжных оправдает преступника.

– Правда, истинная правда, – кивнул Пендергаст.

– Завтра – и каждый вторник, пока длится расследование – ровно в восемь утра я жду вас в Полис-плаза. Семнадцатый этаж, зал совещаний. Вы, я и лейтенант… простите, сержант д'Агоста. Свои места найдете по карточкам.

– В восемь утра, – повторил Пендергаст.

– Кофе и булочки – за нами.

– Благодарю, – поморщился Пендергаст, – я обычно успеваю позавтракать.

– Сколько вам еще понадобится времени, господа? – Хейворд взглянула на часы.

– Пяти минут, думаю, хватит, – ответил Пендергаст. – Нет ли еще чего, чем вы бы могли поделиться?

– Есть свидетель – или вроде того: престарелая женщина из квартиры этажом ниже. Убийство произошло вскоре после одиннадцати. Похоже, она слышала, как жертва кричала и билась в конвульсиях, однако решила, что Катфорт просто устроил вечеринку. – Капитан усмехнулась. – Потом все стихло, и в одиннадцать двадцать два с потолка потекла некая жидкость – оказалось, растопленная жировая ткань жертвы.

«Растопленная жировая ткань», – хотел записать д'Агоста, но передумал – такое вряд ли забудешь.

– Примерно в то же время сработали детекторы дыма и включились распылители противопожарной системы – в двадцать три двадцать четыре и двадцать три двадцать пять соответственно. Обслуживающий персонал поднялся к Катфорту. На стук никто не ответил. Из-под двери стал доноситься неприятный запах. Тогда бригада открыла дверь универсальным ключом – в двадцать три двадцать девять – и застала погибшего именно таким, каким его видим мы. Через пятнадцать минут прибыла полиция; температура в комнате на тот момент была почти тридцать семь градусов.

Д'Агоста и Пендергаст переглянулись.

– Как насчет соседей из смежных квартир?

– Сосед сверху ничего не слышал, пока не сработала сигнализация, хотя запах до него дошел. На этом этаже две квартиры: вторая куплена, но жилец – англичанин, мистер Асперн – не въехал. – Она достала из кармана листочек и, что-то записав на нем, передала Пендергасту. – Вот имена соседей. Асперн сейчас в Англии, мистер Роланд Бирд – сосед

сверху, Летиция Доллбридж – снизу. Желаете с кем-нибудь из них переговорить?

– Необходимости нет. – Пендергаст перевел взгляд на выжженную отметину на стене.

Хейворд скривила губы. Глумилась она или нет, д'Агоста сказать бы не решился.

– Вижу, вы заметили, – промолвила капитан.

– Да. Соображения есть?

– Не вы ли, мистер Пендергаст, когда-то предупреждали чтобы я не строила догадок преждевременно?

– А вы хорошая ученица, – улыбнулся Пендергаст.

– У меня был отличный учитель. – С этими словами она посмотрела на д'Агосту.

Повисла короткая пауза.

– Полагаюсь на вас, господа. – Хейворд кивнула своим людям, и те последовали за ней к выходу.

– Похоже, – посмотрел Пендергаст на д'Агосту, – малютка Лаура Хейворд повзрослела, как думаешь?

В ответ д'Агоста просто кивнул.

Глава 22

Мучаясь от похмелья, Брайс Гарриман смотрел на безликую высотку из белого кирпича – одну из тех, что расплодились в Верхнем Ист-Сайде. Тупая боль в черепе так и норовила выдавить глаза из орбит. В это серое утро он не приготовил статью, и Крис, издатель, закатил скандал. Черт побери, Гарриман, в конце концов, не врач, чтобы срываться по первому вызову. Да и что за радость в три утра вынюхивать про убийство! Вот если бы платили как следует...

Сил оставалось только сесть в метро и добраться до дома. И все-таки Гарриман вышел на угол Пятой авеню и Шестьдесят седьмой улицы. Он плотно увяз в огромной толпе: думал, в два пополудни почти никого не будет, а тут – добрая сотня зевак, готов, белых ведьм, ист-сайдских шибздиков. Гарриман заметил даже кришнаитов, которые уже лет пять не появлялись в Нью-Йорке. Вот что делают пресса и Интернет.

Сатанисты – справа, в средневековых мантиях, – что-то напевая, чертили на тротуаре пентаграммы. Монахини, слева, перебирали четки, молились. Подростки-боперы, словно стражи, посреди бела дня зажгли

свечи и горланили, бренча на гитарах. Гарриман, казалось, был единственный, кто пришел сюда по делу.

Все это смахивало на фантасмагорию Феллини, но в то же время толпа возбуждала. Неделю назад Гарриман написал про убийство Гроува – статейка так себе, успех принесла средненький, а материала, чтобы раздувать нечто большее, не хватало. Остались только мрачные сплетни в народе. Зато сейчас толпа, словно проводник, передала мощный заряд: слухи, будто второе убийство куда страшнее, чем первое, били как высокое напряжение. Похоже, издатель оказался не так уж не прав.

В голову закралась еще одна мыслишка: вот отличный шанс утереть нос Биллу Смитбеку. Старый козел как раз смотался в Камбоджу на медовый месяц, играет там в «ниточку с иголочкой». Ублюдок, занял его место в «Таймс», и, уж конечно, не благодаря таланту и трудолюбию. Нет, спасибо суке-удаче! Он не раз и не два оказывался в нужное время в нужном месте – взять хотя бы убийства в метро несколько лет назад. А дело Хирурга!.. Гарриман уже почти втоптал Смитбека в дерьмо, да выяснилось, что тупой капитан полиции Кестер всучил ему липовые сведения…[33]

Нечестно. Гарриману работу в «Таймс» дали связи, связи – и выдающаяся фамилия. Отутюженный костюм от «Братьев Брук» и набор репсовых галстуков – при нем было все, чтобы занять место в утонченной, возвышенной атмосфере «Таймс». А неряхе Смитбеку в самый раз кормиться отбросами в «Пост»…

Но что было, то было. Смитбека нет, а в Нью-Йорке становится жарко. Если убийства продолжатся – на что Гарриман от души надеялся, – история войдет в самый цвет, и тогда Гарримана ждут телевидение, журналы, полновесная книга… Может, даже удастся отхватить Пулитцеровскую премию. При любом раскладе его возьмут назад в «Таймс» с руками-ногами.

Гарриман отпихнул мужчину в костюме волшебника, с которым столкнулся. Никогда прежде он не видел, чтобы толпа так бесновалась – непредсказуемая, она могла вспыхнуть в любую секунду.

Внезапный шум заставил Гарримана обернуться. Разнообразия ради двойник Элвиса в почти что приличном костюме терзал портативную караоке-систему.

– «…Я горю изнутри!» – надрывался он под «Жгучую любовь».

Шум нарастал, толпа становилась все беспокойнее. Вдалеке то и дело взвывали полицейские сирены.

– «…Господь Всемогущий, я лежу на кровати и прожигаю дыру».

Собственно, материал по убийству Гарриман уже раздобыл, но мазок-другой яркой краски не помешал бы.

С диктофоном на изготовку он огляделся. Так, парень в кожаных ботинках и ковбойской шляпе не подойдет, слишком вычурно: хрустальная палочка в одной руке и живой хомяк – в другой. А вот паренек в черном, стриженный под могавка, сойдет – прыщавый пацан из пригорода, просто пытается выглядеть оригинально.

– Простите! – Гарриман протолкался к нему сквозь толпу. – Простите! «Нью-Йорк пост». Можно задать вам несколько вопросов?

Паренек обернулся, глаза его засветились. Как бы не перегорели за пятнадцать наносекунд славы.

– Зачем вы пришли?

– Не знаете?! Явился дьявол! – Лицо парнишки сияло. – К мужику, который жил в этом доме. Утащил его душу – за шкирку, прямиком в ад! А тело зажарил в шашлык! Прям как там, на Лонг-Айленде.

– Откуда вы знаете?

– Да в Сети об этом повсюду судачат.

– Но что нужно здесь вам? Лично вам?

– А че, непонятно?! – Его взгляд говорил: ты что, идиот? – Выразить почтение Человеку-в-красном.

Чуть в сторонке престарелые хиппи надтреснутыми фальцетами затянули «Симпатию к дьяволу». Как же работать в таком мракобесии?

– Откуда вы?

– Мы с ребятами из Форта-Ли, Нью-Джерси.

Тут подошли сами «ребята», разодетые в точности так же.

– Это кто? – спросил один из них.

– Репортер из «Пост».

– Без балды?

– Сфоткай меня!

«Выразить почтение Человеку-в-красном». Подходящая цитата, решил Гарриман, пора закругляться.

– Ваше имя? По буквам.

– Шон О'Коннор.

– Возраст.

– Четырнадцать.

«С ума сойти».

– Ладно, Шон, последний вопрос: почему дьявол? Что в нем такого?

– Дьявол – клевый чувак! – Пацан заулюлюкал, и приятели подхватили, хлопая друг друга по ладоням поднятых рук:

– Чува-ак!!!

«Господи, – отходя, думал Гарриман, – как таких придурков земля носит? И с каждым днем этих уродов, как кроликов, становится все больше и больше, особенно в Нью-Джерси. Сейчас нужен кто-нибудь адекватный. Хотя бы священник. Точно, выйдет отличный контраст». И как нарочно, неподалеку обнаружились два стоячих воротничка.

– Простите! – крикнул Гарриман, пробиваясь к ним. Священники обернулись, и Гарриман застыл, пораженный.

На их лицах он прочел страх – подлинный страх, перемешанный с болью и сожалением.

– Гарриман, «Пост». Можно спросить, зачем вы пришли?

– Мы здесь как свидетели, – ответил старший из священников – скала достоинства в море истерии.

– Свидетели чего?

– Конца света. – От самих слов и того, как священник их произнес, спина Гарримана покрылась гусиной кожей.

– Думаете, все идет именно к этому?

– «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу», – мрачно процитировал священник, а второй, помоложе, кивнул:

– «И будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее. И восплачут и возрыдают о ней цари земные, блудодействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара ее».

– Горе, горе тебе, великий город! – продолжил старший священник. – Ибо в один час погибло такое богатство!

Он аккуратно взял за руку Гарримана, который уже достал блокнот и начал записывать.

– «Откровение», глава восемнадцатая.

– Ах да, спасибо. Из какой вы церкви?

– Церковь Девы Марии, Лонг-Айленд.

– Спасибо.

Гарриман записал имена священников и поспешил назад, на ходу пытаясь засунуть блокнот в карман. Он больше не боялся окружающей истерии – она поблекла перед спокойной убежденностью священнослужителей.

Толпа с одного края зашевелилась. Подъехал небольшой конвой полицейских машин, и к мигалкам добавились огни телекамер и фотовспышки. Работая локтями, Гарриман врубился в группу звукооператоров. Дорогу, идет Гарриман из «Пост»!.. Но вместе с ним вперед устремилась и голодная до новостей людская река.

Последним в колонне шел цивильный «крузер». Из него выбралась женщина в сером костюме. На очень даже аппетитной груди поблескивал значок. Милая дамочка, впрочем, не скрывала командирского настроя – за ней уже шли подчиненные.

Женщину живой стеной обступили копы в униформе, и она подняла руку, призывая к тишине:

– Пять минут на вопросы. Затем толпа должна разойтись.

Люди снова загалдели, когда к офицеру склонились подвесные микрофоны. Женщина молча выжидала, затем взглянула на часы.

– Четыре минуты, – предупредила она.

Ряды прессы заткнулись. Прочие клоуны и иже с ними тоже притихли, почуяв, что наклевывается нечто интересное.

– Я капитан Лаура Хейворд, убойный отдел департамента полиции Нью-Йорка. – Она говорила мягко, но так, чтобы всем все сразу стало ясно. – Имя жертвы Найджел Катфорт, он погиб приблизительно в двадцать три пятнадцать. Причина смерти на данный момент не установлена, однако версия убийства не исключается.

«Это мы уже слышали», – подумал про себя Гарриман.

– Теперь я отвечу на несколько вопросов.

Толпа взорвалась криками. Капитан указала на отчаянно махавшего рукой журналиста, и тот пулеметом выплюнул вопросы:

– Есть ли связь между этой смертью и смертью Джереми Гроува? Есть какие-нибудь сходства? Различия?

– Связь есть. – Кривая усмешка. – Сходства и различия – тоже. Следующий?

– Есть подозреваемые?

– Пока нет.

– Следы копыт или другие дьявольские знаки имелись?

– Отпечатков копыт мы не нашли.

– Говорят, на стене было выжжено лицо?

– Кому-то примерещилось. – Усмешка исчезла. – Всего лишь небольшое пятно.

– А что это за лицо?

– Те, кто видел, говорят, что уродливое.

Снова поднялся гвалт.

– Это лицо дьявола? А рога? Рога были?

Вопросы выкрикивались со всех сторон сразу. Микрофоны, ударяясь друг о друга, нависали все ниже.

– Было ли это лицо дьявола, сказать не могу, – ответила Хейворд. – Не встречалась с оригиналом. Но о рогах не докладывали.

Гарриман только успевал записывать. Кучка репортеров все допытывалась насчет следов сатаны, однако Хейворд не обращала на них внимания.

– Это дьявол? Ваше мнение? – кричали отовсюду.

Капитан подняла руку:

– Я бы хотела ответить на этот вопрос.

Вот теперь толпа заткнулась по-настоящему.

– В городе хватает своих дьяволов – из плоти и крови, так что вызывать еще одного – сверхъестественного – будет, извините, сверх меры.

– От чего умер Катфорт? – выкрикнули из толпы. – Что вызвало смерть? Его тоже поджарили?

– Эксперты производят вскрытие. Когда они закончат, картина прояснится.

Гарримана не одурачил спокойный, разумный тон капитана. Выходит, департамент еще не знает, с какого конца подступить к делу, и в статье Гарриман так и напишет.

– Спасибо, – сказала капитан Хейворд, – и доброго всем дня. А теперь, народ, давайте-ка расходитесь.

Галдеж усилился, но прибывшие наконец дополнительные силы полиции стали теснить толпу и устанавливать ограждение.

В голове уже вертелись наметки материала, и Гарриман, предвкушая сенсацию, ликовал. Наконец-то его ждет удача!

Глава 23

«Роллс-ройс» подъехал к воротам яхт-клуба в Западной бухте. Глядя в окно, д'Агоста ерзал на заднем сиденье. Напоминали о себе ушибы, ссадины, кошмар на месте убийства Катфорта и всего два часа сна.

Ради особого дела Пендергаст решил не брать шофера Проктора и сам сел за руль.

Лучи яркого осеннего солнца сверкали на волнах россыпью серебряных монет. Через залив к синему горбу Стейтен-Айленда шел паром. Его винты мерно взбивали воду, флажки трепетали на ветру, а следом хвостом тянулась стайка громкоголосых чаек.

В открытые окна «роллса» влетал соленый морской воздух.

Ряды сверкающих яхт от глаз черни закрывала стена.

– Без ордера нас не впустят, – сказал д'Агоста. – Я же говорил с Баллардом, знаю, какой он.

– А мы его попросим, – отозвался Пендергаст. – Употребим всю свою вежливость.

– Предположим, вежливые слова не дойдут.

– Попросим чуть более жестко.

Замедлив ход, Пендергаст открыл изготовленную на заказ панель из вишни, чтобы включить встроенный лэптоп. Машина подъезжала к стоянке, и охранник, заметив «роллс-ройс», уже открывал ворота.

Со стоянки открывался отличный вид на бухту Аппер-Бей. Отыскать великолепное судно среди леса мачт труда не составило.

– Ни фига себе яхточка! – присвистнул д'Агоста.

– Вы правы. Производство «Фидшип» две тысячи третьего года по проекту яхтенного дизайн-бюро «Де вут», пятьдесят два метра в длину,

водоизмещение семьсот сорок метрических тонн, два дизельных двигателя по две с половиной тысячи лошадиных сил. Яхта способна покрыть огромное расстояние с невероятным комфортом. Крейсерская скорость тридцать узлов.

– А цена?

– Баллард заплатил сорок восемь миллионов.

– Боже, – протянул д'Агоста. – Зачем?!

– Наверное, брезгует авиалиниями. Или предпочитает работать, когда вокруг нет посторонних глаз и ушей. На такой яхте ничего не стоит выйти в нейтральные воды.

– Любопытно. Когда я разговаривал с Баллардом, мне показалось, что он подумывает смыться. Как бы не удрал за кордон.

Фэбээровец притормозил у ворот второго уровня безопасности, ведущих на VIP-стоянку, где дежурил маленький рыжий охранник с выпирающим подбородком. По драчливой внешности д'Агоста моментально определил: этот – из породы людей, взявших за правило никогда ничему не удивляться. Даже «роллс-ройсу» пятьдесят девятого года.

– Чего надо? – спросил дежурный.

Пендергаст протянул из окна значок:

– К мистеру Локку Балларду.

Охранник взглянул на значок, затем вновь на агента.

– Баллард в курсе? – спросил он, подкрепив сомнение в голосе мимикой.

Д'Агоста предъявил ему свой значок.

– А по какому, собственно, вопросу?

– Полицейское расследование.

– Подождите, надо звякнуть.

Забрав значки, охранник удалился в будку и несколько минут разговаривал по телефону.

– Д'Агоста? – Наконец он вернулся и отдал значки. – К телефону.

– Это я.

Охранник протянул д'Агосте трубку беспроводного аппарата.

– Д'Агоста слушает.

– Я так и знал, что ты вернешься.

Д'Агоста моментально вскипел, услышав человека, который унижал его в атлетическом клубе, а затем едва не убил руками наемников.

– Можем уладить все по-хорошему, – сказал он, сдерживаясь из последних сил. – Или же по-плохому. Выбирай, Баллард.

Трубка взорвалась хохотом.

– То же самое ты говорил в клубе. Лучше смени пластинку. Мои люди проверили тебя, и теперь у меня на руках все до последней соринки из твоего дома. Вот, например, в Канаде у тебя осталась женушка, та самая, что последние полгода, пока тебя нет, играла в «спрячь колбаску» с Честером Домиником. Не знаешь, чем твоя благоверная занимается прямо сейчас? Может, все тем же?

Пальцы сдавили трубку.

– Я проверил и продажи твоих книг. Последней ушло шесть тысяч двести пятнадцать экземпляров. Причем половину, наверное, скупила твоя мамуля. Обгадился, Стивен Кинг? – Баллард заржал. – Есть еще личные данные с работы в Нью-Йорке. Читаешь – не оторваться. Попались мне и медицинские записи, заключения психиатров из Нью-Йорка, из Канады... О-о, да у тебя проблемы с эрекцией, вот почему твоя бабенка дарит ласки старине Честеру!.. Депрессия... Да, чего только не узнаешь о человеке, стоит пробить его страховой полис. А какие слова приходят на ум: сломлен, разбит. Неудачник.

– Ты только что совершил самую большую ошибку в жизни, – сказал д'Агоста, чувствуя, как лопается тонкая мембрана терпения.

Снова смех – и гудки в трубке.

Сучий потрох. Потрох сучий. Д'Агоста вернул трубку. Его лицо горело. Интересно, Пендергаст слышал слова Балларда?

– Освободите проезд, – сказал охранник и, подумав, добавил: – Сэр.

– Мы поедем в объезд, – ответил Пендергаст. – И дадим мистеру Балларду время, чтобы он передумал.

– Как будто ему есть до вас дело.

Пендергаст одарил охранника долгим, сочувственным взглядом.

– Надеюсь, вы знаете, когда отойти в сторону? Для собственной же пользы.

– Это вы о чем?

Пендергаст не стал отвечать. Он дал задний ход, задымив покрышками, и вырулил на Стейт-стрит. Обернувшись к д'Агосте, агент поинтересовался:

– Вы в порядке, Винсент?

– В полном, – процедил д'Агоста сквозь сжатые зубы.

Пендергаст свернул направо, объезжая ограду.

– Мистер Баллард, похоже, не понимает, когда его просят вежливо.

Управляя одной рукой, он набрал номер на встроенном в панель сотовом телефоне.

Из динамиков послышались гудки, затем знакомый голос ответил:

– Капитан Хейворд.

– Капитан? Говорит Пендергаст. Требуются ордер и повестка в суд, о которых я говорил по телефону сегодня утром.

– Основания?

– Свидетель отказывается давать показания и может покинуть страну.

– И что? Баллард не колумбийский наркобарон и не член «Аль-Каиды». Он видный американский промышленник.

– Ведущий дела с заграницей, где у него счета и заводы. И сейчас этот промышленник заперся у себя на яхте, готовый отплыть. К его распоряжению порты Канады, Мексики, Южной Америки. Как думаете, куда он направится?

– Он американец, – вздохнула капитан. – У него есть паспорт, и он волен покинуть страну.

– Он свидетель, который уклоняется от дачи показаний.

– Многие так поступают.

– И Гроув, и Катфорт перед смертью ему звонили. Между ними есть связь, надо установить какая.

– Он затравит нас адвокатами, – вновь раздраженно вздохнула Хейворд.

– Он угрожал сержанту д'Агосте.

– Угрожал? – Голос прозвучал уже резче.

– Косвенный шантаж: Баллард собирал информацию личного характера.

«Все-таки слышал», – подумал д'Агоста.

– Значит, так?.. – Пауза. – Хорошо, продолжайте. Бумаги готовы, нужна только подпись.

– Отлично. – Пендергаст передал номер телефона-факса.

– Агент Пендергаст!

– Да?

– Не напортачьте. Мне дорога моя карьера.

– Как и мне моя.

Когда они огибали Перл-стрит, застрекотал встроенный принтер. Сбавив обороты, Пендергаст въехал на внешнюю стоянку и протянул охраннику ордер.

Охранник вернул фэбээровцу факс, и д'Агосте показалось, он не слишком-то опечален таким поворотом событий.

– Время отойти в сторонку, – тихо сказал Пендергаст.

– Да, сэр.

Выбравшись из машины на VIP-парковке, Пендергаст открыл багажник и подозвал д'Агосту.

– Это вам, – указал он на черный метровый таран угрожающего вида.

– Шутить изволите? – уставился д'Агоста на штурмовое орудие отдела по борьбе с наркотиками.

– Нет, дорогой Винсент, – слегка улыбнулся агент. – Собираюсь действовать «чуть более жестко».

Ухватившись за обе ручки, д'Агоста извлек таран из багажника и последовал за Пендергастом вниз по тротуару. «Грозовая туча» – белоснежная трехпалубная яхта Балларда, – ощетинившись антеннами и сверкая десятками тонированных иллюминаторов, покачивалась в отдельном доке.

– На борту есть команда? – спросил д'Агоста.

– По моим сведениям, Баллард один.

Пендергаст присел у закрытых ворот дока, похоже, проверяя, не сломан ли замок. Может, замок и был сломан, а может, и нет, но створки ворот распахнулись, послушные воле агента.

– Действуем быстро, – сказал фэбээровец.

Д'Агоста прошел первым. Восемнадцать кило тарана давили на плечо – помятое тело не до конца отошло от смертельного забега по Риверсайду. К их приезду трап уже подняли, но Пендергаст вытащил из портупеи заказной «лес баер» 45-го калибра и отошел в сторону. Деревянная дверь люка располагалась как раз на уровне пирса.

– После вас. – Фэбээровец сделал приглашающий жест.

В академии учили: «Не действуйте нахрапом. Бейте по двери плавно». Д'Агоста глубоко вдохнул и покрепче ухватился за ручки. Таран скользнул по дуге, и дверь, смачно хрустнув, упала.

Пендергаст нырнул внутрь, сержант последовал за ним.

В узком коридоре между переборками из крашеного дерева и тонированными иллюминаторами Пендергаст пинком распахнул одну из дверей.

– ФБР! – рявкнул он, оказавшись в большом зале среди кремовых ковров и черных лакированных столиков с золотой инкрустацией. – Ни с места!

В центре зала Баллард – в бледно-голубом костюме и с сигарой в руке – изумленно обернулся.

– Не двигаться!

Момент – и изумление перешло в гнев. Лицо Балларда покраснело, на шее проступили вены. Он глубоко затянулся и, выдохнув дым, произнес:

– Вижу, оскорбленный копчик привел дружка...

– Держите руки так, чтобы я их видел. – Пендергаст взял Балларда на мушку и стал приближаться.

Баллард вытянул руки.

– Д'Агоста, не хочешь описать эту сцену в романе? Спорю, такой яхточки ты в жизни не видел. Ведь ты вырос в клоповнике на Кармин-стрит; папаша твой, коп, просаживал деньги в бильярдной, а мамаша-шлю...

Д'Агоста бросился на Балларда, но Пендергаст с быстротой молнии встал между ними:

– Сержант, не поддавайтесь на провокации.

Д'Агоста едва мог дышать, а Баллард подначивал:

– Ну же! Или агрегат заглох, и нет в тебе воли? Мне шестьдесят, но я мог бы взять тебя за жирную задницу одной левой.

Пендергаст чуть качнул головой, и под пристальным взглядом фэбээровца д'Агоста, сглотнув, отступил на шаг.

– Вы только посмотрите, – сказал Баллард, когда взгляд серых глаз уперся в него. – Гробовщик играет в фэбээровца. Белое отребье с Юга. Очень даже, как я погляжу, белое отребье.

– К вашим услугам, – тихо ответил Пендергаст.

Баллард захохотал, раздувшись, будто черная мамба, так, что затрещала ткань костюма. Он затянулся сигарой и выдохнул в лица Пендергасту и д'Агосте облако дыма.

Бросив на эбеновый стол распечатку, Пендергаст указал на лакированную дверцу в обшитой панелью стене и сказал:

– Сержант, откройте, пожалуйста, ту панель.

– Минуточку, разве вам, козлам, не нужен ордер?!

– А вы почитайте. – Пендергаст изящным жестом указал на факс.

– Здесь должен быть мой адвокат.

– Для начала мы возьмем под контроль помещение, затем соберем необходимые доказательства – по всем пунктам, указанным в документе. Одно неверное действие, и я надену на вас наручники, а затем предъявлю обвинение в том, что вы препятствуете следствию. На яхте есть еще кто-нибудь?

– Да пошел ты!

Д'Агоста нажал на единственную кнопку у панели, и лакированная дверца отъехала, открыв монитор, клавиатуру и целую стену, начиненную электроникой.

– Сержант, захватите системный блок.

Д'Агоста отодвинул в сторону монитор и, следуя по кабелю, нашел системный блок в нише снизу.

– Не смей! – крикнул Баллард.

Но Пендергаст, кивнув на документ, возразил:

– Действие ордера распространяется и на компьютер.

Д'Агоста с видимым наслаждением вырвал разъемы. Он опечатал CD-привод, дисковод и, опустив системный блок на пол, скрестил руки на груди.

– Оружие имеется? – спросил Пендергаст.

– Конечно, нет.

– Хорошо, – неожиданно мягко произнес фэбээровец, убрав пистолет. – Кроме ордера, мы принесли повестку в суд, которую советую прочитать.

– Я требую адвоката.

– Будет вам адвокат. Но сейчас мы доставим вас в Полис-плаза, где вы под клятвой дадите показания – в присутствии защитника.

– Я звоню ему прямо сейчас.

– Нет, прямо сейчас вы остаетесь в центре комнаты и держите руки на виду. У вас нет права звонить адвокату только потому, что вам того хочется. Придется подождать, пока вам позволят.

– Хрен тебе. Я вне вашей юрисдикции. И ты, альбинос, понятия не имеешь, с кем связался. Я же тебя съем на завтрак, а значок повешу в сортире на память.

– Уверен, адвокат посоветовал бы воздержаться от подобных заверений.

– Я не пойду с вами.

Пендергаст включил рацию.

– Манхэттен, Южный? С кем я говорю? Ширли? Это специальный агент Пендергаст, ФБР. Я в Западной бухте, на судне мистера Балларда…

– Сейчас же выруби рацию!

– Да, верно, – продолжал Пендергаст ровным голосом. – Локк Баллард, промышленник, на яхте «Грозовая туча». Мы забираем его для дачи показаний по делу об убийствах Гроува и Катфорта.

Баллард побледнел. Он наверняка знал, что пресса в Нью-Йорке освещает ход расследования.

– Нет, не подозреваемый. Повторяю: не подозреваемый.

Как ни странно, ударение, с каким Пендергаст произнес последнюю фразу, произвело на Балларда эффект совершенно противоположный.

Баллард посмотрел на них из-под кустистых бровей кроманьонца, сглотнул и заговорил:

– Слушай, Пендергаст, не разыгрывай из себя крутого копа.

– Ширли, нам понадобятся поддержка, чтобы сдерживать толпу, и полицейская машина с сопровождением. Верно. Трех машин для конвоя, полагаю, хватит. Хотя, если по уму, лучше организовать все четыре. Баллард – личность заметная, без шумихи не обойдется.

Спрятав рацию в карман, Пендергаст передал Балларду свой сотовый:

– Вот теперь звоните адвокату. Мы отправляемся в Полис-плаза, в комнату для допросов – подвальный этаж. Будем там через сорок минут. Кофе обеспечим.

– Козел. – Сделав звонок, Баллард вернул телефон.

– Полагаю, адвокат, как и я, посоветовал держать рот на замке? – улыбнулся Пендергаст.

Баллард не сказал ничего.

Пендергаст принялся бесцельно бродить по салону, восхищенно разглядывая оттиски на деревянных панелях. Казалось, он просто убивает время.

– Так мы идем? – не выдержал Баллард.

– Он все-таки разговаривает, – заметил д'Агоста.

– Похоже, наш мистер Баллард такой человек. – Пендергаст кивнул с отсутствующим видом. – Не слушает добрых советов.

Баллард умолк, едва сдерживая ярость.

– Думаю, сержант, придется здесь задержаться, чтобы все осмотреть. Понимаете?

Д'Агоста понял, к чему клонит товарищ.

– Конечно.

Терпение Балларда обращалось в пар, а Пендергаст все бродил по залу: то пролистает газету, то полюбуется литографией в рамке. Вот вдалеке завыли сирены, недовольно загавкал мегафон, а фэбээровец только взял со стола номер «Форчун»[34], небрежно пролистал и положил обратно. Взглянув на часы, он обратился к напарнику:

– Сержант д'Агоста, как полагаете, я ничего не забыл?

– Вы не проверили фотоальбом.

– Блестяще, спасибо!

На некоторых страницах фэбээровец задержался, словно пытаясь запомнить лица на снимках. Наконец он захлопнул альбом и, вздохнув, произнес:

– Пройдемте, мистер Баллард.

Потемнев, Баллард накинул ветровку и последовал за Пендергастом. С тараном на плече д'Агоста шел в арьергарде. Стоило троим ступить на пирс, как их оглушил шум толпы. Выли сирены, плевался в мегафон офицер. За оградой фоторепортеры дрались за место в поисках удачного ракурса. В аллее полиция расчищала дорогу конвою.

Баллард остолбенел.

– Ублюдок! – выплюнул он в лицо Пендергасту. – Так вот зачем ты тянул время!

– Так и вижу тебя на первой полосе «Дейли ньюс», – кивнул д'Агоста. – С ветровкой на голове ты станешь звездой номера.

Глава 24

На служебной машине Брайс Гарриман возвращался в город. Брань, давка и ноль информации – все, чего он добился в порту, где пресса устроила на копов настоящую охоту. Вот и лови после этого полицейские радиосигналы. Только время потратил. Ехал бы сразу в офис строчить статью про убийство Катфорта.

Впереди на Уэст-стрит движение застопорилось. Проклиная невезение, Гарриман давил на клаксон. Реши он ехать в метро, не пришлось бы сейчас куковать в пробке. Раньше пяти в офис не попадешь, а в десять – уже сдавать статью в утренний номер.

Гарриман успел перебрать в уме с десяток вариантов введения. Вновь и вновь он мысленно вставал у дома Катфорта – среди сборища, что кричит, требует, алчет вестей. Для этой толпы он и писал. Сейчас, когда Смитбека нет и «Таймс» упорно не желает видеть в убийстве сенсацию, у Гарримана развязаны руки.

Однако если он просто скажет, мол, убили Катфорта, и все, темы хватит на один выпуск. Или на два. Когда пишешь статьи про убийства, становишься будто хроникером убийцы: за перо берешься, когда – или же если – он соизволит ударить. Так что необходимо найти оригинальный подход.

Показав средний палец тем, кто стоял позади, Гарриман дал задний ход. Рискуя своей машиной и машинами еще с полдесятка водителей, он расчистил перед собой свободный пятачок. Вот вам, скотины, подумал Гарриман, еще раз показав средний палец. Не город, а скопище...

...И тут его озарило. История повернулась новой гранью, но чтобы закрепить эффект, требовался специалист. Только кто именно? Вторая гениальная мысль вспыхнула в мозгу моментально.

Гарриман схватил сотовый и позвонил в офис:

– Айрис? Как дела?

– Пока не родила, – сострила секретарша. – Представь себе одноногого, который пинками разогнал демонстрацию. Со звонками я упарилась ничуть не меньше.

От такой фамильярности Гарримана передернуло – он все-таки босс, а не товарка из соседней кабинки-офиса.

– Тебе как, сообщения передать? – предложила Айрис.

– Нет. Слушай, найди мне путевого эксперта по паранормальным явлениям. Есть такой – зовут, кажется, Монк или Менх. Вроде бы немец. Он еще вел по каналу «Дискавери» передачу про экзорцистов, помнишь? Да, он самый.

Гарриман дал отбой и с улыбкой окунулся в какофонию разноголосых гудков с улицы, будто в сладчайшие звуки симфонии.

Глава 25

Комнату для допросов спроектировал гений. Здесь, как нигде в городе, можно было курить и не бояться ареста, отчего шлакоблочные стены покрывал грязно-коричневатый налет. У детективов из Полис-плаза имелся пунктик: сохранять его как часть антуража. Мертвый, затхлый воздух наводил на мысли о припрятанном где-то в помещении трупе, а старый-престарый линолеум занял бы достойное место в какой-нибудь лавке древностей.

За засаленным металлическим столом сидел Баллард. Ему даже не дали переодеться. Глаза Балларда налились кровью. Напротив устроился Пендергаст, а позади, у двери, встал д'Агоста. Обязательный с недавних пор гражданский наблюдатель снимал все на камеру; сосущее чувство под ложечкой он глушил полной готовностью выполнить все, что скажут. Ждали адвоката, застрявшего где-то в пробке.

Открылась дверь, и вошла капитан Хейворд. Температура в помещении резко упала градусов на шесть. Капитан взглянула на Пендергаста, затем на д'Агосту и знаком велела следовать за ней.

Втроем они прошли по коридору в пустой кабинет. Капитан пропустила вперед д'Агосту и фэбээровца.

– Признавайтесь, кто устроил этот цирк? – спросила она, закрыв за собой дверь.

– К несчастью, – ответил Пендергаст, – иного способа не было.

– Да ладно вам! Вы продумали спектакль от начала и до конца. Вы привели за собой армию журналистов – от самого порта, и теперь все они стоят у нашего здания. А ведь такого балагана я и боялась.

– Капитан, – спокойно произнес Пендергаст, – уверяю, Баллард не оставил нам выбора. В какой-то момент мне показалось, что придется надеть на него наручники.

– Вам следовало согласовать все с его адвокатом, чтобы клиент не чувствовал себя затравленным зверем.

– Был шанс, что Баллард сбежит из страны, предупреди мы его напрямую.

– Я капитан полиции Нью-Йорка! – зашипела Хейворд. – И делом руковожу я. Баллард не подозреваемый, никто не смеет обращаться с ним таким образом. – Она резко развернулась к д'Агосте: – Поручаю допрос вам, сержант. А специальный агент Пендергаст встанет в сторонке и будет помалкивать. Он и так уже натворил дел.

– Как пожелаете, – произнес фэбээровец в спину Хейворд.

Как только они вернулись в комнату для допросов, Баллард вскочил.

– Ты еще ответишь! – прорычал он, ткнув пальцем в сторону Пендергаста. – Вы оба ответите. Ты и твой сраный жирный подпевала.

– Успели заснять? – обратилась Хейворд к гражданскому наблюдателю.

– Да, мэм. Я включил камеру, как только они прибыли.

Хейворд кивнула, а зрачки Балларда сузились до размеров дырочек от укола булавкой.

Наступившую тишину нарушил наконец стук в дверь.

– Войдите.

Полицейский впустил седого человека в темно-сером пальто, с серыми же глазами и короткой стрижкой. Вошедший довольно мило улыбнулся собравшимся, а д'Агоста заметил, как под рубашкой у полицейского блеснул крестик. «Похоже, не все миньоны Хейворд усекли, что наша капитан в дьявола не верит».

– Наконец-то! – взревел Баллард. – Господи Иисусе, Жорж, я звонил тебе сорок минут назад. Вытащи меня отсюда, к чертям собачьим!

Адвокат невозмутимо поздоровался с Баллардом, словно встретил его на вечеринке. Затем юрист пожал руку Пендергасту.

– Жорж Маршан, «Маршан и Куизлинг». Мистер Баллард – мой клиент, – пропел соловьем защитник, в то время как его глаза пробежались по значкам Хейворд и д'Агосты.

– Это мой коллега, сержант д'Агоста, – в свою очередь, сказал Пендергаст.

– Как поживаете? – спросил Маршан. В полной тишине он обвел комнату холодным взглядом. – Могу я увидеть повестку?

Пендергаст вручил адвокату копию, которую тот внимательно изучил.

– Это ваш экземпляр, – пояснила Хейворд бесстрастным голосом.

– Спасибо. А теперь разрешите поинтересоваться, почему данное мероприятие не проходит в офисе или на яхте моего клиента, где ему было бы намного удобнее?

Спрашивал адвокат всех сразу, но Хейворд кивнула д'Агосте.

– Прежде я поступил именно так: пришел к мистеру Балларду в клуб, но он отказался сотрудничать. А сейчас я расценил его действия как намек на шантаж. Мистер Баллард явно собирался покинуть страну, однако информация, которой он обладает, для нас совершенно необходима.

– Он подозреваемый?

– Нет, важный свидетель.

– Так. А этот… намек на шантаж – в чем конкретно он состоял?

– Это чертово… – начал Баллард, но адвокат оборвал его взмахом руки.

– Это произошло в моем присутствии, – вступил Пендергаст. – И как раз перед вашим приходом мистер Баллард изволил угрожать во второй раз, что и было записано на пленку.

– Ты проклятый лжец…

– Ни слова, мистер Баллард. По-моему, вы уже достаточно высказались.

– Ради Бога, Жорж, они…

– Ти-хо, – неожиданно твердо произнес адвокат.

Баллард умолк.

– Мой клиент, – продолжил Маршан, – стремится к содействию. И вот как мы поступим. Сначала вы задаете вопрос. Затем, если нужно, мы с моим клиентом совещаемся в коридоре, и он дает ответ. Согласны?

– Согласны, – сказала Хейворд. – Примите у него присягу.

Мыча, под надзором гражданского наблюдателя, Баллард принес присягу и, закончив, накинулся на Маршана:

– Проклятие, Жорж, ты что, заодно с ними?!

– Нам нужно посоветоваться.

Маршан вывел Балларда в коридор. Спустя минуту они вернулись.

– Первый вопрос, – сказал адвокат.

Д'Агоста заглянул в записи и самым нудным, бесцветным голосом, которому научился в полиции, произнес:

– Мистер Баллард, шестнадцатого октября в два часа две минуты вам звонил Джереми Гроув. Вы разговаривали в течение сорока двух минут. О чем? Пожалуйста, с самого начала.

– Да я уже… – Баллард замолчал, едва Маршан уверенно положил руку ему на плечо и снова вывел его в коридор.

– Вы ведь не позволите им вот так бегать туда-сюда? – возмутился д'Агоста.

– Именно позволю, – ответила Хейворд. – Он имеет право на адвоката.

Маршан и Баллард вернулись.

– Гроув звонил поболтать, – сказал Баллард. – По-приятельски.

– После полуночи?

Адвокат кивнул Балларду.

– Да.

– И о чем же вы болтали?

– Я уже говорил. Пошутили-посмеялись. Гроув поинтересовался, как у меня дела, как семья, как собака, ну и так далее.

– Что еще?

– Не помню.

Молчание.

– Мистер Баллард, получается, вы сорок две минуты беседовали с Гроувом о собаках, а через несколько часов Гроува убили?

– Это не вопрос! – отрезал Маршан. – Далее.

Листая блокнот, д'Агоста почувствовал, как Хейворд прямо-таки буравит его взглядом.

– Где вы находились, когда Гроув позвонил?

– На яхте. Совершал прогулку по проливу.

– Сколько человек команды было на борту?

– Яхта компьютеризирована, и я хожу в море один.

Последовала короткая, но многозначительная пауза.

– Как вы познакомились с Гроувом?

– Не помню.

– Вы были близкими друзьями?

– Нет.

– Вам случалось работать с ним?

– Нет.

– Когда вы виделись в последний раз?

– Не помню.

– Тогда почему же он вам позвонил?

– Спросите Гроува.

Снова этот гад за свое, подумал д'Агоста и перевернул страничку.

– Двадцать второго октября в двадцать часов пятьдесят четыре минуты вам на домашний номер звонил Найджел Катфорт. Вы ответили?

Баллард взглянул на адвоката, и тот кивнул.

– Да.

– О чем вы говорили?

– С ним мы тоже по-приятельски поболтали. Общие друзья, семья, новости...

– Собаки? – саркастически подсказал д'Агоста.

– Не припомню.

– Мистер Баллард, – вмешался Пендергаст, – у вас вообще есть собака?

Ненадолго воцарилось молчание, и Хейворд бросила на Пендергаста предупреждающий взгляд.

– Я выражался метафорически, – ответил Баллард, – имея в виду, что мы говорили о мелочах жизни. О таких, как собаки.

– Через несколько часов после того, как вы повесили трубку, Катфорта убили, – снова заговорил д'Агоста. – Вы не заметили, может, он нервничал?

– Не помню.

– Может, он был напуган?

– Может, и был, я не помню.

– Он просил о помощи?

– Не помню.

– В каких отношениях вы состояли?

– В поверхностных.

– Когда в последний раз виделись?

Баллард задумался.

– Не припомню.

– Вам случалось иметь с ним дела – бизнес или что-то другое?

– Нет.

– Как вы познакомились?

– Не помню.

– А когда вы познакомились? – тактично вмешался Пендергаст.

– Не могу вспомнить.

На этот раз Баллард превзошел сам себя. И адвокат Жорж Маршан раздувался, довольный, как жаба. Ну нет, решил д'Агоста, так не пойдет.

– После звонка Катфорта, – продолжил он, – остаток ночи вы провели на яхте?

– Да.

– У вас есть моторная лодка?

– Да.

– Вы пользуетесь ею?

– Нет. Лодка стоит на приколе рядом с яхтой.

– Какого она типа?

– «Пикник-боут».

Вмешался Пендергаст:

– Вы имеете в виду «Пикник-боут» фирмы «Хинкли», на водометном двигателе?

– Верно.

– С двигателем «Янмар» на триста пятьдесят или четыреста двадцать лошадиных сил?

– На четыреста двадцать.

– Максимальная скорость, полагаю, свыше тридцати узлов?

– Почти что так.

– И осадка сорок пять сантиметров?

– Не проверял.

Пендергаст, не обращая внимания на взгляды Хейворд, уселся на место. Хитрец что-то придумал.

– Значит, получив звонок, – подхватил тему д'Агоста, – вы могли сесть в лодку, добраться до города и высадиться где угодно – при такой-то осадке. А водометный двигатель позволил бы перемещаться хоть боком, хоть задним ходом, я прав?

– Мой клиент уже говорил, что всю ночь провел на яхте, – сохраняя вежливый тон, сказал адвокат. – Следующий вопрос.

– Всю ночь вы были один, так, мистер Баллард? – спросил д'Агоста и тем вызвал новый поход в коридор.

– Да, я был один, – ответил Баллард, когда вернулся. – Служащие порта могут все подтвердить – как и то, что я не покидал яхты и не пользовался моторной лодкой.

– Проверим, – пообещал д'Агоста. – Значит, вы полчаса болтали с Катфортом о погоде, и через несколько часов его убили?

– Сомневаюсь, что мы говорили о погоде, сержант. – Глаза Балларда светились триумфом. Он опять побеждал.

– Мистер Баллард, вы собираетесь покинуть страну? – спросил Пендергаст.

– Мне обязательно отвечать? – обратился Баллард к Маршану, и тот снова повел его в коридор.

– Да, – вернувшись, сказал Баллард.

– Куда вы собираетесь?

– А вот этот вопрос к делу не относится, – вмешался адвокат. – Мой клиент намерен сотрудничать, но взамен рассчитывает на уважение своей частной жизни. Вы же сами сказали: он не подозреваемый.

– В этом мы еще не до конца разобрались, – обратился к защитнику Пендергаст. – В любом случае ваш клиент важный свидетель. И мы не исключаем, что ему придется сдать заграничный паспорт. Разумеется, временно.

Баллард не мог не ответить. Д'Агоста следил за ним, ждал реакции – и все равно поразился, как потемнело лицо Балларда. Еще чуть-чуть, и клиент снова вспыхнет.

– Крайне абсурдное заявление, – улыбнулся Маршан. – Мистер Баллард ни в коем случае не будет ограничен в свободе передвижений. Я безмерно удивлен и склонен расценивать это как угрозу.

Хейворд недобро взглянула на фэбээровца:

– Мистер Пендергаст...

Агент поднял руку.

– Мистер Баллард, вы верите в дьявола?

Что-то промелькнуло на лице Балларда – тень очень сильной эмоции, но так быстро, что д'Агоста не уловил, какой именно. Баллард тем временем тянул с ответом: сидел нога на ногу, откинувшись на спинку стула.

– Конечно же, нет, – ответил он наконец. – А вы?

– Мне кажется, господа, – адвокат поднялся с места, – запас вопросов исчерпан.

Возражений не последовало.

Улыбаясь и пожимая всем руки, Маршан раздал визитные карточки.

– В следующий раз, – предупредил он, – обращайтесь к мистеру Балларду через меня. Мистер Баллард, – защитник позволил себе язвительную улыбку в сторону Пендергаста, – покидает страну.

– А вот это, – очень тихо произнес агент, – спорный вопрос.

Глава 26

Баллард с адвокатом удалились, атакованные вторым наплывом крикливых репортеров. Исчез и Пендергаст, оставив д'Агосту наедине с Хейворд. Они не спеша шли по окрашенному под грязь вестибюлю Полис-плаза. Д'Агосте было, что сказать капитану. И ей, кажется, тоже.

– Баллард на самом деле вас запугивал? – спросила Хейворд.

Д'Агоста не спешил отвечать, и тогда Хейворд поправилась:

– Я спрашиваю для себя, не для дела. Никто не узнает.

– В каком-то смысле да, запугивал.

Они пошли бок о бок к выходу. Снаружи нехотя собирали аппаратуру оставшиеся репортеры. На западе по небу красным пятном расплывался закат. Хейворд все еще не остыла, от нее буквально исходили горячие волны.

– Как именно Баллард вас запугивал?

– Я бы не хотел об этом говорить...

«В Канаде у тебя осталась женушка».

Перед мысленным взором непрошено возникло гладковыбритое лицо Честера Доминика: напускное веселье, дежурная улыбка – чтоб он ею подавился! – и костюмы из полиэфира. Господи, нет, только не Честер! С другой стороны, д'Агоста уехал уже давно, брак распался, так что не стоит себя обманывать.

Хейворд смотрела на него со смешанным чувством интереса и скептицизма.

– Если бы мы предъявили Балларду обвинения, вам бы пришлось рассказать.

– Тогда – да. А сейчас – извините. – Д'Агоста глубоко вздохнул. – Капитан Хейворд, Пендергаст действительно поступил слишком жестко.

– Да, конечно! Он мог прислать повестку, договориться о встрече на яхте, и тогда, наверное, получил бы информации куда больше. А так у нас полный ноль без палочки.

– Мы и отправились на яхту, а в итоге Баллард стал меня шантажировать. Это, по-вашему, успех?

– Ладно-ладно, один – ноль в вашу пользу. Но признайте, в камере допросов вы устроили банальное забивание понтов!

Выйдя из дверей, они задержались на широких мраморных ступеньках. Хейворд все еще не остыла, готовилась заново объяснять, как дорожит карьерой.

– Вы не торопитесь? – спросил д'Агоста.

Хейворд посмотрела на него:

– Вообще-то собиралась домой.

– Хотел пригласить вас выпить. Исключительно как коллегу. Я знаю – по крайней мере знал – одно местечко на Черч-стрит…

Она бросила на него взгляд, в котором еще не потух огонь раздражения.

– Идет.

Вместе они сошли по ступенькам.

– У Пендергаста свои методы, – сказал д'Агоста.

– Именно это меня и пугает. Слушайте, сержант…

– Зовите меня Винни.

– Тогда уж и вы зовите меня Лаурой. Так вот, мне интересно, сколько раз Пендергасту приходилось свидетельствовать против преступника в суде?

– Понятия не имею.

– Я скажу вам: не особенно часто. И знаете почему?

– Нет.

– Большинство преступников до суда просто не доживали.

– Не его в том вина.

– Я и не обвиняю, просто делюсь наблюдением. Должен же Пендергаст понимать: усади он Балларда на скамью подсудимых, сегодняшний трюк выйдет нам боком.

Они свернули налево у Парк-Роу-билдинг, затем, дойдя до Вези-стрит, – направо. Вскоре впереди показалось то самое заведение. Д'Агоста сразу приметил на окне два плетеных горшочка с папоротником – полуживое растение все никак не решалось засохнуть. За эту находку, отводившую глаза прочим копам, д'Агоста и любил местечко. А еще – за «Гиннесс» на разлив.

– Я здесь впервые, – сказала Хейворд, спускаясь по ступенькам.

Д'Агоста открыл ей дверь, затем вошел сам – в прохладу помещения, благоухавшего ароматом свежесваренного напитка. Едва д'Агоста и Хейворд устроились за дальним столиком, к ним подошел официант.

– «Гиннесс», – заказала Хейворд.

– Два, – добавил д'Агоста.

Он никак не мог отделаться от стоявшей перед глазами картины: Доминик с его женой. Надо что-то делать, иначе и с ума не долго сойти.

– Я сейчас. – Д'Агоста встал из-за стола.

В укромном уголке он нашел телефонный автомат. Д'Агоста уже отвык от таксофонов, но звонить с мобильного сейчас не годилось. В справочной он выяснил номер канадского оператора, а у того – нужный номер. За это время пришлось два раза сбегать до бара и разменять деньги. Аппарат сожрал двадцать четвертаков. Боже...

– Компания «Кутеней», – наконец ответил гнусавый голос.

– Чета Доминика, пожалуйста.

– Его нет.

– Вот черт, мы договорились встретиться, а я опоздал. Можете дать номер его мобильного?

– А кто спрашивает?

– Джек Торрэнс. Мы с Четом ходим в один клуб.

– Ах да, мистер Торрэнс, конечно. – В голосе мгновенно прорезалась дежурная дружелюбность. – Один момент... – И секретарь дала номер.

Д'Агоста взглянул на часы, разменял еще денег и набрал номер Честера Доминика.

– Алло? – ответил Честер.

– Это доктор Морган, из больницы. Понимаете, произошла ужасная авария.

– Что? Кто? – Голос моментально преисполнился паники.

Интересно, у этого мешка с дерьмом есть семья, дети? Наверняка есть.

– Мне срочно нужно переговорить с некой миссис Лидией д'Агоста.

– Ну... э-э... да, конечно... да-да, сейчас.

Послышались звуки возни, затем приглушенный голос жены произнес:

– Да? Что такое? Что случилось?

Д'Агоста медленно, аккуратно повесил трубку на рычаг, несколько раз глубоко вздохнул и пошел назад к столику. Не успел он дойти, как зазвонил сотовый.

– Винни? – услышал он, приняв звонок. – Это Лидия. Ты в порядке?

– Ну да, а что? Голос у тебя расстроенный.

– Нет, я в порядке. Просто... слышала что-то про больницу... встревожилась. – Лидия говорила сбивчиво и смущенно.

– Нет, это не про меня.

– Бывает, знаешь ведь. Сижу здесь, узнаю все из вторых рук...

– Ты еще на работе?

– На стоянке. Как раз выезжаю.

– Ладно, увидимся.

Д'Агоста закрыл крышку телефона и сел. «Ты хотела сказать: Честер Доминик „как раз выезжает", да?» Жуткая волна мурашек пробежала по телу. Подоспел «Гиннесс» – настоящая английская пинта, два дюйма пены. Подняв бокал, д'Агоста сделал большой глоток и почувствовал, как холодная жидкость размывает ком в горле. Поставив бокал, он увидел, что Лаура Хейворд внимательно смотрит на него.

– Жажда замучила?

– Да.

Д'Агоста сделал еще один глоток, просто чтобы спрятать лицо. Кого он дурачит? Разлука чересчур затянулась, так что нет смысла винить жену – по крайней мере так сильно. И ведь Винни, его родной сын, тоже не собирается назад в Нью-Йорк. Лидия в глубине души неплохая, но поступила она подло, ударила ниже пояса. Интересно, младшенький знает?

– Дурные новости?

– Вроде того. – Д'Агоста взглянул на Хейворд.

– Я могу как-то помочь?

– Нет, спасибо... Простите, неважная из меня сегодня компания.

– Все нормально, это же не свидание.

Они немного помолчали.

– Я читала ваши книги.

Д'Агоста покраснел. Вот уж о чем о чем, а о книгах ему говорить не хотелось.

– Знаете, они просто класс.

– Спасибо.

– Мне понравился ваш стиль: такой сдержанный, скромный, ничего лишнего. Вы действительно писали о полиции.

Д'Агоста кивнул.

– И где же вы нашли мои книги? – спросил он. – На распродаже?

– Купила, как только они вышли. Я следила за вашими делами.

– Серьезно?

Д'Агоста удивился – когда они работали вместе, он вроде не произвел на Хейворд особого впечатления. По крайней мере хорошего впечатления.

– Да. Когда... – Хейворд замялась. – Когда мы с вами работали, я сдавала на магистра в Нью-Йоркском университете. И, глядя на вас, поняла, какой хочу стать. Мне стало по-настоящему любопытно, почему такой классный коп решил бросить работу, уехать в Канаду и писать книги.

– Я многое мечтал рассказать: о преступлениях, преступниках, системе правосудия. О людях вообще.

– У вас получилось.

– Не совсем.

Их кружки опустели.

– Еще по одной? – предложил д'Агоста.

– Конечно. Винни, я должна сказать, что глазам не поверила, когда увидела на вас сержантские нашивки и саутгемптонский значок. Даже подумала, что это не вы, а ваш брат-близнец.

– Жизнь, что поделаешь.

– Все-таки вы здорово работали, убийства в метро – дело то еще!

– Конечно. Помните беспорядки?

Она кивнула:

– Зрелище как в кино. Мне до сих пор кошмары снятся.

– А я пропустил. Рыскал в полумиле под землей, подчищая за капитаном Уокси.

– Старина Уокси… Знаете, его так глубоко засосало в тоннеле, что тело потом не нашли. Должно быть, аллигатор сожрал… В полиции, – помолчав, добавила Хейворд, – сейчас все по-другому. Совсем по-другому. И слава Богу, а то ведь такие кадры порой попадались.

– Помните Маккэрролла по кличке Маккариес из отдела технической поддержки? У него еще изо рта воняло, – хихикнул д'Агоста.

– Помню ли? Я на этого подонка полгода трубила! Быть женщиной и работать в технической поддержке… да еще не спать с Маккариесом…

– Так он ухаживал за вами?

– В его понимании «ухаживать» – значит, тереться об меня, обдавать вонью изо рта, говорить, что у меня классная фигура, да при этом причмокивать.

– Боже мой! – Д'Агоста скорчил рожу. – Что же вы не доложили?

– И прости-прощай карьера? Слишком много чести для кретина!.. Сейчас наш нью-йоркский департамент – как другая планета, абсолютно профессиональный. Идиот вроде Маккэрролла капитаном уже не станет.

За второй кружкой пива Хейворд закормила д'Агосту байками о Маккэрролле и другом давно ушедшем капитане по имени Эл Дуприско. Вспомнилось и еще много чего.

– Господи, – покачал головой д'Агоста, – нет места лучше для копа, чем Нью-Йорк.

– Вот именно.

– В Саутгемптоне я протухну. Лаура, мне нужно вернуться.

В молчании д'Агоста посмотрел на Хейворд: их глаза встретились, и в ее взгляде д'Агоста увидел… Что именно, он не понял. Может быть, жалость?

– Ладно, извините.

Забавно, как жизнь поставила все с ног на голову. Хейворд теперь, наверное, самый молодой капитан, а д'Агоста… Что ж, если кто и заслуживает успеха, так это она…

– Послушайте, – резко вернувшись к официальному тону, сказал д'Агоста. – На самом деле я просто хотел убедиться, что вы не держите зла на Пендергаста, затем и пригласил выпить. Мы со специальным агентом раскрыли не одно, а два больших дела. Поверьте, может,

Пендергаст и использует нетрадиционные методы, но заполучить его в союзники – можно только мечтать.

– Вы верный друг… Беда в том, что у него проблемы с чувством локтя. Я здорово рисковала, когда выписывала бумаги на Балларда, а Пендергаст взял и подставил меня. Сейчас я еще подумаю, но, Винни, держите парня в узде. Вас он, кажется, уважает.

– Вас тоже.

Д'Агоста и Хейворд помолчали.

– Ну а как же случилось, что вы перестали писать? – спросила наконец капитан. – Я думала, ваша карьера шла в гору.

– Да – карьера в суде по делам о банкротстве. Успеха я не добился, после второй книги у меня в кармане ветер свистел. Лидия – моя жена – попросту этого не вынесла.

– Так вы женаты? – Ее взгляд метнулся к руке д'Агосты – к пальцу, на котором он уже много лет не носил кольца.

– Ну да.

– А чего я удивляюсь? Хороших парней давно расхватали. Вас вот Лидия присмотрела.

Хейворд подняла бокал, а д'Агоста проговорил:

– Мы расстались. Жена по-прежнему живет в Канаде.

– Простите.

Хейворд опустила бокал, но прощения она просила неискренне. Или д'Агосте лишь показалось?

– Знаете, чем Баллард угрожал мне? – Д'Агоста сглотнул: он не был уверен, что готов рассказать, однако сдерживаться больше не мог. – Баллард разнюхал о том, что моя жена крутит роман на стороне, и обещал предать это огласке.

– Вот ведь ублюдок! Рада, что Пендергаст его прищучил. – Капитан помялась. – Хотите поговорить?..

– Мы и говорим.

– Понимаю, Винсент, вам нелегко. Может, стоит попытаться сохранить брак?

– Уже полгода как сохранять нечего. Суд все решил.

– А дети есть?

– Сын. Живет с мамочкой. На следующий год собирается поступать в колледж. Светлая голова.

– Сколько вы были женаты?

– Девятнадцать лет. Поженились, едва закончив среднюю школу.

– Боже мой. Уверены, что держаться больше не за что?

– Все кончено.

– Выходит, Баллард сделал вам одолжение. – Капитан нежно накрыла руку д'Агосты своей.

Д'Агоста посмотрел на Хейворд. В каком-то смысле она права: Баллард оказал ему услугу. Может статься, по-настоящему большую услугу.

Глава 27

Полночь.

Команда поднялась на борт, и яхта готовилась поднять якорь. Локк Баллард стоял на палубе, дыша ночным воздухом и глядя на Стейтен-Айленд. Прежде чем отчалить, ему предстояло завершить кое-что здесь. Он допустил две ошибки: нанял двух идиотов – замочить д'Агосту, и просчитался. Проклятие, каждый знает: хочешь убить полицейского, делай все правильно. Ублюдочный коп только и позволил себе пустые угрозы, а Баллард, взвинченный за последние дни, дал себя напугать. Боже, совсем он издергался. Ведь жирный козел даже и не враг вовсе – так, ищейка. Настоящий враг – агент ФБР Пендергаст. Вот кого надо бояться. Фэбээровец опасен, словно гадюка – готов ужалить в любую секунду. Он играет по-крупному. В этом деле мозг именно он. Но убей мозг – и тело умрет. Убрать Пендергаста – и расследование закроется само по себе.

Хочешь ликвидировать агента ФБР, соблюдай то же правило, что и с копами, только строже: не берись за оружие, пока остаются другие пути. Иначе никакой пользы. Однако Пендергаст – то самое исключение, которое есть в каждом правиле. Ничто – ничто! – не помешает Балларду осуществить свои планы.

Спустившись в кают-компанию, Баллард запер за собой дверь. Взглянул на часы: оставалось еще несколько минут. Он нажал на пульте несколько клавиш, и ожил экран видеоконференции. Пендергаст захватил один из центральных процессоров, но это не страшно. Все компьютеры Балларда объединены в сеть, а деловые данные защищают шифры с 2048-битными ключами. Их не взломать даже мощнейшему компьютеру мира. Нет, Баллард не боялся, что Пендергаст вскроет его базу данных. Он боялся самого Пендергаста.

Баллард нажал еще несколько кнопок, и на экране появилось тусклое лицо, гладкое и тугое, будто мокрую кожу надели на костяной каркас, где она высохла и натянулась. Череп был абсолютно чист, без единой щетинки. Баллард всегда невольно ежился, глядя на этого человека. Зато работал он хорошо. И не просто хорошо – равных ему Баллард не знал.

Человек просил называть себя Васкез.

Васкез даже не поздоровался – не изменившись в лице, он пристально смотрел на собеседника, скрестив на груди руки. Откинувшись на спинку кресла, Баллард улыбнулся, хоть и знал: Васкез разницы не заметит. Наемник видел у себя на экране лишь сгенерированный компьютером случайный образ.

– Цель – Пендергаст, – заговорил Баллард, – имя неизвестно. Специальный агент ФБР. Живет в доме номер восемьсот девяносто один по Риверсайд-драйв. Две пули в череп. За каждую плачу миллион.

– Деньги вперед, – сказал Васкез.

– А если провалишься?

– Исключено.

– Чушь. Провалиться может любой.

– Я провалюсь только в день своей смерти. Ну, по рукам?

После недолгих колебаний Баллард решил: нельзя останавливаться на полпути.

– Очень хорошо. Но срок поджимает.

Если Васкез наколет его, найдутся еще васкезы, готовые завершить дело. В счет гонорара они возьмут деньги соперника, и два убийства обойдутся Балларду по цене одного.

Васкез приставил к экрану листок бумаги с номером и подождал, пока Баллард спишет.

– Как только два миллиона окажутся на счете, я возьмусь за контракт. Больше нам разговаривать не придется.

Васкез отключил передатчик. Баллард, привыкший сам прерывать связь, ощутил раздражение и сделал глубокий успокоительный вздох.

Глава 28

Д'Агоста остановил «форд-таурус» у железных ворот. Похоже, он заблудился, к тому же как минимум на час опоздал. Все потому, что утро

отнял отчет о скандале с Баллардом. Теперь копы не могли ни выстрелить, ни допросить, ни даже пукнуть без того, чтобы не заполнить потом рапорт.

Место выглядело заброшенным: ржавые ворота на потрескавшихся каменных столбах приоткрывали путь на гравийную дорожку, где амброзию полыннолистную высотой в добрый фут прорезали свежие следы от машины. Нет, д'Агоста не заблудился – стертая каменная табличка на одном из столбов гласила: «Рэйвензкрай».

Сержант вышел из машины и открыл ворота пошире. Снова сев за руль, он повел «форд» по неясным следам от колес – по лесу меж буков, искривленные стволы которых рвались к свету. Вот он выехал к лугу, усеянному цветами. Скорее всего это когда-то была лужайка при доме – мрачном особняке, который спрятался в тени вязов на том краю луга. Глядя на плотно закрытые ставни и по меньшей мере двадцать каминных труб, д'Агоста покачал головой. Если призраки существуют, здесь для них самое подходящее место.

Сверившись с указаниями Пендергаста, он объехал особняк и, вырулив на другую дорожку, направился через древние сады к каменной мельнице на берегу. Там он остановился рядом с припаркованным «роллсом» Пендергаста. Шофер Проктор чуть ли не с головой залез в багажник; когда д'Агоста подошел, слуга вежливо поклонился и кивнул в сторону реки.

Спускаясь по каменной тропинке, д'Агоста заметил двух людей, поглощенных беседой. Фэбээровца выдавали черный костюм и изящная осанка, а собеседница в шляпке и с летним зонтиком – точно та девушка, что жила в доме Пендергаста. Кажется, Констанс.

Журчала вода в реке, в листьях буков шелестели птицы.

– Винсент, вы нашли нас. – Обернувшись, Пендергаст помахал рукой. – Хорошо, что приехали.

Констанс, улыбнувшись, протянула руку. Д'Агоста пожал ее, пробормотав приветствие. Необычные глаза девушки на этот раз были скрыты солнцезащитными очками. В присутствии Констанс д'Агосте отчего-то хотелось вести себя как можно приличнее. Так в детстве влияла на него бабушка.

Д'Агоста с любопытством посмотрел вниз, вдоль запятнанной кругляшками теней тропинки. Колеса мельницы не вращались, но вода все еще сбегала по каскаду каменных шлюзов.

– Где мы?

– Это имение моей двоюродной бабушки Корнелии. Ей сейчас нездоровится, и она не выходит из дома. Я вожу сюда Констанс на прогулки.

– Чтобы завершить реабилитацию, – слабо улыбнулась девушка. – Мистер Пендергаст говорит, что у меня слабое здоровье.

– А здесь привольно, – заметил д'Агоста.

– В конце девятнадцатого века мукомольню переоборудовали под ферму по разведению форели, – ответил Пендергаст. – Каждый год в ручей Росистый выпускали тысячу форелей. В лесу же сохранялись дикие индюшки, олени, фазаны, куропатки, перепела и медведи. По воскресеньям мои родственники с друзьями-охотниками выезжали в поле.

– Охотничий заповедник. Держу пари, рыбалка здесь была просто фантастическая.

Д'Агоста посмотрел на ручей, бурлящий в ложе из булыжников, с глубокими заводями, где, несомненно, в изобилии водилась форель. У него на глазах несколько рыбин пустили рябь по воде возле шлюза.

– Никогда не увлекался рыбалкой, – сказал Пендергаст. – Предпочитаю кровавый спорт.

– Чем вам не угодила рыбалка?

– В высшей степени банальное занятие.

– Банальное. Верно.

– После внезапной смерти хозяина большая часть прислуги покинула поместье. Вскоре уехать пришлось и бабушке. Теперь Рэйвензкрай совсем заброшен... Как бы там ни было, – оживился Пендергаст, – это место располагает к размышлениям, и я пригласил вас пересмотреть ситуацию. Если коротко, Винсент, дело очень запутанное. Будь все как обычно, я бы уже давно отыскал ниточку, ведущую к клубку. Сейчас все иначе.

– Да, нелегко, – согласился д'Агоста.

Он взглянул на девушку, сомневаясь, может ли позволить себе говорить при ней все.

– От Констанс у меня секретов нет, – сказал Пендергаст.

Та важно улыбнулась. Они пошли обратно к машинам.

– Давайте же подведем некоторый итог, – начал Пендергаст. – У нас имеются два убийства необъяснимого характера – с сожженными

телами и мефистофельской атрибутикой. Мы знаем, что первые две жертвы были как-то связаны друг с другом и с Баллардом. Однако как именно, выяснить не удалось.

– Кое-чем помогла Хейворд, – сказал д'Агоста. – Мы порылись в их телефонных счетах, подняли кредитную историю… Безрезультатно. Никаких следов того, что они вообще когда-то встречались. А файлы в компьютере Балларда зашифрованы, и взломать их мы не смогли. Однако кое-что все-таки перепало: в окошке интернет-браузера компьютера Балларда стояло имя Ренье Бекманна. Похоже, Баллард тоже пытался его найти.

– Тем не менее, когда вы допрашивали Балларда в клубе, он утверждал, что Бекманна не знает. Выходит, ему есть что скрывать. Он зол, он обороняется. Я бы даже сказал, он напуган. Но чего он боится?

– Ареста. Отталкиваясь от того, что Баллард – подозреваемый номер один, мы с Хейворд проверили – на ночь убийства Гроува у него тоже нет железного алиби. Баллард утверждает, будто совершал круиз по проливу. Но с тем же успехом он мог оказаться и у атлантического побережья, высадиться на пляже в Саутгемптоне и сделать свое мокрое дело.

– Возможно. Хотя зачем ему убивать Гроува и Катфорта? В чем здесь выгода? Да еще и обставлять это как дело рук дьявола?

– Может, у него специфическое чувство юмора?

– Напротив, у него чувство юмора, похоже, отсутствует напрочь. Одно только гангстерское злорадство. Да и зачем так рисковать ради забавы?

– Значит, он хотел этим что-то сказать.

– Кому? И что?

– Не знаю. Если б это был не Баллард, я бы решил, что какой-нибудь псих-фундаменталист намерен возродить инквизицию. Ради Божьего промысла.

– Вторая возможная версия.

Ненадолго воцарилась тишина. Затем Пендергаст добавил:

– Винсент, мы упускаем еще одну вероятность.

У д'Агосты перехватило дыхание. Пендергаст, должно быть, шутит. Или же… Рука сама дотронулась до крестика.

– Где сейчас Баллард? – спросил Пендергаст.

– Этим утром он на яхте вышел в открытый океан.

– Есть идеи, куда именно он направляется?

– По данным Хейворд, в Европу. Движется, во всяком случае, на восток. На полной скорости. Даже, может быть, быстрее – на яхте установлена специально модифицированная электростанция. Мы узнаем, где и когда причалит Баллард, если только он не обойдет таможенную и эмиграционную службы, что вряд ли с такой-то яхтой, как у него.

– Хейворд можно лишь восхищаться. Она все еще злится?

– Вряд ли.

Пендергаст тонко улыбнулся.

– Ну, есть теория? – спросил д'Агоста.

– Я изо всех сил стараюсь не создавать таковой.

По гравию зашуршали покрышки, хлопнули двери, вдали зазвучали голоса. Обернувшись, д'Агоста увидел за лугом старомодный лимузин с опущенным верхом и пристегнутой к откидному сиденью большой плетеной корзиной.

– А это кто? – спросил он.

– Еще один гость, – просто ответил Пендергаст.

Обойдя авто, в поле зрения появилась гигантская фигура. Необъятные пропорции никак не вписывались в окружение, но их обладатель передвигался с поразительной плавностью. Граф Фоско – похоже, из подозреваемых он непонятно как сделался новым знакомым.

– Что он здесь делает? – Д'Агоста посмотрел на Пендергаста.

– Мне показалось, граф обладает информацией чрезвычайной важности и жаждет ею поделиться. А так как он крайне заинтересован во всем, что в Америке считается древностью, я пригласил его в Рэйвензкрай. К тому же я у него в долгу за чудесный вечер в опере.

Спускаясь по тропинке, граф еще издали начал приветственно махать рукой.

– Изумительное место! – прогремел он, потирая ладони в белых перчатках.

Поклонившись Пендергасту, граф обратился к д'Агосте:

– А это наш сержант… Д'Агоста, если не ошибаюсь? Всегда рад познакомиться с человеком итальянских кровей. Как поживаете?

– Спасибо, хорошо.

Своим вычурным поведением этот человек не понравился д'Агосте еще на поминках. Сейчас Фоско нравился ему еще меньше.

– Моя подопечная, – представил Пендергаст девушку, – Констанс Грин.

– Говорите, подопечная? Восхитительно. – Фоско, поклонившись, поднес ее ручку почти к самому рту, не касаясь губами.

Кивнув в ответ, Констанс заметила:

– Вижу, у вас с мистером Пендергастом общие интересы – экзотические марки автомобилей.

– Действительно, наши интересы совпадают. Даже больше – мы с мистером Пендергастом теперь друзья. – Он широко улыбнулся. – Во многом мы не похожи: я обожаю музыку, он – нет, я обожаю изящные одежды, а он одевается как гробовщик, я словоохотлив и открыт, а он молчалив и закрыт, я прям, а он скрытен. Тем не менее мы разделяем любовь к живописи, книгам, изысканным блюдам, вину и культуре – равно как оба восхищаемся ужасными и необъяснимыми преступлениями. – Взглянув на Констанс, граф снова улыбнулся.

– Преступления только тогда интересны, – сказала Констанс, – когда их нельзя объяснить. К несчастью, таких очень мало.

– К несчастью?

– Я говорю как ценитель искусства.

– Эта юная леди, – повернулся граф к Пендергасту, – просто исключительна.

– И что же, граф, привлекло вас в этом деле? – спросила Констанс. – Ведь не простое восхищение?

– Я желаю помочь.

– Граф Фоско уже помог, – сказал Пендергаст.

– И окажусь полезным вновь! Однако должен признаться, я очарован поместьем. Говорите, оно принадлежит вашей двоюродной бабушке? Чрезвычайно живописно: упадок, забвение... похоже на обиталище призраков. Словно воссоздано с гравюры «Veduta degli Avanzi delle Terme di Tito» Пиранези, «Руины терм императора Тита». Я больше люблю именно такие строения – напоминают мне о castello в Тоскане. Мой замок – в превосходном состоянии разрухи.

«Любопытно, на что же похож замок графа?» – подумал д'Агоста.

– Как и обещал, – прогремел граф, – я привез ленч. Пинкеттс!

Он хлопнул в ладоши, и водитель, самый что ни на есть англичанин, отстегнув корзину, с видимым усилием понес ее вниз по тропинке. Из корзины на свет появились льняная скатерть, бутылки вина, сыры, итальянская солонина, салями, серебряные приборы и бокалы – все это приютила большая каменная плита в тени огромного темно-пунцового бука.

– Очень мило с вашей стороны, граф, – сказал Пендергаст.

– Да я и сам милый. Вы убедитесь в этом, отведав кьянти урожая девяносто седьмого. Его изготовил мой добрый сосед граф Каппони. Но приготовьтесь, я припас еще кое-что: нечто получше вина, икры и foie gras. Если такое возможно. – Черные глаза на гладком, привлекательном лице зажглись удовольствием.

– И что же это?

– Всему свое время, всему свое время!

Граф взялся руководить. С суетливым вниманием он следил за тем, как откупоривается и сцеживается красное вино, заставляя всех испытывать еще большее нетерпение. Наконец он с заговорщицкой улыбкой посмотрел на собравшихся.

– Совершенно случайно я сделал открытие первейшей важности. – Фоско посмотрел на д'Агосту. – Сержант, имя Ренье Бекманна ни о чем вам не говорит?

– Мы нашли это имя в компьютере Балларда.

– И?.. – Граф кивнул так, словно с самого начала был в курсе.

– Баллард пытался найти его через Интернет. Впрочем, безрезультатно. Бекманна искал и Гроув, хотя мы не знаем зачем.

– Вчера меня пригласили на обед, где я сидел рядом с леди Милбэнк – в новом ожерелье! Так вот Джереми Гроув за несколько дней до смерти спросил, не может ли она порекомендовать частного детектива. Оказалось, что леди Милбэнк могла – для людей, скандально известных, это не проблема. Я лично отправился к этому человеку и выяснил, что Гроув нанимал его с целью... найти того самого Ренье Бекманна. – Фоско выдержал театральную паузу. – Гроув был в панике, пытаясь отыскать Бекманна. Но когда сыщик спросил о деталях, Гроув не смог предоставить ему ничего. Ничего. Со смертью Гроува поиски прекратились.

– Интересно, – сказал д'Агоста.

– Интересно будет узнать, что поисками Бекманна занимался и Катфорт, – вставил Пендергаст.

Д'Агоста достал сотовый и набрал прямой номер Хейворд.

– Хейворд слушает, – ответил холодный голос.

– Это сержант д'Агоста. Винни. Ваши люди закончили опись вещей в квартире Катфорта?

– Да.

– Там, случайно, не обнаружилось имя Ренье Бекманна?

– Собственно говоря, обнаружилось. – Послышался шелест бумаги. – Мы нашли блокнот: Катфорт записал это имя на первой странице.

– В блокноте было что-то еще?

– Нет, он чистый.

– Спасибо. – Д'Агоста сложил телефон и пересказал слова Хейворд.

Глаза Пендергаста возбужденно сверкнули.

– Вот та самая ниточка, которую мы искали, – сказал фэбээровец. – Гроув, Катфорт, Баллард. Зачем всем троим понадобился Бекманн? Возможно, его следует разыскать нам, чтобы он сам все рассказал?

– Друг мой, – отозвался граф, – осуществить этот план вам будет крайне сложно.

– Почему же? – взглянул на него Пендергаст.

– Частный детектив поведал мне еще кое-что: он не смог найти на Ренье Бекманна абсолютно никаких данных. Ни настоящего, ни прошлого места жительства, ни истории работы, ни информации о семье. Ничего. Впрочем, предоставляю это вам. – Граф экспрессивно повел руками. – Теперь, когда дела позади, давайте приступать к трапезе. – Обернувшись к Констанс, он поклонился: – Позвольте предложить вам место по правую руку от меня? Чувствую, нам есть о чем поговорить.

Глава 29

Гарриман еще не вошел в кабинет фон Менка, но уже знал, чего ожидать. Он надеялся, что одни только персидские ковры, звездные карты, таблицы, старинные пентаграммы и статуэтки индуистских божков из трубчатых костей человека дадут материал для «вкусной» статейки. Однако дверь открылась, и надежды развеялись. Он увидел лишь небольшой камин, удобные кожаные кресла да литографии с египетскими развалинами. Только две вещи не позволяли скромному, почти спартанскому кабинету слиться с собратьями из среднего класса: книжный шкаф во всю стену, где за стеклом на полках теснились тома, рукописи и документы. А еще премия «Эмми» «За лучший

документальный фильм» в рамочке на столе рядом с телефоном и старомодной картотекой.

В надежде, что чутье все же не подвело, Гарриман сел в предложенное кресло. Истории о дьявольских убийствах нужно придать форму, наделить голосом; здесь-то и в состоянии помочь фон Менк. Обычный ученый не оставит от теории камня на камне, а чокнутому сатанисту просто-напросто не поверят. Идеальным вариантом, той самой золотой серединой станет Фридрих фон Менк. Солидные достижения – доктор философии Гейдельберга, доктор медицины Гарварда, доктор теологии Кентербери – не мешали ему заниматься мистицизмом, паранормальными и необъяснимыми явлениями. Когда фон Менк выступил на радио по теме кругов на пшеничных полях, передачу встретили на ура. А после фильма об изгнании дьявола в испанской Картахене, за который он и получил «Эмми», даже Гарриман будто загипнотизированный остался сидеть перед ящиком, размышляя, может ли хоть кто-нибудь чувствовать себя в безопасности.

Фон Менк не просто выскажет мнение, он обеспечит пусковую установку и двигатель, а затем запустит историю на орбиту. Если не получится у него, то дело не выгорит вообще.

Усаживаясь напротив, доктор учтиво поздоровался. Гарриману ученый понравился сразу. Удивительно было вот так встретиться с неотразимой, почти магнетической личностью, которую до этого видел лишь на экране. Гарримана во многом расположили низкий, сладкозвучный голос, спокойное, аскетичное выражение лица и точеный подбородок. Но одной детали все-таки не хватало. По телевизору с лица фон Менка редко сходила эдакая легкомысленная улыбочка остроумного человека с большим чувством юмора. Фон Менк, казалось, сам себя не воспринимал всерьез, и все работы его – довольно глубокие – читались очень легко. Сейчас же Гарриман видел перед собой до крайности вежливого и неулыбчивого фон Менка.

После краткого обмена любезностями доктор перешел прямо к делу:

– В сообщении вы передали, что хотите поговорить о недавних убийствах.

– Верно. – Гарриман полез в карман за цифровым диктофоном.

– О тех, которые ваша газета преподносит как дьявольские.

– Верно. – Не промелькнуло ли в голосе доктора пренебрежительное недоверие? – Доктор фон Менк, я хотел бы узнать, может, у вас наметилась какая-то точка зрения?

Откинувшись на спинку кресла, фон Менк сложил пальцы домиком и посмотрел на Гарримана. Когда же он заговорил вновь, голос его звучал медленно и размеренно, будто доктор заранее приготовил ответ:

– Да. Так получилось, что точка зрения у меня наметилась.

Гарриман поместил диктофон на подлокотник.

– Не возражаете? – спросил он.

Фон Менк легонько махнул рукой в знак согласия.

– Я как раз подумывал, не стоит ли обнародовать мысли, – сказал ученый. – Взвешивал «за» и «против».

«О нет! – Гарримана прошиб озноб. – Он застолбил тему. Снимет документалку, и мои планы – в тартарары».

– В конце концов, – вздохнул фон Менк, – я решил: люди имеют право знать. В этом плане ваш звонок стал неожиданностью.

Озноб сменился облегчением, и Гарриман включил диктофон.

– Пожалуйста, выскажите свои соображения, сэр. Почему именно эти два человека, почему именно так и почему именно в это время?

– Здесь важен не столько выбор жертв и даже не способ убийства. Важен здесь выбор времени.

– Поясните.

Поднявшись, фон Менк подошел к шкафу, достал с полки некий предмет и, вернувшись, положил его на стол перед Гарриманом. Это оказалась раковина наутилуса в разрезе: камеры по мере роста моллюска расходились от центра гармоничной спиралью.

– Мистер Гарриман, вы знаете, что общего между этой раковиной, зданием Парфенона, лепестками цветка и картинами Леонардо да Винчи?

Гарриман отрицательно покачал головой.

– Они воплощают в себе совершенную природную пропорцию – золотое сечение.

– Кажется, я не совсем понимаю.

– Если провести золотое сечение, то соотношение короткого и длинного отрезков будет равняться соотношению длинного отрезка и всей линии.

Гарриман поспешил записать, надеясь, что разберется потом.

– Больший отрезок в 1,618054 раза длиннее малого. Малый отрезок составляет 0,618054 процента от длины большего. Кроме того, эти два числа в точности обратно пропорциональны друг другу, отличаясь лишь первой цифрой – это единственные числа, которые демонстрируют такое свойство.

– Да, конечно, – согласился Гарриман.

– У этих чисел есть и другие замечательные свойства. Предполагается, что прямоугольник, стороны которого соотносятся подобным образом, имеет самую приятную форму и называется «золотой прямоугольник». В этих пропорциях выдержан Парфенон, на них же основаны кафедральные соборы и картины. «Золотые прямоугольники» также имеют замечательные свойства: если из одной стороны «золотого прямоугольника» вырезать квадрат, вы получите меньший «золотой прямоугольник», обладающий всеми свойствами изначального прямоугольника. Вырезать квадраты и получать меньшие «золотые прямоугольники» можно до бесконечности.

– Понятно.

– Затем, если соединить центры этого бесконечного числа малых «золотых прямоугольников», получится совершенная логарифмическая спираль. Именно ее вы видите в раковине наутилуса, в рядах семечек подсолнуха, в музыкальной гармонии и, в конце концов, во всей природе – ведь золотое сечение лежит в основе мира.

– О да...

– Никто не знает почему, но золотое сечение – это базовая структура Вселенной.

Доктор аккуратно вернул раковину на место и закрыл дверцу шкафа. Гарриман ожидал от фон Менка чего угодно, только не этого. Похоже, статье конец. Сколько времени потрачено зря! Сейчас надо только дождаться возможности и уйти.

Обойдя стол и встав со своей стороны, фон Менк посмотрел журналисту в лицо:

– Мистер Гарриман, вы верите в Бога?

Гарриман нашелся не сразу.

– Я не спрашиваю, что вы исповедуете: католицизм, протестантизм или что-то еще. Я лишь хочу знать, верите ли вы в то, что существует некая сила, которая объединяет все сущее?

– Если честно, я никогда об этом не задумывался, – сказал Гарриман. – Наверное, такая сила есть.

Гарримана воспитали в англиканском духе, но за последние лет двадцать он посещал церковь разве что на свадьбах или похоронах.

– Так, может, вы, как и я, верите, что все мы пришли на эту землю не просто так?

Гарриман выключил диктофон. Пора выметаться отсюда к чертовой матери. А за религиозно-просветительской лекцией всегда можно сходить к «Свидетелям Иеговы».

– Доктор, при всем уважении, я не вижу связи с недавними убийствами.

– Терпение, мистер Гарриман. Дослушайте до конца, и вам, выражаясь популярно, сорвет башню. Всю жизнь я посвятил изучению тайного и необъяснимого. И я рад, что сумел разрешить многие загадки. Однако попадались и такие – зачастую величайшие, – которые так и остались неразгаданными.

Фон Менк быстро написал что-то на листке бумаги и подвинул его Гарриману:

3243

1239

– Эти цифры, – доктор постучал по листу пальцем, – всегда представляли для меня величайшую из тайн. Узнаете?

– Нет.

– Это даты самых крупных катаклизмов, которые когда-либо выпадали на долю человеческой цивилизации. В три тысячи двести сорок третьем году до нашей эры взрывается остров Санторини, и приливные волны смывают Минойскую цивилизацию на острове Крит, заодно уничтожая Средиземноморье. Так родилась легенда об Атлантиде и Всемирном потопе. В тысяча двести тридцать девятом году до нашей же эры дождь из огня и серы обращает в прах два города: Содом и Гоморру.

«Атлантида? – подумал Гарриман. – Содом и Гоморра?» Все только хуже и хуже.

Фон Менк снова постучал пальцем по листку.

– В диалогах «Тимей» и «Критий» Платон описывал Атлантиду. Он ошибся в некоторых деталях, например, в дате, поместив ее в районе девятитысячного года. Но недавно археологи, досконально изучив руины на Крите и Сардинии, назвали дату более точно. Вокруг Атлантиды раздули такую сенсацию, что многие сочли потерянный город мифом. Однако рациональный подход и раскопки доказали: в основе истории лежит реальное событие – извержение вулкана на

острове Санторини. Платон описывал Атлантиду – то есть Минойскую цивилизацию на острове Крит – как могущественное государство, целиком поглощенное торговлей, деньгами, самоутверждением и наукой и утратившее духовные ценности. Археологические изыскания на острове Крит подтверждают это. Платон писал, что атланты отвернулись от своего бога. Они похвалялись пороками, открыто сомневались в божественном, поклоняясь технологиям. Люди Атлантиды изобрели каналы и так называемый огненный камень – источник искусственной энергии.

Фон Менк сделал паузу.

– Сразу же вспоминается один небезызвестный город, правда, мистер Гарриман?

– Нью-Йорк?

– Верно, – кивнул фон Менк. – В период расцвета Атлантиды появлялись предзнаменования ужасных событий. Воздух на многие дни необычно похолодел, небеса потемнели, из-под земли доносился странный грохот. Люди умирали внезапно, невероятным образом. Говорят, в одного человека «ударила шаровая молния – одновременно с небес и из чрева земного». Другого, словно взрывом, разорвало на части, и «его плоть и кровь повисли в воздухе будто прозрачная дымка, а вокруг распростерся ужаснейший смрад». Через неделю случилось извержение, и город затонул.

Все-таки доля смысла в этом была, и, пока фон Менк рассказывал, Гарриман снова включил диктофон.

– Перенесемся ровно на две тысячи и четыре года вперед. Где сегодня Мертвое море, между нынешним Израилем и Иорданом, на месте глубочайшей природной впадины простиралась невероятно цветущая и плодородная равнина. Именно здесь находились Содом и Гоморра. Насколько велики были эти города, точно неизвестно, но археологи обнаружили массовые захоронения, останки тысяч людей. Несомненно, эти два города сосредоточили в себе все могущество Западного мира того времени. Как и Атлантида, Содом и Гоморра дошли до последней стадии грехопадения, отвернувшись от естественного порядка вещей, уйдя в гордыню, леность, поклонение земным богатствам, развращенность, отрицание Бога и разрушение природы. Как сказано в Книге «Бытие», в Содоме не сыскалось не то что пятидесяти, но даже десяти праведников. И тогда города были уничтожены. «Сера и огонь… дым поднимался с земли, как дым из печи». Археологические находки подтверждают правдивость библейского сказания. Опять-таки в дни, предшествующие концу, появлялись знаки. Один человек превратился в столб желтого пламени. Другие окаменели, совсем как жена Лота, ставшая соляным столпом.

Фон Менк присел на край стола, пристально глядя на репортера.

– Вы бывали у Мертвого моря, мистер Гарриман?

– Не могу похвастаться.

– А я был там несколько раз. Впервые – когда обнаружил некую природную связь между датами гибели Атлантиды и Гоморры. Теперь Мертвое море – это выжженная пустыня. Рыба не водится в воде, где процент соли больше, чем в океане, на берегах растет лишь самая скудная растительность, покрытая толстой соляной коркой. А дальше, ближе к Тель-ас-Саидии, куда многие ученые помещают Содом, соляную поверхность покрывают шарики чистой серы. Она не ромбовидная, как в обычных природных геотермальных источниках, а скорее моноклинная: белая, исключительно чистая, будто прошла длительную термическую обработку. На Земле такая сера больше нигде не встречается. Содом и Гоморру уничтожил вовсе не естественный геологический процесс. Но что именно – остается загадкой.

Фон Менк придвинул к себе лист и под предыдущими датами написал:

3243

1239

2004

– Две тысячи четвертый год, мистер Гарриман. Вместе эти даты образуют золотое сечение. Немного математики: три тысячи двести сорок третий год до нашей эры – или пять тысяч двести сорок шесть лет назад – укладывается в золотое сечение. Тысяча двести тридцать девятый год до нашей эры – три тысячи двести сорок три года назад – снова золотое сечение. Следующая дата: две тысячи четвертый год нашей эры – именно столько лет разделяет две предыдущие катастрофы. Совпадение?

Гарриман уставился на цифры. «Он понимает, что говорит?»

Дикие вычисления казались чистым бредом, но в спокойных глазах ученого светилось лишь смирение.

– Годами, мистер Гарриман, я искал доказательство того, что не прав. Я надеялся, что даты неверны, что в них закралась ошибка. Однако каждое новое открытие подтверждало мою правоту.

Из другого шкафа фон Менк вытащил лист белого картона с нарисованной на нем большой спиралью, один в один повторявшей рисунок камер наутилуса. В самой крайней внешней точке надпись красным карандашом сообщала: «3243 г. до н.э. – Санторини/Атлантида». Через две трети завитка краснела вторая

надпись: «1239 г. до н.э. – Содом и Гоморра». Далее по всей спирали шли десятки дат и отметок меньшего размера, проставленных черным карандашом:

79 г. н.э. – извержение Везувия уничтожает Помпеи/Геркуланум и Стабии.

426 г. н.э. – падение Рима, город разграблен и разрушен варварами.

1321 г. н.э. – эпидемия чумы в Венеции, погибает две трети населения.

1665 г. н.э. – Великий лондонский пожар.

В самом центре, там, где спираль замыкалась в большую черную точку, стояла третья красная отметка:

2004 г. н.э. — ???

– Как видите, – утвердив рисунок на столе, сказал фон Менк, – я отметил много других катастроф. Они в точности накладываются на логарифмическую спираль и все до единой подчиняются правилу золотого сечения. Как бы я ни вычислял даты, в конце всегда выходил две тысячи четвертый год. Всегда. Так что же общего между этими природными катаклизмами? Все они выпали на долю важнейших мировых городов, городов, отличавшихся богатством, мощью, развитием технологий и духовным небрежением.

Из оловянной кружки фон Менк достал карандаш.

– Дожидаясь две тысячи четвертого года, я надеялся, что ошибся, что это лишь совпадение… Увы, сейчас надежды на то, что природа верит в совпадения, не осталось. Всем правит порядок, мистер Гарриман. Так же, как мы занимаем экологическую нишу, мы занимаем нишу моральную. Стоит виду истощить свою нишу, природа это исправляет, она очищается. Иногда – ценой уничтожения вида. Но то в природе. Что же случается, когда вид истощает моральную нишу?

Ластиком на конце карандаша фон Менк стер вопросительные знаки в последней красной отметке:

2004 г. н.э. —

– Каждый раз у катастрофы были предвестники. События небольшого, казалось бы, значения. Часто погибали морально нездоровые люди – в точности, как потом и вся цивилизация. Так происходило и в Помпеях перед извержением Везувия, и в Лондоне накануне пожара, и в Венеции незадолго до эпидемии. Теперь, мистер Гарриман, понимаете, почему Джереми Гроув и Найджел Катфорт сами по себе ничего не значат? А если быть до конца точным, значат их ненависть к религии и морали, отречение от благопристойности и вопиющая неумеренность. Как

таковые, эти двое – модели жадности, похоти, материализма и жестокости нашего времени и особенно Нью-Йорка. Смерти Гроува и Катфорта – лишь предвестники.

Фон Менк разжал пальцы, и список плавно упал на стол.

– Вы увлекаетесь поэзией, мистер Гарриман?

– Нет. По крайней мере после окончания колледжа.

– Но может, вы помните поэму Йейтса «Второе пришествие»?

Анархия пожрать готова мир…

И в нерешительности лучшие из нас

Томятся. Худшие страстям

Губительным дают собою править[35].

Фон Менк наклонился ближе.

– Мы живем во времена нравственного нигилизма, слепого поклонения технике, отказа от духовной составляющей нашей жизни. Телевидение, кино, компьютеры, видеоигры, Интернет, искусственный интеллект – вот боги нашего времени. Нами руководят морально ущемленные, бесстыдные лицемеры, которые притворяются благочестивыми, а на деле лишены духовности. В наше время университетские ученые и нобелевские лауреаты принижают нравственность, презирают религию и кладут себя на алтарь науки. Стало модно поносить церковь. Радио шокирует нас, выдавая шутки, замешенные на ненависти и вульгарности, а телевидение развлекает «Реалити секс-шоу» и «Фактором страха для звезд». Бесчинствует терроризм, смертники врезаются на самолетах в дома, а страны шантажируют друг друга ядерным оружием.

В комнате воцарилась тишина, лишь тихонько попискивал диктофон. Наконец фон Менк продолжил:

– Древние верили, что природу составляют четыре элемента: земля, воздух, огонь и вода. Кто-то говорил о наводнениях, кто-то – о землетрясениях или мощных ураганах, другие – о дьяволе. Когда Атлантида предала свою моральную нишу, ее поглотила вода. Конец Содому и Гоморре принес огонь. Чума пришла в Венецию по воздуху. Катастрофы, как и золотое сечение, следуют циклическим закономерностям. Я показал это в схемах.

Доктор достал вторую диаграмму – сложную, исчерченную линиями, таблицами, исписанную числами. Центральная пентаграмма заключала в себе подпись:

2004 г. н.э. – Нью-Йорк – Огонь

– Вы полагаете, что Нью-Йорк сгорит?

– Только не так, как можно себе представить. Город поглотит огонь внутренний – как Гроува и Катфорта.

– И этого можно избежать, если люди вернутся к Богу?

– Слишком поздно. – Фон Менк покачал головой. – Прошу заметить, мистер Гарриман, я не употребляю слова «Бог». То, о чем я говорю, – не обязательно Бог, а некая сила природы: моральный закон Вселенной, такой же постоянный, как и любой из законов физики. Мы создали дисбаланс, который должен быть исправлен – в две тысячи четвертом году. – Ученый постучал пальцем по стопке таблиц. – Великое событие. Его предсказывали Нострадамус и Эдгар Кейси, о нем говорится в «Откровении».

Гарриман кивнул. Все прозвучало так сильно, что по спине побежали мурашки. Но не «утка» ли это?

– Доктор фон Менк, вы проделали титанический труд.

– Увлечение поглотило меня. Более пятнадцати лет я ждал две тысячи четвертого года, помня о значении даты.

– Вы уверены на все сто, или это только теория?

– Отвечу так: завтра я покидаю Нью-Йорк.

– Покидаете?

– Уезжаю на Галапагосские острова.

– Почему именно туда?

– Как писал Дарвин, Галапагосы знамениты своей изолированностью. – Фон Менк указал на диктофон. – На этот раз я не собираюсь снимать документальный фильм. История целиком ваша, мистер Гарриман.

– Не снимете документального фильма? – тупо переспросил Гарриман.

– Если я хоть в чем-то прав, мистер Гарриман, то когда все закончится, смотреть фильм будет, в сущности, некому, верно?

И в первый раз с тех пор, как Гарриман вошел в кабинет фон Менка, доктор улыбнулся – слабой улыбкой, грустной, без малейшего намека на юмор.

Глава 30

В лужице соуса на тарелке плавала какая-то ничтожная крошка. Запах смутно напоминал рыбу.

Со дня смерти Гроува прошло десять дней, и д'Агоста сбросил два с небольшим килограмма – снова начал ходить в спортзал и заниматься бегом. Часы, проведенные в тире, укрепили предплечья и плечи. Если так пойдет и дальше, через несколько месяцев вернется прежняя форма.

Практически незримый Проктор порхал вокруг стола, поднося и забирая блюда, давая обнаружить себя, лишь когда того требовала необходимость. Пендергаст принимал д'Агосту, сидя во главе стола. Констанс, по левую от опекуна руку, сегодня смотрелась не такой бледной; очевидно, вчерашняя прогулка пошла ей на пользу. Однако обеденный зал особняка на Риверсайд-драйв – с темно-зелеными обоями и темными картинами – по-прежнему давил мрачностью атмосферы. Окна, некогда смотревшие на Гудзон, были надежно заколочены, и Пендергаст, похоже, не собирался ничего менять. Так стоит ли удивляться его собственной бледности – фэбээровец засел в темноте, будто некая пещерная тварь. С каким бы удовольствием д'Агоста променял экзотику вечера и блюд на солнце, задний дворик, барбекю из ребрышек и холодильник, до отказа забитый пивом! Даже корзина с диковинными угощениями Фоско из вчерашнего дня показалась ему привлекательнее.

Д'Агоста изучающее ткнул вилкой в тарелку.

– Вам не нравятся молоки трески? – спросил Пендергаст. – Старинный итальянский рецепт.

– Моя бабушка родилась в Неаполе, но ни разу в жизни не готовила ничего подобного.

– Должно быть, это лигурийское[36] блюдо. Не переживайте, молоки трески не каждому по вкусу.

Фэбээровец подал знак; Проктор избавил д'Агосту от тарелки и подал бифштекс и маленькую серебряную чашу, до краев наполненную изумительно пахнущим соусом. А затем принес покрытую инеем баночку «Будвайзера».

Д'Агоста набросился на мясо. Пендергаст умиленно улыбнулся:

– Констанс превосходно готовит говяжье филе в винном соусе. Мы приготовили его так, на всякий случай. Вместе с... э-э... охлажденным пивом.

– Очень заботливо с вашей стороны.

– Как вам бифштекс? – спросила Констанс. – Я приготовила его с кровью, как любят французы.

– Французам, может, и нравится кровь, а я просто люблю непрожаренное мясо.

Польщенная Констанс улыбнулась.

Д'Агоста отправил в рот очередной кусок мяса и запил его пивом.

– А что у нас дальше? – спросил он у Пендергаста.

– После ужина Констанс порадует наш слух сонатами Баха. Она уже выучилась играть на скрипке, хотя, боюсь, мне не дано об этом судить. А ты, я надеюсь, найдешь интересной скрипку, на которой Констанс играет. Она из коллекции моего двоюродного деда, старая «Амати». Инструмент сохранился прекрасно.

– Это, наверное, здорово, – деликатно кашлянул д'Агоста. – Но я имел в виду, что будет дальше по части расследования.

– А, понимаю. Далее нам, по сути, придется действовать на два фронта: ищем Ренье Бекманна и выясняем природу двух странных смертей. Я приготовил кое-что по поводу Бекманна, а Констанс просветит нас насчет последнего.

Чопорно промокнув губы салфеткой, девушка пояснила:

– Алоиз попросил найти исторические прецеденты ССВ.

– Спонтанное самовозгорание человека, – вспомнил д'Агоста. – То, что случилось с Мэри Ризер? Вы говорили об этом с патологоанатомом на месте смерти Катфорта.

– Точно.

– Неужели вы в это верите?

– На самом деле таких историй множество, случай Мэри Ризер – лишь самый известный из занесенных в документы. Не так ли, Констанс?

– Известный, безупречно описанный и весьма любопытный. – Девушка заглянула в записи, лежавшие под рукой. – Первого июля тысяча девятьсот пятьдесят первого года миссис Ризер заснула, сидя в кресле у себя на квартире, в Санкт-Петербурге, во Флориде. Следующим утром ее подруга ощутила неприятный запах. Дверь взломали, вместо кресла нашли кучу обугленных щепок, что до самой Мэри Ризер, от ее семидесяти семи килограммов осталось меньше четырех килограммов пепла и костей. Уцелела только левая стопа в тапочке, обгоревшей у лодыжки. Нашли также печень и череп, расколовшийся от высокой

температуры. Квартира не пострадала, но огонь оставил след в форме круга, в котором и помещались останки миссис Ризер. Пламя повредило пластиковую розетку на стене – подключенные к ней часы остановились в четыре двадцать. Когда же часы подключили к другой розетке, они вновь заработали.

– Не может быть! – поразился д'Агоста.

– Нашедшие тело немедленно вызвали наших сотрудников, – кивнул Пендергаст. – Агенты ФБР составили подробнейший отчет: фотографии, результаты химических тестов и анализов. Доклад занял больше тысячи страниц. Эксперты Бюро сказали сразу: чтобы сжечь тело так быстро, температура должна быть не меньше полутора тысяч градусов. Даже если бы Мэри Ризер заснула с зажженной сигаретой и та упала бы в кресло, такого огня не хватило бы. К тому же погибшая не курила. Следов бензина или других горючих веществ не нашли, от версии об ударе молнией отказались. Официально дело до сих пор не закрыто.

Д'Агоста недоверчиво покачал головой.

– Были и другие проявления феномена, – сказала Констанс. – Спонтанное возгорание описывал в романе «Холодный дом» Чарльз Диккенс. Критики встретили это в штыки, и автор, дабы оградить себя от подобного впредь, в предисловии к изданию тысяча восемьсот пятьдесят третьего года привел в пример реальный случай.

Д'Агоста уже собирался отправить в рот следующий кусок, но отложил вилку.

– Вечером четвертого апреля тысяча семьсот тридцать первого года, пишет Диккенс, итальянская графиня Корнелия де Баиди Чезенате пожаловалась, будто ей «скучно и хочется спать». Служанка отвела ее в спальню, где они провели несколько часов, молясь и беседуя. Наутро, когда графиня не вышла завтракать, служанка постучала в дверь и почувствовала омерзительный запах. Войдя, служанка застала ужасную сцену: в воздухе витали хлопья сажи, а сама графиня – вернее то, что от нее осталось – лежала в четырех футах от кровати на каменном полу. Ее торс сгорел дотла, даже кости обуглились и раскрошились. Сохранились лишь ноги ниже колен, фрагменты кистей рук и участок лба с белокурым локоном. На полу остался силуэт из пепла и обугленного костяного крошева. Такое случалось и ранее, например, с госпожой Николь Реймской. Подобные смерти относят к смертям от «посещения Богом».

– Ты отлично поработала, Констанс, – похвалил Пендергаст.

– В библиотеке я обнаружила несколько томов, – продолжила подопечная, – посвященных спонтанному возгоранию. Вашего

двоюродного деда влекли странные смерти. Впрочем, вы это знаете. Жаль, я не нашла книг позднее тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года, но хватает и ранних описаний – их десятки. Все ССВ имеют общие черты: торс сгорает полностью, зато конечности часто остаются невредимы. Кровь в буквальном смысле испаряется, а ведь обычно огонь не обезвоживает ткани тела до такой степени. Адское пламя не трогает близлежащие предметы, даже легко воспламеняемые. Нередко упоминают о «круге смерти»: все, что внутри его, сгорает, а то, что снаружи, – сохраняется.

Д'Агоста медленно отодвинул тарелку с бифштексом. Случаи с Гроувом и Катфордом отлично подходили под описание; не хватало одной важной детали: выжженных отпечатков копыт на полу, лица на стене и запаха серы.

В этот момент во входную дверь постучали. Звук раздался глухо, будто из могилы.

– Наверное, – произнес Пендергаст после непродолжительной паузы, – соседские ребятишки балуют.

Стук повторился – размеренный, настойчивый, отдаваясь эхом в коридорах и залах.

– Хулиганы так не стучат, – пробормотала Констанс.

– Открыть? – Проктор вопросительно посмотрел на Пендергаста.

– С обычными предосторожностями.

Прошла минута, и слуга впустил в комнату высокого человека с тонкими губами и жидкими каштановыми волосами. На госте был серый костюм и белая рубашка с чуть приспущенным галстуком. Лицо человека избороздили морщины – пожалуй, слишком частые и глубокие для возраста гостя, они между тем говорили не о прожитых годах, а об усталости. Не уродливый и не красивый, человек выделялся именно своей блеклостью, которая, подумал д'Агоста, могла быть достигнута специально.

Гость встал на пороге. Обежав собравшихся, его взгляд уперся в Пендергаста.

– Слушаю вас, – сказал фэбээровец.

– Идемте со мной.

– Могу я спросить, кто вы и по какому делу пришли?

– Нет, не можете.

Ответ ненадолго вызвал молчание.

– Как вы узнали, где я живу?

Сохраняя невыразительность лица, человек продолжал смотреть на Пендергаста. «Так не бывает», – подумал д'Агоста. По спине побежали мурашки.

– Идемте. Мне бы не хотелось просить трижды.

– Вы отказываетесь назвать себя и суть вашего дела. Так с какой стати я должен идти?

– Не важно, как меня зовут. Я хочу поделиться информацией. Весьма конфиденциальной информацией.

Пендергаст еще мгновение смотрел на гостя, затем вытащил «лес баер» 45-го калибра, проверил, заряжен ли он, и вернул в кобуру.

– Не возражаете?

– Не имеет значения.

– Минутку. – Д'Агоста встал. – Так нельзя. Я тоже пойду.

– Исключено, – развернулся к нему незнакомец.

– А мне начхать.

Гость посмотрел на д'Агосту, и черты его лица сделались как будто мертвее.

Пендергаст положил руку на плечо сержанта:

– Лучше я пойду один.

– К черту! Вы же не знаете, кто этот тип, чего ему надо, и вообще… Не нравится мне это.

Развернувшись, гость плавным шагом покинул обеденный зал. Мгновением позже за ним последовал Пендергаст. Д'Агоста, оставшись стоять, чувствовал, как внутри нарастает беспомощность.

Глава 31

Человек молча вел машину на север по Вест-Сайдскому шоссе. Начался дождь. У въезда на мост Джорджа Вашингтона, что протянулся над Гудзоном двумя нитями света, незнакомец свернул на едва мощенную дорогу. По ухабам и кочкам он повел автомобиль к развороту у самого подножия гигантского восточного пилона, утонувшего в зарослях ядовитого сумаха.

– Нервничаете? – спросил незнакомец.

– Нет.

– Если что не так, говорите.

– Вы из ЦРУ?

– Вы в состоянии меня вычислить. – Человек кивнул на ветровое стекло. – Дайте слово, что не станете этого делать.

– Даю.

На колени Пендергасту легла синяя папка с ярлычком: «БАЛЛАРД». Опечатанный документ носил гриф «Совершенно секретно».

– Откуда это? – спросил Пендергаст.

– Я занимался Баллардом последние полтора года.

– На каких основаниях?

– В папке все есть, но вот вам резюме: Баллард основал частную инженерную фирму средних размеров «Баллард аэроспейс индастриз». Он же является генеральным директором и держит контрольный пакет акций. В основном «БАИ» работает на военных: они проектируют компоненты воздушных судов, управляемых снарядов, ракет и проводят испытания. А еще фирма выступает как завод-подрядчик в производстве космических шаттлов. Вдобавок «БАИ» примкнула к разработчикам антирадарного покрытия бомбардировщиков и истребителей типа «Стелс». Прибыль у них высокая, и свое дело фирма знает. Баллард переманил несколько инженеров – лучших, кого смог купить. Он и сам очень способный, но по характеру импульсивен и необуздан. Если надо причинить вред или устранить кого-то, колебаться он не станет.

– Понятно.

– Хорошо. Слушайте дальше. «БАИ» также выполняет заказы иностранных правительств – порой не вполне дружелюбных. Такие дела ведет служба по контролю за экспортом и передачей технологий. До сих пор «БАИ» держалась в рамках закона. Вы понимаете, что это за рамки – при таких-то возможностях. Проблема угнездилась в Ластра-а-Синья, промышленном пригороде Флоренции. Несколько лет назад Баллард приобрел там заброшенную фабрику, когда-то принадлежавшую Альфреду Нобелю. – На лице человека промелькнула ироническая улыбка. – С виду это большой комплекс полуразрушенных зданий. Но «БАИ» превратила ядро фабрики в совершенный исследовательский центр.

Дождь барабанил по крыше. Сверкнула молния, в отдалении гулко пророкотал гром.

– Чем занимается «БАИ» во Флоренции, мы точно не знаем; есть косвенное доказательство того, что они работают на китайцев. В прошлом году на полигоне в пустыне Лопнор прошли испытания баллистических ракет. Судя по всему, эти ракеты способны обойти систему ПРО Америки, находящуюся в разработке.

Пендергаст кивнул.

– Особенность в том, что новая форма, совмещенная с некой специальной поверхностью или покрытием, делает ракету невидимой для радара. Ракеты не оставляют теплового следа, их не может засечь даже доплеровская РЛС. Тем не менее пока у китайцев ничего не выходит. Они запускают ракеты, а те, возвращаясь в плотные слои атмосферы, распадаются на части – задача как раз по тематике «БАИ». Мы считаем, что китайское правительство наняло фирму Балларда. Мы также полагаем, во Флоренции решается именно эта проблема.

– Как?

– Неизвестно. Похоже, ракеты распадаются, когда достигают резонансного пика на возврате в плотные слои атмосферы. Китайцы так увлеклись невидимостью, что забыли: ракеты еще должны и летать. Схожую проблему – с бомбардировщиками «Стелс» – решили мощные компьютеры и аэродинамическая труба. Только ракета летит черт знает во сколько раз быстрее, и ей противостоит куда более хитрый радар. Ответ лежит где-то в области характеристических чисел, преобразований Фурье и тому подобного. Понимаете, о чем я?

– В основном.

– Я говорю о математических моделях вибраций, резонанса и подавления. Ракета должна быть одновременно аэродинамически совершенной и абсолютно невидимой для радаров. Такой вызов может принять только «БАИ».

– Эти записи – для меня?

– Да.

– Почему я?

Агент ЦРУ посмотрел на Пендергаста – в первый раз за время беседы. Маска невыразительности куда-то пропала, и фэбээровец увидел очень, очень усталого человека.

– Так получается, что на ЦРУ подспудно давят политики. Мне приказали закрыть дело Балларда. У него друзья в Вашингтоне, он

вбухал миллионы в предвыборные кампании десятка ключевых сенаторов, конгрессменов и даже президента. Нас спросили: как может ЦРУ преследовать добропорядочного гражданина, будто нам мало угрозы террора из-за границы?! Полагаю, вам знакома эта старая песенка.

Пендергаст кивнул.

– Я бы и рад не перечить, но ведь ублюдок распродает Америку ее врагам. Баллард – такой же предатель, как и те, кто сбывает мультимедийные программы Ирану и Сирии. Если он преуспеет, получится, что США угробят сотню миллиардов долларов на заведомо ущербную систему ПРО. И кто, вы думаете, попадет под раздачу? ЦРУ. У администрации вдруг случится острый приступ амнезии, и они забудут, почему велели закрыть расследование. Тогда конгресс потребует официального следствия, чтобы выяснить, куда смотрела разведка. Я не хочу, чтобы ЦРУ стало козлом отпущения.

– Мы в ФБР об этом тоже кое-что знаем.

– Я полтора года вел Балларда, и будь я проклят, если вот так сдамся на полпути. Я – американец и люблю свою страну. Прижмите Балларда, иначе на Нью-Йорк посыплются ядерные ракеты – только потому, что политики получили на лапу.

Пендергаст отложил папку.

– Но почему именно я?

– Хотя вы работаете в ФБР, о вас идет добрая молва. – Церэушник позволил себе циничную усмешку. – А то, что вы притащили Балларда на допрос, как обычного уголовника, – это здорово, по-мужски. Вы молодец.

Агент ЦРУ включил мотор, зажег фары и выехал на магистраль. Он вновь погрузился в молчание и хранил его до тех пор, пока впереди не показались похожие на кристаллы света небоскребы.

– Вы не слышали обо мне, я не слышал о вас. Этой беседы никогда не было. Файл удален из наших разработок, так что если он и вернется в ЦРУ, никто ничего не заподозрит.

– Как насчет вас? В конце концов, вы вели Балларда.

– Не беспокойтесь о моей заднице, я сам о ней позабочусь.

Церэушник высадил Пендергаста в нескольких кварталах к северу от дома. Когда фэбээровец покидал машину, сотрудник разведки наклонился к нему и заговорил снова:

– Агент Пендергаст…

Тот обернулся.

– Не сможете прижать ублюдка – убейте.

Глава 32

Человек, именующий себяВаскез, оглядел крохотную каморку, в которой он проведет следующие несколько дней. Некоторое время назад ему пришлось взяться за оружие, когда открылась дверь дома через дорогу. Получив неожиданный шанс, напряженный Васкез вгляделся в прицел: объект покидал дом. Но не один. Отложив винтовку, наемник сделал отметку в записной книжке: 22.31. Двое тем временем прошли к неприметному «шевроле», припаркованному у особняка.

Как только автомобиль отъехал, в дверном проеме мелькнуло нечто белое. Васкез увидел, как человек в смокинге отступил в дом, прикрыв за собой дверь. На первый взгляд он был похож на дворецкого, но мыслимое ли дело – дворецкий в этой части города?

Васкез запретил себе жалеть об упущенном шансе. Ни к чему завершать дела преждевременно. К тому же предосторожность не бывает излишней.

Отложив блокнот, он отошел от окна, чтобы вернуться к приготовлению «гнездышка». Васкез устроился в заброшенном «отеле»; по углам валялись использованные иглы и презервативы. Наверное, в этой комнате кто-нибудь даже умер – на полу лежал дырявый матрас, в середине которого темнело пятно. Стоило по углам и стенам разлиться свету газовой лампы, как побежали тараканы, шурша, будто осенние листья на ветру, бесчисленным множеством лапок. Васкезу здесь нравилось. К подобным местам он привык, но столь совершенных еще не встречал. Заткнув дырочку в фанерном листе, закрывшем окно, Васкез продолжил вить «гнездышко».

Позиция выбрана идеально. Окна выходят на север, как раз на покосившуюся громаду особняка 891 по Риверсайд-драйв. Объект, должно быть, настоящий маньяк, раз там живет. Впрочем, каждому свое. Васкез засел на третьем этаже; отсюда он видел крыльцо и полукруг подъездной дорожки, пробегавшей под аркой из кирпича и мрамора. Отлично просматривалась дверь, через которую жертва входила и выходила из дома. Других дверей Васкез не обнаружил, но он и наблюдал-то всего двенадцать часов.

Да, засада отличная. В этой части Гарлема нет любопытных привратников, торчащих на порогах домов и высматривающих что-нибудь подозрительное, нет скрытых видеокамер, нет старушек, готовых вызвать полицию, стоит завопить драной кошке… Полицию

здесь не вызовут, даже если кого-то убьют прямо на улице. Но главное, из «отеля» вел невидимый для обитателей особняка подвальный выход – в аллею напротив Сто тридцать шестой улицы.

Такую точку захочешь – не сразу найдешь.

В ближайшее время Васкез выяснит, насколько регулярны привычки объекта – агента ФБР. Как и в охоте на зверя – не важно, какого, – главное, просчитать его поведение. И в охоте на эту конкретную дичь Васкез станет экспертом. Какие двери она использует и когда, с кем живет, кого принимает, как бережет жилище – все это Васкез досконально изучит. А изучив характер жертвы, он проникнется ее психологией. Бывало, те, кто боялся пасть от руки киллера, меняли привычки, но меняли в определенном порядке. Уже сейчас понятно, что нынешняя цель – человек крайне осторожный и умный. Только Васкез давно взял за правило: заранее считать жертву быстрее, умнее, хитрее себя. На его счету были и федеральные агенты, и дипломаты, и гангстеры, и второстепенные главы государств. Васкез занимался своим делом двадцать два года и стран, где поработал, мог назвать столько же, так что опыта хватало. Однако скромность и непритязательность – качества мудрые.

Оставив в комнате все как есть, Васкез развернул на полу брезент. Материал захватил часть стены, где киллер закрепил его скотчем. Воздух наполнился ароматом водонепроницаемой ткани. Мысленно сверяясь со списком – больше для формы, – Васкез разложил на полу инструменты. Проверив «ремингтон М-21», он удостоверился: магазин полон, все пятидесятиоднограммовые дозвуковые патроны – его любимые – на месте. Свою старую винтовку наемник ни за что бы не променял на вычурные новомодные штучки. Простота, точность, надежность – большего Васкез и не хотел. Он вставил магазин, передернул затвор и погладил привинченную «оптику».

Удовлетворенный, Васкез отложил винтовку и стал выкладывать на пол пакетики с вяленой говядиной и бутылочки с водой – пятидневный запас. Включив лэптоп, разложил рядом десяток заряженных батарей. Пара очков ночного видения пребывала в полном порядке.

В углу при тусклом свете фонарика Васкез установил душевую и туалет. Дверь он закрепил по периметру аккумуляторным винтовертом и заклеил скотчем; теперь никто сюда не войдет.

Вернувшись к окну, Васкез убрал заслоночку, открыв в фанерном листе отверстие для стрельбы. Раскрыл и приделал к трубке ствола сборную подставку, затем очень аккуратно зафиксировал оружие. В прицел стало видно крыльцо на уровне головы объекта. Ручным лазерным дальномером наемник определил расстояние до входной двери: получилось тридцать с половиной метров. При дальности прицельной

стрельбы «ремингтона» в четыреста пятьдесят семь метров тридцать с половиной – сущий пустяк.

Все, «гнездышко» свито.

Васкез еще раз взглянул на дом через прицел. Особняк будто бы вымер: тихий, темный, окна забраны. Внутри, должно быть, творилось нечто противоестественное. Но киллеру было плевать, существовали только цель и работа, которую надлежало выполнить в отведенные сроки. Кто и зачем его нанял… какая разница? Достаточно знать, что два миллиона благополучно легли на его банковский счет.

Васкез приступил к терпеливому ожиданию. Иногда ему нравилось представлять себя натуралистом, будто он следит за повадками пугливых животных.

Важен был сам процесс – деньги шли после. Ничто не заменит восторга убийства.

Глава 33

Д'Агоста посмотрел на часы: почти полночь. Убойный отдел словно вымер. Этажом ниже в кабинках-офисах работала ночная смена, но здесь единственным источником света и звуков служил кабинет Хейворд.

«Даже детектива не заставишь пахать сверхурочно», – подумал д'Агоста. Забавно, особенно если знаешь, что убийства в Нью-Йорке большей частью совершаются ночью.

Подкравшись к открытой двери, он услышал, как Хейворд стучит по клавиатуре компьютера. Таких амбициозных копов д'Агоста еще не встречал. И это пугало.

Он постучался.

– Войдите.

Кабинет напоминал зону военных действий: на каждом стуле громоздились кипы бумаг, трещало полицейское радио, в углу гудел, выдавая порцию распечаток, лазерный принтер. Странно, прочие капитаны держали свои офисы в стерильной чистоте, не найдешь и пятнышка настоящей работы.

Капитан Хейворд взглянула на посетителя.

– Час поздний, – сказала она. – Что привело вас в цитадель начальства?

Полчаса назад Пендергаст наконец отыскался – сам пришел к д'Агосте в номер отеля. И хотя детали того, что случилось, агент ФБР изложил

очень скупо, выглядел он... воодушевленным, если так вообще можно сказать о Пендергасте. И сразу же отправил д'Агосту к Хейворд, потому что знал: ему самому успех не светит.

– Я по поводу Балларда, – ответил сержант.

– Уберите вон те бумаги, – вздохнула Хейворд, – и садитесь.

Освободив один из стульев, д'Агоста сел. Хейворд расстегнула воротник и распустила волосы. На плечи ей упали удивительно длинные блестящие черные локоны. Среди грохота в кабинете капитан показалась д'Агосте глотком холодного, нет, свежего воздуха. Хейворд смотрела на него, в ее взгляде смешались изумление и что-то еще. Может, симпатия? Да, как же, просто на ночь глядя разыгралось воображение...

– Вот, достал Пендергаст. – Сержант выложил на стол Хейворд папку. – Как – не знаю.

– Боже, Винни! – Хейворд взяла папку и тут же отбросила ее, словно кусок раскаленного железа. – Это же секретные материалы!

– Ну.

– Я не стану читать. Я этой папки даже не видела. Уберите.

– Позвольте, я только дам резюме...

– Бог мой, нет.

Казалось бы, нужно просто взять и сделать это, но д'Агоста не знал, как подступиться. В конце концов, он мог плюнуть, встать и уйти.

– Пендергаст хочет, чтобы вы поставили телефоны Балларда на прослушку.

Секунд десять Хейворд просто смотрела на д'Агосту.

– А почему он не сделает это через Бюро?

– Не может.

– Он вообще хоть что-то может сделать по правилам?

– Баллард слишком силен, а ФБР – детище той же политики. Но вы могли бы без труда обратиться в офис прокурора за соответствующим разрешением.

Сверкая глазами, Хейворд встала из-за стола.

– Нельзя просить разрешения на прослушку, предъявив секретные материалы.

– Нельзя. Но ведь мы расследуем убийство.

– Винсент, вы чокнулись? Против Балларда нет никаких улик, нет свидетелей, нет мотивов. Его ничто не связывает ни с одним из убийств и ни с одной из жертв.

– Телефонные звонки.

– Звонки! Не он один пользуется телефоном.

– В компьютере Балларда нашли зашифрованные файлы. Шифры – жутко мощные, и взломать их не удается.

– Так ведь я тоже шифрую электронную почту, когда пишу маме. Винсент, доказательств нет. Вот на этом нас ловит «Таймс», а потом делает из нас монстров, нарушающих права граждан. И вам ли не знать, что добиться разрешения на прослушку – тот еще геморрой.

– Прочтите досье на Балларда. Он продает китайцам военные технологии.

– Я просила вас не рассказывать, что в этой папке.

– У Балларда в Италии завод. Там разрабатывают для китайцев ракеты, которые смогут преодолевать нашу систему ПРО.

– Моя юрисдикция распространяется на завод в Италии в такой же мере, как на карманников в Монголии.

– У Балларда – волосатая лапа в Вашингтоне. И не одна. На выборах он спонсирует всех и каждого. Ни ФБР, ни ЦРУ не хотят связываться.

Хейворд нервно мерила шагами кабинет, а ее черные как смоль волосы на плечах колыхались в такт движениям.

– Послушайте, Лаура, мы же с вами американцы. Баллард продает Америку, и всем на это плевать. Вам нужно лишь придумать и рассказать прокурору убедительную историю. И пусть при этом вы слегка нарушите устав.

– Устав придуман не просто так, Винсент.

– Порой наступает время, когда мы должны поступать по совести.

– «По совести» – значит, «по правилам».

– Только не по таким. Нью-Йорк – мишень для терактов номер один. Бог знает, кому Баллард продает услуги. Если его технологии попадут на черный рынок, нам их не отследить.

– Послушайте, – вздохнула Хейворд, – я капитан убойного отдела. В Штатах и без нас хватает шпиков, ученых, дипломатов – их сотни тысяч, и они следят за такими, как Баллард.

– Да, но это-то дело в ваших руках. Прочтите досье, и вы поймете: назревает нечто серьезное. Установить «жучки» очень просто. Баллард сейчас посреди Атлантического океана, а у нас – номер его спутникового телефона и автоматический регистратор номеров, по которым он звонит. Все это – в папке.

– Спутниковый телефон прослушать нельзя.

– Знаю. Зато есть закадычные дружки Балларда, можно отслеживать звонки с их конца.

– А если Баллард будет звонить по незарегистрированным номерам, что тогда?

– По-вашему, лучше бездействовать?

Хейворд нарезала еще несколько кругов и остановилась напротив д'Агосты.

– Пусть тогда действуют другие, а я отвечу: нет.

Вот, значит, как. Д'Агоста попробовал улыбнуться, но понял, что не получится. Мог бы сразу догадаться – тот, кто не заключает сделок с совестью, не станет самым молодым капитаном в Нью-Йорке.

Он поднял глаза и встретился с внимательным взглядом Хейворд.

– Что-то мне не нравится, как вы смотрите, Винсент.

– Пойду-ка я, – пожал он плечами.

– Понимаю, о чем вы думаете.

– Значит, мне не придется ничего объяснять.

– Хотите сказать, я карьеристка, так? – От гнева лицо Хейворд налилось краской.

– Я такого не говорил.

– Сукин вы сын! – Она вышла к нему из-за стола. – Я работала в техподдержке, и вы не представляете, сколько дерьма я там съела и чего натерпелась от парней, которые думали, что я работаю слишком уж хорошо. С меня хватит. Почему, если амбиции проявляет мужчина, его называют целеустремленным, а если их проявляет женщина, то она – карьеристка и стерва?!

Теперь покраснел сам д'Агоста. Спорить было бесполезно – любой спор с женщиной обернется полемикой о мужском шовинизме.

– Пускайте пыль в глаза другим, – возразил он, – а я скажу: можно действовать либо верно, либо безопасно. Вы, я так понял, предпочли безопасность. Ну и прекрасно, не буду стоять у вас на пути к кабинету с табличкой «Комиссар Хейворд».

Д'Агоста взял папку со стола, однако, повернувшись к двери, увидел, что капитан загораживает проход.

Он стал спокойно ждать, пока Хейворд освободит дорогу, но капитан не сдвинулась с места.

Д'Агоста еще постоял, затем шагнул вперед:

– Я ухожу.

Они стояли так близко друг к другу, что д'Агоста чувствовал тепло ее тела и запах волос.

– Зря вы так сказали. – Лицо Хейворд по-прежнему пылало.

Он попытался ее обойти и чуть не сбил, когда капитан сместилась.

– Послушайте, я люблю родину не меньше вашего. Я сделала много полезного, раскрыла кучу дел, упрятала за решетку немало подонков. Но я играю по правилам и только поэтому добиваюсь успеха. Так что насчет меня вы ой как не правы!

Д'Агоста не ответил. Он вдыхал аромат гнева Хейворд и ее духов. Взглядом пожирал темные глаза и кожу цвета слоновой кости. Затем он шагнул вперед, их тела соприкоснулись, и между ними будто пробежала яркая искра. Мгновение они стояли, тяжело дыша, пока злоба не переплавилась в нечто иное. Д'Агоста прильнул губами к губам Хейворд, почувствовал, как она прижимается к нему грудью.

Рука Хейворд легла ему на шею, и его руки сами собой обвились вокруг женщины, вдоль изгибов ее тела. Д'Агосту захлестнула волна возбуждения, он еле дышал, скользя губами по подбородку Хейворд и вниз. Хейворд постанывала в его объятиях. Горячее дыхание обжигало шею. Она прикусила ему мочку уха – сначала нежно, затем посильнее, потянула к столу, легла. Д'Агоста расстегнул пуговицы у нее на рубашке и взялся за замочек бюстгальтера. Нежно освободив груди, он ощутил прилив фантастической силы. Руки Хейворд побежали вниз – по его торсу, по животу, добрались до ремня, расстегнули, взялись за молнию. Хейворд стала поглаживать д'Агосту, а он, коснувшись каемки ее рубашки, судорожно вздохнул, потом спустил с Хейворд трусики. На мгновение она застыла, когда он проник в нее, но тут же подалась

навстречу, выгнув спину, позволяя войти еще глубже. Закрыв глаза, они оба замерли. Тогда Хейворд, приоткрыв рот, запрокинула голову, и из ее груди вырвался стон, полный желания. Д'Агоста обхватил ее бедра и подался вперед, потом еще раз, еще и еще – нежно, настойчиво. А со стола падали, осыпаясь, листы распечаток...

...И вдруг, когда их с головой накрыло наслаждение, все завершилось. Хейворд бурно дышала, прижимаясь к д'Агосте. Сладостные конвульсии медленно угасали. Казалось, объятия длились вечность, но когда Хейворд поцеловала д'Агосту и мягко отстранила его, это произошло чересчур быстро. Чтобы как-то скрыть смущение, он отвернулся, пытаясь привести одежду в порядок. Он не мог толком понять, что притянуло их друг к другу. Они просто сошлись, как плюс и минус магнитов. Такое с ним было впервые. Д'Агоста будто стоял на распутье, решая, как отнестись к происшедшему: ликовать или стыдиться?

Хейворд рассмеялась.

– Неплохо, – сказала она слегка севшим голосом. – Для сломленного и отвергнутого неудачника... Только в следующий раз, наверное, следует закрыть дверь.

Она улыбнулась из-под спутанных черных волос. Чуть ниже шеи затухал румянец, а грудь томно вздымалась и опадала, пока Хейворд оправляла юбку.

– Знаешь, что мне в тебе нравится, Винсент?

– Нет.

– Тебе не плевать, ты болеешь за дело, а главное – за справедливость. Тебе не плевать.

Слова Хейворд прозвучали как-то двусмысленно. Д'Агоста все еще чувствовал себя на небе. Он провел рукой по волосам, поправил брюки.

– Полагаю, разрешение на прослушку ты заслужил. Должна же я тебя отблагодарить.

– Ты ведь не...

Сев на стол, Хейворд приложила палец к его губам:

– Разрешение ты заработал честностью, а не... не этим. – Она снова улыбнулась. – Раз уж речь зашла о работе – делай что должен. А потом пригласишь меня на ужин при свечах, в хороший ресторан, где можно никуда не спешить.

Глава 34

Безликий отдел прослушивания манхэттенского отделения ФБР занимал четырнадцатый этаж здания. Оформленный под типичный офис – с флуоресцентными лампами, сероватыми коврами и бесчисленными клетушками-кабинетами, – он гудел, как человеческий муравейник, навевая смертную тоску.

Д'Агоста одновременно и хотел, и боялся встретить здесь Лауру Хейворд. Но его ждал только детектив Мандрелл – тот, который позвонил в обед, сообщив, что прокурор дал добро на прослушку. ФБР объединилось с департаментом полиции Нью-Йорка: Бюро предоставило новейшее оборудование, а департамент выступил как политически нейтральная сила.

Мандрелл пожал ему руку.

– Все готово. А где агент... э-э... Пендергаст?

– Здесь. – Пендергаст вошел в помещение. Его идеально отглаженный черный костюм поблескивал в искусственном свете. «Сколько же у него элегантных черных костюмов? – подумал д'Агоста. – В Дакоте и в особняке на Риверсайд-драйв ими, наверное, забиты целые комнаты».

– Агент Пендергаст, – сказал д'Агоста, – это сержант Мандрелл из Двадцать первого округа.

– Очень приятно. – Пендергаст сухо пожал протянутую руку. – Простите, что опоздал – не там свернул. Это здание чрезвычайно похоже на остальные.

«Похоже на остальные?» – изумился д'Агоста. Пендергаст – сам федерал, у него должен быть кабинет в таком же здании. Д'Агосте вдруг пришло на ум: он ни разу не видел Пендергаста в офисе. Фэбээровец не приглашал его к себе на работу.

– Нам сюда. – Мандрелл повел их через лабиринт кабинетов.

– Отлично, – пробормотал Пендергаст, обращаясь к товарищу. – Я должен лично поблагодарить капитана Хейворд. Ей пришлось попотеть ради нас.

«Попотеть... Как же, как же», – улыбнулся про себя д'Агоста.

Прошлая ночь, то, как внезапно исчез Пендергаст, и то, как сам д'Агоста совершенно неожиданно сошелся с Лаурой Хейворд, – все это казалось нереальным. Утром д'Агоста промучился, борясь с искушением позвонить Хейворд. Лишь бы она не отказалась от обещания сходить в ресторан. Осложнит ли это их рабочие отношения? Вполне может быть. Ну и ладно.

– Вот мы и пришли, – сказал Мандрелл, заходя в одну из клетушек.

Кабинетик выглядел в точности как остальные: стол, подвесные шкафчики, компьютерная рабочая установка с микрофонами и несколько стульев. За клавиатурой, печатая, сидела белокурая девушка с короткой стрижкой.

– Это агент Санборн, – представил ее Мандрелл. – Она отслеживает звонки Джимми Чейта, правой руки Балларда в Штатах. В соседних кабинетах другие агенты следят еще за пятью компаньонами Балларда. Агент Санборн, это сержант д'Агоста из департамента полиции Саутгемптона, а это специальный агент Пендергаст.

Санборн кивнула, но едва прозвучало имя Пендергаста, ее глаза округлились.

– Что-то не так? – спросил Мандрелл.

– Нет, ничего, – ответила она. – Несколько минут назад Чейт созванивался с еще одним компаньоном. С минуты на минуту они ожидают звонка Балларда.

Кивнув, Мандрелл обратился к д'Агосте:

– Сержант, вы давно не занимались прослушкой?

– Да уж давненько.

– Тогда позвольте, я вас быстренько просвещу. Сегодня все делается на компьютере: одна рабочая станция на один прослушиваемый телефон. Телефонная линия проходит прямо через этот интерфейс, и разговор записывается на цифровые носители. Магнитные пленки в прошлом.

Д'Агоста покачал головой. Далеко же шагнул прогресс, оставив позади примитивные технологии времен его желторотого юношества.

– Вы упоминали китайцев, так? – спросил Мандрелл. – Нам понадобится переводчик?

– Не думаю, – ответил Пендергаст.

– Что ж, на всякий случай у нас наготове есть человек.

Мандрелл и Санборн склонились над монитором, и кабинет погрузился в тишину.

– Винсент, – Пендергаст отвел д'Агосту в сторону, – мы сделали очень важное открытие.

– Какое?

– Насчет Бекманна.

– Ну? – Д'Агоста пристально посмотрел на агента.

– Мы нашли его.

– Обалдеть. Когда?

– Вчера поздно ночью. После того как я позвонил вам насчет прослушки.

– Что же вы раньше не сказали?

– Я сразу же позвонил вам, но телефон в вашем номере не отвечал, а сотовый оказался выключен.

– О... Да, выключен. Простите. – Д'Агоста отвернулся, чувствуя, что краснеет, но тут забибикала рабочая станция, спасая его от дальнейших расспросов.

– Входящий звонок, – сообщила Санборн.

На мониторе открылось небольшое окошко, заполненное строчками данных.

– Чейту звонят, – сказала она, указывая на окошко. – Видите?

– Кто? – спросил д'Агоста.

– Номер определяется. Я включу звук.

– Джимми? – донесся из динамиков высокий голос. – Джимми, ты там?

Санборн принялась быстро печатать, стенографируя разговор.

– Это его домашний номер, – сказала она. – Возможно, звонит жена.

– Да, – ответил глубокий голос. – Чего тебе?

– Когда ты вернешься?

– Тут кое-что случилось. – На заднем фоне послышался отдаленный рев, похожий на порыв ветра.

– Нет, Джимми, только не сегодня. К нам после обеда приезжают Фингерманы, не забыл?

– К черту их. Ты и без меня разгребешься.

– Ладно, без тебя так без тебя, вот только закуплю гамбургеров в «Макдоналдсе». У нас к столу ничего нет.

– Ну так давай тащи свою задницу на кухню и приготовь что-нибудь!

– Послушай-ка...

– Вернусь, как только смогу. Короче, отвянь, я жду звонка. – Связь прервалась.

В полной тишине агент Санборн закончила стенограмму.

– Восхитительная пара. – Д'Агоста вернулся к разговору с Пендергастом: – Все же как вы нашли Бекманна?

– Помог один знакомый. Он вообще-то инвалид, но чрезвычайно метко откапывает информационные самородки, с которыми у других возникают проблемы.

– «Чрезвычайно хорошо»? По-моему, слабо сказано. Никому другому выйти на его след не удавалось. Ну так где же Бекманн?

Вновь просигналил компьютер.

– Еще один, – сказала Санборн.

– Входящий или исходящий? – спросил Мандрелл.

– Входящий. По номеру никаких данных. Похоже, номер закрытый.

Колонки коротко пискнули.

– Да? – ответил Чейт.

– Чейт, – донесся грубый голос, который д'Агоста тут же узнал. В нем закипел гнев.

– Да, мистер Баллард, сэр? – Чейт резко перешел на услужливый тон.

– Баллард пользуется спутниковым телефоном, – сказал д'Агоста. – Вот почему вы не можете засечь его.

– Не важно. – Мандрелл указал на ряд цифр на мониторе. – Видите? Это сотовый узел Чейта, из которого исходит сигнал. Давайте-ка определим его настоящее положение. – Из шкафчика он выудил томик инструкции и начал листать.

– Все готово? – спросил Баллард.

– Да, сэр. Я сделал необходимые распоряжения.

– Запомни: извинений я не приму. Просто все исполни. До точки.

– Понял, мистер Баллард.

Мандрелл оторвался от инструкции.

– Чейт в Хобокене, – сказал он, – Нью-Джерси.

– Не расслабляйтесь, – предупредил Баллард. – Китайцы будут вовремя.

– Место? – спросил Чейт.

– Как и условились, в парке.

Мандрелл схватил д'Агосту за руку.

– Чейт сменил сотовый узел.

– Как это?

– Он движется. – Сверившись с цифрами, Мандрелл определил: – Теперь он в центре Юнион-Сити.

– Похоже, он на машине.

– Помни, – снова заговорил Баллард, – за свои деньги они ждут хорошего отчета о прогрессе. Ты знаешь, что им ответить?

– Да.

Пендергаст достал свой телефон и быстро набрал номер.

– Чейт едет на встречу, – передал он. – Высылайте наряд. Нужна тригонометрическая съемка его местоположения.

– Доложись немедленно после встречи, – велел Баллард.

– Я перезвоню через полтора часа.

– И еще, Чейт... Не профукай это дело, понял?

– Ясно, сэр.

Послышался щелчок, зашипела статика, и компьютер просигналил о конце передачи.

– Сотовый узел опять меняется, – заметил Мандрелл, глядя на экран.

– Полтора часа? – переспросил д'Агоста. – А до этого, черт возьми, что?

– А до этого – встреча. – Закрыв телефон, Пендергаст вернул его в карман. – Идемте, Винсент, нельзя терять ни минуты.

Глава 35

«Пул-седан», за рулем которого был д'Агоста, буквально слетел с моста Джорджа Вашингтона и влился в поток машин. На развилке главной магистрали, где движение стало реже, д'Агоста выставил на крышу мигалку и включил сирену. Свернув на западную дорогу, он до упора надавил на педаль газа. Большой двигатель взревел, и машина понеслась со скоростью сотни миль в час.

– Люблю, когда с ветерком, – пробормотал Пендергаст.

– Это шестьсот второй, – протрещала рация. – Есть визуальный контакт с целью – ТВ-фургон со спутниковой тарелкой, позывные: WPMP[37], Хакенсак. Движется на север по Восьмидесятой у съезда номер шестьдесят пять.

Д'Агоста прибавил ходу, и стрелка спидометра показала сто двадцать миль в час.

Пендергаст снял с крючка микрофон.

– Мы всего в нескольких милях позади вас, – передал фэбээровец. – Сверните на другую магистраль, чтобы вас не заметили. Отбой.

– Как думаете, куда они едут? – спросил д'Агоста.

– Баллард упоминал парк... – сказал Пендергаст и отстегнул ремень.

Краешком глаза сержант заметил, как фэбээровец, наклонившись, скребет ногтями коврик на полу и трется о него ладонями. За Пендергастом и раньше водились странности, но это не лезло ни в какие ворота. Однако спросить, в чем дело, д'Агоста не решился.

– Цель покидает автостраду через съезд номер шестьдесят, – проскрипело радио. – Преследуем.

Д'Агоста сбросил скорость. Через минуту он проскочил через тот же выход.

– Цель следует на север к Маклин.

– Они направляются в Патерсон, – догадался д'Агоста.

Странное, однако, направление. Сам д'Агоста никогда ногой не ступал в этот краснокирпичный рабочий городишко, золотые деньки которого миновали лет сто назад, хотя и проезжал мимо него столько раз, что уже сбился со счету.

– Патерсон, – с любопытством повторил Пендергаст, вытирая грязные руки о шею и лицо. – Колыбель американской промышленной революции.

– Ее колыбель – и, наверное, мое кладбище.

– У города богатая история, Винсент, некоторым историческим районам удалось сохранить красоту. Однако вряд ли Чейт едет туда на экскурсию.

– Цель покидает Маклин, – сообщил голос по радио. – Направляется налево к Бродвею.

Слева тускло поблескивали коричневые воды реки Пассейк. Свернув на потрепанный и исхудалый Бродвей, д'Агоста выключил сирену и потушил мигалку. Чейт уже близко, очень близко.

– Сержант, – резко сказал Пендергаст, – сверните, пожалуйста, в ту узкую аллею, направо. Остановимся там ненадолго.

– Отстанем! – удивленно взглянул на него д'Агоста.

– Поверьте, время терпит.

Д'Агоста пожал плечами. Командовал Пендергаст, и всю операцию проводило Бюро – об этом позаботилась Хейворд.

В аллее, чуть поодаль от стоянки, тускло поблескивала стеклянными витринами горстка потрепанных магазинчиков. Какого черта Пендергасту понадобилось в этой дыре? Д'Агоста с таким трудом урвал запас времени, а фэбээровец вот-вот его разбазарит.

– Туда, – указал Пендергаст. – В дальний конец.

Д'Агоста подъехал к насквозь проржавевшему желтому мусорному контейнеру. Машина не успела остановиться, а Пендергаст выскочил и побежал к магазину. Ругнувшись, сержант ударил по рулю. Они потеряют по крайней мере пять минут. Пендергаст, конечно, эксцентрик, но это уж слишком.

– Цель направляется в Ист-Сайдский парк, – спокойно сообщили по радио из головной машины. – Там что-то наклевывается. Похоже на праздник с фейерверками.

Послышались крики, и из магазина со стопкой одежды и парой обуви в руках вышел Пендергаст. Следом, вопя, выбежала толстая женщина.

– Помогите! – верещала она. – Полиция! Гляньте-ка, ограбил Армию спасения и доволен! Отморозок!

– Я у вас в долгу, мэм! – Прыгнув на заднее сиденье, Пендергаст бросил через плечо скомканную стодолларовую купюру.

Д'Агоста газанул, оставив позади только следы от резины на асфальте да облако дыма.

– Осмелюсь заметить, мы потратили не более двух минут, – сказал Пендергаст.

– В таком деле две минуты – это целая вечность.

В зеркало заднего обзора было видно, как фэбээровец снимает пиджак и галстук.

– Чейт направляется в Ист-Сайдский парк.

– Очень хорошо. Я не совсем готов, поэтому будьте так любезны, поезжайте вокруг парка – к южному входу.

Д'Агоста так и поступил. Окрестные дома удивляли величиной и ухоженностью; они оставались реликтами эпохи, когда Патерсон служил образцом индустриального города.

Пендергаст произнес нараспев:

Он навечно уснул,

А сны его бродят по городу, где он существует,

Неузнанный.

Взглянув в зеркало, д'Агоста от неожиданности чуть не затормозил – на заднем сиденье сидел незнакомец. Напялив на себя рвань, Пендергаст чудесным образом перевоплотился.

– Вы когда-нибудь читали поэму «Патерсон» Уильяма Карлоса Уильямса? – спросил бродяга с заднего сиденья.

– Даже не слышал.

– Жаль.

Д'Агоста что-то пробормотал себе под нос. Проехав еще несколько кварталов, он вновь свернул налево и въехал в парк мимо статуи Христофора Колумба.

Парк – холм-переросток – со всех сторон обступили дома, и на его спине отбрасывали редкие тени деревья. Д'Агоста направил машину в аллею, обегавшую парк по периметру. Мимо проплывал многообразный конгломерат служебных построек на различных стадиях обветшания. Дорога плавным изгибом взошла на земляную возвышенность, которую венчал фонтан, окруженный черным забором из кованого железа. Проезд закупорили машины Бюро. Впереди между кольцом теннисных кортов и бейсбольным полем д'Агоста увидел припаркованный ТВ-фургон. На самом же поле ватага ребятишек под присмотром родителей запускала модели ракет. Стоявший у фургона оператор снимал событие на камеру.

– Они исключительно хорошо все продумали, – сказал Пендергаст, пока д'Агоста медленно вел машину. – Встреча в центре парка исключает засаду. Крики детишек и шум ракет помешают дистанционной прослушке. А тот человек с камерой, не вызывая подозрений, может наблюдать за всем парком сразу. Видно, Баллард хорошо натаскал своих людей... Ага, Винсент, притормози-ка на минутку – появились китайцы.

Черт побери, они на ты или на вы?!

В зеркале заднего вида появился длинный черный «мерседес». Машина смотрелась до смешного нелепо. Въехав на траву, она покатила по теннисному корту в противоположную от фургона сторону. Из лимузина вышли двое крупных бритоголовых мужчин в темных очках. Тщательно осмотревшись, открыли дверь третьему – малорослому, и все вместе отправились к фургону.

– Удручающее отсутствие фантазии, – заметил Пендергаст. – Этому господину следует поменьше смотреть телевизор.

Д'Агоста поехал к стоянке у выезда на Бродвей, где их машину скрыли из виду густые деревья, разросшиеся на более отлогом склоне холма.

– Жалко, я в форме, – посетовал д'Агоста.

– Напротив, вас заподозрят в последнюю очередь. Я подберусь как можно ближе, чтобы узнать больше подробностей. Купите себе кофе с пончиком. – Пендергаст кивнул в сторону ветхого кафе на другой стороне Бродвея. – Прогулочным шагом возвращайтесь, садитесь на скамеечку у бейсбольного поля на расстоянии прицельной стрельбы и ждите – на случай, если что-то пойдет не так. Будем надеяться, при детях эти люди ничего не выкинут, но вы все равно будьте начеку.

Сержант кивнул.

Пендергаст принялся остервенело тереть глаза, пока те не утратили чистый, серебристый оттенок. На д'Агосту неуверенно смотрели слезящиеся и покрасневшие глаза пьяницы.

Пендергаст выбрался из машины и неторопливо пошел по дорожке обратно к подъему. Между лопатками на сшитой неизвестно из чего коричневой ветровке светлело пятно. Слаксы оказались на размер больше. На ноги Пендергаст надел пару поношенных мягких туфель. Волосы – непонятно как и когда – успели потемнеть, а лицу не помешали бы мыло с водой. Пендергаст превратился в человека опустившегося, но еще сохранившего остатки самоуважения. Изменилась даже походка: фэбээровец шаркал, волоча ноги. Язык тела походил на повадки дикого зверя – глаза стреляли по сторонам, будто высматривая притаившегося врага.

Изумленный д'Агоста понаблюдал еще немного, затем вышел из машины. Купив в кафе глазированный пончик и кофе, вернулся в парк. Возле бейсбольного поля он увидел, как малорослый китаец забирается в фургон через задние двери, а его компаньоны, скрестив руки на груди, бродят шагах в сорока позади.

Модель ракеты с громким «вжжж» ушла в небо под разрозненные аплодисменты и радостные детские крики. Раздался хлопок, и ракета по кривой стала спускаться на парашютике в красно-белую полоску.

Д'Агоста присел на скамейку недалеко от площадки и, сняв крышечку со стаканчика, притворился, будто любуется запусками ракет. Оператор почему-то не сгонял ребятишек в кадр. Странно, подумал д'Агоста. Уж не Чейт ли это? Впрочем, нет, правая рука Балларда наверняка в фургоне с китайцем.

Пендергаст тем временем брел по дорожке. Недалеко от фургона он выудил из кучи хлама программу скачек и, отряхнув ее, подошел к человеку с камерой, словно бы клянча денежку. Человек нахмурился и, покачав головой, прогнал бродягу. Обернувшись к детям, он жестом велел им собраться в кадр, поближе к ракетам.

Желудок д'Агосты затянулся в тугой узел. Детей сгоняли в кучу не просто так.

Тем временем Пендергаст уселся на скамейку у фургона и огрызком карандаша стал делать в программе пометки. Затем – против всякой логики – встал, подошел к фургону и постучал в заднюю дверь.

К нему тут же подбежал оператор. Когда он, яростно жестикулируя, отпихнул Пендергаста, д'Агоста едва не схватился за пистолет. На короткий миг двери фургона открылись, выпустив наружу порцию шумной беседы, но тут же захлопнулись. Человек с камерой отчаянно размахивал руками, отгоняя бродягу. Однако тот, снова усевшись на скамейку, углубился в изучение программы столь непринужденно, будто мог позволить себе спустить на скачках все деньги мира.

Оглядевшись, д'Агоста заметил двух фэбээровцев – переговариваясь, они спокойно шли по дальней грани бейсбольного ромба. Охранники-китайцы, сосредоточившие внимание на фургоне, казалось, не замечали их. Они словно чего-то ждали – ждали в любой момент. К тому же готовился и оператор, который по-прежнему сгонял детей в кадр.

Зачем людям Балларда лишние хлопоты – зачем смешиваться с толпой ребятишек? Ведь они не знали о прослушке. Если только между Баллардом и заказчиком не возникли какие-то трения…

Д'Агоста представил, что будет, если китайские головорезы откроют огонь. В перестрелке обязательно заденут детей. Значит, люди Балларда ожидали стрельбы, и человек с камерой строил малышей, как живой щит.

Отбросив кофе и недоеденный пончик, д'Агоста поднялся, держа руку на пистолете. В тот же момент распахнулись двери фургона, и маленький

китаец выпорхнул наружу, легко и быстро, как птичка. Он сделал подручным молниеносный незаметный знак рукой и бросился бежать.

Китайцы достали оружие.

Д'Агоста тут же припал на колено и прицелился, крепко сжимая рукоять пистолета. Как только в руках у китайцев появились «узи», он выстрелил. И промахнулся.

Разразился ад. Полуавтоматическое оружие трещало «хлоп-хлоп-хлоп». Дети разбегались кто куда, взрослые хватали их, в ужасе падая на землю. Свой «узи» достал оператор, но очередь в грудь отбросила его на стенку фургона.

Д'Агоста выстрелил в киллера, в которого не попал с первого раза, и пуля ударила точно в колено. Второй охранник, не ожидавший нападения с его стороны, развернулся и выпустил очередь по дальней стороне поля. Пендергаст, прикрывая собой двух детей, хладнокровно свалил его выстрелом в голову. Убийца падал, но «узи» в его руке дико извивался, плюясь огнем. У самых ног Пендергаста взметнулись фонтанчики земли, и агент свалился на спину, оттолкнув детей в сторону. Рукав ветровки потемнел от крови.

– Пендергаст! – закричал д'Агоста.

Подстреленный сержантом киллер не желал оставаться на земле. Откатившись, он палил по фургону, и патроны выбивали из стенок машины хлопья краски. С водительского сиденья прогремел выстрел. Китаец снова упал, а фургон, взвизгнув покрышками, стронулся с места.

– Задержите!.. – крикнул д'Агоста двум агентам.

Фэбээровцы уже бежали, напрасно тратя патроны – пули отскакивали от бронированных бортов.

Вот главный китаец достиг лимузина. Как только машина тронулась в сторону аллеи, фэбээровцы открыли огонь, метя в задние шины. Одна пуля угодила в бензобак, и мотор с глухим хлопком взорвался. Над машиной расцвел огненный шар – пламя нежно облизнуло кроны деревьев. Из лимузина выбрался горящий человек и, сделав несколько неуверенных шагов, рухнул ничком. Фургон уносился прочь, исчезая в потоке машин по дороге на запад.

В парке творился настоящий бедлам: разбежавшиеся по площадке дети и взрослые рыдали, скорчившись на траве. Д'Агоста бросился к Пендергасту и почувствовал несказанное облегчение, увидев, что друг сам поднимается, пытаясь сесть. Двое китайцев были мертвы. Оператора автоматной очередью разрезало чуть не пополам. Просто чудо, что не задело никого из гражданских.

– Пендергаст, вы как? – Д'Агоста упал на колени.

Пендергаст махнул рукой. Пепельно-бледный, он на время лишился дара речи.

Подбежал один из агентов ФБР.

– Раненый? У нас потери?

– Агент Пендергаст. Оператору уже не помочь.

– Подкрепление и медики в пути.

Со всех сторон выли сирены машин, мчащихся к парку.

Пендергаст помог встать пареньку – одному из тех, которых прикрыл. Подбежал отец мальчика и заключил ребенка в объятия.

– Вы спасли его, – бормотал он. – Спасли…

Д'Агоста помог Пендергасту подняться. Рукав грязной ветровки агента пропитала кровь.

– Меня только слегка зацепило, – сказал Пендергаст. – Кость цела.

Начали собираться люди из окрестных домов. Они столпились вокруг трупа и горящего «мерседеса». Вновь прибывшие копы устанавливали кордон, с воплями оттесняя толпу.

– Проклятие! – сказал д'Агоста. – Эти сволочи из «БАИ» ждали стрельбы.

– Вы правы, ждали. Хотя удивляться здесь нечему.

– То есть?

– Я подслушал достаточно: люди Балларда собирались расторгнуть сделку.

– Расторгнуть?!

– Надо понимать, на самом пороге успеха. Они знали, что китайцы будут не в восторге, поэтому и подготовились так тщательно: парк, дети – это все прикрытие от сокрушительного удара противника.

Д'Агоста оглядел место побоища.

– Хейворд будет в восторге, – пробормотал он.

– Непременно. Страшно думать, что бы случилось, не подслушай мы переговоры и не сядь на хвост этим стрелкам.

Качая головой, д'Агоста смотрел на горящий «мерседес», которым уже занялись пожарные.

– Знаете, а дельце-то становится все круче и круче.

Глава 36

Сидя в кафе при стоянке для грузовиков «Последний вздох» в Юме, преподобный Уэйн П. Бак-младший помешивал сливки в кофеечке. Ломтик поджаренного белого хлеба с мармеладом да овсянка на воде без сахара – его обычный завтрак. Снаружи, из-за засиженного мухами окна, донесся шум: с бетонной площадки, сверкнув стальным баком, отъехал большой полуприцеп.

Все, что ни делал преподобный Бак, он делал методично. Вот и сейчас он отхлебнул кофейку и аккуратно соскреб остатки каши с краев тарелки, прежде чем отложить ложку в сторону. Затем, отпив еще кофе, бережно поставил чашечку в блюдечко и наконец перешел к утренней прессе: на дальнем конце стойки его дожидалась перевязанная шпагатом стопка периодики.

Разрезая шпагат карманным ножом, Бак ощутил укол интуиции – нечто вроде предвидения. Утреннее чтение было для него главным событием дня, а стопку газет на стоянке всегда оставлял водитель грузовика, которого преподобный несколько месяцев назад вылечил в лагере возрождения от судорог. Каких газет ожидать, Бак не знал – дальнобойщик всегда привозил разные. Вчера, например, попались новоорлеанские газеты, хотя чаще всего приходилось читать «Феникс сан» и «Лос-Анджелес таймс». Однако сейчас предчувствие говорило вовсе не о том, каких изданий ждать преподобному.

Вот уже почти год преподобный Бак на общественных началах работал в окрестностях Юмы, помогая дальнобойщикам, официанткам, помощникам барменов, сезонным рабочим, сломленным, потерянным, заблудшим душам – тем, кто проходил мимо, не задерживаясь надолго. Наградой он считал саму работу и никогда не жаловался, ведь в мире так много грешников, и никому нет до них дела, некому просто сесть и поговорить с ними. А Бак именно этим и занимался – беседовал. Люди слушали отрывки из Библии и готовились к тому, что грядет – грядет очень скоро. Преподобный Бак беседовал и с дальнобойщиками – по одному за раз, с теми, кто просто заходил отлить. Он говорил и с группами по двое, по трое – на заднем дворике, за столиками для пикников, с теми, кто приходил к нему постоянно. По воскресным утрам он говорил с группами по пятнадцать – двадцать человек в вигваме старика Лося, а если мог, выбирался и в резервацию. Слова Бака многие принимали близко к сердцу, хотя никто прежде не рассказывал им о природе греха и неотвратимости расплаты. Преподобный молился за тех, кто болел; выслушивал тех, кого постигало горе, цитировал притчи

или речи Иисуса. Ему платили мелочью, тем, что было в карманах, или горячей едой и постелью на ночь. Баку хватало.

Однако в Юме он задержался. В проповедях нуждались и в других местах, а времени с каждым днем оставалось все меньше. «Ибо истинно говорю вам, – вспомнил Бак, – не успеете обойти городов Израилевых, как приидет Сын человеческий»[38].

Бак твердо верил в знамения. На грешной земле ничто не происходит случайно. Именно знак направил преподобного из Брокен-Эрроу в Боррего-Спрингс, а несколькими месяцами позже другой знак привел его в Юму. Через день, два, неделю или месяц Баку будет знамение. Он может найти его даже здесь, в подборке газет, или в истории, рассказанной дальнобойщиком. И тогда он пойдет дальше – в другой отдаленный район, где ждут спасения.

Преподобный Бак выдернул из стопки первую газету – «Сакраменто» за прошлую субботу. Страницы с национальными и местными новостями он пролистал, почти не глядя – от больших городов вроде Сакраменто, кроме известий об убийствах, изнасилованиях, коррупции, пороках, всеобщей жадности, ничего ожидать не приходилось. Этих историй Баку известно предостаточно, хватит на тысячи проповедей. Его больше интересовали подверстки и врезки – кусочки новостей, фразы-заголовки в самых неожиданных уголках газеты, размещенные ради забавы: про маленький городишко, в котором два брата не разговаривали сорок лет, или про семью, живущую в трейлере, у которой сбежал единственный ребенок. Эти истории говорили с преподобным, заставляя двигаться дальше и нести Слово Божье.

Закончив с «Сакраменто», Бак перешел к «Ю-Эс-Эй тудэй».

– Еще чашечку, преподобный? – спросила Лаверн, официантка.

– Спасибо огромное, только одну.

Бак во всем соблюдал умеренность. Одна чашка кофе – благословение; выпивая две, он уже потакал желаниям, а согласившись на третью, совершал грех.

Изучив газету, преподобный отложил ее в сторону и взял третью – вчерашний выпуск «Нью-Йорк пост». Эту бульварщину Бак просматривал редко, не испытывая к ней ничего, кроме презрения. Рупор самого распутного города мира, погрязшего в грехах. Он уже собирался отложить газету, когда его внимание привлек заголовок:

КАТАСТРОФА

Знаменитый ученый утверждает, что недавние смерти —

знак приближения конца света.

Брайс Гарриман

Очень медленно Бак перевернул страницу и стал читать.

25 октября 2004 года. Знаменитый ученый предсказал неминуемое разрушение Нью-Йорка и, возможно, большей части мира.

Доктор Фридрих фон Менк, гарвардский ученый и лауреат премии «Эмми» «За лучший документальный фильм», заявил, что недавние смерти Джереми Гроува и Найджела Катфорта – всего лишь предвестники грядущей катастрофы.

Доктор фон Менк пятнадцать лет изучал математические закономерности в датировке крупнейших катастроф прошлого. Разнообразные способы вычислений постоянно приводили к одной и той же цифре: 2004 год.

Теория фон Менка основана на фундаментальных пропорциях, известных как золотое сечение, – пропорциях, встречающихся повсюду в природе и классических шедеврах человечества. Фон Менк первым применил такой подход к истории. Результаты потрясают.

79 г. н.э. – Помпеи

426 г. н.э. – Падение Рима

877 г. н.э. – Разрушение Пекина монголами

1348 г. н.э. – Черная смерть

1666 г. н.э. – Великий лондонский пожар

1906 г. н.э. – Землетрясение в Сан-Франциско

Эти и многие другие даты выстраиваются в ужасающе точном соответствии с пропорциями фон Менка.

Что же объединяет природные катастрофы? Они всегда поражали важные города, известные благосостоянием, силой и, добавляет доктор фон Менк, небрежением к духовности. Каждое из событий предварялось небольшими, но значительными знаками. Фон Менк видит в загадочных смертях Гроува и Катфорта как раз те самые предвестия, после которых следует ожидать гибели Нью-Йорка – от огня.

Что же это за огонь?

«Не простой, а внутренний огонь, – говорит фон Менк. – И гибель придет внезапно».

Далее в доказательство он приводит цитаты из «Откровения», пророка Нострадамуса и более современных провидцев, таких как Эдгар Кейси и мадам Блаватская.

Вчера доктор фон Менк уехал на Галапагосы, захватив, как он заверил, только рукописи и несколько книг.

Бак опустил газету. Странное чувство поднялось по позвоночнику и передалось в конечности. Если фон Менк и прав, надо быть дураком, чтобы спасаться пусть даже на самых далеких островах. В памяти всплыли несколько строк из «Откровения», которые Бак любил цитировать для паствы: «И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор… Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?»

Бак отпил кофе, но не почувствовал вкуса и вернул чашку на блюдце. Преподобный всегда верил, что застанет конец света, всегда верил в знаки. И это знамение показалось ему яснее предыдущих.

В «Откровении» в главе 22 сказано: «Се, гряду скоро…»

Преподобный еще раз прочел статью. Нью-Йорк. Конечно, здесь оно и начнется. Взяв этих двоих, Господь подал знак избранным, чтобы те донесли весть: еще не поздно раскаяться. Господь не покарает гневом Своим, не предупредив, а «имеющий ухо да услышит…».

«Се, гряду скоро… Ей, гряду скоро…»

Бак прежде не забредал дальше Миссисипи и не видел городов больше, чем Таксон. Восточное побережье и особенно Нью-Йорк преподобный считал Вавилоном – местом чуждым, опасным и бездушным, которого любой ценой следует избегать.

Так что же, ему и впрямь послан знак? А главное: дан ли он *ему?* Прозвучал ли долгожданный зов Бога? И хватит ли мужества следовать этому зову?

Снаружи на автобусной остановке чавкнул пневматический тормоз – подошел утренний экспресс, идущий по маршруту «I-10» через всю страну. Табличка над окном водителя сообщала: «До Нью-Йорка».

Водитель уже собирался закрыть двери, когда его окликнули:

– Простите!

– Что такое, мистер?

– Сколько стоит билет до Нью-Йорка?

– Три сотни и двадцать долларов. Наличными.

Бак запустил руку в бумажник и выгреб все, что имелось. Водитель хмурился, постукивая пальцем по рулю, глядя, как преподобный считает деньги. Набралось ровно триста двадцать долларов.

Преподобный Бак устроился на заднем сиденье, взяв с собой лишь вчерашний выпуск «Нью-Йорк пост».

Глава 37

Вернув на место фанерную заслонку, Васкез включил лампу, встал и потянулся. Только что миновала полночь. Киллер повертел головой, разминая мышцы шеи, затем глотнул воды и вытер губы тыльной стороной ладони. Операция шла замечательно. Оказалось, у объекта нет жесткого графика, и Васкез не мог поручиться, когда жертва уйдет, а когда вернется. За одним исключением – в час ночи фэбээровец выходил из дома на двадцать минут прогуляться по Риверсайдскому парку.

За двое суток Васкез уяснил, что объект – натура, не просто одаренная умом и талантами, но еще и полная странностей. Вывод, как всегда, подсказала интуиция. Васкез доверял чутью и в людях ошибался редко. Внешность не обманула его, ведь уже в ней проявлялись странности: черный костюм, мраморно-бледная кожа, походка – быстрая и бесшумная, которой объект напоминал больше кошку, чем человека. То, как фэбээровец двигался, намекало Васкезу на совершенную уверенность в себе. И еще, гулять в полночь по Риверсайдскому парку мог либо чокнутый, либо убийца. Объект наверняка ходил с оружием, которым, если что, сумеет воспользоваться. Васкез дважды видел, как обходившие территорию бандиты тихо исчезали, стоило появиться объекту.

Пожевывая кусок вяленой говядины, Васкез изучил заметки. Похоже, кроме Пендергаста в доме жили дворецкий, престарелая домработница, которую Васкез видел лишь раз, и девушка, носившая длинные старомодные платья. Девушка не приходилась агенту ни дочерью, ни любовницей – они держались друг с другом слишком формально. Похоже, еще одна помощница. Частенько захаживал один и тот же посетитель: лысеющий полноватый полицейский с нашивками саутгемптонского департамента. Используя беспроводной модем, Васкез раскопал, что к объекту приходит некий сержант Винсент д'Агоста – человек, похоже, прямой и с твердым характером.

Один раз заявился странный старик с копной диких седых волос. Суетливый, он двигался, будто краб, сжимая в руках книгу, и чем-то напоминал Игора при Франкенштейне. Шестерка, мелкая сошка.

В час ночи, когда Пендергаст выйдет гулять, Васкез и сделает дело.

Наемник пересмотрел план, потом еще раз, доводя до совершенства схему убийства. Первая пуля войдет в голову под прямым углом и вылетит, изменив траекторию внутри черепа. Вращение пули со смещенным центром тяжести развернет жертву, а характер выброса крови сдвинет условное место, где засел снайпер, вниз по улице. Второй выстрел перехватит цель в падении, развернет еще больше, и огневая точка сместится уже в самый низ квартала. Как бы там ни было, тело еще не коснется земли, а Васкез уже выбежит на Сто тридцать шестую улицу. Пять минут до станции метро, и ищи ветра в поле! Никто не обратит внимания на одетого в рвань пуэрториканца, спешащего домой после рабочего дня.

Васкез откусил еще вяленой говядины. Он не мог сказать точно, как пришло ощущение, но время настало. Момент для убийства киллер всегда выбирал безошибочно. Пендергаст выходил ровно в час две ночи подряд, значит, выйдет и в эту. Итак, сегодня.

Сунув в карман сотовый, Васкез надел рубашку поло, тяжелые дутые кроссовки и наклеил тонкие усики – преобразился в дешевого жулика, каких в испанском Гарлеме пруд пруди.

Выключив свет, он убрал заслонку и занял позицию. Прижавшись щекой к композитной ложе, которой не страшны ни жара, ни холод, выровнял прицел. Объект задержится поговорить с дворецким и убедиться, что тот запер дверь. Это займет десять – двадцать секунд – целую вечность для стрелка.

Когда оборудование было готово, Васкез встревожился. Ему не в первый раз казалось, что операция идет чересчур гладко: прогулка в час ночи, маленькая задержка... Не слишком ли все удобно? Не попал ли в западню сам охотник? Печально улыбнувшись, Васкез тряхнул головой. Приступы паранойи перед самым убийством – для него дело обычное. Объект никак не мог обнаружить его присутствие, иначе получилось бы, что Пендергаст подставляется – а таким хладнокровием не обладает никто. Васкез мог аккуратно снять фэбээровца раз десять, только не чувствовал готовности.

Зато теперь киллер ее почувствовал.

Медленно, аккуратно он приник глазом к прицелу, оснащенному встроенным компенсатором отдачи. Васкез наблюдал за крыльцом в перекрестие, глядя на точку, в которой задержится жертва. Как всегда, все пройдет быстро и гладко. Свидетель – дворецкий – вызовет полицию, но Васкез уже исчезнет. Копы, разумеется, найдут «гнездышко», но пользы им это не принесет. У полиции даже имелся

образец его ДНК, но что толку, если киллер до сих пор действует? Мысленно Васкез уже был дома – потягивал лимонад, загорая на пляже.

Он ждал, глядя на дверь в прицел.

Время шло. Осталось пять минут.

Три минуты.

Пробил час.

Дверь открылась, объект вышел и, спустившись на несколько ступенек, остановился переговорить с дворецким.

Нежно, не спеша, постепенно увеличивая давление, Васкез стал нажимать на курок.

Внезапно раздался хлопок, сверкнула вспышка и зазвенело стекло. Растерявшись, Васкез отвел глаз от прицела. Оказалось, разбили фонарь – местная шпана частенько тренировалась в стрельбе из духовых ружей.

Однако момент был упущен, фэбээровец уже шел через улицу к парку.

Чувствуя, как покидает напряжение, Васкез выпустил винтовку из рук.

Может, перехватить объект на обратном пути? Нет, он подходит к крыльцу слишком быстро, и Васкез не поручился бы, что выстрел удастся. Впрочем, не важно, всего на свете не предусмотришь. Это станет уроком, если кое-кому вновь покажется, будто операция идет слишком гладко.

За два миллиона долларов провести в «гнездышке» три дня вместо двух – не проблема, и лишние сутки погоды не сделают.

Глава 38

Сидя на заднем сиденье «роллса», д'Агоста прислушивался к беседе Пендергаста и Проктора. Шофер, оказалось, интересуется исключительно командой «Бостон ред сокс», о которой Пендергаст загадочным образом знал абсолютно все, что, впрочем, было неудивительно. Д'Агоста считал себя фанатом бейсбола, но когда речь зашла о неком тактическом нюансе матча за звание чемпиона 1916 года, даже он почувствовал себя невеждой.

– Так где мы встречаемся с Ренье Бекманном? – решил он вмешаться.

– В Йонкерсе, – обернулся Пендергаст.

– Думаете, он согласится на беседу? Катфорт и Баллард оказались не слишком-то разговорчивы.

– Уверен, Бекманн порадует нас красноречием.

Пендергаст вернулся к беседе, а д'Агоста, глядя в окно, стал вспоминать, все ли он упомянул в отчете о вчерашнем инциденте с китайцами. Сколько полезного можно было бы сделать, если бы не бумажная волокита, которой день ото дня прибавляется. А все из-за навязанных в последнее время дебильных правил. Вот Пендергаст, похоже, вообще не работает с бумагами…

Покинув Манхэттен через мост Уиллис-авеню, «роллс» вклинился в движение позднего субботнего утра на главной скоростной автостраде имени майора Дигана. Вскоре машина оказалась на Мошолу-парквей, ведущей к ядру внутреннего кольца пригородных построек в нижней оконечности Уэстчестер-каунти. О конечном пункте Пендергаст, как всегда, умолчал. Мимо размытыми пятнами проплывали серо-коричневые жилые дома, стареющие промышленные комплексы и ряды бензоколонок. Через минуту или две началась Йонкерс-авеню.

Йонкерс. Еще нигде в Америке не успели придумать названия для города уродливее, чем это, подумал д'Агоста, со вздохом откинувшись на спинку сиденья. Что здесь делать Бекманну? Наверное, живет себе в милом домике с видом на Гудзон; говорят, береговые районы сейчас восстанавливают.

Но пунктом назначения стал вовсе не береговой район. «Роллс» повернул на запад, к Нодин-Хилл. С вялым интересом д'Агоста смотрел на дорожные знаки: «Прескотт-стрит», «Ильм-стрит»… Вот только ильмы-то и не растут; лишь полуживые гинкго чуть смягчали мрачность ветхих домов. Сидевшие на порогах пьяницы и наркоманы со скупым интересом следили за проезжающим мимо лимузином. Хулиганские граффити покрывали каждый квадратный дюйм пространства, даже дорогу. Остывающее небо отливало свинцом. То и дело попадались свободные участки земли, отвоеванные у городского пейзажа вкраплениями сорной травы и сумаха.

– Здесь налево, пожалуйста, – попросил Пендергаст.

Свернув в тупик, Проктор плавно остановил машину на стоянке у крайнего дома. Пассажиры вышли. Обойдя многоквартирный дом, фэбээровец направился в конец каменного мешка – туда, где двадцать футов шлакоблочной стены скрывались под самым толстым в округе слоем граффити. В стену была врезана подбитая старыми заклепками металлическая дверь, которую покрывали полосы и чешуя ржавчины.

Взявшись за ручку, Пендергаст внимательно осмотрел замок и, посветив себе фонариком толщиной с карандаш, стал ковырять в замочной скважине маленьким металлическим инструментом.

– Собираетесь вскрыть? – спросил д'Агоста.

– Естественно, – выпрямился Пендергаст. Он вытащил пистолет и выстрелил в замок – раз, два, – и по узкому проходу, будто гром, прошлось эхо.

– Господи Иисусе, я думал, отмычкой!

– Это и есть моя отмычка – модель «на крайний случай». – Пендергаст убрал оружие. – Другого способа отпереть заржавленную дверь я не знаю. Особенно если дверь не открывали годами.

К удивлению д'Агосты, открылся вид на обширный луг, переходящий в холм, окруженный ветхим жильем. На самой вершине холма рощица мертвых деревьев окружала нечто напоминающее руины греческого храма: увитые плющом четыре дорические колонны подпирали обвалившуюся крышу. К постройке вела небольшая дорожка, ныне поросшая толстым слоем сорняков и ядовитого сумаха. По обеим сторонам от нее мертвые деревья устремили в серое небо сухие когтистые ветви.

– Что это? – передернул плечами д'Агоста. – Парк?

– В определенном смысле.

Пендергаст пошел вверх по разбитой дороге, аккуратно переступая через трещины и бугры, обходя четырехфутовые сорняки и ядовитые кроваво-красные пестики сумаха. Никак нельзя было сказать, что только вчера его ранило в руку. Позади сухих деревьев буйствовали настоящие джунгли из плюща, ежевики и кустарника. Поражая яркостью зелени, заросли дышали неестественной энергией.

Пройдя несколько сотен футов, Пендергаст достал из кармана листок бумаги.

– Сюда, – сказал он, сверившись с записью.

Фэбээровец перешел на тропинку, перпендикулярную дороге. Д'Агоста последовал за ним, продираясь сквозь сорняки высотой по грудь и собирая на форму пыльцу. Пендергаст шел медленно, поглядывая по сторонам и время от времени останавливаясь, чтобы свериться со схемой. Казалось, он что-то считает. Постепенно д'Агоста понял, что именно: скрытые сорняками-переростками, по бокам тянулись ряды низких серых гранитных плит, и на каждой – имя и пара дат.

– Ч-черт, это же кладбище!

– Да, здесь хоронили бездомных, отверженных и сумасшедших. Сосновый гроб, шестифутовая яма, гранитное надгробие и двухминутная речь за упокой – вот все почести от штата Нью-Йорк. Это кладбище заполнилось примерно десять лет назад.

Д'Агоста присвистнул:

– А Ренье Бекманн?

Внезапно Пендергаст остановился у низкого гранитного камня и мыском ботинка раздвинул сорняки.

Ренье Бекман

1952-1995

С холма подул холодный ветер. Сорняки всколыхнулись, будто колосья. Где-то вдалеке прогремел гром.

– Он мертв! – воскликнул д'Агоста.

– Точно. – Достав телефон, Пендергаст набрал номер. – Сержант Баскин? Мы нашли могилу и готовы приступить к эксгумации. Необходимые бумаги у меня при себе. Ждем только вас.

– Умеете же вы разыграть спектакль! – рассмеялся д'Агоста.

Пендергаст щелкнул крышкой телефона.

– Я не хотел говорить, не убедившись лично, а для этого я должен был увидеть могилу. Записи о мистере Бекманне прискорбно бедны, и то немногое, что удалось найти, доверия не вызывало. Видите, даже имя на могиле написано неверно.

– Но вы обещали, что Бекманн «порадует красноречием».

– Он и порадует. Мертвецы не слишком болтливы, зато их тела зачастую говорят красноречивее всяких слов. Думаю, что тело Ренье Бекманна поведает нам немало.

Глава 39

Стоя на верхнем штурманском мостике, Локк Баллард вдыхал колючий морозный воздух. При полном штиле мир, казалось, вернулся к первозданному виду. Обдуваемый холодным бризом, Баллард ощущал, как под ногами вибрирует палуба. «Грозовая туча» на полной скорости шла на восток.

Глядя в точку, где кромка неба сходится с краешком океана, Баллард опустил сигару и сжал поручень так, что побелели костяшки пальцев. Ясным осенним днем горизонт казался ему краем света, заплыв за который корабль, словно призрак, уйдет в никуда. Баллард желал именно этого: выпасть из мира, порвать с ним.

И ведь ничто не мешало ему уйти прямо сейчас: спуститься на корму и броситься за борт. Его отсутствие заметит разве только стюард, и то вряд

ли – большую часть плавания Баллард провел, запершись в каюте, куда ему приносили еду.

Баллард чувствовал, как дрожит каждый мускул. Гнев, жалость, ужас и удивление напугали, напав одновременно. В то, что он здесь, посреди Атлантики, и обреченно плывет на восток, верилось с трудом. Баллард за годы работы спланировал массу заговоров и контрзаговоров, подготовился к любым невозможностям... но такого предвидеть не смог. Зато в его власти было убрать непредсказуемого агента Пендергаста, и если Васкез еще не закончил, то разберется с ним скоро, совсем скоро.

Но и это не утешало.

Краешком глаза Баллард заметил движение: в люке, подпрыгнув и покачиваясь, возникла стройная фигура стюарда.

– Сэр? Видеоконференция через три минуты.

Баллард откашлялся и сплюнул в далекую голубизну. Следом полетела сигара.

* * *

В маленькой каюте над клавиатурой сгорбился техник. И почему все техники – проныры с козлиными бородками? Этот, увидев хозяина, поспешно выпрямился, ударившись головой о потолок.

– Все готово, мистер Баллард. Только нажмите...

– Выйди.

Помощник вышел, и Баллард, заперев дверь, ввел пароль, дождался сигнала и ввел следующий. Экран ожил, разделившись на две половинки. На связь вышли его итальянский зам, Мартинетти, и Чейт.

– Как прошло вчера? – спросил Баллард.

Задержка с ответом подсказала, что дело провалено.

– Состоялась вечеринка, – доложил Чейт. – Гости принесли хлопушки.

Баллард кивнул. Отчасти он этого ожидал.

– Когда они узнали, что торта не будет, началась веселуха. Уилльямс свалил по делам, а за ним ушли и гости.

Значит, китайцы убили Уилльямса, потом словили пули и на свои задницы.

– Да, вот еще что: вечеринку нам обломали.

У Балларда перехватило дыхание. Кто, черт возьми, мог вмешаться? Пендергаст? Господи, Васкез транжирит время. Еще ни разу Баллард не

встречал человека столь же опасного. И если это Пендергаст, то как он узнал о встрече? Файлы в компьютере он вскрыть не мог, они слишком хорошо зашифрованы.

– Остальные добрались до дома благополучно.

Погруженный в раздумья, Баллард почти не слушал. Либо федералы поставили его телефоны на прослушку, либо запустили к нему в ближний круг стукача. Скорее всего первое.

– На дереве – птичка, – сказал Баллард.

В ответ на кодовую фразу прозвучала тишина. Проклятие, Балларду уже было почти наплевать. Он обратился к своему итальянскому заму:

– Мои вещи готовы?

– Да, сэр. – Человек говорил с трудом. – Могу я спросить, почему...

– Нет, черт побери, не можешь!

– Сэр...

– Не спрашивайте, не-спра-ши-вай-те. Я еду забрать свою вещь. Когда все будет закончено, вы – и никто вообще – никогда и ни с кем больше не заговорите о ней.

– Мистер Баллард, – побледневший Мартинетти сглотнул, дернув кадыком, – после всех трудов, что мы вложили в дело, и риска, которому мы подвергались, я имею право знать, почему вы закрываете проект. Поверьте, я говорю со всем уважением. Как исполнительный директор, я всем сердцем люблю компанию...

Баллард почувствовал испепеляющий гнев, такой сильный, что казалось, будто сам спинной мозг готов сгореть и превратиться в золу.

– Сукин сын, разве ты не понял, что я сказал?!

Мартинетти умолк. Глаза Чейта нервно бегали из стороны в сторону.

– Компания – это я, – продолжил Баллард. – И я знаю, что хорошо для компании, а что нет. Еще раз заикнешься об этом, и ti faccio fuore, bastardo. Я убью тебя, ублюдок.

Баллард знал: ни один уважающий себя итальянец не снесет подобного оскорбления. И не ошибся.

– Сэр, засим я прошу меня уволить...

– Так уходи, мать твою, уходи! Скатертью дорога.

Баллард врезал кулаком по клавиатуре, потом еще и еще. После пятого удара экран погас.

Баллард долго сидел в темноте. Раз федералы устроили в Патерсоне засаду, значит, они знали о передаче ракетных технологий. В другое время это показалось бы катастрофой, но сейчас он думал о другом. Так или иначе, федералы остались с носом, и «БАИ» чиста. Только Балларда это не волновало. Его ждали дела поважнее.

Федералы даже понятия не имеют о том, что происходит на самом деле. Вовремя он смотался. Гроув с Катфортом – а с ними, может, и Бекманн – умерли, как и следовало ожидать. А сам Баллард до сих пор жив.

Дыхание участилось. Господи, нужно на воздух... Баллард вышел за дверь, поднялся по ступенькам и вскоре уже снова любовался с мостика далеким горизонтом.

Если б он только мог уплыть за край, прочь из этого мира!..

Глава 40

Где-то заскрежетала рация, и д'Агоста оглянулся. Поначалу он ничего не увидел сквозь буйную зелень, но через несколько минут различил вдалеке серебристые проблески и синие вспышки. Наконец показался коп – вернее, голова и плечи, плывшие над папоротником-орляком. Заметив д'Агосту, полицейский повернул и направился в его сторону. Позади шли двое медиков, несущих синий пластиковый ящик для трупов. За ними еще двое в комбинезонах волокли тяжелые инструменты. Шествие замыкал фотограф.

Полицейский наконец продрался сквозь последний куст и подошел – маленький, серьезный сержант полиции города Йонкерс.

– Вы Пендергаст?

– Да, сержант Баскин, рад познакомиться.

– Хорошо. Это та могила?

– Да.

Пендергаст достал из кармана пиджака бумаги. Сержант скрупулезно изучил их, расписался, забрал копии и вернул оригиналы.

– Простите, я должен удостовериться...

Пендергаст и д'Агоста показали значки.

– Прекрасно. – Полицейский обернулся к рабочим в комбинезонах, занятых разгрузкой инструментов. – Приступайте, парни.

Те живо приподняли плиту ломиками и отволокли ее в сторону. Граблями расчистив пространство вокруг могилы, они расстелили несколько больших грязных брезентовых полотен. Затем по квадратам очистили дернорезами землю от травы, которую пластами сложили на брезент.

– Ну и как же вы нашли Бекманна? – обратился д'Агоста к Пендергасту.

– То, что он мертв, я знал с самого начала. Оставалось решить, был ли Бекманн бездомным или умалишенным – другой причины, почему никто не смог найти его через Интернет, я не видел. Узнать больше оказалось трудной задачей даже для Майма, моего помощника, который, как я уже говорил, наделен талантом выискивать информацию по едва заметным следам. В конце концов мы выяснили, что Бекманн провел последние годы жизни на улице, порой называясь вымышленными именами. Он колесил на велосипеде по Йонкерсу и его окрестностям, останавливаясь в ночлежках и приютах для бездомных.

Расправившись с дерном, рабочие принялись копать по очереди. Медики, покуривая, болтали в стороне. Вдалеке вновь прогремел гром, и по листьям защелкал легкий дождик.

– Судя по всему, начало жизни у нашего мистера Бекманна было многообещающим, – продолжал Пендергаст. – Отец – дантист, мать – домохозяйка. Он блестяще учился в колледже, однако еще в юности пережил смерть обоих родителей. Окончив учебу, Бекманн, похоже, не знал, чего, собственно, хочет. Какое-то время он скитался по Европе, затем, вернувшись в Штаты, стал торговать артефактами. Пристрастие к спиртному постепенно перетекло в алкоголизм, но Бекманна, скорее, одолевали проблемы душевные, нежели телесные – ведь он так и не нашел места в жизни. Тот многоквартирный дом, – Пендергаст указал на одну из окружающих погост развалин, – стал его последним прибежищем.

Землекопы, будто машины, равномерно расширяли и углубляли бурую пасть могилы.

– Как он умер?

– В свидетельстве о смерти записано, что его убили метастазы рака легких. Но мы узнаем правду, осталось недолго.

– Так вы думаете, он умер не от рака?

– Я привык сомневаться, – сухо улыбнулся Пендергаст.

Лопата чиркнула по гнилому дереву. Рабочий опустился на колени и строительным мастерком стал убирать землю с плоской крышки.

Покойного погребли не глубже чем на три фута – так похоже на государство, привыкшее экономить на всем, даже на мертвых.

– Фотограф, – позвал местный сержант.

Рабочие выбрались из могилы и подождали, пока фотограф, наклонившись над ямой, сделает несколько снимков под разными углами. Затем, вновь спрыгнув в могилу, они размотали нейлоновые ленты и пропустили их под днищем гроба.

– О'кей. Поднимайте.

Гроб вытащили на поверхность, уложили его на брезент. Сильно запахло сырой землей.

– Открывайте. – Сержант Баскин явно не страдал многословием.

– Прямо здесь? – удивился д'Агоста.

– Таковы правила. Надо проверить и убедиться.

– Убедиться в чем?

– В том, что совпадают возраст, пол, общее состояние... И вообще, лежит ли в гробу тело.

– Сержант дело говорит, – подтвердил один из рабочих. – Мы в прошлом году выкопали жмурика в Пелхаме. И знаете, что нашли внутри?

– Что?

– Двоих жмуриков: мужика с обезьяной. Никак мафия замочила шарманщика! – Рабочий захохотал, будто залаял, и пихнул локтем приятеля. Тот тоже засмеялся, и они занялись крышкой. Гнилого дерева надолго не хватило, и как только под напором зубил крышка отошла в сторону, наружу вырвался сильный запах гниения, плесени и формальдегида. Д'Агоста подался вперед: в нем нездоровое любопытство боролось с тошнотой, от которой ему всегда было трудно избавиться.

Серый свет, смягченный легким дождиком, проникал в гроб, высвечивая труп.

Тот лежал, скрестив руки на груди, на гниющей подстилке. Разлагаясь, тело стало похожим на сдутый шар, как будто воздух покинул его вместе с жизнью, оставив лишь кожу обтягивать кости. Сквозь истлевший костюм проступали колени, локти и таз. Ногти выпали, сквозь сочащиеся слизью кончики пальцев выглядывали кости. Вместо глаз на

д'Агосту смотрели две темные впадины. Провалившиеся губы искривились, будто покойник рычал.

Коп наклонился, изучая тело.

– Мужчина европеоидного типа, около пятидесяти… – Он достал рулетку. – Ровно шесть футов, каштановые волосы. – Сержант выпрямился. – Вес, кажется, совпадает.

«Вес совпадает», – подумал д'Агоста и глянул на Пендергаста.

Останки почти сгнили, но было видно сразу: Бекманна не постигла страшная, жестокая судьба Гроува и Катфорта.

– Отвезите его в морг, – пробормотал Пендергаст.

Коп посмотрел на него.

– Нужно произвести полное вскрытие, – пояснил Пендергаст. – Я хочу знать, от чего он умер на самом деле.

Глава 41

Брайс Гарриман вошел в кабинет Руперта Криса, главного редактора «Пост». Мерзкий, похожий на грызуна начальник встретил его, стоя за невероятно огромным столом.

– Брайс, красавчик! – Клиновидное лицо босса расколола ухмылка. – Садись!

Своим высоким голосом Крис как будто рубил собеседника. Со стороны могло показаться, что он глуховат, но его уши, похожие на ушки грызуна, улавливали легчайший шепоток из самого далекого уголка. Стоило какому-нибудь редактору в гудящем отделе новостей за двести ярдов от Криса назвать шефа по кличке, и насмешника тут же лишали работы. Несчастный и сделал-то – заменил гласную в фамилии босса, но Криса это здорово бесило. Скорее всего, решил Гарриман, главный прошагал по жизни с этим прозвищем от самого детства и обиды не забыл. Крис не нравился Гарриману, как не нравилось почти все в «Нью-Йорк пост». Работа здесь вызывала у него физическое отвращение.

Гарриман поправил галстук, попытался удобнее устроиться на жестком деревянном стуле. Этот стул у штатных репортеров считался орудием пыток. Редактор вышел из-за стола и, присев на его край, закурил «Лаки страйк». Он наверняка считал себя крутым парнем старой закалки – из тех, кто способен перепить любого, грубит всем и каждому и дымит как паровоз. То, что с недавних пор курение на рабочем месте признано незаконным, его, похоже, ничуть не смущало. У таких начальников в ящике стола обычно припрятана бутылка дешевого виски и рюмашка. В

черных полиэфирных брюках, поношенных туфлях и синих носках Крис олицетворял то, чем Гарримана с детства пугали родители. Стараниями семьи юный Гарриман отправился в частную школу и получил образование «Лиги плюща»[39]. Однако же начальник – Крис…

– Статья о Менке – просто песня. Чертовски сладкозвучная песня.

– Спасибо, сэр.

– Признавайся, тебя озарило? Перехватить нужного человека за день до отъезда на Виргинские острова…

– На Галапагосские.

– Один хрен. Скажу честно: прочитав статью в первый раз, я чуть не сблевал. Мало мне было бреда в духе секты нью-эйджеров. Но ты зацепил читателя: продажи выросли на восемь процентов.

– Здорово, сэр.

В «Пост» только о продажах и говорили, а в «Таймс», где Гарриман работал прежде, слово «продажи» считалось ругательством.

– Здорово? Да я тащусь! Заманить читателя – от репортажа большего и не требуется. Пора бы осознать это всем шутам, которые корчат из себя репортеров.

Пронзительный голос, словно коса, взрезал воздух по широкой дуге и взмыл выше, в отдел новостей. Гарриман поерзал.

– Ты нашел этого типа, фон Менка, и не дал истории с дьявольскими убийствами затухнуть. Поручаю ее тебе. Пока остальные агентства занимались онанизмом, дожидаясь новых убийств, ты просто взял и сделал новости.

– Спасибо, сэр.

Крис одной затяжкой докурил сигарету и, бросив окурок на пол, придавил его мыском ботинка. Гарриман насчитал двадцать один аккуратно приплюснутый бычок.

Редактор с присвистом выдохнул дым и закурил новую сигарету, оглядывая сотрудника с головы до пят.

Гарриман снова поерзал. Что-то не так с его внешним видом? Быть не может: университет с первых дней научил его выглядеть должным образом. И уж не Крису судить о его внешнем виде.

– Этой историей занялись «Нэшнл инкуайрер», «Ю-Эс-Эй тудэй», «Реджис» и «Гуд дэй, Нью-Йорк». Ты хорошо поработал. По сути, так

хорошо, что тебя следует перевести спецкором в отдел криминальных новостей.

Не ожидавший подобного, Гарриман еле совладал с лицевыми мускулами: не хватало только сидеть и улыбаться, как идиот.

– Спасибо большое, мистер Крис, – кивнул он. – Правда, сэр, большое спасибо.

– И еще: репортер, сумевший поднять продажи на восемь процентов, достоин поощрения. А поощрение означает прибавку в десять тысяч долларов – немедленно.

– Еще раз спасибо.

С плохо скрываемой забавой главный редактор оглядывал Гарримана с ног до головы, задерживая взгляд на галстуке, рубашке в полоску, на туфлях.

– Я уже сказал, что твоя история зацепила читателя. Благодаря тебе кучка нью-эйджеров и повернутых на Судном дне психов тусуется в парке напротив дома, где жил Катфорт.

Гарриман кивнул.

– Но этого мало. Пока. Они жгут свечи, поют свои песенки… только сопливых эльфов с крылышками не хватает. Теперь нам нужно написать продолжение. Во-первых, историю об этих ребятах. Серьезную статью, заслуживающую доверия. Статью, прочитав которую остальные придурки захотят присоединиться к их ежедневным встречам. Если все правильно подать, накапает приличная толпень. Можно даже имитировать телесъемку. А что, вдруг да соберем целую демонстрацию?! Понимаешь, к чему я? У нас в «Пост» правило, я уже говорил: не сидеть и не ждать чего-то, а взять это что-то и сделать.

– Да, мистер Крис.

Босс посмотрел на Гарримана сквозь свежее облачко дыма.

– Позволь дружеский совет? Между нами…

– Конечно.

– Выбрось ты свой паршивый галстук и дешевые мокасины. Смотришься, как чертов таймсовский репортер. Ты – в «Пост». Я на все сто уверен, что ты не хочешь назад, к этим тупицам, у которых очко играет, правда? Теперь иди и возьми интервью у каждого психа с Библией в руках. Нащупал нерв – дави на него, не дай истории рассосаться. И добавь персонажей поколоритнее. Найди мне лидера этого сброда.

– А если его нет?

– Создай сам, возведи на пьедестал, повесь медаль на грудь. Чую, заварилось нечто крупное. И знаешь что? За тридцать лет нюх не подвел меня ни разу.

– Да, сэр. Спасибо, мистер Крис. – Гарриман постарался, чтобы в голосе не проскользнуло презрение.

Он даст Крису то, чего тот просит, но сделает это по-своему.

Крис глубоко затянулся, и сигарета, зашипев, засвистела. Оставшийся бычок начальник бросил на пол и затоптал. Откашлявшись, он улыбнулся, обнажив ряд неровных зубов – желтых, как спелые кукурузные зерна.

– Порви их всех! – загоготал Крис.

Глава 42

Васкез задумчиво прожевал кусок вяленой говядины с зеленым перцем чили и запил водой. Вернувшись к кроссворду в лондонской «Таймс», поразмыслил, затем стер одно слово и отложил газету.

Им завладела легкая ностальгия – как всегда перед концом операции. Скоро все, что он придумал и приготовил в этом маленьком уютном мирке, станет достоянием истории, и его приберут к рукам полиция и фотографы. В то же время Васкез смотрел вперед, туда, где ждали солнце, свежий воздух и шум прибоя. Как ни странно, даже снаружи киллер не чувствовал той свободы, той жизни, которые ощущал здесь, в каморке, согнувшись в три погибели – на грани убийства.

Васкез перепроверил оборудование: глянув в прицел, чуть подрегулировал его с учетом ветра, поправил пламегаситель. Осталось всего несколько минут. В магазине – четыре патрона, в патроннике – пятый, но потребуется только два. Васкез снова переоделся в рвань.

Без пяти час. Киллер с тоской оглядел «гнездышко», все, что ему предстояло бросить. Кроссворд закончить уже не удастся.

Убийца прильнул к прицелу. Минуты шли.

И снова открылась дверь на крыльце. Васкез замедлил дыхание, замедлил ритм сердца. В перекрестии появились голова и плечи Пендергаста. Дворецкого не видно – тот, наверное, остался в прихожей. Однако Пендергаст с кем-то говорил, глядя на дверь, значит, слуга на месте. Тем лучше: нестандартный выстрел в затылок только спутает карты экспертам.

Васкез задержал дыхание, поймал момент между ударами сердца, прижавшись к бугристому прикладу щекой, и медленно спустил курок. Винтовка дернулась; вспышка, в которой ушла первая пуля, еще не погасла, а Васкез прицелился и выстрелил снова.

Первый выстрел он положил безупречно. Пуля развернула жертву, как и было задумано, а долей секунды позже вторая пуля, войдя прямо над ухом, взорвала голову. Пендергаста отбросило в тень дверного проема, и Васкез его больше не видел.

С плавностью, выработанной годами, киллер собрался: не выключая света, забросил винтовку и лэптоп в спортивную сумку, перекинул ее через плечо и аккуратно нацепил прибор ночного видения, чтобы найти дорогу в темноте здания. Вернув на окно заслонку, он подошел к двери и винтовертом вывернул четыре шурупа. Отодрав скотч, тихо открыл дверь и скользнул в коридор.

Вспышка света ослепила Васкеза. Он сдернул прибор со лба и уже потянулся за пистолетом в наплечной кобуре, однако фигура в коридоре двигалась слишком быстро. Страшный удар вдавил еще не прозревшего Васкеза в стену, пистолет отлетел в сторону.

Васкез дико взмахнул руками, но едва коснулся противника, и тот ошеломил убийцу, врезав ему по ребрам. Киллер ударил снова и на этот раз крепко задел нападавшего. Это был саутгемптонский коп. Взбешенный Васкез выхватил нож и прыгнул на противника, целясь в сердце. Внезапно в предплечье ударили ногой, и послышался треск. Васкез упал. Его тут же прижали.

Коп сел на киллера сверху. А за слепящим светом фонаря стоял он. Пендергаст. Человек, которого Васкез убил.

Васкез уставился на фэбээровца, перебирая в памяти факты.

Ловушка. Они знали, что происходит. С самого начала. Васкез подстрелил искусный муляж. Матерь Божья.

Он провалился. Провалился.

Пендергаст, хмурясь, низко склонился над Васкезом. Глаза федерала вдруг расширились, будто он что-то понял.

– Во рту! – выкрикнул Пендергаст.

Д'Агоста сунул Васкезу меж зубов деревянный предмет, будто собаке или эпилептику. Поздно, подумал Васкез, а в сломанном предплечье уже росла боль. В руке он и хранил цианид. В мизинец, отстреленный много лет назад, киллер зашил иглу. Он плотно вжал искусственный кончик

пальца в ладонь. Ампула треснула, и наемник ввел иглу под кожу. Боль умерла. Вверх по руке поползло онемение.

«Я провалюсь только в день своей смерти...»

Глава 43

Такси остановилось у «Хелмсли-палас».

Д'Агоста обежал автомобиль, чтобы открыть дверцу для Хейворд, которая, выбравшись, оглянулась на восхитительные фигурно подстриженные деревья, украшенные светом, и на барочный фасад самого «Хелмсли-палас».

– Так мы ужинаем здесь?

– «Ле-Сек», – кивнул д'Агоста.

– Бог мой, когда я сказала «хороший ресторан», я имела в виду вовсе не это.

Взяв капитана под руку, д'Агоста повел ее к двери.

– Почему бы и нет? Серьезные отношения и начинать надо серьезно.

«Ле-Сек» был, возможно, самым дорогим рестораном в Нью-Йорке, а Хейворд начинала чувствовать себя неуютно, если мужчина тратил на нее кучу денег. Словно бы ее покупали. Впрочем, сейчас все было иначе. Винни д'Агоста лишь показывал, что для него значат их отношения. Выходит, для него это всерьез и надолго.

«Всерьез и надолго...» Смешно, право слово, ведь это их первое с д'Агостой свидание. Он еще не развелся, у него в Канаде жена и сын. Правда, мужчина он интересный и, черт возьми, отличный коп. «Расслабься, – подумала Хейворд, – и пусть все идет как идет».

В этот субботний вечер ресторан оказался переполнен. Хейворд с д'Агостой встретил метрдотель – из тех, которые внешне пытаются угодить и чуть не лижут ботинки, не забывая, однако, выказывать, что все это именно *внешне*. Метрдотель с сожалением сообщил: да, столик заказан, но еще не готов. Если дорогие гости соизволят подождать в уютном баре, приготовления займут всего тридцать минут. Ну самое большее – сорок.

– Простите, – угрожающе переспросил д'Агоста, – вы сказали: сорок минут?

– У нас сегодня большая вечеринка... Я посмотрю, что можно сделать.

– Посмотрите? – Улыбнувшись, д'Агоста на шаг приблизился к метрдотелю. – Или сделаете?

– Сделаю все, что в моих силах, сэр.

– Не сомневаюсь, что в ваших силах приготовить столик за пятнадцать минут. И я уверен, вы это сделаете.

– Конечно. Само собой, сэр. – Метрдотель полностью сдал позиции. – А через минуту, – перешел он на искусственно высокий, звонкий голос, – к вашему столику подадут бутылку шампанского, подарок от «Хелмсли-палас».

Д'Агоста взял Хейворд под руку и повел ее в бар, где разброс неоновых огней показался Хейворд решением «цирковой»[40] темы ресторана. Посидеть здесь – но никак не засиживаться – будет, наверное, мило.

Едва они присели за стойкой, как метрдотель принес меню, два бокала и бутылку охлажденного шампанского «Вдова Клико».

– Лихо ты с ним управился, – засмеялась Хейворд. – Очень эффектно?

– Какой же из меня коп, если я не могу запугать какого-то там официанта?

– Думаю, он намекал на чаевые.

– Серьезно? – опешил д'Агоста.

– Но ты отлично справился и заодно сэкономил.

– В следующий раз дам ему пятерку.

– Это будет даже хуже, чем ничего. Чаевые здесь от двадцати долларов.

– Боже, куда податься бедному копу? – Он поднял бокал. – Выпьем?

Хейворд подняла свой.

– За... – Д'Агоста задумался. – За полицию Нью-Йорка.

Хейворд испытана облегчение – она боялась, что д'Агоста выпьет совсем за другое.

Чокнулись.

Хейворд потягивала шампанское, пока д'Агоста изучал меню. Казалось, он слегка похудел с той встречи в апартаментах Катфорта. Похоже, он не шутил, сказав, что ежедневно ходит в спортзал. В спортзал и в тир на Тридцать третьей улице. Присмотревшись к д'Агосте – к его твердой, гладко выбритой челюсти, черным как смоль прядям волос и мягким карим глазам, – Хейворд подумала, что у него приятное лицо, очень приятное. Таких истинно достойных людей в Нью-Йорке найти сложно. Он сохранил старомодные ценности. Он крепкий, добрый, устойчивый,

но и не скучный, как он сам вдруг обнаружил три дня назад, той ночью у нее в кабинете…

Поняв, что краснеет, Хейворд спрятала лицо за меню. Она скользнула взглядом по списку главных блюд и ужаснулась: самое дешевое – фаршированный черный каменный окунь – стоило тридцать девять долларов. А самая дешевая закуска – двадцать три, и это за тушеные свиные копытца (благодарим покорно, не надо). Хейворд тщетно искала что-нибудь дешевле двадцати долларов и остановилась наконец на разделе десертов. Первое же попавшееся на глаза блюдо – пончик! – стоило десять долларов. Что ж, выхода не было, и Хейворд, сглотнув, стала выбирать, стараясь при этом не складывать в уме цены.

Винсент просматривал карту вин. Он ничуточки не побледнел, с виду даже наоборот – входил в раж.

– Красное или белое?

– Думаю заказать рыбу.

– Значит, белое. Шардонне. – Закрыв меню, он улыбнулся. – Здорово, правда?

– Отродясь не ходила в такие рестораны.

– Если честно, я тоже.

Через пятнадцать минут, когда столик наконец был готов и шампанского оставалось половина бутылки, Хейворд уже лыка не вязала. Метрдотель усадил их в первом зале – просторном помещении, пышно украшенном в духе Второй империи[41]. Сверкали позолотой молдинги, в высоких окнах, чуть прикрытых шелковыми парчовыми занавесками, отражался свет хрустальных люстр. Как ни странно, подвесное неоновое освещение и цветочные композиции лишь усилили общий эффект. Настроение портила только шумная компания по соседству – люди собрались явно из крайних районов, судя по акценту, из Куинса. «Ну будет тебе, – подумала Хейворд.»

Д'Агоста сделал заказ. Он продолжал удивлять Хейворд – она поразилась, как уверенно держался Винсент.

– Откуда ты столько знаешь о кулинарии?

– Шутишь? – ухмыльнулся д'Агоста. – Да я половину слов позаимствовал из меню. Просто импровизировал.

– Ну вот, а я повелась.

– Так на мне сказывается общество Пендергаста.

Она слегка пихнула его локтем.

– Эй, а вон там не Майкл Дуглас? В углу.

– Так и есть, – обернулся д'Агоста. – Только он какой-то завернутый и не в духе.

Хейворд кивнула.

– О-о, кого я вижу…

В тихом уголочке одинокая женщина макала в большое блюдо с кетчупом картофель-фри, поглощая закуску с видимым удовольствием.

– Лицо какое-то знакомое, – пригляделся д'Агоста. – Кто это?

– Ты с Луны свалился? Это же Мадонна.

– Правда? Она что, покрасила волосы?

– Не-ет, тебе надо описать эту сцену в книге. Получится здорово.

– Книг больше не будет.

– Почему? Ты написал два хороших романа, мне понравилось. У тебя талант.

– Талант талантом, но что делать, если нет хватки?

– Какой хватки?

– Коммерческой. – Д'Агоста потер большой палец об указательный.

– Винни, знаешь, сколько писателей не могут добиться публикации? А у тебя целых две книги. Ты не можешь вот так взять и все бросить.

Винсент покачал головой.

– Кажется, я предупреждал, что не люблю говорить на эту тему?

– Хорошо, если хочешь, оставим. Пока. Но вот такой вопрос – ты уж извини, но я спрошу, – как Пендергаст узнал, про того… как его там, Васкез? В общем, как он узнал, что за ним охотится киллер? Интерпол гонялся за ним десять лет, да и Васкез профи, каких, наверное, еще не было.

– Я сам едва поверил. Но когда Пендергаст объяснил, все стало ясно. За покушением стоит Баллард, вне всяких сомнений. Сначала он послал двух убийц за мной, и те провалились. Пендергаст вычислил, что Баллард в спешном порядке покидает страну и не потерпит, если кто-то станет мешать. Следовательно, он предпримет еще одну попытку убийства – теперь против Пендергаста. Тогда наш фэбээровец

представил себя на месте киллера, и ответ пришел сам собой: наемник займет позицию в свободном доме напротив, через дорогу. Сразу после допроса Балларда Пендергаст стал в телескоп осматривать заколоченные окна того здания, нашел свеженькое отверстие в листе фанеры и – в яблочко! Вот тогда он и посвятил меня в свои планы. Далее Пендергаст расписал свой день так, чтобы навязать киллеру нужный момент.

– Каким нужно быть смельчаком – выходить из дома под прицелом снайпера!

– Дома оставался Проктор и следил в телескоп за окном киллера. Один раз Пендергаст попросил меня в критический момент выстрелом сбить уличный фонарь. Тогда-то Пендергаст и засек Васкеза. Понял, что тот упустил возможность и повторит попытку на следующий день. И вот в последнюю ночь мы приготовили манекен, так чтобы видны были только голова и плечи. Проктор отлично с ним справился.

– Но зачем было рисковать? Вы могли пойти и взять киллера заблаговременно.

– У нас не было доказательств. А кроме того, убийца замуровал себя так, что пока мы ломились бы к нему, он бы уже ускользнул. Ты сама сказала, он был профи. И уж конечно, он оказал бы сопротивление. Оставался единственный слабый момент – когда он будет уходить. И мы ждали.

– Это многое объясняет, – кивнула Хейворд.

– Плохо только, что Васкез покончил с собой.

Сразу три официанта поднесли первое. Следом появился сомелье и наполнил бокалы, а четвертый официант налил в другие бокалы воды.

– Моя очередь спрашивать, – сказал д'Агоста. – Как ты стала капитаном? В смысле, очень быстро?

– Говоришь так, словно я совершила чудо. Просто следила за ходом событий, потом окончила Нью-Йоркский университет и сдала на магистра судебной психологии. Степень сейчас очень помогает. Ну и конечно, не помешало и то, что я – женщина.

– Компенсационная дискриминация?

– Скорее уж запоздалая компенсация. Многие из нас поднялись, когда комиссар Рокер снял гирю притеснения с женщин-полицейских. Тут же выяснилось, что в полиции нет женщин в чине старшего офицера – дискриминация там была всегда, – и нас в панике начали продвигать. Я

оказалась в нужном месте, в нужное время, с нужными результатами теста и рекомендациями.

– Значит, амбиции и талант здесь ни при чем?

– Я бы так не сказала, – улыбнулась Хейворд.

– Я тоже. – Винсент отпил вина. – Где ты выросла?

– В Мейконе, штат Джорджия. Мой отец был сварщиком, мама – домохозяйкой. Старший брат погиб во Вьетнаме, под огнем своих же войск. Мне тогда только восемь исполнилось.

– Прости.

Хейворд вздохнула.

– Родители так и не оправились. Через год умер папа, а еще через год – мама. Оба от рака, хотя я думаю, в могилу их свело горе. Они ведь гордились братом, он был их отрадой.

– Да, представляю.

– Так что меня воспитывала бабушка, в Айслипе. Она просто чудо, но все равно я поняла, как одинока в этом мире, и, случись что, никто никому не надерет за меня задницу. Пришлось учиться стоять за себя самой.

– У тебя хорошо получается.

– Это все игра.

– Ты правда хочешь стать комиссаром? – помолчав, спросил д'Агоста.

Улыбнувшись и не ответив, Хейворд подняла бокал.

– Молодец, что вернулся, Винни.

– Так выпьем за это. Не представляешь, как мне не хватало Нью-Йорка.

– Нигде в мире полицейским не работается так здорово.

– Если б я знал и ценил это тогда, когда служил лейтенантом, во время убийств в музее… Я-то думал, хорошо бы сменить город на пригород, дышать свежим воздухом, слушать птиц, наблюдать, как листья меняют цвет. Я хотел каждое воскресенье ходить на рыбалку. Но знаешь, рыбалка – это такая скучища. Птицы не дают выспаться, а вместо роскошного ресторана приходится довольствоваться дешевой забегаловкой в Радиум-Хот-Спрингс.

– И там по цене здешних пончиков ты можешь накормить семью из четырех человек?

– Ну да. Только кому захочется жареное куриное филе за девять баксов, когда за сорок один можно заказать филе утки, присыпанное красным перцем?!

– Вот за это я и люблю Нью-Йорк, – рассмеялась Хейворд. – Здесь все ненормально, все вверх тормашками. Здесь мы ужинаем в одном зале с Мадонной и Майклом Дугласом.

– В Нью-Йорке можно свихнуться, зато никогда не бывает скучно.

Хейворд отпила вина, и тут же подбежал официант – заново наполнить ее бокал.

– А город Радиум-Хот-Спрингс существует на самом деле? Уж больно диковинное название.

– Можешь поверить, я там бывал.

– Какой он из себя?

– Между прочим, место неплохое. Маленький городок, домашние нравы. Канадцы вообще дружелюбны. Но дома все равно лучше. Я жил как в изгнании, понимаешь? И там было чертовски тихо. Птицы своим щебетанием меня чуть с ума не свели: я никак не мог сосредоточиться. Господи, представь твердую как скала нью-йоркскую пробку в пятницу вечером: тянется от реки до реки, и ревет, ревет… Вот она, музыка жизни!

Хейворд рассмеялась. Тем временем суетливые официанты в белых перчатках подали горячее.

– К этому определенно можно привыкнуть. – Откинувшись на спинку стула, д'Агоста отправил в рот большой кусок утиного филе и жадно запил его вином.

Хейворд посмаковала кусочек приготовленного на пару морского конька. «В жизни не ела ничего вкуснее!»

– Ты умница, Винни, – улыбнулась она. – Настоящий умница.

Глава 44

В Йонкерсском морге д'Агоста был впервые. В воздухе витало нечто болезненно и неуловимо знакомое. По крайне мере от резкого запах спирта, формальдегида и бог знает какой еще химии в голове чуть прояснилось.

Накануне д'Агоста с Лаурой Хейворд до половины двенадцатого просидели в ресторане. По совету сомелье он взял шато д'Икем 1990-го.

Роскошество съело недельное жалованье, но д'Агоста не пожалел. Такого вкусного вина он ни разу не пробовал.

Вообще вечер прошел замечательно. А наутро – трагедия. Пришлось ехать в Йонкерс.

От смеси запахов гниения и формалина, от выскобленных столов и дверок холодильных камер, от жутковатого вида санитара – от всего этого д'Агоста сумел отвлечься и сосредоточил внимание на старом мраморном столе в центре зала, где в круге света лежал труп. Звезда шоу. Труп успели вскрыть; точнее, разобрать на части. Аккуратно разрезанные органы и еще что-то темное, бесформенное разместили в пластиковых контейнерах.

На сосуды с органами д'Агоста не смотрел, хоть дурноты и не чувствовал. От Бекманна пахло больше землей, чем гнилым мясом, которого осталось-то всего ничего.

Седоватый доктор в сползших на нос круглых очках просматривал записи.

– Ну-ну, – раздраженно бормотал он. – Ну-ну.

Пендергаст стервятником кружил вокруг стола.

– В заключении причиной смерти назван рак легких.

– Знаю, – ответил доктор. – Я наблюдал Бекманна, еще когда он был жив. А сегодня – по вашей, кстати, просьбе – приходится наблюдать его мертвым. – От обиды голос доктора надломился.

– Спасибо, что пришли.

Доктор сдержанно кивнул.

– Я произвел полное вскрытие. Вот результаты из лаборатории. Что конкретно вы хотели узнать?

– Прежде всего действительно ли это тело Ренье Бекманна?

– Несомненно. Данные зубной карты подтверждают факт.

– Отлично. Тогда продолжим.

– Я суммирую первичные записи и диагноз. – Доктор перевернул несколько листов на планшете. – Четвертого марта тысяча девятьсот девяносто пятого года Ренье Бекманна с симптомами рака доставили в больницу «Скорой помощи». Тесты выявили позднюю стадию мелкоклеточной карциномы легких с метастазами по всему организму. Случай безнадежный. Общий отказ органов был неизбежен. Пациент скончался через две недели в стенах больницы.

– Вы уверены, что он умер именно в больнице?

– Да. Я наблюдал Бекманна до самой его смерти.

– И вы так четко помните события десятилетней давности?

Доктор посмотрел на Пендергаста поверх очков.

– Четче некуда.

– Продолжайте.

– Я провел анализ в два этапа. Во-первых, проверил собственное первичное заключение о причине смерти. Без вскрытия – это стандартная процедура. За обычное вскрытие государство не заплатило бы. Ведь родные Бекманна не искали, и следов насилия я не обнаружил.

Пендергаст кивнул.

– Во-вторых, по вашему запросу я постарался выявить необычные патологии: следы ран, ядов и тому подобное.

– И результаты…

– Подтвердили, что Бекманн умер от общего отказа легких, вызванного раком.

Пендергаст пристально посмотрел на доктора.

Доктор этот взгляд выдержал и спокойным голосом продолжил:

– Основная опухоль размером с грейпфрут находилась в левом легком. Метастазы были в почках, печени и в мозгу. Удивительно, что Бекманн не обращался за помощью. Должно быть, чудовищная боль не позволяла ему двигаться.

– Продолжайте, – тихо попросил Пендергаст.

– Помимо рака, у пациента обнаружились: развитый цирроз печени, порок сердца и букет хронических симптомов, указывающих на алкоголизм и недостаточное питание.

– И?..

– И все. Присутствия ядов или наркотиков не обнаружено. Никаких видимых ран. По крайней мере тех, которые можно выявить у забальзамированного покойника, десять лет пролежавшего под землей.

– А следов горения?

– Горения? Что вы имеете в виду?

– Никаких признаков того, что пациент перед смертью испытал воздействие высокой температуры?

– Абсолютно никаких. Горение вызвало бы массу очевидных изменений клеток. Я просмотрел тридцать, если не сорок, образцов тканей данного трупа. Ни один ничего подобного не показал. Мистер Пендергаст, ваши вопросы ставят меня в тупик.

Не повышая голоса, агент ФБР заговорил вновь:

– Мелкоклеточный рак легких почти в ста процентах случаев вызывается курением. Я прав, доктор?

– Правы.

– Значит, Бекманн совершенно однозначно умер от рака? – с легким скепсисом в голосе спросил Пендергаст.

Раздраженный доктор схватил со стола бурую податливую массу и ткнул ею в лицо Пендергасту.

– Вот. Не верите мне – поверьте этому! Дотроньтесь, почувствуйте опухоль. Бекманна убила она. Это так же верно, как то, что я стою перед вами!

* * *

К машине они шли в молчании. Пендергаст скользнул за руль – сегодня фэбээровец вел сам.

«Роллс-ройс» выехал с парковки. Когда скопление домов Йонкерса осталось позади, агент заговорил:

– Что скажете, Винсент? Порадовал ли вас Бекманн красноречием?

– Порадовал – и красноречием, и вонью.

– Признаюсь, рассказ Бекманна меня удивил. Надо отправить доктору благодарственное письмо. – Фэбээровец вдруг развернул машину.

– Разве мы не возвращаемся в Нью-Йорк? – спросил д'Агоста.

Пендергаст покачал головой.

– Джереми Гроув умер две недели назад. Неделя прошла со смерти Катфорта. Мы прибыли в Йонкерс за ответами и без них не уедем.

Глава 45

Автобус медленно, рывками продвигался по бесконечному наклонному тоннелю, выложенному белой плиткой. Наконец полумрак закончился, и преподобный Уэйн П. Бак увидел, как за перекрестьем стальных балок в чистом солнечном свете чернеют прокопченные жилые здания и

вспышками мелькают небоскребы. Накренившись, автобус въехал в следующий тоннель и снова остановился.

«Нью-Йорк», – подумал преподобный Уэйн П. Бак. Он переживал неописуемую гамму эмоций: возбуждение, страх, покорность и ощущение неведомого врага. Такие же чувства владели им и в день, когда он освободился из тюрьмы, отсидев девять лет за убийство второй степени. А до того Бак прошел медленный, долгий путь по наклонной. Не успевал устраиваться на работу, как его увольняли. Бак ушел в запой; начал с хулиганства, потом стал угонять машины, потом ограбил банк. Одним утром все вообще пошло наперекосяк и закончилось тем, что Бак застрелил кассира в магазине. Бедного, невинного человека.

Автобус натужно полз вперед, а в памяти вставали картины ареста, суда, приговора на срок двадцать два года. Долгий путь в наручниках по утробе тюрьмы и почти забытый период мрака.

А затем – обращение. В тюрьме Бак родился во второй раз. Как Иисус поднял блудницу Марию Магдалину, так Он поднял алкоголика и убийцу – человека, от которого отвернулись все, даже семья.

Спасенный Бак стал читать Библию, снова и снова, от корки до корки. Понемногу начал проповедовать: там сказал доброе слово, здесь протянул руку помощи. Организовал семинар – и постепенно обрел уважение и доверие заключенных. Вскоре Бак большую часть своего времени посвящал спасению душ. Да еще – шахматам. В тюрьме больше и делать-то было нечего. Не читать же журналы – оплоты материализма, и не смотреть телевизор, по которому шло все самое худшее. В книгах – во всех, кроме Библии – лишь богохульство, насилие и разврат.

Приближалось досрочное освобождение, и Бак все отчетливее понимал, что пастырством в тюрьме он на самом деле готовился к некой великой миссии, а цель Бог откроет ему позже. На воле Бак странствовал вдоль границы между Калифорнией и Аризоной от одного городка к другому. Он проповедовал, целиком полагаясь на Господа – Тот одевал его и кормил. Круг чтения Бака расширился: сначала Беньян, потом святой Августин, а затем и Данте в переводе. И всегда, всегда Бак ждал зова от Бога.

И вот наконец знак. Цель открылась, но кто мог подумать, что Бог направит преподобного в Нью-Йорк, в средоточие грехопадения и зла, рядом с которым Вегас и Лос-Анджелес – бледные тени?! Тогда красота Божьего замысла открылась Баку. Святого Павла Господь послал в Рим – в черное сердце язычества, а Уэйна П. Бака Он отправил в Нью-Йорк.

Автобус по-прежнему ехал рывками, головы пассажиров качались в унисон. Путь шел вверх по бетонной спирали, огороженной паутиной

стальных балок, и преподобный представил себе круги Дантова ада. Автобус нырнул в темноту. Донеслась вонь дизеля, и, словно демоны, зашипели пневматические тормоза. Кажется, прибыли. Но прибыли на станцию, какой Бак не видел от роду и даже не мог вообразить.

Двери открылись, и в салон ворвался свежий воздух.

Бак сошел. Остальным пришлось дожидаться багажа, но преподобный был человеком свободным, без денег, без имущества, совсем как шесть лет назад, когда вышел в яркий солнечный день города Джолиет.

Не зная дороги, Бак последовал сквозь толкотню и спустился на эскалаторах. Пройдя через огромный автовокзал, он вышел на большую улицу, чувствуя, как благоговейный страх мешается в нем с силой духа.

Вспомнились строки из Беньяна: «Шествуя пустынею мира сего…»[42] Иисус провел в пустыне сорокдней и ночей, искушаемый дьяволом. Воистину Нью-Йорк был пустыней двадцать первого века, иссушающей души.

Отдавшись воле Христа, Бак пошел по тротуару, наводненному толпой. Перейдя широкую главную артерию, преподобный спустился по каньону переулка, затененного с обеих сторон высокими зданиями. Через несколько минут он вышел на следующий перекресток, где улица стала еще шире и где сходились дороги со всех сторон. Окруженный рекламными щитами, неоновым светом сорокафутовых вывесок, Бак понял, что стоит на Таймс-сквер. Он посмотрел на небо, и голова пошла кругом: среди этих железобетонных вавилонских башен так легко было поддаться соблазну – потерять вначале веру, затем – душу. Взгляд Бака вернулся к земле – к машинам, шуму и плотному потоку людей. И преподобному вновь вспомнились слова из Джона Беньяна: «…наш город будет сожжен небесным огнем, и мы все неминуемо погибнем, если не найдем тот единственный путь, которого я пока еще не знаю, но которым можно спастись от ужасной смерти».

Все потеряно. Все.

А может, и нет. Ходят же где-то здесь те, кто еще может спастись, – праведные люди с Господней благодатью в душах. Только они еще не знают об этом. «…но которым можно спастись от ужасной смерти». К ним и пришел Бак, чтобы отвести от опасного края. Прочих же сметет туда в мгновение ока.

Часы шли, и шел Бак. А город тянул к себе. Витрины, невероятная роскошь, дорогие автомобили зазывали подобно мифическим сиренам. Вот до Бака донесся смрад гниющего мусора, а вот его поманил аромат духов томной искусительницы в вечернем платье… Преподобный

очутился во чреве зверя. Бог возложил на него миссию, поместив на сорок дней в пустыню.

Последние пять центов Бак потратил на автобусный билет, а ведь от самой Юмы он ничего не ел. Конечно, пост обострил ум преподобного, но если он намерен выполнить волю Господню, следовало найти пропитание.

Поиски привели его в бесплатную столовую Армии спасения. Отстояв в очереди, Бак получил тарелку макарон с сыром, несколько ломтиков мягкого белого хлеба и чашку кофе. Усевшись вместе с изгоями и молча приступив к еде, он вытащил из кармана потрепанную газетку, послание Бога, и, внимательно перечитав статью, наполнился силой и бодростью.

Вкусив простой пищи, Бак вышел, заново чувствуя упругость в шаге. Проходя мимо газетного киоска, он заметил заголовок «Нью-Йорк пост»:

КОНЕЦ БЛИЗОК

Сатанисты, пятидесятники и пророки конца света собираются у места дьявольских убийств.

Бак уже запустил руку в карман, но вспомнил, что деньги закончились. Как же быть? В заголовке, несомненно, Бог оставил следующую подсказку. В этом мире ничего не происходит случайно. «И ни одна птица не упадет на землю без воли Отца вашего…» – сказал Христос[43].

Бак нуждался в деньгах, в кровати – близилась ночь – и в смене одежды. Бог одевает лилии в поле, разве не оденет Он и его? Такова была жизненная философия преподобного. Однако Господь любил, чтобы и преподобный иногда проявлял инициативу.

Бак осмотрелся. Большое здание перед ним охраняли два каменных льва. Надпись гласила: «Нью-Йоркская публичная библиотека». Храм мамоны, собравший в себе аморальные книги.

Обогнув библиотеку, преподобный вышел к небольшому, но хорошо ухоженному парку. На скамейках сидели несколько человек: они уже разложили шахматные доски, однако друг с другом не играли. Казалось, они ждут, чтобы к ним присоединился кто-нибудь из прохожих. Баку стало любопытно.

– Сыграем? – спросил один.

Преподобный остановился.

– Пять долларов, – сказал игрок.

– За что?

– За блицпартию.

Бак уже отвернулся – ведь это же азартная игра, – но тут подумал: а что, если Бог так ему помогает? Игроки наверняка опытные, однако терять Баку было нечего.

Он сел. Противник сразу же сходил пешкой с d2, а Бак в отведенные десять секунд сделал ответный ход.

Через десять минут преподобный уже читал «Пост», сидя на скамейке в парке за библиотекой. В статье говорилось, что люди небольшими группами собираются у здания, в котором дьявол забрал душу человека по имени Катфорт. Был даже указан адрес: Пятая авеню, 842.

Пятая авеню. Легендарная Пятая авеню, мефистофелево сердце Нью-Йорка. Все сходится.

Бак вырвал из газеты кусок со статьей, сложил его вместе с предыдущим и аккуратно спрятал в карман рубашки.

Сейчас преподобный никуда не пойдет; как Давиду, ему нужно перепоясать чресла, собраться с духом. Бак пришел сюда не проповедовать – он пришел биться за мир.

Оставшихся четырех с половиной долларов даже близко не хватило бы заплатить за ночлег. Следовало умножить деньги, как Иисус умножил хлебы и рыбы, и Бак поразмыслил, чего можно ждать в помощь от Всевышнего.

До захода солнца оставалось несколько часов. Бак не сомневался, что Иисус поможет. Поможет обязательно.

Глава 46

Последним пристанищем Ренье Бекманна стал многоквартирный дом неподалеку от казенного кладбища, где Бекманн и был похоронен. То же самое говорилось в свидетельстве о смерти.

Пендергаст медленно провел машину мимо обветшалого здания и остановился у лавки, где продавали спиртное навынос. На передних ступеньках сидели старые пьяницы, наблюдая, как фэбээровец и д'Агоста выходят из машины.

– Милое местечко, – прокомментировал д'Агоста.

Шестиэтажное кирпичное здание гирляндами украшали ржавые пожарные лестницы, на протянутых поперек улицы веревках сушилось поношенное белье.

– Согласен.

– Интересно, вон те трое что-нибудь знают? – Д'Агоста кивнул в сторону трех пьянчужек, успевших забыть о пришельцах. Старички передавали по кругу бутылку крепленого.

– Вполне может быть. – Пендергаст жестом предложил товарищу следовать к ним.

– Что? Я?

– Конечно. Ведь вы человек улицы, говорите на их языке.

– Ну, раз так…

Снова оглядевшись, д'Агоста направился к лавке. Через несколько минут он вышел оттуда с бутылкой в коричневом бумажном пакете.

– Я так понимаю, это в дар аборигенам?

– С кем поведешься…

Пендергаст изогнул бровь.

– Помните наше маленькое путешествие под землей во время резни в метро? – подсказал д'Агоста. – Вы принесли бутылку в качестве валюты.

– Ах да! Чаепитие с Мефисто.

Д'Агоста легким шагом подошел к троим на крыльце.

– Ну как дела, парни?

Молчание.

– Я сержант д'Агоста, а это мой напарник, специальный агент Пендергаст, ФБР.

Молчание.

– Господа, давайте без выпендрежа. Я человек простой и даже не стану спрашивать ваших имен. Мы только хотим знать кое-что о некоем Ренье Бекманне, что жил здесь несколько лет назад.

Три пары слезящихся глаз продолжали смотреть мимо него. Один из алкашей закашлялся и, отхаркнув, впечатал комок мокроты точнехонько между своих ботинок.

С тихим шелестом д'Агоста извлек бутылку, и на стекле заиграл солнечный свет, дразня плавающими в янтарной жидкости кусочками фруктов.

– «Апельсиновое виски», – пробормотал, обращаясь к приятелям, старший пьянчужка. – А этот коп – мужик что надо.

– Бойтесь легавых, дары приносящих.

Д'Агоста оглянулся. Пендергаст наблюдал за ним, стоя в нескольких шагах позади, руки в брюки.

– Послушайте, ребята, – сказал д'Агоста. – Я вас очень прошу, не выставляйте меня идиотом перед тем федералом. Пожалуйста.

– О, – шмыгнул носом старший, – вот ты и произнес волшебное слово. Садись же.

Д'Агоста осторожно присел на липкие ступеньки. Старший пьяница принял бутылку, надолго приложился к ней и, выплюнув фруктовые кусочки, пустил пойло по кругу.

– И ты, друг, тоже, – позвал он Пендергаста.

– Спасибо, я постою.

Послышались смешки.

– Я Джедедия, – сказал старший. – Но ты зови меня Джед. Напомни, кого вы ищите?

– Ренье Бекманна.

Двое пожали плечами, зато старший кивнул:

– Бекманн. Звонкое имечко.

– Он жил в комнате 4С. Умер от рака почти десять лет назад.

Чтобы подстегнуть мыслительные процессы, Джед снова приложился к бутылке.

– Теперь я вспомнил. Это тот, который играл в картишки с Уилли. Уилли, кстати, тоже помер. Ну и спорили же они, – покачал головой пьянчужка. – Говорите, рак?

– Бекманн не рассказывал о своем прошлом? О семье, где жил, еще что-нибудь?

– Он был парень из колледжа – умный. Его никто не навещал, так что непохоже, чтобы у него была семья, дети. А вот девушка у него, похоже, была. Кей.

– Кей?

– Ну да. Он звал ее, когда бесился от злости. Проиграет Уилли и орет: «Кей Бискероу!» Мол, будь она здесь, он бы не опустился.

Пендергаст кивнул.

– У него остались друзья? С кем можно поговорить?

– Не думаю. Бекманн держался особняком. Он был какой-то депрессивный.

– Понимаю.

– А вещи покойников? – поерзал д'Агоста. – Куда их девают?

– Выбрасывают. Если только Джон не приберет кое-чего.

– Джон?

– Ага, копит барахло жмуриков. Странный он.

– А вещи Бекманна он не сохранил? – поинтересовался Пендергаст.

– Кто ж его знает. У него там под завязку набралось всякого дерьма. Комната 6А, верхний этаж, возле лестницы.

Поблагодарив старика, Пендергаст пошел к темному вестибюлю и дальше – вверх по деревянной лестнице. Ступеньки угрожающе скрипели под ногами. Уже на шестом этаже Пендергаст положил руку на плечо д'Агосте.

– Восхищаюсь вашей находчивостью, – сказал он. – Вы поступили умно, спросив о вещах. Может, и Джона возьмете на себя?

– Без проблем.

Д'Агоста постучался, и незапертая дверь со скрипом приоткрылась, – изнутри ее подпирала гора картонных коробок. Комнату почти полностью заполняли изъеденные жучками ящики, стопки книг и прочий разнообразный хлам. Пройдя внутрь, д'Агоста двинулся по узкому проходу между рассортированных вещей: старых картин, фотоальбомов, трехколесного велосипеда, подписанной бейсбольной биты.

В дальнем углу, под грязным окном, на кровати в одежде лежал седой человек.

– Джон? – позвал д'Агоста, и тот едва заметно кивнул.

На помятом осунувшемся лице светились желтые глаза.

– Мы хотим кое-что узнать. Потом мы уйдем.

– Что? – произнес человек тихим голосом.

– Джед сказал, что ты мог сохранить что-то из вещей Ренье Бекманна, который жил здесь несколько лет назад.

После долгой паузы желтые глаза указали на один из штабелей.

– В углу. Вторая коробка снизу с надписью «Бек».

Д'Агоста с трудом протиснулся к шаткой конструкции и наконец нашел искомую коробку: маленькую, всю в пятнах, заплесневелую и почти расплющенную.

– Можно взглянуть?

Джон кивнул.

Внутри оказались несколько книг и шкатулка для сигар, стянутая резинкой. Пендергаст взглянул на содержимое через плечо д'Агосты.

– Джеймс «Письмо из Флоренции», – пробормотал он, глядя на корешки книг. – Бернсон «Живописцы итальянского Возрождения»; Вазари «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев»; Челлини «Жизнь Бонвенуто». Похоже, мистер Бекманн интересовался историей искусства Возрождения.

Д'Агоста взял шкатулку для сигар. Резинка с треском порвалась, едва он попытался ее снять. Из-под крышки дохнуло пылью, сигарами и бумагой. Вместе с поеденной молью кроличьей цапкой внутри хранились золотой крест, старая открытка с изображением озера Мухед в штате Мэн, засаленная колода карт, игрушечный мотороллер «Корги», несколько монет, два коробка спичек и еще несколько памятных вещиц.

– Сдается мне, – сказал д'Агоста, – мы нашли сундучок с сокровищами Бекманна.

Кивнув, Пендергаст повертел в руках один из коробков с рекламной наклейкой на лицевой стороне.

– «Траттория-дель-Кармине»[44]. – Фэбээровец провел изящными тонкими пальцами по монеткам, прочим вещицам и достал книгу Вазари. – Рекомендуется всем, кто желает постичь искусство Ренессанса… Посмотри-ка сюда.

Он передал книгу д'Агосте. На форзаце небрежным почерком было написано:

Ренье, любимому студенту,

от Чарлза Ф. Понсонби-младшего.

Д'Агоста выбрал книгу наугад, и из нее выпала фотография. Моментальный цветной снимок: четверо юношей обнимают друг друга за плечи, а позади них – нечто похожее на мраморный фонтан в водяной дымке.

Д'Агоста передал снимок товарищу. Изучив его внимательно, Пендергаст вернул фотографию и сказал:

– Полагаю, крайний справа и есть Бекманн. Но узнаете ли вы его друзей?

Почти мгновенно д'Агоста опознал массивную голову и выдающиеся брови Локка Балларда. На других ушло чуть больше времени, однако Найджела Катфорта и Джереми Гроува д'Агоста узнал.

Он взглянул на Пендергаста – серебристые глаза агента ФБР светились решительностью.

– Вот она, Винсент, – связь, которую мы искали.

Д'Агоста вспомнил о человеке на кровати – тот лежал так тихо, что о нем почти забыли.

– Джон, можно мы заберем эти вещи?

– Для того я их и хранил.

– То есть? – удивился д'Агоста.

– Я храню вещи, которые они берегли, и передаю семьям.

– Кто это они?

– Те, кто умирает.

– И семьи приходят?

Вопрос повис в воздухе.

– У всех есть семьи, – промолвил наконец Джон.

Некоторые коробки прогнили и обесцветились так, будто пролежали здесь лет двадцать. Похоже, семьи хозяев не придут еще долго.

– Вы хорошо знали Бекманна?

– Он чурался всех. – Джон пошевелился.

– Его навещали?

– Нет.

Глядя на ломкие волосы хозяина комнаты, на слезящиеся глаза, д'Агоста подумал, что Джон прекрасно понимает близость конца.

Пендергаст взял маленькую коробку с вещами Бекманна под мышку и спросил:

– Мы можем что-нибудь для тебя сделать, Джон?

Тот покачал головой и отвернулся к стене.

Пендергаст и д'Агоста молча покинули комнату и спустились во двор. Прошли мимо пьяниц.

– Нашли, что искали? – спросил Джед.

– Да, – отозвался д'Агоста. – Спасибо.

Джед козырнул от брови, и д'Агоста ответил тем же.

– Что будет с вещами в комнате Джона, когда умрет он?

– Выбросят, – пожал плечами старик.

* * *

– Вот это я называю – плодотворные поиски, – сказал Пендергаст, садясь в машину. – Теперь нам известно, что Ренье Бекманн жил в Италии примерно в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году и что он хорошо говорил на итальянском.

– Как вы вычислили? – изумился д'Агоста.

– По той самой фразе: «Кей Бискероу!». Это не имя. «Che bischero!» по-итальянски значит: «Что за придурок!» Флорентийский диалект. Все монеты в коробке – итальянские лиры, датированные тысяча девятьсот семьдесят четвертым и ранее. Я не совсем уверен, но фонтан на том снимке выполнен в стиле неоренессанса.

– И все – по одной маленькой коробке с вещами? – покачал головой д'Агоста.

– Порой громче всего говорят именно мелочи.

«Роллс» отъехал от тротуара и стал набирать скорость.

– Винсент, – попросил Пендергаст, – будьте добры, включите лэптоп. Посмотрим, какой свет на нашу историю прольет профессор Чарлз Ф. Понсонби-младший.

Глава 47

Пока Пендергаст вел машину, д'Агоста через мобильную связь вышел в Интернет и запустил поиск по Чарлзу Ф. Понсонби-младшему. Уже через несколько минут информации набралось даже больше, чем нужно. Начать хотя бы с того, что профессор Понсонби, оказывается, вел курс истории искусств в Принстоне и одновременно состоял в Союзе обеспокоенных ученых.

– Где-то я о нем слышал, – нахмурился Пендергаст. – Понсонби, кажется, специалист по итальянскому Возрождению. Наверняка он успел добиться звания заслуженного профессора и, к счастью, до сих преподает. Винсент, не поищете ли его резюме?

«Роллс» въехал на главную магистраль Нью-Джерси и, плавно повысив скорость, вписался в послеполуденное движение. Тем временем д'Агоста зачитывал список назначений, наград и публикаций. Перечислять пришлось долго; больше всего д'Агосту злило, что Пендергаст требовал читать вслух – слово в слово.

Д'Агоста закончил. Поблагодарив напарника, Пендергаст достал сотовый и позвонил в справочную. Получив нужный номер, набрал его и коротко переговорил.

– Понсонби примет нас, – сказал он, убирая телефон в карман. – Правда, без особого желания... Мы уже близко, Винсент. Фотография доказывает, что все четверо встречались. Теперь надо точно узнать, где они встретились и – самое главное – что же произошло во время той судьбоносной встречи, что связало их на всю жизнь.

Пендергаст поддал газу. Д'Агоста украдкой глянул на него – в азарте товарищ выглядел словно гончая, взявшая след.

Через девятнадцать минут «роллс» уже катил по Нассо-стрит. Слева проплывали старомодные магазинчики, а справа посреди ухоженных лужаек возвышались готические здания студенческих общежитий. Пендергаст аккуратно припарковался и, скормив счетчику монетку, кивнул толпе студентов, выпучивших глаза на «силвер-рейт» 59-го.

Со стоянки Пендергаст и д'Агоста направились к массивным железным воротам, через которые вышли к гигантскому фасаду Файерстоунской библиотеки, самой большой в мире библиотеки с открытыми стеллажами.

У стеклянных дверей их дожидался маленький человечек с сальной седой шевелюрой. Именно таким д'Агоста и представлял себе профессора Понсонби: суетливым, старомодно одетым педантом. Не хватало только вересковой курительной трубки.

– Профессор Понсонби? – обратился Пендергаст.

– А вы агент ФБР? – прогнусавил ученый, демонстративно взглянув на часы.

«Опоздали-то на три минуты», – подумал д'Агоста.

– Да. – Пендергаст пожал Понсонби руку.

– Вы не сказали, что с вами придет полицейский.

Д'Агосте очень не понравилось, как профессор произнес последнее слово.

– Разрешите представить: мой напарник, сержант Винсент д'Агоста.

Профессор с видимой неохотой пожал д'Агосте руку.

– Должен сразу предупредить, агент Пендергаст, мне не очень-то по душе эта встреча. Не пытайтесь меня запугать и выспрашивать о бывших студентах.

– Не стану. Где нам можно поговорить, профессор?

– Вон там, на скамейке. Я бы не хотел видеть агента ФБР и полицейского у себя в кабинете. Не возражаете?

– Не возражаем.

Твердым шагом профессор направился к скамейке и там, усевшись, закинул ногу на ногу. Пендергаст присел рядом, и для д'Агосты не осталось места, так что он встал напротив них, скрестив руки на груди.

Понсонби достал из кармана вересковую трубку, вытряхнул остатки табака и стал набивать ее заново.

«Вот теперь, – подумал д'Агоста, – он настоящий профессор».

– Вы, – начал Пендергаст, – случайно, не тот Чарлз Понсонби, который выиграл медаль Беренсона в области истории искусств?

– Он самый. – Профессор достал коробок спичек и прикурил, едва слышно зашипев табаком.

– И именно вы составили новый каталог работ Понторно с комментариями?

– Верно.

– Великолепная книга.

– Благодарю.

– Никогда не забуду «Кару Божью» в маленькой церкви, в Карминьяно. История искусств не знала отчета совершеннее. В вашей книге...

– Мистер Пендергаст, может, все-таки перейдем к сути дела?

Повисла пауза. Впервые обаяние Пендергаста потерпело неудачу. Понсонби явно не собирался обсуждать учебные дисциплины с ищейками.

– У вас некогда учился Ренье Бекманн...

– Вы упоминали об этом по телефону. Бекманн писал у меня дипломную работу.

– Тогда разрешите задать несколько вопросов?

– Почему бы вам не спросить самого Ренье Бекманна? Я не желаю становиться информатором ФБР.

Некоторые люди всеми фибрами души ненавидят государственный аппарат. Здесь даже лесть не поможет. Каждое их слово профессор будет парировать цитатой из законов о праве на частную жизнь и прочей ерундой.

– О, так вы не знали? – медовым голосом вкрадчиво произнес Пендергаст. – Мистер Бекманн скончался. Трагически.

Молчание.

– Нет, не знал… Как?

Сейчас бы закрыться Пендергасту, но вместо этого он подбросил еще один лакомый кусочек:

– Я только что с эксгумации… Впрочем, это не самая подходящая тема для беседы, особенно если учесть, что вы с Бекманном не были особенно близки.

– Кто бы ни сказал вам такое, он располагал неверными сведениями. Ренье был одним из моих лучших студентов.

– Как же получилось, что вы не знали о его смерти?

– Мы, – профессор поерзал, – потеряли связь, когда он вышел из стен университета.

– Жаль. Значит, вы не в состоянии нам помочь. – И Пендергаст сделал вид, что собирается встать.

– Он был блестящим студентом, одним из лучших. И… и очень разочаровал меня, сказав, что не хочет поступать в магистратуру. Его тянуло в Европу, в собственный образовательный тур – нечто вроде странствий, не имеющих под собой академической почвы. Я этого не одобрил. – Понсонби помолчал. – Могу я спросить, от чего он умер и зачем понадобилась эксгумация?

– Увы, эта информация доступна лишь семье мистера Бекманна или его друзьям.

– Поверьте, мы были очень близки, а когда расставались, я подарил ему книгу. За сорок лет преподавания я удостоил такой чести лишь пятерых или шестерых студентов.

– Это было в тысяча девятьсот семьдесят шестом году?

– Нет, в тысяча девятьсот семьдесят четвертом. – Довольный, что смог поправить, профессор вдруг посмотрел на Пендергаста, и взгляд его резко переменился. – Только не говорите, что его убили… Ведь его не убили?

– Профессор, получите разрешение от семьи и… Ведь вы наверняка кого-то знаете?

– Нет, – опустил голову Понсонби. – Никого.

Пендергаст удивленно выгнул бровь.

– Он отдалился от семьи, – пояснил профессор. – При мне он даже не упоминал о ней.

– Какая жалость. Значит, говорите, Бекманн уехал в Европу в тысяча девятьсот семьдесят четвертом, сразу после выпуска? И вы о нем больше не слышали?

– Нет. В конце августа того же года я получил известие от Ренье из Шотландии. Он покидал какое-то сообщество фермеров и направлялся в Италию. Очевидно, наступил некий этап в его жизни, который нужно было пройти. Сказать по правде, все эти годы я надеялся увидеть имя моего студента в журнале или услышать об открытии его собственной выставки. Я часто думал о нем. Мистер Пендергаст, я правда буду очень признателен, если вы расскажете о Ренье.

– Придется, – выдержав паузу, сказал Пендергаст, – очень сильно нарушить закон…

Д'Агоста улыбнулся. Лесть не сработала, и Пендергаст сменил направление. Теперь им не нужно просить – профессор умолял сам.

– Расскажите хотя бы, как Ренье умер.

Трубка погасла, и Пендергаст подождал, пока профессор раскурит ее заново.

– Бекманн спился и умер в ночлежке, в Йонкерсе.

– Боже правый. – Профессор выронил спичку, его лицо застыло. – Я и представить не мог…

– Да, прискорбно.

Пытаясь скрыть потрясение, Понсонби рылся в коробке: руки тряслись, и спички рассыпались по скамейке. Профессор дрожащими пальцами стал по одной складывать их в коробок.

Ученый отложил погасшую трубку, и д'Агоста удивился, заметив, что глаза старика подернулись влагой.

– Такой прекрасный студент... – пробормотал Понсонби, обращаясь больше к себе самому.

Дав тишине сгуститься, Пендергаст достал из кармана «Жизнь художников», экземпляр Бекманна, и передал его Понсонби.

Какое-то время профессор просто смотрел на книгу, затем вдруг выхватил ее.

– Где вы нашли это?

– Среди вещей мистера Бекманна.

– Эту книгу подарил ему я. – Понсонби открыл «Жизнь художников» на форзаце, и из нее выпала фотография. – Вот он, – сказал профессор, указав на фото. – Таким я помню Ренье. Должно быть, снимок сделан во Флоренции, осенью.

– Почему именно во Флоренции? – спросил Пендергаст.

– Я узнаю фонтан. Это на площади Санто-Спирито, там гуляют студенты. А позади виден главный вход в палаццо Гуаданьи, старенькое студенческое общежитие. А осенью, потому что они так одеты. Хотя, возможно, это весна.

Пендергаст забрал фотографию и небрежно спросил:

– Остальные студенты на фотографии тоже из Принстона?

– Их я вижу впервые. Должно быть, Ренье познакомился с ними в Италии. Я уже говорил, среди студентов принято собираться на площади Санто-Спирито.

Понсонби закрыл книгу. Он выглядел очень усталым.

– Ренье... – голос его надломился. – Ренье подавал такие надежды.

– На всех нас от рождения возлагают надежды, профессор. – Пендергаст поднялся и, чуть подумав, добавил: – Если хотите, можете оставить книгу себе.

Понсонби, казалось, не слышал. Ссутулившись, он трясущейся рукой нежно поглаживал корешок.

* * *

По дороге в Нью-Йорк д'Агоста беспокойно ерзал на переднем пассажирском сиденье.

– Диву даюсь, как вы вытянули информацию из профессора, а он даже не догадался. – Это действительно было изумительно, хоть и немного грустно: даже после тридцати лет разлуки известие о смерти Бекманна сразило профессора Понсонби.

Пендергаст кивнул.

– Есть правило, Винсент: чем тщательнее человек оберегает информацию, тем легче он ее когда-нибудь выдаст. Сведения доктора Понсонби весьма и весьма занимательны. – Глаза фэбээровца блестели в темноте.

– Похоже, та встреча произошла во Флоренции в семьдесят четвертом.

– Точно. И там случилось нечто… нечто экстраординарное, что через тридцать лет привело по меньшей мере к двум убийствам. – Пендергаст повернулся к д'Агосте. – Знаете такое выражение, Винсент: «Все дороги ведут в Рим»?

– Шекспир?

– Очень хорошо. В нашем случае все дороги ведут во Флоренцию. Туда ведет и наша дорога.

– Во Флоренцию?

– Именно. Уверен, туда же направляется Баллард, если он еще не там.

– Рад, что мы не спорим, еду я с вами или нет.

– Я бы и не стал спорить. Ваши инстинкты полицейского первоклассны, искусство стрельбы поражает. И я знаю, что могу доверять вам в любой переделке, а наши шансы попасть в переделку, боюсь, очень велики. Если вас не затруднит, включите лэптоп еще раз: закажем билеты немедленно. Первым классом, если не возражаете, в оба конца.

– Когда вылетаем?

– Завтра утром.

Глава 48

Общественному транспорту д'Агоста больше не доверял, поэтому к Пендергасту отправился на такси. Из предосторожности он вышел за несколько кварталов от особняка. Интуиция подсказала, что Пендергаст поступил бы на его месте именно так.

Д'Агоста вытащил из багажника один-единственный чемодан и дал водителю пятнадцать долларов.

– Сдачи не надо.

– Подумаешь!.. – И таксист надавил на педаль газа. Увидев д'Агосту с чемоданом возле отеля, он явно собирался наварить на поездке до аэропорта, но узнав, что ехать придется не куда-нибудь, а прямиком в Гарлем, особой радости не испытал.

Такси скрылось за углом, и д'Агоста тщательно оглядел Риверсайд-драйв, проверяя окна, подъезды и темные промежутки между фонарями. Не заметив ничего подозрительного, он поднял с земли чемодан и пошел по улице на север.

Вещи д'Агоста собрал всего за полчаса. Звонить жене даже и не подумал – зачем? Надо будет, позвонит ее адвокат. Шеф Маккриди, узнав, что д'Агоста вылетает в незапланированную командировку, оживился. Будет, что скормить местным газетчикам, мол: «Офицер полиции Саутгемптона направлен в Италию по горячему следу». А раз уж самолет вылетал на рассвете, Пендергаст пригласил напарника на ночь к себе. От земли предков д'Агосту отделяли какие-то часы. Он нес чемодан, и эта мысль одновременно горячила и отрезвляла.

Единственное, что было плохо, – это расставание с Лаурой Хейворд. Их с д'Агостой отношения расцвели пышным цветом, и хоть круговерть последних дней не позволяла увидеться, он впервые за последние двадцать лет начал ухаживать и вновь ощутил почти забытое томление. Д'Агоста позвонил Хейворд из отеля, сказал, что утром вместе с Пендергастом улетает в Италию. Прошло несколько секунд, и Хейворд ответила: «Береги задницу, Винни». Черт, только бы эта поездочка не пустила все под откос...

Впереди показался особняк, пронзивший небо остроконечными надстройками портика. Д'Агоста прошел в железные ворота и дальше по дорожке к крыльцу. На стук открыл Проктор. Он молча повел гостя по коридорам, где гуляло эхо, и по комнатам, занавешенным гобеленами, в библиотеку. Огромную, заставленную книжными стеллажами комнату освещало лишь гудящее пламя в камине. Пендергаст нашелся у дальней стены: он спиной ко входу, склонившись над длинным столом – писал на листе кремовой бумаги. Слышался треск огня и скрип пера. Констанс нигде не было видно, но д'Агосте показалось, что он слышит – на самой грани восприятия – далекое, унылое звучание скрипки.

Д'Агоста постучал о косяк.

– А, Винсент, – резко обернулся Пендергаст. – Проходите.

Он спрятал лист бумаги в деревянный ящичек, выложенный изнутри перламутром, и, аккуратно закрыв коробочку, отодвинул ее в сторону. Уж не пытался ли он спрятать от д'Агосты ее содержимое?

– Не желаете освежиться? – спросил Пендергаст, пересекая комнату. – Коньяк, кальвадос, арманьяк, «Будвайзер»?

– Нет, спасибо.

– Тогда, если не возражаете, я выпью сам. Присаживайтесь, пожалуйста. – Отойдя к бару, Пендергаст налил себе на два пальца янтарной жидкости в большой коньячный бокал.

Д'Агоста внимательно следил за товарищем. В движениях Пендергаста проскальзывала странная неуверенность, и д'Агоста ощутил беспокойство, природу которого объяснить не решился.

– В чем дело? – машинально спросил он.

Пендергаст, отставив графин, сел на кожаный диван напротив д'Агосты. Задумчиво отпил из бокала. Затем отпил еще.

– Возможно, вам я могу рассказать, – тихо произнес агент, словно только что принял решение. – По сути, если кто-то и должен знать, то именно вы.

– Должен знать что?

– Я получил это полчаса назад. Хуже момента не придумаешь. Мы слишком далеко зашли и не можем бросить дело, занявшись другим.

– А что вы получили?

– Вот. – Пендергаст кивнул на сложенное письмо на столе между ними. – Возьмите, не бойтесь, я уже принял необходимые предосторожности.

Что это значит, д'Агоста не понял. Он потянулся, взял письмо и бережно развернул. Похоже, бумагу изготовили вручную, из прекрасного льна. Тисненый герб наверху изображал глаз без век над двумя лунами, а под ними – лежащего льва. Сначала лист показался д'Агосте пустым, потом он увидел в середине маленький изящный номер: «78» – выведенный гусиным пером.

– Не понимаю. – Д'Агоста отложил лист.

– Это от моего брата, Диогена.

– Вашего брата? – удивился д'Агоста. – Я думал, он мертв.

– Он мертв для меня. По крайней мере так было до недавних пор.

Д'Агоста ждал. Он все понял без лишних слов уже по тому, какой неуверенной и отрывистой стала речь Пендергаста, словно предмет разговора вызывал невыносимое отвращение.

– Винсент, – Пендергаст отпил еще арманьяка, – многие поколения некоторые члены моей семьи страдали сумасшествием. Порой оно принимало неопасную, а порой и благоприятную форму. Но, как ни ужасно, чаще всего недуг проявлялся в поразительной жестокости. К несчастью, в моем поколении зло расцвело пышным цветом. Видите ли, мой брат Диоген – одновременно и самый безумный, и самый замечательный член нашей семьи. Это стало ясно с самого раннего детства. Просто счастье, что мы оба последние из своей линии.

Д'Агоста молча ждал.

– В детстве Диоген забавлялся изобретением очень сложных механизмов, которые заманивали, ловили, а затем пытали мелких животных: мышей, кроликов, опоссумов. Эти машины были шедеврами жестокости; когда о них стало известно, Диоген с гордостью назвал свои творения фабрикой боли. – Пендергаст помолчал. – Вскоре фантазии брата сделались куда изощренней. Стали пропадать домашние животные: сначала кошки, затем собаки, и больше мы их не видели. Диоген по нескольку дней проводил в галереях, где висели портреты предков… Особенно брат засматривался на изображения тех, кого постиг безвременный конец. Повзрослев – а к тому времени Диоген осознал, что за ним следят и бдительность наша растет, – он оставил эти забавы. Углубившись в себя, он излил свои черные фантазии и ужасную творческую энергию в нескольких тайных дневниках. Диоген хорошо прятал свои записи. По правде, я уже подростком исподтишка следил за ним целых два года, пока не нашел тетради. Я прочел лишь одну страницу, но и этого хватило. Такого мне не забыть до конца жизни, потому что оно изменило мой взгляд на мир. Думаю, вы догадались: дневники я немедленно сжег. Брат и прежде ненавидел меня, а когда он остался без записей, его гнев разгорелся неугасимым пламенем.

Пендергаст отпил еще, потом отставил недопитый бокал.

– В последний раз я видел Диогена, когда ему исполнился двадцать один год. Тогда же, получив свою долю наследства, он сказал, что замышляет ужасное преступление.

– Только одно? – спросил д'Агоста.

– Он не оставил ни единого намека. Ужасное для Диогена… – Пендергаст умолк, затем, внезапно оживившись, продолжил: – Как он совершит преступление, когда, где и против кого, мне неизвестно. Диоген забрал свою часть наследства, и с тех пор я не слышал о нем и не видел его – пока не пришло первое письмо. В нем брат указал номер «двести семьдесят восемь». Тогда я не понял, однако послание прибыло точно двести дней назад. А сегодня пришло второе, и теперь значение очевидно.

– Только не для меня.

– Диоген извещает: преступление совершится через семьдесят восемь дней. Он бросает мне вызов – своему ненавистному брату. Подозреваю, план уже завершен. Этим письмом Диоген бросил мне перчатку и предлагает поднять – попытаться его остановить.

Д'Агоста в ужасе смотрел на сложенное письмо.

– Что вы намерены предпринять?

– Сделаю то, что могу: как можно скорее закончу нынешнее дело. Только тогда получится заняться братом.

– И что, если найдете его? Что тогда?

– Найти брата я обязан, – с тихой яростью произнес Пендергаст. – А когда я найду его… – он сделал паузу, – история получит закономерный конец.

Д'Агосту напугало выражение лица Пендергаста, и он отвел глаза.

На долгое время в библиотеке воцарилась тишина. Затем, наконец, Пендергаст словно очнулся. Д'Агоста сразу понял: тема закрыта.

– Как и в случае с полицией Саутгемптона, – заговорил фэбээровец в обычном холодном тоне, – я подумал, что логично будет предложить вашу кандидатуру в посредники между ФБР и полицией Нью-Йорка. Это дело началось в Соединенных Штатах и здесь же может закончиться. Я переговорил с капитаном Хейворд, вы назначены нашим официальным представителем. Вам надлежит поддерживать с ней связь по телефону и электронной почте.

Д'Агоста кивнул.

– Надеюсь, – посмотрел на него Пендергаст, – назначение вас устраивает?

– Вполне. – Д'Агоста надеялся, что лицо не залил румянец.

– Очень хорошо. – Пендергаст встал. – Теперь мне нужно собраться и побеседовать с Констанс. Она, конечно, остается – будет заботиться о коллекциях и проводить дополнительные исследования, результаты которых могут нам пригодиться. Проктор проследит, чтобы вы устроились и чтобы вам было удобно. Если что-то понадобится, не стесняйтесь – звоните. Buona notte[45]. – Он протянул Винсенту руку. – И приятных снов.

* * *

Д'Агосту разместили на третьем этаже в комнате с окнами на задний двор. Слабо освещенная, с высоким потолком, обклеенная обоями из мятого бархата и обставленная тяжелой мебелью красного дерева, комната выглядела именно так, как и боялся д'Агоста. Здесь пахло старой материей и деревом. Картины на стенах – пейзажи, натюрморты и несколько странных этюдов маслом – в тяжелых позолоченных рамах странным образом вызывали тревогу, стоило задержать на них взгляд. Плотно закрытые деревянные ставни и тяжелая каменная кладка не пропускали ни единого звука извне. Однако в комнате, как и в остальных частях дома, царила идеальная чистота, а викторианская кровать была исключительно комфортной и застелена свежими, чистыми простынями; неведомая домохозяйка просушила и взбила подушки. Укрывшись, д'Агоста обнаружил, что стеганое одеяло набито роскошным гагачьим пухом. Все в комнате, казалось, обещало идеальный сон.

И все же сон не шел. Д'Агоста лежал, глядя в потолок, и долго, долго думал о Диогене Пендергасте.

Глава 49

«Мерседес» катил по извилистой улочке к пьяццале Микеланджело, где на холме над Флоренцией возвышались невидимые за высокими заборами огромные виллы восемнадцатого века, принадлежавшие некогда богатейшим горожанам. И когда лимузин проезжал мимо пьяццале, Локку Балларду с заднего сиденья открылся изумительный вид: собор Дуомо, палаццо Веккьо, река Арно...

Машина съехала вниз, к Порто-Романо.

– Срежем через старый город, – приказал Баллард.

У ворот водитель показал дежурному охраннику разрешение и направил лимузин по искривленным улочкам – сначала на север, затем на запад, а выехал уже через другие ворота в старинной городской стене. Особняки эпохи Возрождения сменились скромными жилыми домами девятнадцатого века, которые затем уступили место безликим блокам середины прошлого столетия, а тех потеснили серобетонные чудовища микрорайонов. Здесь не было магистралей – только лабиринт переполненных улиц и пришедшие в упадок заводы перемежались с огородами и сотнями квадратных футов виноградников.

Через полчаса лимузин уже полз по обветшалым улочкам Сигны, уродливейшего из промышленных пригородов, здания которого серой массой растянулись до речных пойм. В вялом, безжизненном воздухе на бетонных балконах сушилось белье. О прекрасной Тоскане напоминали лишь едва заметные руины замка, венчавшие самый высокий из зеленевших вдали холмов Карминьяно.

За тонированными стеклами Баллард ничего этого не видел. С шофером он не разговаривал. Его грубое морщинистое лицо потемнело, а глубоко посаженные глаза тускло блестели из-под массивных бровей. Только желваки ходили ходуном, выдавая смятение.

Тупиковая аллея закончилась, и лимузин наконец остановился у старенького забора и сторожевой будки. Казавшийся бесконечным пригород завершался, и дальше во владения вступал новый мир – мир темных деревьев, виноградников и странных форм, увитых плющом.

Лимузин проверили и дали знак следовать дальше. Скрытые зеленью формы стали видны лучше. В них угадывались очертания построек, столь глубоко утонувших в зарослях, что ничего не стоило принять их за скалы. Но то были не старинные руины, которые так часто встречались в Италии. Туристы никогда не посещали эти груды обвалившейся кладки. Развалинам не было даже ста лет. Акулой нырнув в зеленое море, лимузин поплыл мимо дортуаров, вдоль усаженных деревьями улиц и некогда прекрасных домов, мимо захваченных растениями железнодорожных веток и развалившихся лабораторий – и над всем этим на высоту тридцати этажей в голубое тосканское небо восходила кирпичная дымовая труба. На ней еще читалась истершаяся надпись: «НОБЕЛЬ S.G.E.M.» – единственный знак, подсказывающий, что находилось здесь раньше.

Задайся целью проникнуть сюда группа подростков, они без труда преодолели бы ветхий сеточный забор по внешнему периметру. Но здесь не было ни мусора, ни граффити, ни кострищ, ни винных бутылок – обычных следов вторжения посторонних.

Лимузин продирался по лабиринту задушенных сорняками дорог, огибая ряды опустевших складов, мертвыми глазами окон наблюдающих, как у их стен разрастаются поля лесной земляники. Груды разбитого кирпича и бетона сопровождали «мерседес» до вторых ворот – более современных, встроенных в двойной периметр усовершенствованного взрывоустойчивого ограждения, увенчанного сверкающими витками колючей проволоки, за которым тянулось широкое поле с датчиками движения.

И снова лимузин подвергся проверке – на этот раз более тщательной, и только потом ворота открылись: электропривод плавно отвел створки в стороны.

Контраст поражал. За последним разрушенным фасадом, утопающим в дикой растительности, раскинулась ухоженная лужайка, а за ней стояло сверкающее стеклом и титаном здание в окружении безукоризненно подстриженного кустарника. Струи воды из автоматической системы полива изгибались радужной аркой на ослепительном флорентийском солнце.

У входа Балларда ждали три человека. Как только черная машина остановилась, один из них бросился к ней – открывать двери, изо всех сил пытаясь скрыть возбуждение.

– Bentornato, segnor Bullard![46]

Баллард неуклюже выбрался из машины и, не обращая внимания на протянутые руки, размял позвоночник и локтевые суставы. Казалось, он не замечает присутствия подчиненных. Его массивное, уродливое, морщинистое лицо носило маску непроницаемости.

– Вы окажете честь, если отобедаете с нами перед тем, как…

– Где она? – отрезал Баллард.

– Сюда. – Шефа повели по известняковой дорожке в прохладный интерьер здания, где у первых дверей прибор просканировал сетчатку глаз ведущего человека. Затем был коридор, и снова – двери с глазным сканером.

Проходя мимо боковой комнаты, Баллард вдруг остановился. Пришлось ждать, пока хозяин рассматривал в ней оборудование и исписанные формулами белые доски на стенах.

Войдя в лабораторию, Баллард взглянул на стол, заставленный моделями самолетов. Каждая деталь имела свой цвет и была снабжена ярлычком с заметками и химическими формулами. Повинуясь внезапной вспышке слепого гнева, Баллард смел со стола модели и, покинув комнату, зашагал дальше по коридору.

Когда группа подошла к третьей двери – толще предыдущих, изготовленной из нержавеющей стали и латуни, – раздался окрик. Все обернулись.

К ним шагал побелевший от гнева молодой человек в элегантном костюме.

– Стойте! – приказал он. – Io domando una spiegazione, Signor Bullard, anche da Lei. Я требую объяснений, даже от вас, господин Баллард. – Преградивший путь человек был вдвое меньше Балларда, но достоинство, с которым он говорил, придавало ему благородный вид.

Баллард сделал молниеносное движение – и служащий, хрюкнув, осел на пол. Схватившись за живот, он застонал, и Баллард пнул его мыском ботинка с такой силой, что послышался отчетливый хруст ребер.

– Я его уволил, – обратился Баллард к остальным. – Мартинетти нарушил правила. Прискорбно, что он сопротивлялся задержанию, напал на дежурного офицера и вынудил того применить силу. Вы слышали, что я сказал?

– Да, сэр, – ответил один из помощников с американским акцентом.

– Выполняйте.

– Слушаюсь, сэр.

– Вызовите наряд охраны – пусть уведут Мартинетти и применят к нему санкции, как к нарушителю.

Переступив через скорчившуюся на полу фигуру, Баллард подошел к глазному сканеру. Щелкнули металлические запоры, и дверь открылась, явив механическую начинку внутренней стороны. Вдоль одной из стен небольшого подвала выстроились пластиковые картотеки, на которых примостились несколько жестких дисков в прозрачных пластиковых упаковках. Напротив, окруженный замысловатой электроникой – датчиками контроля за климатом, уровнем влажности, сейсмографом, газоанализатором, барометрами и термометрами, – поблескивал полировкой прямоугольный ящик орехового дерева. Баллард подошел к нему и, взявшись за ручку, бережно поднял. В гигантских руках Балларда ящик казался невесомым.

– Пошли, – скомандовал Баллард.

– Мистер Баллард, не стоит ли проверить содержимое?

– Скоро у меня будет такая возможность. И если ящик пуст, то в лучшем случае вы лишитесь работы.

– Да, сэр.

Напряжение в комнате сгустилось до предела. Люди мялись, не спеша уходить. Баллард прошел между ними и в дверном проеме обернулся:

– Так вы идете?

Дверь позади с шипением закрылась. Баллард вновь переступил через Мартинетти и в обратном порядке миновал три проверочных пункта. Лимузин ожидал, работая на холостых оборотах. Работники в нерешительности смотрели вслед хозяину. Об обеде никто даже не заикнулся.

Не сказав ни слова и не обернувшись, Баллард сел в машину и захлопнул дверь.

– На виллу, – сказал он, бережно кладя ящик себе на колени.

Глава 50

Из окна в номере отеля «Лунгарно» д'Агоста смотрел на глубокие зеленые воды Арно, на бледно-желтые дворцы вдоль обоих берегов и на кривые лавочки моста Понте-Веккьо. Чувствовал он себя странно, будто

чего-то ожидал, даже голова немного кружилась. Что это, смена часовых поясов, роскошная обстановка или же возврат на родину предков?

Его отец еще мальчишкой покинул Неаполь вместе с родителями, спасаясь от ужасного голода 1944-го. Поселившись на Кармин-стрит в Нью-Йорке, Вито д'Агоста возмутился растущей силой мафии. Он ответил тем, что подался в полицию и стал чертовски хорошим копом. Его значок и награды до сих пор хранятся в стеклянном шкафчике на каминной полке, как святые реликвии. Д'Агоста вырос на Кармин-стрит, погруженный в быт эмигрантов из Неаполя и Сицилии. С самого детства Италия стала для него чем-то вроде земли обетованной.

И вот он здесь.

В горле встал комок. Его предки жили на этой земле тысячелетиями. Здесь родились живопись, архитектура, скульптура, музыка, наука и астрономия. А чего стоят имена Августа Цезаря, Цицерона, Овидия, Данте, Христофора Колумба, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Галилея!.. Можно продолжить, и список уйдет в глубь веков на две тысячи лет – ни одна страна в мире не родила стольких гениев.

Открыв окно, д'Агоста вдохнул полной грудью. Жена никогда не понимала, как безмерно он гордится наследием. Считала мужа слегка ненормальным. Англичанка, что ж удивляться? Ее народ только и накарябал несколько пьес да поэм. Италия – вот родина западной цивилизации. Земля отцов и дедов д'Агосты. Когда-нибудь он привезет сюда сына...

Стук в дверь оборвал сладостные мечты. Портье принес багаж.

– Куда поставить, сэр? – спросил он по-английски. Сделав витиеватый жест рукой, д'Агоста небрежно ответил:

– Buon giorno, guaglione. Pe' piacere' lassate i valige abbecino o liett', grazie.

– Простите?

– I valige, aggia ritt', mettitele alla, – сказал д'Агоста, преодолев мимолетную вспышку раздражения и указав на кровать.

Портье положил туда оба чемодана. Д'Агоста пошарил по карманам, но не нашел денег мельче купюры в пять евро.

– Grazie, signore, Lei e molto gentile. Sei Lei ha bisogno di qualsiasi cosa, mi dica. – Портье взял чаевые и вышел.

Ничего из сказанного, кроме «grazie, signore»[47], д'Агоста не понял, его бабушка говорила на совсем другом языке. Он покачал головой. Все из-за флорентийского акцента портье. Д'Агоста никак не мог забыть итальянский, ведь это его родной язык.

В таких номерах останавливаться ему не доводилось. Лаконичность в чистом виде и утонченность достигали здесь наивысшей точки. Большой: со спальней, гостиной, мраморной ванной, кухней и укомплектованным баром, с окном во всю стену, номер напоминал настоящую квартиру. День жизни здесь стоил, должно быть, целого состояния, но д'Агосту давно уже не занимало, как Пендергаст тратит свои деньги, если деньги и правда его.

В дверь мягко постучали. Пендергаст – по-прежнему в черном костюме, который здесь, во Флоренции, смотрелся куда уместнее, чем в Нью-Йорке, – вошел в комнату, держа в руке пачку бумаг.

– Довольны ли вы удобствами, Винсент?

– Тесновато, паршивый вид, но скоро, думаю, привыкну.

Сев на диван, Пендергаст протянул д'Агосте бумаги:

– Здесь ваше разрешение на оружие, санкция из квестуры[48] на ведение расследования, codice fiscale[49] и еще кое-какие мелочи на подпись – и за все спасибо графу.

– Фоско? – Д'Агоста принял бумаги.

Пендергаст кивнул.

– Итальянская бюрократия продвигается медленно – наш граф придал ей ускорение.

– Он сам тоже здесь? – без особого энтузиазма спросил сержант.

– Прибудет позже. – Встав, Пендергаст прошелся к окну. – Замок его семьи находится за рекой, рядом с дворцом Корсини.

Д'Агоста посмотрел на средневековое строение с зубчатыми стенами.

– Милый домик.

– И правда. Он принадлежит семье графа с конца тринадцатого века.

В дверь постучали в третий раз.

– Avanti, – откликнулся д'Агоста, гордясь, что может блеснуть перед другом знанием итальянского.

Снова пришел портье – с корзиной фруктов.

– Signori?

– Faciteme stu piacere' lassatele 'ngoppa' o' tavule.

Вместо того чтобы поставить корзину на обеденный столик, портье спросил по-английски:

– Где мне ее оставить?

Взглянув на Пендергаста, д'Агоста заметил в его глазах блеск умиления.

– O'tavule, – чуть грубее повторил д'Агоста.

Портье посмотрел сначала на обеденный столик, затем на письменный стол – туда в конце концов он и поставил корзину. Д'Агоста почувствовал, как вздымается волна раздражения: портье упрямо не желал понимать. Ему что, не хватило на чай? Сами собой с губ сорвались слова, которые так часто произносил отец:

– Allora qual'e o problema', si surdo? Nun mi capisc'i? Ma che e parl' o francese? Managgi' 'a miseria'.

Смущенный портье, пятясь, вышел из комнаты. Д'Агоста повернулся к другу – фэбээровец безуспешно, и не особенно, впрочем, стараясь, пытался подавить закипавшее в нем веселье.

– Что смешного?

Пендергаст наконец совладал с мимикой.

– Винсент, я и не знал, что у вас талант к языкам.

– Итальянский – мой родной язык.

– Итальянский? Так вы и на итальянском говорите?

– Что значит «и на итальянском»? Разве, черт вас возьми, я только что говорил на другом языке?

– Для меня ваша речь прозвучала удивительно похоже на неаполитанский, который часто называют диалектом итальянского. Однако, по сути, это совершенно другой язык. Он тоже не лишен очарования, но совершенно непонятен флорентийцам.

Д'Агоста замер.

Неаполитанский? Диалект?

Подумать только! Рядом с д'Агостой жили семьи, говорившие на сицилийском диалекте, но свой-то язык он всегда считал истинно итальянским. Неаполитанский? Не может быть. Итальянский – и точка!

Заметив выражение его лица, Пендергаст продолжил:

– В тысяча восемьсот семьдесят первом году, когда Италия объединилась, всего диалектов насчитывалось шесть сотен. Разгорелись

споры, на каком языке говорить стране: римляне настаивали, что их диалект – лучший, ведь они все-таки потомки тех самых римлян; перуджинцы утверждали, что их диалект – чистейший, ведь именно в Перуджи находился старейший в Европе университет; флорентийцы свой диалект считали самым верным, ведь на нем писал и говорил Данте. И в конце концов, – улыбнулся агент, – победил Данте.

– Если б я знал.

– Даже когда эмигрировали ваши родители, лишь небольшая часть итальянцев говорила на официальном языке. И только когда появилось телевидение, люди окончательно пришли к соглашению. То, что вы считаете «итальянским», на самом деле диалект неаполитанцев – богатый, но, как ни печально, умирающий язык с элементами испанского и французского.

Д'Агоста был поражен.

– Впрочем, кто знает, вдруг поиски заведут нас на юг, где вы сможете блеснуть? Однако сейчас время обеда. Пожалуй, небольшая трапеза станет достойной кульминацией момента. Я знаю, на площади Санто-Спирито есть чудесная небольшая osteria[50]. И между прочим, там расположен любопытный фонтан.

Пятью минутами позже друзья вышли кривыми средневековыми улочками на широкую просторную площадь, затененную ветвями конского каштана и с трех сторон закрытую чудесными зданиями эпохи Возрождения. Ближе к реке выделялся фасад церкви Санто-Спирито; в центре вокруг весело журчащего старого фонтана беседовали и курили студенты с рюкзаками.

Пендергаст походя достал из кармана фотографию Бекманна и сопоставил ее с видом фонтана. Так они с д'Агостой кружили вокруг мраморной чаши, пока задний вид не совпал с картинкой на снимке.

– Вот здесь, Винсент, они вчетвером и стояли, – указал фэбээровец пальцем. – А позади – палаццо Гуаданьи, ныне пансионат для студентов. Завтра сделаем запрос, не помнят ли там нашу четверку, на что я, впрочем, не особо надеюсь. Но давайте же наконец пообедаем. Я не прочь отведать тонкой лапши с итальянскими трюфелями.

– А мне бы чизбургера и жареного картофеля.

Пендергаст, пораженный, взглянул на д'Агосту, и тот криво усмехнулся:

– Шучу.

Они пересекли площадь и оказались у ресторанчика «Санто-Спирито». Столики располагались снаружи: люди ели, пили вино, а по площади разносились отзвуки оживленных бесед.

Пендергаст подождал свободного столика, затем жестом пригласил д'Агосту.

– Должен сказать, Винсент, за последнее время вы набрали хорошую форму.

– Стараюсь. И после той прогулочки по Риверсайдскому парку не забываю про тир.

– Ваша меткость – предмет моей белой зависти. Завтра ночью нам предстоит предприятие, и ваши навыки могут здорово пригодиться.

– Предприятие? – Д'Агоста изнемогал от усталости, а вот Пендергаста разница в часовых поясах, казалось, только ободрила.

– Наведаемся в Сигну, в секретную лабораторию Балларда. Пока вы расслаблялись в номере, я переговорил с официальными лицами, чтобы раздобыть кое-какие документы насчет деятельности «БАИ». Но даже влияние Фоско не принесло результатов. Похоже, у Балларда имеются связи с нужными людьми. Или по крайней мере он знает, куда вкладывать деньги. Удалось раздобыть лишь жутко устаревшую карту участка, на котором расположен завод. Зато стало ясно: по официальным каналам далеко не уплыть.

– Устроим Балларду сюрприз?

– Это будет не визит, а проникновение. Все необходимое получим завтра утром.

Д'Агоста прищурился и кивнул:

– Повеселимся?

– Надеюсь, не слишком. С возрастом, Винсент, я стал привыкать к тихим вечерам у камина; бодрящие перестрелки в ночи уже не по мне.

Глава 51

Брайс Гарриман ловко протискивался сквозь людской затор на Пятой авеню, не переставая думал о дьявольских убийствах. Крис прав: теория фон Менка задела Нью-Йорк за живое. Телефон Гарримана разрывался; большей частью, конечно, звонили придурки, но таковы издержки работы в «Пост». На статьи Гарримана читатель еще ни разу не реагировал так бурно. Для необразованных бодяга с золотым сечением – аура математики, уравнения с датами – звучала как научная сенсация. Да и совпадения в числах пугали по-настоящему.

Проходя мимо клуба «Метрополитен», газетчик бросил мимолетный взгляд на чудесный мир денежной аристократии. На свой мир или, скорее, на мир своих дедов. Приближалось время, когда Гарриман мог рассчитывать на первое в жизни приглашение в один из престижных клубов, которым управлял его отец. Хотя работа в «Пост» наверняка послужит серьезным препятствием. Значит, нужно скорее вернуться в «Таймс».

И здесь поможет история с дьявольскими убийствами.

Хорошую историю, словно огонь, нужно подкармливать, а эта начала угасать. Расположение Криса в любой момент закончится, и Гарриман в два счета останется не у дел. История любой ценой должна жить, пусть даже продолжение придется сфабриковать. За тем Гарриман и пришел снова к дому, где был убит Катфорт. После первых же статей толпы религиозных фанатиков, дьяволопоклонников, готов, сатанистов, нью-эйджеров и просто чудиков стали ежедневно собираться напротив здания у кромки Центрального парка. Доходило до потасовок, приезжала полиция. Увы, в происходящем не было системы. Для настоящей реакции нужен катализатор.

Приближаясь к Шестьдесят восьмой улице, Гарриман уже заметил разношерстное скопление, в котором каждый лепился к кучке себе подобных. Работая локтями, газетчик протиснулся через кольцо зевак.

С последнего раза ничего не изменилось, разве что ненормальных прибавилось. Сатанисты в черной коже, заливаясь пивом, изрыгали проклятия в сторону нью-эйджеров в конопляных робах. Здесь, как на рок-концерте, пахло выпивкой и марихуаной. В дальнем конце довольно много народу собралось послушать человека в выцветших джинсах и рубашке из темной шотландки с короткими рукавами.

Гарриман протолкался поближе. Человек проповедовал, это было ясно как божий день, но в отличие от прочих – безграмотных, вопящих, срывающих голос на грани истерии – выглядел он нормальным и говорил спокойно и рассудительно. Народ вокруг него не расходился, проповедью заслушались даже несколько сатанистов и готов.

– Это удивительный город, – говорил проповедник. – Я здесь всего сутки, но уже убедился: на земле нет городов, подобных ему. Высокие дома, лимузины, красивые люди… Я в Нью-Йорке впервые, и знаете, что поражает больше всего – больше, чем блеск роскоши? Суета. Оглянитесь, друзья! Взгляните на пешеходов. Посмотрите, как они спешат, погруженные в беседу по телефону, не глядя по сторонам. Я впервые вижу такое. Посмотрите на людей в такси и автобусах – они спешат, даже сидя на своих местах. Я знаю, чем заняты их умы. Люди предпочитают говорить с сотовыми телефонами, а не друг с другом, лицом к лицу. Чем они заняты? Собой. Люди Нью-Йорка думают о

завтрашней важной встрече, заказывают столик в ресторане, собираются изменить супругу или нанести удар в спину деловому партнеру. Они строят всевозможные планы, схемы и стратегии. Люди видят на тридцать или сорок дней вперед… но кто из них задумывается о том, что он смертен? Кто озабочен тем, чтобы примириться с Богом? Многие ли размышляют над словами Иисуса в Евангелии от Луки: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет»[51]?

Гарриман пригляделся к проповеднику: опрятный, гладко выбритый, с короткими рыжеватыми волосами и привлекательным лицом типичного американца. На хорошо развитых руках Гарриман не заметил ни татуировок, ни пирсинга, ни какой-нибудь черной кожи с заклепками. Если проповедник и носил с собой Библию, то не выставлял ее напоказ. Он будто говорил с группой друзей – с людьми, которых уважал.

– В Нью-Йорке я посетил церкви. Много церквей. Я прежде не видел города – не важно, маленького или большого, – который мог бы похвастаться таким множеством храмов. Но знаете, друзья, мне стало грустно, ведь каждая церковь была пуста. Каждая умирает в забытье. Даже в кафедральном соборе Святого Патрика – в жизни не видел христианского храма прекрасней! – даже там собрались жалкие крохи молящихся. Туристы – вот их в церквах сотни. Однако верующих – меньше, чем пальцев у меня на руках.

И это, друзья мои, самое грустное – думать, что в месте, где сосредоточены культура, наука и прогресс, царит духовная пустота. Я чувствую, как она обступает меня подобно пустыне, иссушает до самого костного мозга. Я не желал верить тому, что прочел в газетах, – ужасным историям, которые почти против моей воли привели меня сюда. Но это правда, братья и сестры. Все до последнего слова. Нью-Йорк предался мамоне, но не Богу. Взгляните, – проповедник указал на болтающего по телефону прохожего в приличном костюме в полосочку. – Когда, по-вашему, он в последний раз вспоминал, что смертен? А она? – Все посмотрели на женщину: нагруженная покупками из бутиков, та выбиралась из такси. – А они? – Указующий перст уткнулся в сторону парочки студентов, идущих под руку вниз по улице. – А вы? – Палец прошелся по толпе. – Как давно о неминуемости смерти вспоминали вы? Неделю назад, десять, двадцать лет назад?.. Момент скоро настанет! Он приближается, и это так же верно, как то, что меня зовут Уэйн П. Бак. Готовы ли вы?

А парень хорош. Гарриман даже вздрогнул.

– Не важно, кто вы: банкир с Уолл-стрит или сезонный рабочий, – перед смертью все равны. Велик или мал, богат или беден – смерть придет за каждым из нас. В прошлом люди не забывали об этом. Посмотрите на

старые надгробия, что вы видите? Образ крылатой смерти. И слова: «memento mori» – «помни о смерти». Думаете, юноша прекратит телефонный разговор и задумается? Удивительно: веками мы развивались – и все же упустили из виду фундаментальную истину, которая всегда – всегда! – тревожила умы наших предков. Когда-то давно поэт Роберт Геррик написал:

Жизнь коротка, и дни спешат,

Как солнце быстро на закат.

И как туман и капельки дождя

Исчезнут, вдаль навечно уходя…[52]

Гарриман сглотнул. Удача ему не изменила. Этот парень, Бак, – настоящий подарок. Толпа вокруг проповедника быстро росла, люди перешептывались так, чтобы не заглушить тихий, вкрадчивый голос. И Баку не нужна была Библия. Господи, он наверняка знал ее назубок. И не только Библию – с тем же успехом он цитировал поэтов-метафизиков.

Гарриман тихонько запустил руку в карман рубашки и включил диктофон. Нельзя пропустить ни слова. Это вам не предсказания Пата Робертсона в его же собственной программе «Клуб 700»: ни евангелистской чуши, ни акцента босяка из Флориды, ни грима штукатуркой – все натурально.

– Юноша не задумается над тем, что день, прожитый без Бога, – это день, прожитый впустую. Те двое любовников не задумаются, какой их ждет суд. Женщина с покупками, я почти убежден, ни разу не думала об истинных ценностях. Они как римляне, что слепо стояли в стороне, когда распяли нашего Господа. Если они и думали о посмертии, то думали так: я умру, меня положат в гроб, закопают – и все, дальше не будет ничего. Однако, братья и сестры, это совсем не так. В жизни я сменил много профессий, довелось мне поработать и ассистентом в морге. Со смертью ничего не заканчивается. Все только начинается. Я своими глазами видел, что происходит с умершими.

Гарриман заметил, что хоть толпа и росла, вокруг сделалось необычайно тихо. Казалось, никто не смеет пошевелиться. И сам он невольно застыл, затаив дыхание, ожидая, что проповедник скажет дальше.

– Возможно, нашему важному юноше с сотовым телефоном повезет, и его похоронят посредине зимы. Это несколько замедляет процесс. Но рано или поздно прибудут гости к обеду. Первыми придут мясные мухи, Phormia Regina, чтобы отложить яйца. В свежем трупе бурно развиваются несколько популяций разных видов, десятки тысяч червей, постоянно двигающихся и всегда голодных. Личинки сами по себе

выделяют столько тепла, что те, которые в центре, вынуждены отползать к краю. Цейтраферная съемка покажет непрерывно кипящий котел. И конечно, могильные черви – первые и далеко не последние. Вскоре аромат разложения приманит остальных... Впрочем, расписывать в деталях весь процесс я не стану.

Но оставим, друзья, тех, кто упокоился в земле.

Возможно, наш юноша предпочтет кремацию. Лишит своего тела жуков и червей. Бренная оболочка исчезнет быстро и с достоинством.

Братья и сестры, поверьте, в смерти, что застигла нас вне Божьего ока, достоинства нет! Я видел кремаций больше, чем можно представить. Знаете ли вы, как тяжело сжечь тело? Какой для этого нужен жар? А знаете, что происходит с телом в пламени? Я расскажу вам, друзья, и тем вас не пожалею. Вы поймете, что на то есть причина.

Сначала волосы – от макушки до кончиков пальцев ног – вспыхивают и завиваются струйками синего дыма. Затем тело выпрямляется, словно кадет на парадном смотре, а после будто пытается сесть. И не важно, что сверху – крышка, оно все равно пытается сесть. Температура уже четыреста градусов. Закипает костный мозг, и начинают гореть сами кости, а хребет взрывается, как костяные гирлянды.

Жар все растет, и вот уже в печи пятьсот, восемьсот, тысяча градусов. Тело продолжает взрываться, и крематорий словно бы оглашают выстрелы. Тут я вновь воздержусь и не скажу, что именно взрывается. Позвольте открыть только, что длится это ни много ни мало целых три часа, пока от бренного тела не останутся пепел да осколки костей.

Почему я не пощадил вас, братья и сестры, и рассказал об этом? Отвечу: Люцифер, Князь тьмы, не дремлет и без устали гонится за вашими душами. Не пощадит он и вас. Пламя крематория куда как холоднее и тише, нежели пламя, уготованное душе нашего важного юноши. Тысяча или шесть тысяч градусов, три часа или три века – для Люцифера это ничто, не более чем теплый весенний ветерок. И когда вы попытаетесь сесть в озере горящей серы, и когда ударитесь головой о крышу ада и упадете назад, в то неугасимое пламя, горящее столь горячо, что всех сил моего бедного языка не хватит, чтобы передать, насколько горячо, – кто тогда услышит ваши молитвы? Никто. У вас была целая жизнь, но вы растратили ее понапрасну.

И потому я здесь, друзья. Наверху, в том прекрасном здании, что возвышается высоко над нашими ничтожными головами, Люцифер явил свой лик великому городу, забрав в ад душу человека – человека по имени Катфорт. В Откровении сказано, что в Судный день Люцифер открыто будет ходить по земле. И вот он пришел. Та смерть, на Лонг-Айленде, и эта смерть, здесь, – только начало. Нам дано знамение,

и мы должны действовать, действовать немедленно. Еще не поздно. Склеп или же урна для пепла, черви или же пламя – поймите, между ними нет разницы. Когда ваша душа предстанет перед Судьей, что вы ответите? Я прошу: загляните в себя сейчас, в тишине, и в тишине судите самих себя. А затем мы вместе помолимся. Помолимся о прощении, пока мы здесь, в обреченном городе, где должно обрести искупление.

Гарриман почти машинально, не спуская глаз с Бака, достал из кармана сотовый и позвонил в фотоотдел. Оказалось, сейчас смена Клейна, и он понял в точности, что нужно Гарриману: никаких карикатур на религиозных фанатиков, наоборот – Бак будет выглядеть так, что читатели «Поста» проникнутся к нему почтением.

А уж когда читатель услышит речь Бака...

Гарриман убрал мобильник. Преподобный Бак еще не догадывался, что скоро – очень скоро – он станет героем первой полосы.

Глава 52

Влажная ночь благоухала. Где-то близко во тьме стрекотали сверчки. Д'Агоста следовал за Пендергастом вдоль заброшенного железнодорожного полотна между бетонными руинами. Было три часа пополуночи, и луна только взошла, накрыв город бархатным покровом.

На перекрестке рельсы закончились. Отсюда в обе стороны во тьму убегала сетка забора, в одной из дальних сторон которого едва заметно чернели силуэты деревьев.

Вслед за Пендергастом д'Агоста прошел вдоль изгороди несколько сотен ярдов, до самой рощицы. Там, на крохотной прогалинке, покрытой ковром из опавших листьев и бугорками старых каштанов, фэбээровец опустил на землю сумку.

– Приготовимся здесь, – сказал он.

Д'Агоста несколько раз глубоко вздохнул. Хорошо хоть взялся за ум после погони в Риверсайдском парке, но лучше бы он подумал об этом раньше. Пендергаст даже не запыхался.

Фэбээровец стянул с себя костюм, оставшись в черных штанах и рубашке, и стал аккуратно заворачивать одежду в пакеты, которые потом спрятал в сумку. Д'Агоста проделал то же самое.

– Вот, держите. – Пендергаст бросил ему баночку с маскировочной краской.

Черня лицо, д'Агоста изучал периметр забора. Слабее охраны и представить было нельзя: только порванный во многих местах ржавый

забор, успевший провиснуть. Сняв туфли, д'Агоста надел пару тех, что дал ему Пендергаст: черные и плотно облегающие, с мягкой подошвой.

Агент ФБР достал «лес баер» и стал наносить краску на пистолет. Д'Агосту передернуло – кощунственно так поступать с прекрасным оружием!

– Вам придется сделать то же самое, Винсент. Малейший блик – и наблюдатель нас засечет.

Д'Агоста неохотно достал пистолет.

– Вы наверняка сомневаетесь, так уж ли все это необходимо.

– Была такая мыслишка.

Пендергаст надел пару черных перчаток.

– Винсент, забор – это обманка. Здесь несколько кругов охраны. Первый – чисто психологический. Не сомневаюсь, он же – одна из причин, по которым Баллард выбрал именно этот участок.

– Психологический?

– Здесь когда-то располагалась «Il Dinamitifico Nobel», одна из фабрик Альфреда Нобеля по производству динамита. – Пендергаст взглянул на часы. – Ирония судьбы: Нобель учредил Премию мира, а состояние сделал на жесточайшем изобретении в истории человечества.

– Вы про динамит?

– Да. Динамит в семнадцать раз мощнее пороха. Он совершил революцию в мире военных действий. Мы привыкли к массовому убийству, Винсент, и попросту забыли, на что была похожа война, когда использовались обыкновенный черный порох, пушки и ядра. Они ужасны, не спорю, но не имеют ничего общего с сегодняшним днем. Артиллерийские снаряды и бомбы взрывают целые здания, мосты, фабрики. Когда появились аэропланы, бомбы стали ровнять с землей целые жилые кварталы, жечь города, убивать тысячи человек. Мы говорим о ядерной угрозе, а ведь, по сути, динамит и его производные убили и искалечили людей больше, чем атомное оружие, которому, наверное, еще только предстоит наверстать упущенное. – Фэбээровец вставил обойму и тихо передернул затвор.

– Вы правы.

– Когда Нобель получил патент на свое изобретение, на пике успеха, у него по всей Европе были сотни динамитных фабрик. Заводы строились вот в таких лагерях: как бы бережно люди ни обращались с материалами, порой происходили несчастные случаи. Рабочие гибли

сотнями. Нобель размещал предприятия в районах, доведенных до нищеты, и таким образом получал неиссякаемый источник рабочей силы – отчаявшихся бедняков, которые становились расходным материалом. Эта фабрика была одной из крупнейших.

Пендергаст махнул рукой в сторону темноты за забором.

– Если бы не один любопытный случай, Нобель так и вошел бы в историю, как бесконечно жестокий человек. В тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году умер его брат, и европейские газеты ошибочно написали, будто бы умер сам Нобель: «Гибель торговца смертью» – так они сообщали в заголовках. Нобель поразился, прочтя собственный некролог, и понял, каким его запомнят. Тогда он основал премии своего имени – включая Премию мира – и отошел от того, что сослужило бы ему ужасную службу перед лицом суда истории.

– Похоже, сработало, – пробормотал д'Агоста.

– А теперь самое главное. Ко времени, когда эта фабрика закрылась, от взрывов погибли сотни рабочих и еще тысячи загубили здоровье: химикалии, которые использовались в производстве, чрезвычайно вредно влияли на мозг. Теперь это место считается проклятым, местные жители его избегают. Пока семь лет назад Баллард не купил эти земли, сюда не входил ни один человек.

– Баллард обратил репутацию места себе на пользу, – сказал д'Агоста. – Умно.

– Он получил средство устрашения. По крайней мере для местных. А вот нас ожидает система безопасности, и, возможно, весьма продвинутая. Что именно нас ждет, я пока могу только догадываться, ведь мои поиски, как вы знаете, не увенчались успехом. Но я припас инструменты, которые должны помочь.

Пендергаст вытащил из сумки ранец и забросил его на плечо. Еще он достал сегменты алюминиевой трубки и соединил их, прикрепив к концу небольшой диск. Затем подошел к забору, поводя устройством взад-вперед, и, достигнув изгороди, пригнулся к земле. На маленьком диске загорелся крохотный бледно-красный огонек.

– Ну вот. Здесь переменное электромагнитное поле частотой шестьдесят герц.

– Хотите сказать, ограда под напряжением? – спросил д'Агоста. – Вот эта рухлядь?

– Не сам забор. Однако сразу же по ту сторону, под землей, проходит пара проводов, чувствительных к движению. Если кто-то через них переступит, охрана об этом узнает.

– И как же мы их отключим?

– Никак. Следуйте за мной.

Спрятав сумки в зарослях, напарники крались вдоль забора, пока не достигли уязвимого места – больших дыр, грубо заделанных упаковочной проволокой. Встав на колени, Пендергаст ловко размотал проволоку, затем аккуратно просунул в прореху прибор и просканировал почву. На небольшом светодиодном экране диска загорелись цифры.

Втянув прибор назад, фэбээровец аккуратно убрал листья и почву, обнажив пару проводов. То же самое он проделал несколькими футами дальше. Достав из рюкзака пару зажимов типа «крокодил», соединенных с крохотными электронными устройствами, прицепил их к проводам с обоих концов получившегося отрезка.

– Что вы делаете?

– Это компенсаторы с зажимами. Они снизят наши электромагнитные показатели до уровня семидесятикилограммового дикого кабана с самкой. Животные сюда забредают часто. Уверен, охранники уже с ума сходят от постоянных нарушений периметра. А сейчас – быстро!

Они проползли в дыру. Пендергаст залатал прореху, вернув ей первоначальный вид, и снял с проводов зажимы. Затем другой палкой присыпал проплешинки над проводами опавшей листвой и, достав из рюкзака бутылочку, побрызгал из нее на землю. Донесся резкий запах.

– Разбавленная кабанья моча. Не отставайте.

Низко пригнувшись, они пробежали вдоль забора несколько сотен ярдов, пока не достигли густых зарослей, и как можно тише забрались внутрь.

– А теперь ждем обхода. Охранники наверняка экипированы приборами ночного видения и инфракрасными визорами. Поэтому не двигайтесь и держитесь как можно ниже. Решив, что это кабан, они надолго не задержатся.

Наступила тишина. В плотных зарослях было очень темно. Пендергаст держался так тихо и неподвижно, что д'Агосте показалось, будто напарник вовсе испарился. Только едва слышно шелестел ветер, да раздавались редкие вскрики ночной птицы. Прошло три минуты. Пять.

Д'Агоста почувствовал, как по ноге ползет муравей. Он уже потянулся, чтобы смахнуть насекомое, но Пендергаст прошептал:

– Нет.

Пришлось оставить муравья в покое.

Вскоре насекомое перебралось на голень. Перебегая с места на место, маленький исследователь, добравшись до ботинка, стал зарываться в носок. Д'Агоста пытался не думать о муравье, но тут у него защекотало в носу. Сколько еще ждать? Десять минут? Господи Иисусе, легче пробежать марафон, чем сидеть неподвижно!.. По ноге прошлось покалывание. Нужно было сразу сесть поудобнее. Сейчас ни пошевелиться, ни в носу почесать – а зудит так, что озвереть можно. Первый муравей, похоже, выполнил разведмиссию, потому что ногу штурмовала уже целая армия его сородичей. Покалывание усилилось, и икроножная мышца непроизвольно стала дергаться.

Вдалеке послышались голоса, сквозь листву замелькали огоньки. Голосов прибавилось, затрещала статика из уоки-токи вперемежку с отрывочными фразами на английском. Затем все стихло.

Д'Агоста ожидал, что Пендергаст вот-вот даст «отбой», но фэбээровец молчал. Мышцы д'Агосты ныли от боли. Нога онемела, а муравьи теперь ползали по всему телу.

– Порядок. – Пендергаст встал, и сержант, безмерно благодарный, вскочил, растирая нос и смахивая муравьев.

– Когда-нибудь, – взглянул на него фэбээровец, – я научу вас технике медитации, полезной для таких случаев.

– Знаете, очень бы пригодилось. Думал, умру.

– Мы прошли первый уровень безопасности. Впереди – следующий. Держитесь прямо за мной и ступайте след в след.

Они зашагали через заросли деревьев, Пендергаст по-прежнему сканировал почву прибором. Дальше было заросшее поле, а за ним – ряд разрушенных зданий, огромных кирпичных складов с остроконечными крышами и без дверей. Стены покрылись виноградной лозой – в тяжелом воздухе покачивались, будто кивая, темные головы пучков-отростков.

Пендергаст сверился с маленькой картой, и напарники двинулись к первому складу. Внутри пахло плесенью и сухой гнилью. Даже самые осторожные шаги будили эхо. Задняя дверь вывела на гигантскую площадку, окруженную строениями. Цементную поверхность, словно картинку-пазл, исчертили трещины, сквозь которые пробивалась темная растительность.

– А если у них здесь собаки? – прошептал д'Агоста.

– Сторожевые собаки – это прошлое. Они непредсказуемы, шумят и часто не на тех нападают. Собак теперь используют исключительно для выслеживания. Опасаться стоит намного более тонких вещей.

Они пересекли бетонную площадку. В листве шуршали ночные животные. На другом конце внутреннего двора между двух рядов разрушенных зданий протянулась травянистая аллея, окаймленная грудами каменной кладки, по которым расползались темные пятна плюща. Пендергаст пошел осторожнее, освещая путь маленьким фонариком. Пройдя аллею наполовину, он опустился на колени и стал изучать поверхность. Затем, подобрав ветку, пошевелил ею траву впереди. Ткнул сильнее, и ветка вдруг провалилась.

– Яма. Заметьте, здесь нет обходного пути.

– Западня?

– Несомненно. Но обстановка очень убедительная – антураж старой фабрики: если нарушитель упадет в эту яму и погибнет, виноват он сам.

– Как вы ее вычислили?

– Здесь нет кабаньих следов. – Пендергаст отбросил палку и развернулся. – Пройдем через одну из лабораторий. Осторожно: там могла заваляться бутылочка-другая нитроглицерина – стратегический ход, рассчитанный на излишне доверчивых. Будем считать, что это – следующий круг системы безопасности, Винсент, соблюдаем тишину и постоянную бдительность.

Они вошли в темный дверной проем, и Пендергаст посветил вокруг фонариком. Пол усыпали осколки стекла, и куски ржавого металла, плиточное и кирпичное крошево. Пендергаст остановился и знаком велел д'Агосте выйти наружу.

Через две минуты они вернулись на внутренний двор.

– Что там не так? – спросил д'Агоста.

– Слишком много битого стекла, разбросанного слишком равномерно, к тому же оно современное. Звуковая ловушка: малейший шорох – и собственные ноги выдадут нас сенсорам. Думаю, есть и датчики движения.

В зеленоватом свете фонарика лицо фэбээровца выглядело бледным, призрачным и слегка встревоженным.

– Что теперь?

– Вернемся к яме.

Пендергаст крался впереди, тыкая палкой, пока не нащупал яму. Тогда он лег на живот, аккуратно раздвинул траву и посветил в яму фонариком.

– Ждите здесь, – велел он сержанту, погасил фонарик и растворился во тьме.

Д'Агоста ждал. Пендергаст не сказал сидеть тихо и не шевелиться, но д'Агоста в напоминаниях не нуждался. Съежившись в чернильно-черной темноте, он едва смел дышать. Прошло пять минут. Напряжение взяло свое – сердце молотом колотилось в груди.

«Расслабься».

И вдруг – все так же тихо и внезапно – вернулся Пендергаст, неся в руках длинную узкую доску. Перекинув ее через яму, он предупредил:

– Дальше – никаких разговоров, только в крайнем случае. Идем.

Друг за другом они перешли яму шаткому импровизированному мостику. На том конце ждали заросли – еще гуще, словно темная стена. Напарники двинулись вдоль поросшей кустарником территории, затем свернули прямо на нее, найдя звериную тропку.

«Вот спасибо, кабанчики, – подумал д'Агоста. – Спасаете нам задницы».

Д'Агоста с Пендергастом медленно крались через густые заросли. Справа над ними нависла кирпичная стена – массивная, похожая на сооружение для защиты от ударной волны, пробитая в одном месте, наверное, старым взрывом. Напарники пошли через пролом, по-прежнему следуя кабаньей тропой. Д'Агоста едва видел Пендергаста, даже не слышал его: фэбээровец двигался, будто гигантская кошка.

Тропа вывела на широкий луг, где растительности слегка поубавилось. Знаком велев товарищу оставаться на месте, Пендергаст разведал местность. В дальнем конце виднелись силуэты разрушенных зданий, а за ними – едва заметные проблески света.

Пендергаст вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну и, тщательно прикрыв ее руками, закурил. Изумленный д'Агоста наблюдал, как товарищ не спеша затянулся и выдохнул струйку дыма.

Не далее чем в трех футах блуждающая дымка раскрыла яркий луч голубоватого света. Лазерный луч. Высоты его как раз хватило бы, чтобы пройти кабану.

Пендергаст лег на живот в высокую траву и пополз, жестом велев следовать за ним.

Медленно и неуклонно продвигались они через поле. Время от времени Пендергаст останавливался, чтобы затянуться спрятанной сигаретой, выдуть струйку дыма и найти очередной лазерный луч. Откуда исходят лучи, понять было нельзя – поле окружали темные деревья да руины.

Через пять минут луг закончился. Затушив о землю окурок, Пендергаст поднялся и скользнул к одному из зданий. У черного провала на месте двери он зажег фонарик, который достал еще на ходу, и посветил внутрь. Луч на мгновение вырвал из тьмы длинный коридор и анфиладу комнат с зарешеченными входами – почти как в тюрьме. Потолок провалился, обрушив несколько стен, составляя лабиринт из крошева кладки, балок и плитки.

Пендергаст замер в дверном проходе, достал портативный измеритель и медленно двинулся внутрь. Казалось, здание может обрушиться в любой момент – время от времени д'Агоста слышал, как поскрипывают и постанывают балки и с шорохом осыпается штукатурка. И чем дальше, тем ярче становился призрачный свет в разбитых окнах дальней стены. Достигнув тех окон, Пендергаст с д'Агостой очень осторожно выглянули наружу.

Глазам сержанта предстал поразительный вид. Двойной забор, увенчанный спиралями колючей проволоки, огораживал залитую светом широкую лужайку. За рядами ухоженных кустов и цветочных клумб возвышалось новое здание – постмодернистская конструкция из стекла, титана и белой облицовки, сверкавшее в ночи. Дальше справа д'Агоста увидел сторожевую будку и ворота.

Они отошли от окон. Пендергаст сел, задумчиво привалившись спиной к стене. Прошло несколько минут, прежде чем он встал, жестом позвав товарища. Низко пригнувшись, они дошли до противоположной стены и вышли через боковую дверь. Плотные кусты и крыжовник разрослись так, что казались продолжением лужайки.

Д'Агоста с Пендергастом подползли к зарослям, когда фэбээровец вдруг замер. Быстро приближались голоса, во тьме шарил яркий луч света. Д'Агоста вжался в кустарник, молясь, чтобы одежда и краска на лице помогли укрыться.

Глава 53

Д'Агоста лежал неподвижно, не смея дышать. Луч света метался, пронзая листья и виноградную лозу. Голоса звучали совсем близко, можно было даже различить слова. Охранники – двое американцев – не спеша шли вдоль внутреннего периметра. Д'Агоста почувствовал внезапное, почти непреодолимое желание поднять голову, оглядеться. Но в этот момент луч света лег ему на спину, и д'Агоста замер как убитый. Луч задержался. Чиркнула спичка, потянуло сигаретным дымом.

– ...Настоящая сволочь, – произнес один охранник. – Если б не платил так хорошо, я бы уже давно свалил к себе, в Бруклин.

– Если и дальше так пойдет, – ответил второй, – мы все отсюда слиняем.

– Урод сбрендивший.

Второй согласно заворчал.

– Говорят, он живет на вилле, которая раньше принадлежала Макиавелли.

– Кому?

– Макиавелли.

– А, футболист? Новенький у «Сент-Луис рэмс»?

– Проехали. – Свет резко ушел в сторону. Сигарета описала дугу и шлепнулась рядом с левым бедром д'Агосты. Охрана пошла дальше.

Через минуту сбоку вынырнул Пендергаст.

– Винсент, я и предполагать не мог, что у них такая тщательная система охраны, – прошептал он. – Не то что промышленный шпионаж, здесь бессильно само ЦРУ. С моими инструментами внутрь не проникнуть. Мы должны вернуться и продумать новый план.

– Например?

– Мне вдруг стал интересен Макиавелли.

– Понял.

Они отступили тем же путем – через скрипящие и трещащие развалины. Казалось, на возвращение времени ушло много больше. На полпути Пендергаст остановился.

– Чувствуете запах? – пробормотал он.

Ветер изменился, и из дальней комнаты донеслась вонь разложения. Пендергаст включил фонарь, и в слабом зеленоватом свете стали видны останки небольшой лаборатории с обвалившейся крышей. На полу из-под груды балок виднелась полусгнившая кабанья голова с обломанными до пеньков клыками.

– Ловушка? – прошептал д'Агоста.

– Замаскированная, – кивнул Пендергаст, – под неустойчивое здание. – Луч фонаря обшарил комнату и остановился на дверном пороге. – А вот и спусковой механизм. Наступишь – и тебя завалит строительным мусором.

Д'Агосту передернуло – ведь каких-то десять минут назад он, беспечный, переступал этот самый порог.

Вздрагивая и замирая каждый раз, когда сверху раздавался скрип дерева, напарники преодолели оставшуюся часть помещения. Снаружи их ждало широкое поле, похожее на озеро черноты. Пендергаст закурил и, опустившись на колени, аккуратно двинулся вперед, вновь выдувая перед собой струйку дыма, до тех пор пока не проявился первый луч лазера – тонкий, словно росчерк карандаша. Вновь им с д'Агостой пришлось ползти.

На этот раз луг показался д'Агосте бесконечным. Позволив себе оглянуться, он пришел в ужас: позади осталась лишь половина пути.

В этот момент трава впереди заволновалась, и в поле зрения выскочила семейка зайцев: напуганные, они скакали в разных направлениях, убегая прочь, в темноту.

Пендергаст замер, затянулся сигаретой и выдохнул дым в ту сторону, откуда появились зайцы – возникли пересекающиеся лучи лазера.

– Вот какая неприятность...

– Они задели луч?

– Боюсь, что да.

– И что делать?

– Бежать.

Вскочив, Пендергаст заскользил по полю, словно летучая мышь в полете. Д'Агоста припустил следом, изо всех сил стараясь не отставать.

Пендергаст побежал не звериной тропой, а свернул к деревьям слева. Уже в зарослях д'Агоста услышал крики и рев моторов машин. В поле вспыхнули две пары автомобильных фар, в развалинах заметались лучи прожекторов.

Пендергаст и д'Агоста упали к самым корням и стали продираться сквозь дикую ежевику и подлесок. Через сотню ярдов Пендергаст развернулся на девяносто градусов. Рюкзак нещадно бил его по плечу. В ушах д'Агосты набатом стучала кровь.

Фэбээровец вновь резко сменил курс. Внезапно напарники оказались на старой дороге, заросшей травой по пояс, и побежали. Сержант выбивался из сил, стараясь не потерять товарища из виду. Дыхание почти сбилось, но адреналин и страх подстегивали.

Дорогу пересек луч прожектора, и Пендергаст с д'Агостой упали. Едва луч исчез, фэбээровец вскочил и побежал дальше – теперь в другую рощицу, в дальнем конце заброшенной дороги. В деревьях замелькало

еще больше лучей, и сквозь мрачный воздух донеслось множество голосов.

Когда д'Агоста достиг рощицы, Пендергаст уже сверялся с картой, подсвечивая себе фонариком. Они побежали дальше, вверх по небольшому подъему. Деревья сделались гуще, и друзьям как будто бы удалось оторваться. Д'Агоста осмелел, появилась надежда, что они все-таки благополучно сбегут.

Рощица истончилась, и д'Агоста различил на небе россыпь звезд. Вдруг впереди словно из ниоткуда выросла необъятная чернота – стена двадцати футов в высоту. Заплесневелый кирпич был обвит ползучими растениями.

– На карте этого нет, – выдохнул Пендергаст. – Похоже, стену для защиты от взрывов построили позже.

Впереди в зарослях заплясали огни.

– Лезем!

Ухватившись за корень, фэбээровец подтянулся. Следом д'Агоста сгреб стебель, нашел опору для ног. Взбираясь, он торопился, и один из отростков выдрался из стены, обрушив поток прогнившего кирпича. Повиснув, д'Агоста вновь нашел опору. Пендергаст обогнал его, карабкаясь, словно кошка. По холму поднимались огни. Справа подбиралась еще одна группа.

– Быстрее! – прошипел Пендергаст.

Д'Агоста схватил еще один стебель, соскользнул, выписывая ногой кренделя. Снова зацепился.

Прозвучал выстрел, и пуля ударила в стену справа.

Еще рывок, еще опора.

Пендергаст нагнулся, схватил д'Агосту за запястья и потянул на себя. Высветив подножие стены, огни заплясали, плетя сумасшедшие узоры. Лучи прыгали на стену, били в спину и в лицо.

– Ложись!

Д'Агоста нырнул в заросли на поверхности стены толщиной почти в десять футов.

– Ползем.

Затрещало автоматическое оружие, засвистели пули, и на друзей посыпались срезанные стебли и листья.

Напарники достигли противоположного края стены и увидели еще больше охраны, с собаками – молчаливыми собаками на поводках. Новая очередь срезала растения сбоку.

– Господи! – Мгновение Д'Агоста лежал на спине, глядя на неподвижные звезды.

Внезапно послышался лай – собак спустили.

Голоса – мешанина английского и итальянского – доносились уже с обеих сторон. Снизу ударил мощный столб света. Охранники взбирались на стену.

Голова Пендергаста возникла у самого уха.

– Встаем и бежим. Держитесь середины стены.

– Нас подстрелят.

– Нас убьют в любом случае.

Д'Агоста поднялся и побежал, но разве это был бег?! Скорее, он продирался сквозь заросли.

Мелькали лучи света, грохотали выстрелы. Чей-то голос выкрикнул: «Non sparate!»

– Быстрее! – скомандовал Пендергаст.

Но было уже поздно – навстречу бежали темные фигуры. Д'Агоста и Пендергаст плашмя упали на кирпичную кладку.

– Non sparate! – прокричал тот же голос. – Не стрелять!

Позади на стену взобралась вторая группа людей. Напарников окружили. Съежившись в луже яркого света, д'Агоста чувствуя себя абсолютно голым и незащищенным.

– Eccoli! Вот они!

– Прекратить огонь!

Затем голос – тихо и хладнокровно – сказал:

– Вы двое, встаньте. Сдавайтесь, или мы убьем вас.

Глава 54

Локк Баллард смотрел из-за стола на прикованных к стене пленников – сукиных сынов в черных костюмах спецназа. Американцы как пить дать, возможно, из ЦРУ.

– Сотрите с них краску, – сказал он шефу службы безопасности. – Посмотрим, кто они такие.

Начальник охраны достал из кармана платок и резкими движениями очистил оба лица.

Баллард не поверил глазам. Вот уж кого он не ожидал здесь увидеть: сержанта полиции с Лонг-Айленда и Пендергаста, специального агента Бюро. Значит, Васкез потерпел неудачу. Или сбежал с деньгами, во что верилось скорее. Но черт с ним, с киллером, как они вообще прошли два уровня охраны?! Баллард недооценил их. В который раз. Пора кончать с этой парочкой – впереди ждут дела поважнее, отвлекаться нельзя.

– Где вы их поймали? – спросил Баллард.

– Проникли через внешнее кольцо охраны в районе старого железнодорожного разъезда и добрались до второго кольца. Лазерную решетку на внутреннем поле тоже прошли.

– Они точно не преодолели второе кольцо?

– Абсолютно точно, сэр.

– На них есть передатчики?

– Нет, сэр. По пути они тоже ничего не сбросили.

Баллард взглянул на жирного – который жирным больше не выглядел.

– Эй, д'Агоста, сбросил фунт-другой? Как там у тебя, по-прежнему не стоит?

Ответа не было. Мерзавец только смотрел на Балларда с ненавистью. Хорошо. Пусть ненавидит.

– И наш не-особо-специальный агент… Если только ты на самом деле агент. Не хотите рассказать, какого хрена вам здесь понадобилось?

Нет ответа.

Время уходило, и от копа с агентом лучше было избавиться – прямо сейчас. Они не проникли через второе кольцо, не говоря уже о третьем, значит, ничего ценного не узнали. Завтра же нагрянут федералы, но это – Италия, и в квестуре у Балларда имелись друзья. Пяти акров флорентийской земли вполне хватит закопать парочку трупов. Пусть потом ФБР ищет сколько угодно – ни черта не найдет.

Баллард взял перочинный ножик, раскрыл пилку и стал непринужденно чистить ногти. Не поднимая глаз, он спросил:

– Д'Агоста, твоя благоверная все так же с продавцом трейлеров?

– Заело пластинку, Баллард? Ты, наверное, сам размяк в одном месте.

Баллард подавил поднявшуюся было волну гнева. Пусть д'Агоста поиграет напоследок – ему недолго осталось.

– Мы взяли твоего киллера, – продолжил д'Агоста. – Жаль, не получилось его раскрутить – цианид заткнул ему рот. Но мы подождем, рано или поздно ты проколешься. Вот тогда повеселимся, да, Баллард? Засадим тебя надежно, и я лично позабочусь, чтобы твоя сексапильность не пропала даром.

Чтобы сдержаться, Балларду понадобилось все его самообладание. Значит, Васкез не смылся с деньгами. Принял заказ и не справился. Все-таки не справился.

Впрочем, сейчас это едва ли имело значение.

Удовлетворенный состоянием ногтей, Баллард убрал пилку и открыл длинное лезвие. Он всегда держал его бритвенно острым – как раз для таких случаев. Кто знает, может, удастся вытянуть информацию?

– Положите его правую руку на стол, – приказал Баллард одному из помощников.

Один охранник мясистой лапой запрокинул д'Агосте голову так, что он ударился о стену. Второй освободил от наручников, дернул и прижал к столу правую руку.

Баллард заметил на пальце копа серебряное кольцо. Небось окончил занюханную среднюю школу где-нибудь в Куинсе.

– Д'Агоста, ты на пианино играешь?

Нет ответа.

Баллард ударил ножом по ногтю среднего пальца, расщепив кончик.

Схватив ртом воздух, д'Агоста дернулся и вырвал руку. Потекла кровь – сначала медленно, затем быстрее. Коп дико боролся, но его схватили и вновь прижали руку к столу.

– Сукин сын! – простонал д'Агоста.

– А знаешь, мне понравилось, – сказал Баллард. – За этим можно и ночь скоротать… Работаешь на ЦРУ, да?

Д'Агоста снова застонал.

– Отвечай.

– Нет, Богом клянусь!

– Теперь ты. – Баллард обернулся к Пендергасту. – Ты – агент ЦРУ? Отвечай: да или нет?

– Нет, и, похоже, ты не учишься на ошибках.

Баллард, ощутив, как его накрывает гневом, аккуратнее взялся за нож – и с силой полоснул им д'Агосте по пальцу, отхватив поврежденный кончик.

– Сука! – взвыл д'Агоста. – Ублюдок!

Ладони вспотели; вытерев их о рукава пиджака, Баллард перехватил нож. Взгляд зацепился за настенные часы: почти три. Что-то он долго возится. До рассвета предстояло провернуть куда более важное дело. Намного, намного более важное.

– Убейте их, – приказал Баллард начальнику охраны. – Затем избавьтесь от тел. Сбросьте в старые шахты, туда же скиньте их оружие. Не хочу, чтобы в помещении, особенно в лаборатории, остались следы. Знаете, про что я: волосы, кровь – все, что содержит ДНК. Не позволяйте им даже плеваться.

– Да, сэр.

– Ты... – начал Пендергаст.

Баллард внезапно развернулся и нанес ему резкий удар в живот. Фэбээровец согнулся пополам.

– Кляп ему в рот. Кляп обоим.

Охранники затолкали во рты д'Агосте и Пендергасту комки ткани и заклеили изолентой.

– Глаза тоже завяжите.

– Да, мистер Баллард.

– Помнишь, – обратился Баллард к д'Агосте, – я обещал, что ты ответишь за все? Теперь твой палец такой же короткий, как и твой член.

Д'Агоста дергался, пытаясь освободиться, и что-то мычал, пока ему завязывали глаза.

Обернувшись к помощнику, Баллард кивнул на стол.

– Приберитесь тут.

Глава 55

С кляпом во рту, с завязанными глазами, в наручниках д'Агосту, словно скотину, вели двое охранников. Рядом позвякивали наручники

Пендергаста. В воздухе пахло грибами – похоже, путь проходил под землей, по длинному сырому тоннелю. Одежда повлажнела. Средний палец за спиной будто бы окунули в чашу с расплавленным свинцом, боль пульсировала в нем в такт биению сердца, и на поясницу капала кровь.

Д'Агоста не мог поверить в происходящее. Потеряй он кончик пальца в другое время, это стало бы катастрофой. Но сейчас д'Агоста думал только о боли. Он даже не успел опомниться: всего несколько часов назад он отдыхал в роскошном отеле, буквально со слезами радости, оказавшись наконец на земле предков, а сейчас во рту у него кусок грязной ткани, на глазах повязка, руки в наручниках, и самого его, словно смертника, ведут убивать.

Д'Агосте не верилось, что он вот-вот погибнет. И все-таки скоро так и случится, если он или Пендергаст что-нибудь не придумают.

Их тщательно обыскали. Не спасло даже мощнейшее оружие Пендергаста – его красноречие. Фэбээровца заставили замолчать. Невероятно, немыслимо, однако жить оставалось считанные минуты.

Д'Агоста постарался забыть о прожигающей боли, заставил себя думать, как можно спастись в последнюю минуту, перехватить инициативу у тех двоих, что ведут его на смерть. Но ни тренировки, ни книги – написанные или прочитанные – не дали ответа.

Остановились. Натужно заскрипел ржавый металл. Д'Агосту подтолкнули, и в ноздри ударил влажный ночной воздух. Стрекотали сверчки. Значит, тоннель закончился.

В спину сержанта уперлось нечто, в чем он безошибочно опознал ствол пистолета. Сквозь мягкие подошвы д'Агоста чувствовал, что их ведут по травянистой тропинке. Над головой шелестели листья. Столь малые, незначительные ощущения вдруг обрели для него огромную ценность.

– Проклятие, – сказал один из конвоиров. – Роса испортит мне туфли! Я за них две тысячи евро выложил – ручная работа, из Панцано.

– Ничего, купишь вторую пару, – хихикнул другой. – Тот старый чудак вроде шьет по паре в месяц.

– И почему дерьмо всегда разгребаем мы? – Вымещая злость, конвоир еще раз толкнул пленника. – Господи, они уже насквозь промокли...

Мысли д'Агосты обратились к Лауре Хейворд. Будет ли она плакать? Странно, все, чего сейчас ему хотелось, – это рассказать ей, как он погиб.

– Смажешь ботинки кремом, и будут как новенькие.

– Если кожа намокла, прежней она уже не станет.

– Тебе бы на этих туфлях жениться.

– Потеряешь две тонны евро – я на тебя посмотрю.

Ощущение нереальности происходящего усиливалось. Д'Агоста сосредоточился на пульсирующей боли – зацепился за нее, как за последний признак ускользающей жизни. Но что будет, когда боль исчезнет?..

Осталось всего несколько минут, а пока он шел: шаг вперед, потом еще. Споткнулся и заработал удар ладонью по голове.

– Ты, говнюк, аккуратней!

Похолодало, запахло землей и гниющими листьями. С кляпом во рту и повязкой на глазах д'Агоста не видел напарника – не мог подать ему знак, не мог действовать. Беспомощность ужасала.

– Тропинка на старый карьер – там.

Послышался шелест, затем ворчание.

– Чертовы заросли...

– Да, смотри под ноги.

Д'Агосту пихнули. По лицу скользнула ветка с мокрой листвой.

– Нам вперед, не сворачивая. Там полно камней на краю, не споткнись. – Последовал гогот. – Падать долго.

И снова кусты и влажная трава. Затем д'Агосту рывком остановили.

– Еще двадцать футов, – сказал его конвоир.

В лицо повеяло сыростью и холодом – затхлым дыханием глубокой шахты.

– Давай, по одному. Ты первый, а я посторожу своего. И торопись, меня уже муравьи искусали.

В подлеске влажно зашелестели шаги – подталкивая, увели Пендергаста. Д'Агосте в ухо уперли ствол, и на цепи наручников стальными тисками сжались пальцы охранника. Что-то необходимо сделать. Хоть что-то. Но что? Стоит д'Агосте шевельнуться – и он труп. Разум отказывался принимать сложившееся положение. И д'Агоста понял: в глубине души он верил, что Пендергаст успеет сотворить чудо – достанет из шляпы нового кролика. Однако время для фокусов истекло. Пендергаст, слепой и немой, стоит на краю пропасти, а в голову ему упирается пистолет. Ничего он уже не придумает.

Откуда-то с расстояния футов в тридцать донесся приглушенный листвой голос:

– Вот так, теперь стой. – Это второй конвоир приказывал Пендергасту. Из шахты снова повеяло холодом и сыростью. В ушах заунывно жужжали насекомые. В изувеченном пальце пульсировала боль.

«Вот и все».

Д'Агоста услышал, как патрон вошел в патронник.

– Покойся с миром, дерьма кусок.

Пауза. И вдруг прогремел выстрел, неправдоподобно громкий. Еще пауза, а вслед за ней далеко внизу что-то тяжелое упало в воду. Искаженный эхом всплеск прокатился вверх по стенкам шахты.

Надолго воцарилась тишина. Потом слегка запыхавшийся голос позвал:

– Порядок, веди второго.

Глава 56

Пробило три часа пополуночи.

Локк Баллард подошел к окну в огромном сводчатом зале. Его переживания были видны только по напряженным желвакам. Дрожащей узловатой рукой он открыл одну створку и взглянул на обнесенные стеной сады. Облака скрыли звезды, придав небу совершенно черный оттенок. Идеальная ночь, как тогда. Боже, повернуть бы время вспять, заплатить сколь угодно высокую цену… Воспоминания заставили вздрогнуть. А может, это лишь холодное дыхание ветра, что гуляет в старинном сосновом лесу?

Баллард постоял у окна, пытаясь успокоиться, подавить нарастающий ужас. Внизу, на террасе, сквозь тьму проступали контуры мраморных статуй. Скоро все будет кончено, и тогда – свобода. Свобода. А сейчас главное – сохранять спокойствие. Всего на одну ночь отойти от привычного, рационального взгляда на мир. И уже завтра можно будет забыть все как дурной сон.

С огромным трудом Баллард оторвался от тягостных мыслей и взглянул поверх японских зонтичных сосен на очертания кипарисов, покрывавших далекие холмы, на ярко освещенные купол Дуомо и башню Джотто за ними. Прежде говорили, что настоящий флорентинец – тот, кто живет в виду купола Дуомо. А ведь все то же самое видел Макиавелли: и холмы, и знаменитый собор, и далекую башню. Кто знает, вдруг знаменитый флорентинец стоял на этом же месте пять веков назад, когда выписывал детали «Государя»? И когда появилась

возможность купить виллу, на которой Макиавелли родился и вырос, Баллард сразу же за нее ухватился.

Интересно, как бы вел себя Макиавелли? Наверняка великий политик чувствовал бы то же самое: страх и покорность. Но как решить дилемму, когда оба выхода неприемлемы? Впрочем, нет: неприемлем только один. Второй был просто немыслим.

Значит, решение – принять неприемлемое.

Отвернувшись от окна, Баллард посмотрел на часы на каминной полке. Десять минут четвертого.

Подойдя к столу, он зажег свечу, и огонек высветил лист пергамента – страницу из книги заклинаний тринадцатого века. Ножом артаме Баллард стал выводить на терракотовом полу аккуратный круг – действуя медленно, чтобы не получилось разрывов. Закончив, взял заранее приготовленный кусочек угля и нанес вдоль окружности греческие и арамейские буквы, сверяясь время от времени с гримуаром. Потом вписал в круг две пентаграммы – прямую и перевернутую, а чуть в стороне вывел малый – разорванный – круг. Баллард не боялся, что ему помешают, – охрану он отпустил. Любые помехи, любые ошибки исключать нужно сразу. В таком деле ставка больше, чем жизнь, а неудача смертью не ограничится.

Вот теперь почти все готово. Дело за малым. Скоро можно будет вздохнуть полной грудью. Придется, конечно, позаботиться о некоторых мелочах: стереть следы существования Пендергаста и д'Агосты, утрясти инцидент с китайцами в парке... Но все это пустяки, принадлежащие к реальному миру, в который Баллард вернется с огромнейшим облегчением. Работа – ничто по сравнению с *этим*.

Сверившись с манускриптом, Баллард убедился, что не забыл ничего. Затем, почти против воли, он посмотрел на прямоугольный ящичек на столе. Погладил полированную крышку и с ужасной неохотой открыл. В воздухе разлился призрачный аромат старого дерева и конского волоса. Трясущейся рукой Баллард коснулся в глубине ящика гладкого предмета, достать который он не посмел. Эту вещь – если все получится – больше никто никогда не увидит...

От одной этой мысли сожаление, гнев, страх и отчаяние навалились на Балларда с такой силой, что он едва не упал на колени. Стало тяжело дышать. Судорожно вздохнув, Баллард взялся за край массивного стола. Сейчас он сделает то, что должен.

Аккуратно закрыв ящик, Баллард запер его и поставил на пол, в середину малого круга, и с тяжелым сердцем посмотрел на часы. В гнетущей тишине странным контрапунктом прозвучал перезвон

колокольчиков, отмечающий четверть часа. Собрав волю в кулак, Баллард стал произносить слова, которые тщательно заучил.

На заклинание ушло полторы минуты, но все осталось как прежде. Ни звука, ни вздоха… Совсем ничего. Может, он где-то ошибся?

Взгляд перенесся на манускрипт. Прочесть еще раз? Нельзя, церемония – точный процесс, и, повторив заклинание, можно навлечь не то что беду – катастрофу!

Окутанный неверным светом, Баллард ждал. В голову пришла мысль: можно ли вообще в это верить? Впрочем, он тут же отбросил внезапно охватившую его смесь надежды и неизвестности. Нет, все сделано правильно, по-другому быть не могло…

И вдруг Баллард ощутил – или же подумал, что ощутил – движение воздуха. По залу разнесся слабый запах – омерзительный сернистый дух.

На окне колыхнулась занавеска. В комнате как будто стало темнее, тьма подкралась и обступила Балларда со всех сторон сразу. А страх и ожидание начисто парализовали его.

Началось.

Все-таки чары сработали.

Баллард приготовился, боясь сделать вздох. Запах стал сильнее; почудилось даже, что в неподвижном воздухе струйками вьется дым – проникает в окна, облизывает рамы, скручивается по углам. От растущего жара загустел воздух.

Сердце Балларда бешено колотилось. Стоя в середине большого круга, он напряженно вглядывался во тьму дверного прохода. Там проступили смутные очертания… Силуэт, идущий медленно, неуклюже…

Получилось! Пришел *он! Он…*

Глава 57

Д'Агосту будто поразило громом: выстрел, тишина, а потом всплеск – вот и свершилось.

– Вперед, – подтолкнул его провожатый.

Сержант не сдвинулся с места. Он не верил в то, что так все закончится.

– Шевелись! – Д'Агосту ударили стволом пистолета в затылок…

Спотыкаясь, он зашагал, машинально пытаясь попадать ногой в промежутки между битыми кирпичами. Накатило заплесневелое дыхание открытой шахты. Шесть шагов, восемь, десять.

– Стой.

Поток грязного воздуха защекотал ноздри, растрепал волосы. И запах, и ощущение ветра показались неестественно яркими. Время, замедлившись, поползло черепахой. «Господи, ну что за смерть ты мне уготовил?!»

Ствол пистолета уперся в череп. Плотно зажмурившись, д'Агоста молился, прося лишь о быстром конце.

Он мелко вздохнул, потом еще раз... Оглушительно рявкнул выстрел. Д'Агоста повалился вперед, в пустоту...

...И смутно почувствовал сильную хватку, рванувшую назад стальными клещами. Рука отпустила, и д'Агоста рухнул прямо на кирпичное крошево. Далеко внизу в воду упало тело – но не его.

– Винсент?

«Пендергаст».

Рывок – и с глаз исчезла повязка, рывок – и нет кляпа. Д'Агоста, пораженный, остался лежать, где упал.

– Поднимайтесь, Винсент.

Д'Агоста понемногу пришел в себя. Пендергаст, вооруженный пистолетом конвоира, привязывал к дереву бывшего владельца оружия. Своего охранника д'Агоста не видел.

Он встал. Ноги не слушались, на лице холодели капли воды: слезы? роса? Казалось, произошло чудо. Сглотнув, д'Агоста еле слышно просипел:

– Как...

Пендергаст покачал головой и глянул в сторону пещеры.

– Думаю, ваш охранник наконец решил проблемы с обувью.

Обернувшись ко второму конвоиру, фэбээровец одарил его ледяной улыбкой. Побледнев, охранник что-то забормотал сквозь кляп.

– Покажите палец, – обратился Пендергаст к д'Агосте.

Д'Агоста совсем забыл о ранении. Взяв напарника за руку, Пендергаст изучил рану.

– Нож был острый, но вы счастливчик: ни кость, ни корень ногтя не задеты.

Он оторвал кусок от края своей рубашки и забинтовал им палец д'Агосты:

– Хорошо бы доставить вас в больницу.

– К черту! Идем за Баллардом.

Пендергаст приподнял брови.

– Просто восхитительно, как совпадают наши намерения. Да, сейчас самое подходящее время. Что же до пальца...

– Забудьте про палец.

– Как пожелаете. Возьмите ваш табельный. – Пендергаст передал ему «глок», а свой «лес баер» приставил к виску охранника. – У тебя один шанс – только один: указать нам наилучший путь к выходу. Я уже порядком изучил план этого места, так что не пытайся меня обмануть – получишь пулю в темечко. Ясно?

Медленно и сбивчиво охранник заговорил.

* * *

Часом позже Пендергаст и д'Агоста ехали по Виа-Вольтеррана – огороженной каменными стенами темной дороге, что извивалась у подножия холмов, к югу от города. На вершинах перемигивались бледные огоньки.

– Как вам удалось? – Д'Агоста все еще не верил в спасение.

Напарники не переоделись, и в темноте были видны только руки и лицо Пендергаста, которому скупой свет приборной панели придавал суровый вид.

– Должен признать, поначалу я растерялся. Повезло, что нас решили убить по очереди. Это стало их первой ошибкой, а второй – чрезмерная уверенность в себе и невнимание. Третьей – то, что мой убийца очень плотно прижал ко мне пистолет, и я определил, где оружие. В манжетах рукавов, краешках штанин и других местах я всегда ношу маленькие инструменты – старый цирковой трюк. Так я справился с наручниками. К счастью, итальянские «браслеты» – топорной работы. На краю колодца я обездвижил противника ударом в солнечное сплетение, затем освободился от повязки на глазах и кляпа. Выстрелив в воздух, я спихнул в карьер большой камень. Потом разъяснил конвоиру, чтобы он велел привести вас, и он выполнил мою просьбу. Как ни жаль, второго пришлось застрелить – с обоими я бы не справился... Хладнокровное смертоубийство не по мне, но ничего не поделаешь.

Он замолчал, а д'Агоста почувствовал, как растет гнев. Ему не было жаль. В пальце, в такт биению сердца, вновь зажглась пульсирующая боль.

Баллард заплатит сполна.

Машина плавно обогнула поворот, и впереди д'Агоста увидел силуэт виллы на фоне неясного свечения ночного неба – зубчатую башню, обрамленную кипарисами.

– Когда-то, – пробормотал Пендергаст, – сюда отправили в ссылку Макиавелли.

Нырнув в аллею, машина поехала вдоль древней стены. У железных ворот Пендергаст притормозил и свернул с дороги. Спрятав автомобиль в оливковой роще, напарники направились к воротам.

– Я все же рассчитывал на серьезную охрану, – сказал Пендергаст, быстро изучив замок. – А здесь даже ворота не заперты.

– Вы уверены, что это та самая вилла?

– Да. – Фэбээровец медленно приоткрыл створки ворот.

Перед усадьбой раскинулся великолепный парк. К холму, усаженному оливковыми рощами, вела дорожка, по обеим сторонам которой выстроились кипарисы. Опустившись на четвереньки, Пендергаст принялся изучать еле заметные следы на гравии. Затем встал и кивнул в сторону густого леса зонтичных сосен.

– Нам туда.

Ведя д'Агосту по сосновому лесу, Пендергаст то и дело останавливался – видимо, высматривал следы охранных систем.

– Странно, – бормотал он себе под нос. – Очень странно.

Вскоре они вышли к аккуратно подстриженной лавровой изгороди. Пендергаст искусно управился с замком на калитке, и вслед за ним д'Агоста вошел в типичный итальянский сад, с клумбами лаванды и ноготков, окаймлявшими невысокие самшитовые барьеры, которым придали прямоугольную форму. В центре белела мраморная статуя фавна – получеловек-полукозел играл на свирели, из которой в заросший пруду его ног с плеском выливалась вода. А над всем этим возвышался темный фасад виллы.

Огромное здание покрывала бледно-желтая штукатурка. Под самой черепичной крышей вокруг четвертого этажа пробегала лоджия – ряд колонн, увенчанных полукруглыми арками. Единственным признаком

жизни казался огонек, трепетавший в окне второго этажа, где, наверное, был большой зал.

Даже у внешней стены не было никаких признаков охраны или охранной системы.

– Как-то это ненормально, – прошептал Пендергаст.

– Может, Балларда нет?

Напарники проходили под огромными окнами, и в ноздри ударил запах. Гнев д'Агосты мгновенно сменился недоверием, а после в душу закрался и страх.

– Сера, – произнес д'Агоста.

– Сера, – согласился агент.

Инстинктивно коснувшись крестика, д'Агоста последовал за Пендергастом к главному входу.

– Открыто, – сказал фэбээровец и проскользнул внутрь.

Мгновение д'Агоста колебался, затем вошел в дом. На входе они с товарищем задержались, чтобы оглядеть великолепный сводчатый потолок, скрытый под слоем обманчиво объемных старинных фресок.

Усилился запах серы, а еще – фосфора и горелого жира.

В зал на второй этаж вела широкая лестница. Д'Агоста поднялся за Пендергастом к сводчатому коридору и направился к массивным деревянным дверям с железной окантовкой. Из-за приоткрытой створки доходил мерцающий свет.

Пендергаст открыл дверь пошире.

Прошла секунда, и глаза д'Агосты освоились в полумраке. Оказалось, свет исходил вовсе не от свечи на столе и не из большого камина, а из центра комнаты: посреди грубо начерченного круга догорало нечто. Над обугленной массой плясали язычки пламени.

И эта обугленная масса имела форму человеческого тела.

С ужасом, не веря своим глазам, д'Агоста подошел к распластавшемуся на полу скелету. Все до единой косточки были на месте и маслянисто поблескивали. На своем месте были и пряжка ремня, и три металлические пуговицы пиджака. Д'Агоста заметил спекшиеся монетки евро, которые находились в кармане брюк. На верхних ребрах блестела золотом расплавленная авторучка «Паркер». Почерневшие пальцы украшала пара уцелевших знакомых колец.

Сохранилось еще кое-что – стопа, обгоревшая у лодыжки. Живая плоть показалась д'Агосте до нелепого похожей на бутафорию – на муляж, который нарядили в лакированный ботинок ручной работы. Сохранился и глаз – один; он блестел на окраине островка плоти, не тронутой пламенем, будто в этом месте пролегла невидимая черта, переступить которую огонь не решился. Уцелели глаз, часть лица, розовое ухо, прядь волос – но за чертой осталась лишь почерневшая кость голого черепа.

Однако этого хватило, чтобы опознать мертвеца.

Локк Баллард.

Д'Агоста вдруг понял, что забывает дышать. Вздрогнув, он шумно выдохнул и наполнил легкие воздухом, пропитанным серой и вонью горелого мяса.

Шелковую обивку стен и потолок покрывала пленка жира. На полу был вырезан большой круг, а внутри его – сплетенные пентаграммы, на которых и лежал труп. Вдоль замкнутой линии чернели символы, рядом пустовал второй – разорванный – круг.

Д'Агоста не нашел в себе сил даже отвести взгляд. Тело его дернулось, и он понял – рука схватилась за крестик так крепко, что чуть не порвалась цепочка. Такой знакомый предмет успокаивал и вселял надежду. Д'Агоста видел перед собой воплощение детских кошмаров, то, о чем рассказывали монахини, – все сбылось, стало правдой. Но поверить в то, что смерть Балларда – дело рук самого дьявола, д'Агоста не мог.

Пендергаст тоже словно врос в пол. На его лице читались полное изумление, шок – и разочарование. «Распалась версия, – подумал д'Агоста. – И погиб важный свидетель». Ужасный, наверное, даже критический удар по расследованию.

В этот момент Пендергаст достал сотовый телефон.

Д'Агоста не поверил глазам:

– Кому вы звоните?

– Карабинерам, итальянской полиции. Мы – гости, и нужно играть по правилам. – Он быстро проговорил что-то по-итальянски и закрыл сотовый. – У нас двадцать минут до приезда полиции. Используем их с максимальной пользой.

Он обошел комнату, задержался у небольшого стола и рассмотрел предметы на нем: лист старого пергамента, странного вида нож и пригоршню соли. Д'Агоста, не в силах прийти в себя, безучастно ждал в стороне.

– Надо же, – сказал Пендергаст. – Наш друг Баллард незадолго до… э-э… смерти просматривал гримуар.

– Что еще за гримуар?

– Книга черной магии. В ней, среди прочего, содержатся заклинания для вызова демонов.

Д'Агоста сглотнул. Убраться бы отсюда поскорее. Что ему теперь смерть Гроува и Катфорта, когда он видел такое! Ни один человек не способен совершить подобное. И ни один человек – Пендергаст или другой детектив – с этим не справится.

«Радуйся, Мария, благодати полная…»

– Так, что у нас здесь? – Пендергаст склонился над ножом. – По виду артаме.

Д'Агоста уже хотел сказать Пендергасту: нужно идти, не мешать силам, которые выше их понимания. Но слова не шли на язык.

– Заметьте, круг, в котором лежит Баллард, имеет небольшой разрыв – вот здесь, видите? Линию разомкнули.

Д'Агоста молча кивнул.

– А вот этот, меньший круг разорванным начертили сразу. Я так думаю. – Опустившись на колени, Пендергаст стал сосредоточенно изучать окружность. Достав из манжеты рукава пинцет, он подобрал из середины круга некую частицу.

– Я тоже так думаю, – нашел в себе силы отозваться д'Агоста. И снова сглотнул.

«Радуйся, Мария, благодати полная…»

– Любопытно, что же находилось в центре разорванного круга? Очевидно, подношение… э-э… дьяволу.

– Дьяволу…

«Господь с Тобою…»

Пендергаст внимательнее изучил кончик пинцета, рассмотрев его под разными углами. И тут его брови резко поползли вверх, а на лице отразилось полнейшее ошеломление.

Д'Агоста прервался на середине молитвы.

– Что там?

– Конский волос.

И д'Агоста увидел – или ему показалось, – как лицо фэбээровца озарил свет постижения.

– Что… что это значит?

– Это значит все. – Пендергаст опустил пинцет.

Глава 58

Упиваясь красотой осеннего вечера, Гарриман шагал мимо отеля «Плаза» к Центральному парку. Свежий воздух бодрил. Золотистый свет мешался с зеленью листьев над головой, где по веткам, собирая орехи, скакали белки. Мамочки гуляли с колясками, мимо проносились велосипедисты и роллеры.

Статья о Баке пошла в утренний выпуск. Крису она понравилась. Телефоны в редакции разрывались, факсы гудели, ящик электронной почты затопили письма читателей. Гарриман снова попал в самую точку.

Чудесный вечер. Брайс Гарриман шел получить свежую порцию славы – взять интервью у преподобного Бака специально для «Пост». И он возьмет его. Если не он, то больше никто.

Гарриман обошел сзади зоопарк, обогнул старый арсенал… и замер. Посреди поросшей зеленью территории, что тянулась вдоль Пятой авеню, кто-то поставил палатку – старую парусиновую палатку. Гарриман стал взбираться на отлогий холм, и чем выше он поднимался, тем больше видел матерчатых домиков. У подножия холма в северной части Шестьдесят пятой улицы раскинулся настоящий палаточный городок. В небо от десятков костров поднимался дым.

Впрочем, удивлялся Гарриман недолго – его переполнила гордость. Ведь именно он не дал истории умереть, а людскому потоку иссякнуть.

Некоторые поселенцы, особенно старшеклассники и студенты, готовясь спать, укрылись газетами, однако рядом пестрели спальные мешки самых разных моделей, а с фирменными палатками для альпинистов (наверняка взятыми напрокат) соседствовали самопальные навесы из простыней и веток.

На Пятой авеню вдоль ограды парка патрулировали два копа. Еще несколько полицейских нарисовались с противоположной стороны. Но все это было в порядке вещей – кто-то же должен приглядывать за пятью сотнями жителей палаточного городка.

Шагая по узкой рукотворной аллее между кустами и палатками, Гарриман живо представил себе картину времен Великой депрессии:

жалкие хибары в лесистой ложбинке, люди на стеганых одеялах греются у костров, пьют кофе и готовят пищу.

Лагерь рос буквально на глазах – вновь прибывшие вынимали вещи из рюкзаков и ставили палатки. Невероятно, такое в Нью-Йорке происходило впервые. Гарриман достал телефон и, быстро набрав номер художественного отдела, вызвал фотографа.

Отзвонившись, он спросил, как найти преподобного Бака, и уже через несколько минут вышел к его палатке армейского образца у самого центра лагеря. Самого Бака репортер увидел внутри, – проповедник что-то писал, сидя за карточным столиком, как будто сошедший с портрета генерал эпохи Гражданской войны.

Гарриман уже хотел войти, но путь ему преградил юноша.

– Вы по какому делу?

– Пришел увидеть мистера Бака.

– Многие здесь пришли увидеть преподобного. Он занят, не беспокойте его.

– Я – Гарриман из «Пост».

– А я – Тодд из Левиттауна. – Холодно улыбаясь, помощник твердо стоял на своем.

«Говнюкам однозначно нельзя в религию», – подумал Гарриман и заглянул в палатку через плечо самозваного стража. Преподобный по-прежнему работал, – но Гарриман смотрел мимо него, на стены, где были пришпилены статьи, вырезанные из ранних выпусков «Пост». Его статьи.

Гарриман ободрился.

– Преподобный захочет меня увидеть. – Оттолкнув парня, репортер вошел и протянул руку: – Преподобный Бак?

– А вы? – Бак поднялся.

– Гарриман, «Пост».

– Преподобный, он вторгся силой… – начал помощник.

– Гарриман, – медленно улыбнулся Бак. – Все в порядке, Тодд, я ждал этого господина.

Тодд стушевался и отступил в угол. Тем временем Бак пожал протянутую руку, и кисть репортера чуть занемела. На преподобном была клетчатая рубашка с короткими рукавами и брюки из

хлопчатобумажного твила – никаких полиэфирных костюмов, которые обычно позволяют себе проповедники. На мускулистом предплечье Гарриман увидел татуировку и догадался, что Бак в свое время отмотал срок.

– Вы ждали меня?

– Я знал, что вы придете, – кивнул Бак.

– Откуда?

– Это часть божественного плана. Присаживайтесь.

Усевшись на пластиковый стул, Гарриман достал диктофон:

– Разрешите?

– Как вам угодно.

Включив и проверив, работает ли прибор, Гарриман аккуратно поставил его на стол.

– Начнем, наверное, с этого самого плана? Расскажите о нем.

Бак благосклонно улыбнулся:

– Оглянитесь! Я – ничто, лишь грешный человек, который делает все возможное, чтобы выполнить волю Господню. И вам, мистер Гарриман, знаете вы или нет, в божественном плане отведена своя роль. Как оказалось, важная роль. Ваши статьи объединили нас – людей, уши которых слышат, а глаза видят.

– Видят что?

– Вознесение.

– Простите?

– Всевышний обещал, что в Судный день праведный вознесется на небо, а грешник опустится в грязь и огонь. – На миг Бак замялся, и Гарриман уловил легчайший оттенок сомнения. Похоже, преподобный сам оказался не вполне готов.

– Вы думаете, здесь – эпицентр Судного дня?

– Бог посылает мне знаки. Первым знаком стала ваша статья о смерти Гроува и Катфорта. Она заставила меня проделать путь от Юмы до Нью-Йорка.

– Кто же тогда те люди, что собрались в лагере?

– Они – спасенные, мистер Гарриман. А вне лагеря – обреченные. Ну а вы, мистер Гарриман? С кем вы?

Вопрос застал врасплох. Во взгляде проповедника сквозила мощь – преподобный здорово напоминал Распутина.

– А что лучше? – невесело рассмеялся репортер.

– А что лучше: вечность гореть в жупеле или блаженно сидеть у ног Иисуса?

У Гарримана оба варианта вызывали раздражение.

– Спрошу еще раз: с кем вы? Пришло время сделать выбор. Нельзя больше сидеть, гадая, с кем правда. Момент истины наступил, он приходит к каждому, пришел и к вам. Вспомните послание святого Павла к римлянам: «Нет праведного ни одного... Потому что все согрешили и лишены славы Божией»[53]. Раскайтесь и обретите рождение в любви Христа. Решайте: гибель или спасение?

Бак ждал ответа.

За воротник стекла струйка холодного пота. Что делать? В принципе Гарриман считал себя христианином... В определенном смысле. Хотя никак не ортодоксом, который даже спит в обнимку с Библией.

– Можно мне еще подумать? – Гарриман не ожидал такого поворота: в конце концов, вопросы здесь задает он.

– Подумать? О чем? Все очень просто. Помните, что ответил Иисус богатому юноше, возжелавшему вечной жизни: «...продай имение твое и раздай нищим...» «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Мистер Гарриман, вы готовы раздать свои земные богатства и присоединиться ко мне? Или уйдете, как тот юноша в Евангелии от Матфея?

Неужели все так и было? Может, в переводе слова Христа переврали?

– Узнай мы день конца света заранее, накануне ночью в веру обратились бы все. Страшный суд наступит, когда его ждут меньше всего.

– Но ведь вы его ожидаете. И очень скоро.

– Да. Бог ниспослал верному слуге знак – смерть, что произошла через улицу отсюда.

Тем временем подтянулись еще полицейские – они переговаривались и делали заметки. Эта Шамбала не продержится долго. Либо Христос поторопится, либо копы восстановят порядок. Власти недолго будут

терпеть сотни людей, собравшихся гадить в кустах Центрального парка. В воздухе уже и впрямь витал запашок...

– Что, если вас разгонит полиция? – спросил Гарриман. Бак помолчал. На его лице вновь проявилось – и так же быстро исчезло – сомнение.

– Господь укажет мне путь, мистер Гарриман, – невозмутимо произнес преподобный. – Господь поведет меня.

Глава 59

Сначала д'Агоста услышал вой сирен – двунотные перепады нарушили покой сельской местности. Из-за ближайшего холма вынырнули лучи автомобильных фар. Машины ворвались во двор и, хрустнув гравием, чиркнули по потолку огнями мигалок.

Пендергаст встал с колен и, словно фокусник, спрятал пинцет.

– Переждем в капелле, – предложил он д'Агосте. – Добрые господа могут решить, что мы покушаемся на их место преступления.

Ужас все еще держал д'Агосту железной хваткой, и он смог только вяло кивнуть. Капелла? Неплохо. Даже очень неплохо.

Капелла находилась там, где и положено по традиции находиться капелле, – в дальнем конце большого зала. Изысканная барочная комнатка вместила бы священника и с полдесятка членов семьи. Электричества здесь не было, и Пендергаст зажег свечку в красной стеклянной подставке с алтаря. Устроившись на жесткой деревянной скамье, они с д'Агостой принялись ждать.

Почти сразу же на первом этаже с шумом распахнулась дверь. Шаги полицейских эхом отдавались от стен. Затрещали рации. Д'Агоста, глядя на маленький мраморный алтарь, по-прежнему сжимал крестик. Окруженный мерцающим красноватым светом и ароматом ладана и мира, сержант с трудом подавил желание встать на колени. Он, в конце концов, полицейский, и это – место преступления. Глупо верить, будто дьявол забрал душу Балларда. Однако посидишь вот так в темноте, напоенной запахом благовоний, и эта мысль покажется далеко не такой уж и глупой. Рука д'Агосты, сжимавшая крестик, дрожала.

Карабинеры наконец вошли в зал. Кто-то шумно вздохнул, кто-то сдавленно забормотал молитву. Затем полиция начала устанавливать прожекторное освещение и огораживать место убийства. Комната утонула в нестерпимо ярком свете, и один луч проник в капеллу, ударив в мраморного Христа за алтарем.

Отбросив длинную тень, в дверном проеме возник карабинер. Он был не в форме, а в сшитом на заказ сером костюме, на лацканах его пиджака

поблескивали золотом знаки отличия. Обрамленный светом, офицер смотрел на д'Агосту и Пендергаста, сжимая в руке девятимиллиметровую коротkoствольную «беретту».

– Rimanete sedervi, mani in alto, per cortesia, – сказал он спокойно.

– Нам приказали сидеть на месте и держать руки на виду, – перевел Пендергаст. – Мы полицейские…

– Tacete!

Ну конечно, на них все еще была черная форма, а на лицах – маскировочная краска. Одному Богу известно, за кого офицер принял друзей.

Карабинер подошел.

– Кто вы? – спросил он по-английски с легким акцентом.

– Специальный агент Пендергаст, Федеральное бюро расследований, Соединенные Штаты Америки. – Пендергаст раскрыл бумажник, где на одной половине красовался значок, на другой – удостоверение личности.

– А вы?

– Сержант Винсент д'Агоста, департамент полиции Саутгемптона, представитель ФБР…

– Basta. – Шагнув вперед, офицер взял бумажник у Пендергаста, посмотрел на значок, затем на удостоверение. – Это вы звонили в убойный отдел?

– Да.

– Что вы здесь делаете?

– Мы расследуем серию убийств в Соединенных Штатах, к которым тот человек, – Пендергаст кивнул в сторону зала, – имел отношение.

– Он мафиозо?

– Нет.

Было видно, что у карабинера отлегло от сердца.

– Личность погибшего вам известна?

– Локк Баллард.

Вернув Пендергасту бумажник, офицер кивнул на костюмы:

– Это что, новейшая униформа ФБР?

– Долго объяснять, синьор офицер.

– Как вы сюда проникли?

– Снаружи в оливковой роще вы найдете – если уже не нашли – нашу машину, черный «фиат-стило». Я, разумеется, подробно отчитаюсь: кто мы и зачем мы здесь. Кое-что по нашему делу уже известно в квестуре.

– Отчитаетесь? Упаси вас Господь! Излагать факты на бумаге так неудобно. Лучше дождемся момента и обсудим все за чашечкой эспрессо, как цивилизованные люди. – Карабинер вышел из потока слепящего света, и д'Агоста наконец увидел его лицо: выдающиеся скулы, ямочка на подбородке, цепкие, глубоко посаженные глаза. Седеющие волосы были зачесаны назад. Офицер уже разменял пятый десяток, но военной выправки не утратил. – Я – полковник Горацио Эспозито. Простите, что не представился сразу. – Они пожали руки. – Кто ваш посредник в квестуре?

– Комиссар Симончини.

– Ясно. А что вы знаете об этом… – он снова кивнул в сторону зала, – об этом casino[54]?

– Это третье по счету убийство. Первые два были совершены в Нью-Йорке.

– Вижу, – циничная усмешка появилась на лице Эспозито, – нам предстоит о многом поговорить, специальный агент Пендергаст. Слушайте: в Борго-Оньисанти есть милое небольшое кафе, всего в паре шагов от церкви и очень близко от нашего управления. Давайте встретимся там завтра, в восемь утра. Разумеется, неофициально.

– С превеликим удовольствием.

– А сейчас вам лучше уйти. Мы не упомянем вашего присутствия в официальном отчете. Чтобы агент американского ФБР отчитывался на итальянской земле… – улыбка стала шире, – это никуда не годится.

Коротко пожав руки д'Агосте и Пендергасту, Эспозито развернулся и, проходя мимо алтаря, быстро перекрестился.

Глава 60

На своем веку д'Агоста повидал множество штаб-квартир полиции, однако итальянские казармы, как назвал их полковник, побили все рекорды. Это оказались даже не бараки, а ветхое здание эпохи Ренессанса (почему Ренессанса – д'Агоста сказать не мог, просто он для себя так решил). Окна казарм выходили на средневековую улочку, а сами они прижимались к знаменитой церкви Оньисанти. Каждый

выступ на исполосованном грязью фасаде был утыкан гвоздями – отпугивать голубей.

Если честно, Флоренция вообще не оправдала надежд. Даже теплое октябрьское солнце не могло осветить кривых переулков хмурого города, и дома из грубо отесанных камней выглядели сурово и неприветливо. На улице было не продохнуть от вони выхлопных газов и толп туристов – в панамках и шортах, с рюкзаками и бутылочками воды, те смотрелись так, будто шли в песках Сахары, а не гуляли по колыбели культуры.

Полковник ждал в близлежащем кафе, как и условились. Пендергаст быстро ввел его в курс дела, опустив определенные мелкие – но существенные – детали. Потом все вместе они пошли к Эспозито в офис против бурного потока прущих навстречу японских туристов.

Над высоким сводчатым входом в казармы д'Агоста впервые с приезда увидел итальянский флаг – полотнище вяло повисло в безжизненном воздухе. По коридору с анфиладой колонн они попали во внутренний дворик. Некогда прекрасный, он был забит фургонами и легковыми автомобилями так плотно и с такой геометрической точностью, что казалось, будто ни одна из машин не сможет выехать. Из раскрытых окон доносились многократно усиленные и искаженные замкнутым пространством голоса, перезвон телефонов и хлопанье дверьми.

Дальше был еще один коридор с колоннами, статуей святого и фресками на религиозную тему, которые успели порядком осыпаться. По массивной каменной лестнице полковник вывел посетителей в муравейник из кабинетов-клетушек, на которые разбили зал с колоннами.

– Наша caserma, – пояснял на ходу Эспозито, – это бывший монастырь при церкви Оньисанти. Вон та большая комната – секретарское бюро, а за ним, – он махнул рукой в сторону мощных дубовых дверей, – рабочие кабинеты офицеров, обустроенные в бывших монашеских кельях.

В конце коридора их ожидало восхождение по лестничному пролету, а наверху – дверь. Наверное, раньше здесь был тайный ход, решил д'Агоста, когда увидел за ней винтовую лестницу. Взойдя по узким ступенькам, Эспозито повел гостей через комнаты, заполненные людьми, а еще – запахом плесени и перегревшихся факсов. Внезапно полковник остановился у маленькой грязной двери, с одним только номером. Улыбнувшись, карабинер толкнул ее и сделал приглашающий жест.

Залитая светом комната оканчивалась застекленной лоджией. Инстинктивно подойдя к ней, д'Агоста залюбовался видом на южную часть Флоренции, на реку Арно.

И отсюда, сверху, город наконец предстал таким, каким его и хотелось видеть: городом куполов, башен, черепичных крыш, площадей и садов, окруженным крутыми холмами, на которых среди зелени, будто в сказке, высились замки. Мост Понте-Веккьо, дворец Питти, сады Боболи, церковь Сан-Фредьяно в Кастелло, а дальше – холм Беллосгуардо... Д'Агоста не сразу смог оторваться, чтобы осмотреть уже сам кабинет.

Большое открытое помещение занимали столы красного дерева. Поражала напольная мозаика из цветного мрамора, за столетия отполированная тысячами ног. А с гигантских портретов на аккуратно оштукатуренных стенах на гостей взирали старики в латах.

– Добро пожаловать в «Нуклео инвестигато», элитный отдел карабинеров, которым я и командую. Мы расследуем самые серьезные преступления. – Эспозито искоса взглянул на д'Агосту. – Первый раз в Италии, сержант?

– Да.

– И как вам здесь?

– Не совсем... Не совсем то, чего я ожидал.

В глазах Эспозито промелькнули едва заметные веселые огоньки. Он окинул рукой горизонт:

– Но ведь прекрасно?

– Отсюда, сверху, – да.

– Флорентийцы... – закатил глаза полковник. – Они живут прошлым. Думают, дали миру все самое прекрасное: живопись, науку, музыку, литературу, – и с них хватит. Мол, зачем делать что-то еще?! Флорентийцы почивают на лаврах вот уже четыре сотни лет, а ведь там, где я вырос, говорят: «Nun cagna 'a via vecchia p' a nova, ca saie chello che lasse, nun saie chello ca trouve».

– «Живя прошлым, познаешь только то, что утратил, и теряешь то, что еще не нашел»?

Эспозито замер. Затем улыбнулся:

– Ваша семья из Неаполя?

Д'Агоста кивнул.

– Замечательно. И вы, значит, говорите на неаполитанском?

– Как выяснилось.

– Знакомая ситуация! – рассмеялся Эспозито. – Вам повезло, сержант, вы говорите на прекрасном древнем языке, который больше не изучают в школах. Итальянский может выучить любой, однако мало кто говорит на neapolitano. Я сам – неаполитанец. Работать в Неаполе невозможно, но для жизни лучше места не сыщешь.

– Si suonne Napele viato a tte, – сказал д'Агоста, еще больше изумив Эспозито.

– «Благословенен будь тот, кому снится Неаполь»? Какая замечательная поговорка. Даже я не слышал ее.

– Так шептала мне на ухо бабушка, укладывая меня спать.

– И вам снился Неаполь?

– Иногда я видел во сне город и думал, что это Неаполь. Хотя на самом деле, наверное, игра воображения, ведь я ни разу там не был.

– И не надо. Живите с тем сном – такие образы куда прекраснее. – Полковник обратился к Пендергасту: – А теперь, как говорят у вас, в Америке, к делу.

Он отвел фэбээровца и д'Агосту в дальний угол, где вокруг каменного столика были расставлены диванчики и стулья.

– Caffu per noi, per favore, – помахал рукой Эспозито.

Появилась женщина, неся на подносе крохотные чашечки эспрессо. Полковник опрокинул в рот первую и так же быстро расправился со второй. Затем достал пачку сигарет и предложил гостям.

– А, ведь вы, американцы, не курите! – вспомнил он и закурил сам. – Сегодня утром между семью и восемью часами я ответил на шестнадцать телефонных звонков: один из американского посольства в Риме, пять из американского консульства на Лунгарно[55], один из министерства иностранных дел США, два из «Нью-Йорк таймс», один из «Вашингтон пост», один из китайского посольства в Риме и пять от различных типов из компании мистера Балларда. – Глаза карабинера зажглись. – По всему выходит, мистер Баллард был очень важной персоной.

– Вы знали его?

– Я слышал о нем. – Полковник затянулся и выдохнул. – У моих коллег из polizia уже есть на него досье, которое они, естественно, попридержат в секрете.

– Я мог бы обеспечить вас подробной информацией по Балларду, но поверьте, эти сведения лишь собьют вас с толку, как и меня вначале.

За спиной у полковника зашептались двое сотрудников.

– Basta' cu sti fessarie! – развернулся он к ним. – Mettiteve a fatica! Maronna meja, chist' so propri' sciem!

– Я понял, – подавил смех д'Агоста.

– А я – нет, – заметил ему Пендергаст.

– Это неаполитанский. Полковник сказал тем двоим: «Хватит трепаться, идите работать».

– Мои люди глупы и суеверны. Половина верит, что убийство – дело рук дьявола, другая половина списывает его на тайное общество. Флорентийская знать обожала такие забавы. – Затяжка, выдох. – Сдается мне, мистер Пендергаст, случай дикий.

– Только наш дикарь чрезвычайно серьезен и хладнокровен.

– И все это – chest e 'na scena ro diavulo, а? Ну, будет. Мои люди могли напугаться до полусмерти, но вы-то – нет?

– Не сомневайтесь. Все эти смерти явно кому-то на руку.

– Вижу, у вас имеется версия. Уж будьте любезны, просветите меня. – Упершись локтями в колени, полковник подался вперед. – Ведь я оказал услугу вам – и услугу немалую, – не упомянув вас в отчете. Иначе заполнять бы вам бумаги до самого Рождества.

– Я благодарен, – сказал Пендергаст. – Но пока могу рассказать немногим больше того, что поведал вчера. Мы расследуем две загадочные смерти, произошедшие в штате Нью-Йорк. Локк Баллард был нашим подозреваемым. Он занимался чрезвычайно сомнительными делами; однако вышло так, что его постигла участь двоих его предшественников.

– Понимаю. У вас есть какие-нибудь идеи, догадки?

– Я предпочел бы не отвечать на ваш вопрос. А если бы и ответил, вы бы мне не поверили.

– Va be'. Ладно, и что же дальше? – Эспозито откинулся назад и залпом осушил третью чашку, словно русский – рюмку водки.

– Я бы хотел, чтобы вы навели справки относительно всех смертей в Италии, когда тела были сожжены полностью или частично.

– Услуга, – улыбнулся Эспозито. – Еще одна… Здесь, в Италии, мы исповедуем принцип взаимопомощи. Любопытно бы знать, мистер Пендергаст, что вы сделаете для меня?

– Синьор полковник, заверяю вас: рано или поздно долг я верну.

Эспозито некоторое время смотрел на него, затем, погасив сигарету, промолвил:

– Значит, сожженные трупы в Италии… На юге это половина всех убийств. Мафия, каморра[56], коза ностра, сардинцы… для них сжигать тела убитых – освященная веками традиция.

– Убийства, связанные с организованной преступностью, бытовые убийства исключаем сразу же. Отбросить можно и те, где убийца уличен. Искать нужно человека, изолированного от общества, возможно, старика, живущего в сельской местности.

Д'Агоста уставился на Пендергаста. К чему он клонит? Глаза агента горели напряженно и ярко. Напарник, как всегда, напал на след, а делиться соображениями ни с кем и не думал.

– Это существенно сужает круг поиска, – признал Эспозито. – Сейчас же озадачу кого-нибудь. Понадобится день или два – мы все же не ФБР, компьютеров у нас не так много.

– Чрезвычайно признателен. – Пендергаст встал и пожал полковнику руку.

Карабинер подался вперед:

– Quann' ce diavulo t'accarezza, vo'll'anema.

Уже снаружи, на солнце Пендергаст попросил д'Агосту:

– Чувствую, мне снова не обойтись без перевода.

– Старая неаполитанская пословица, – ухмыльнулся д'Агоста. – «Ласки дьявола выдержит только сильное сердце».

– Верно подмечено, – вздохнул Пендергаст. – Какой чудесный день! Может, осмотрим достопримечательности?

– Что вы задумали?

– Я слышал, Кремона восхитительна в это время года.

Глава 61

Д'Агоста с Пендергастом вышли на широкую площадь перед железнодорожной станцией Кремоны. Близился полдень, пригревало солнце, и ветер шевелил листья деревьев. Пендергаст направился в лабиринт узких улочек, из которого старый город вырастал, будто праздничный букет средневековых краснокирпичных зданий.

Фэбээровец быстро шагал по проспекту Гарибальди, и полы черного пиджака трепетали на ветру, словно крылья.

Покорно вздохнув, д'Агоста поспешил следом. Пендергаст даже не думал сверяться с путеводителем. В поезде он почти всю дорогу рассказывал о мраморных каменоломнях в Карраре: мол, по воле судьбы вышло так, что крупнейшее в мире месторождение белого мрамора находится всего в нескольких десятках миль вниз по реке от родины Ренессанса; флорентийские скульпторы могли выбирать не только между зеленым и черным цветами материала для творчества. Однако стоило д'Агосте заикнуться, почему Пендергаст выбрал именно достопримечательности Кремоны, напарник ловко ушел от ответа.

– Ну а дальше-то что? – пробурчал д'Агоста чуть грубее, чем собирался.

– Выпьем кофе. – Пендергаст подошел к стойке уличного кафе. – Due caffe, per favore.

– С каких пор вы полюбили кофе? Я думал, вы поклонник зеленого чая.

– Обычно – да. Но Рим или Кремона – случай особый...

Подали кофе – в обычных маленьких чашечках для эспрессо. Пендергаст взболтал свою порцию и махом выпил на итальянский манер. Д'Агоста же смаковал напиток, стараясь поймать взгляд напарника.

– Дорогой Винсент, не сочтите, что я навеваю мистический флер. Просто иногда полицейская работа не терпит обсуждения версий. Они могут начать жить собственной жизнью; ты словно надеваешь розовые очки и видишь правду там, где в реальности – ложь. Вот потому-то я не решаюсь обсуждать версии заранее, особенно с теми, чье мнение я глубоко уважаю, например, с вами. Сначала я хочу добыть факты. Видите, я даже не спрашиваю, есть ли версии у вас.

– Так у меня их и нет.

– О, к вечеру их у вас будет хоть отбавляй! – Пендергаст положил на стойку монетку в два евро. – Первая остановка – палаццо Коммунале, блестящий образчик средневековой архитектуры. Там есть замечательные мраморные каминные полки работы Педони.

– Н-да, увидеть полки Педони – и умереть.

Пендергаст улыбнулся.

Через десять минут они вышли на центральную площадь, над которой возвышалась башня огромного собора.

Пендергаст указал на строение:

– Говорят, это высочайшая средневековая башня в Италии. Ее возвели в тринадцатом веке, а высотой она равна тридцатитрехэтажному небоскребу.

– С ума сойти.

– А вот и палаццо Комунале. – Напарники вошли в большой кирпичный дворец без украшений, поднялись по лестнице и попали в пустую маленькую комнату. Яркий, как на киноплощадке, свет давала венецианская люстра невероятных размеров. Прямо под ней покоился стеклянный ящик, у которого дежурил вооруженный охранник.

Под стеклом д'Агоста увидел шесть скрипок.

– Ага, – произнес Пендергаст. – Вот и Салетта-деи-Виолини.

– Скрипки?

– Перед нами история скрипки. А заодно и история музыки в миниатюре.

– Вон оно что, – произнес д'Агоста, и в его голос закралась нотка сарказма. Пендергаст просто не в состоянии сразу перейти к сути дела.

– Первая изготовлена Андреа Амати в тысяча пятьсот шестьдесят шестом году. Кстати, скрипка, на которой играет Констанс, тоже работы Амати, только много хуже по качеству. Те две, что рядом, сделаны сыновьями мастера, а вон та – его внуком. Следующая создана Джузеппе Гварнери в тысяча шестьсот восемьдесят девятом году. – Пендергаст сделал паузу. – А вон та, последняя, изготовлена Антонио Страдивари в тысяча семьсот пятнадцатом году.

– Я про него фильм видел.

– Страдивари – знаменитейший мастер. Он изобрел современную скрипку и за всю жизнь сделал одиннадцать сотен инструментов, из которых уцелело чуть более полутысячи. И хоть шедеврами считаются все скрипки мастера, был период, когда он создавал инструменты исключительные по своему звучанию. Этот период называют золотым.

– Ясно.

– Имя Страдивари окутано тайной. По сей день никто не разгадал секрет его совершенной скрипки. Свои методы и формулы маэстро хранил в уме и никогда не записывал. Бесценные секреты ремесла он передал сыновьям, которым оставил и мастерскую, но когда они умерли, тайна ушла вместе с ними в могилу. С тех пор скрипки Страдивари многократно пытались скопировать, находились ученые, стремившиеся воссоздать тайные формулы… Увы, они так и остались загадкой.

– А скрипки, наверное, стоят кучу бабок.

– Не так давно хорошую скрипку Страдивари можно было купить за пятьдесят – сто тысяч долларов. Однако переобогащение разрушило скрипичный рынок, и теперь за Страдивари высочайшего качества придется выложить десять миллионов, а то и больше.

– Ни хрена себе!

– Лучшие из инструментов Страдивари вообще бесценны, особенно те, что он изготовил в золотой период, на пике мастерства. Нам под силу отправить экспедицию на Марс, построить машину, которая производит триллион вычислений в секунду, мы умеем расщеплять атом, но до сих пор не создали скрипки лучше той, что смастерил человек на обыкновенном верстаке три века назад!

– Ну, Страдивари же был итальянец.

Пендергаст тихонько рассмеялся.

– Есть одна забавная деталь. Чтобы скрипка Страдивари не утратила звучания, на ней надо играть. Лежа в ящике, инструмент умрет.

– А что с этими?

– По меньшей мере раз в неделю их вынимают, чтобы поиграть. Кремона по-прежнему центр скрипичного ремесла, и мастеров, готовых играть, здесь хватает.

Лабиринтом коридоров и лестниц напарники выбрались в боковой переулок позади дворца и на минуту задержались, пока Пендергаст скрупулезно проверял проходы между окрестными зданиями. Затем фэбээровец очень быстро повел д'Агосту улицами, искривленными, как никакие другие. Полдень выдался солнечный, но кирпичные и каменные дома теснились так плотно, что во многих местах было совсем темно. Пендергаст то и дело заглядывал в дверные проемы или промежутки между домами.

– Что происходит? – не выдержал д'Агоста.

– Предосторожности, Винсент. Обычные предосторожности.

Наконец по улице, настолько узкой, что по ней едва можно было проехать на велосипеде, друзья зашли в тупик, в котором расположилось нечто похожее на заброшенный магазин. Листовое стекло, грубо вмонтированное в средневековую арку, покрывали трещины, заклеенные клейкой лентой и забитые грязью, словно эпоксидной смолой. Вход закрывала железная решетка, такая ржавая, что казалось, будто ее не трогали веками.

Просунув руку через решетку, Пендергаст потянул за шнурок. Внутри магазина зазвенел колокольчик.

– Думаю, ваша версия не распадется, – сказал д'Агоста, – если вы объясните, к кому мы пришли.

– Это лаборатория и мастерская il dottor Луиджи Спези – одного из крупнейших в мире специалистов по скрипкам Страдивари. Он сам похож на человека эпохи Возрождения: ученый, инженер и музыкант. Его копии скрипок Страдивари – одни из лучших. Но предупреждаю: доктор слегка со странностями.

Пендергаст еще раз потянул за шнурок, и за дверью прогремел голос:

– Non lo voglio. Va'via!

Агент ФБР позвонил снова – настойчивее.

За стеклом материализовалась смутная фигура: сутулый человек огромного роста в кожаном фартуке с криком размахивал руками:

– Che cazz! Via, ho ditto!

Пендергаст достал визитку, что-то черкнул на обороте и просунул карточку в почтовую щель. Прочтя послание, хозяин мастерской мгновенно притих. Он посмотрел на Пендергаста, потом снова на карточку и принялся открывать дверь и поднимать решетку. На то, чтобы впустить посетителей, у мастера ушла минута.

Д'Агоста с любопытством оглядел мастерскую: повсюду на стенах были развешаны детали скрипок – готовые и только что начатые. В воздухе приятно пахло опилками, лаком, маслом и клеем.

Хозяин уставился на Пендергаста, словно на призрака, потом извлек из кармана фартука присыпанные древесной стружкой очки.

– Итак, Алоизий Пендергаст, доктор философии, – сказал он на почти безупречном английском. – Вы заинтересовали меня. Так чего же вы хотите?

– У вас найдется местечко, где можно поговорить?

Спези отвел гостей в просторную заднюю комнату. Там указал на длинную скамейку, а сам взгромоздился на край стола и, скрестив руки, вперил в д'Агосту и Пендергаста пристальный взгляд.

Доктор не стал впускать их за дверь из нержавеющей стали в дальней стене. Дверь смотрелась совершенно ни к месту; через небольшое оконце в ней д'Агоста разглядел сверкающую белизной лабораторию: полки с

компьютерным оборудованием и электронно-лучевые трубки, купавшиеся во флуоресцентном свете.

– Спасибо, что согласились принять нас, доктор Спези, – начал Пендергаст. – Знаю, вы очень занятой человек, и, поверьте, мы не станем попусту тратить ваше время.

Успокоившись, хозяин слегка кивнул.

– Это мой напарник, сержант Винсент д'Агоста из полиции Саутгемптона, штат Нью-Йорк.

– Очень приятно. – Мастер подался вперед и с неожиданной крепостью пожал им руки.

– Предлагаю обмен информацией, – сказал Пендергаст.

– Слушаю вас.

– Вы рассказываете все, что знаете о секретах Страдивари. Я же передаю вам сведения о скрипке, которую упомянул в записке. Вашу информацию я, естественно, сохраню в тайне: я не стану ее записывать или кому бы то ни было передавать. Кроме нас, о ней будет знать только мой напарник, человек исключительно благоразумный.

В глубоких серых глазах доктора отразилось напряженное размышление. Д'Агосте даже показалось, что в его душе идет борьба. Наконец Спези сдержанно кивнул.

– Что ж, прекрасно, – произнес Пендергаст. – Не могли бы вы ответить на некоторые вопросы о вашей работе?

– Сперва – скрипка. Как, откуда...

– Всему свое время. Синьор доктор, скажите, как получается, что скрипки Страдивари звучат столь идеально?

Спези, осознав, что перед ним вовсе не шпион конкурентов, расслабился.

– Это не секрет. Я бы сказал так: их звук очень живой, очень интересный. И более того, в нем сочетаются темное и светлое – баланс между высокой и низкой частотой. Он рождает тон богатый и в то же время чистый. Он сладок, как мед. Конечно, не все инструменты маэстро звучат одинаково: у одних звук полнее, у других – скуднее, а то и резче. Некоторые скрипки звучат совсем слабо. Иные пережили такое количество реставраций, что их уже нельзя назвать подлинными. Только шесть скрипок сохранили родную шейку – ведь если инструмент уронить, ломается именно шейка. Однако десять или двадцать инструментов звучат почти идеально.

– Потому что?..

– Потому что, – улыбнулся Спези, – тут и начинается самое интересное.

Доктор подошел к металлической двери и распахнул ее. В лаборатории оказались две рабочие станции на жестких дисках и полки с цифровыми сэмплерами, уплотнителями и ограничителями, стены и потолок покрывала акустическая пена.

Спези впустил гостей и запер за ними дверь. Включив усилитель, он подтянул рычажки на микшерном пульте. На стенах низко зажужжали базовые колонки.

– Первый настоящий научный тест над скрипкой Страдивари провели пятьдесят лет назад. Ученые подвесили звукогенератор к мосту скрипки и, заставив его вибрировать, замерили амплитуду колебаний. Право, тест абсурден, потому что не в силах заменить живую игру. Но даже такое недалекое испытание показало невероятные результаты: амплитуда составила от двух до четырех тысяч герц, а это ни много ни мало частота, к которой человеческое ухо наиболее восприимчиво. Позднее высокоскоростные компьютеры позволили воспроизвести процесс игры в реальном времени. Сейчас я представлю пример.

На клавиатуре сэмплера доктор выбрал аудиосэмпл и послал его на микшер. Комнату наполнили сладостные звуки скрипки.

– Яша Хейфец, каденция концерта Бетховена для скрипки. Он играет на «Мессии»[57].

На мониторе заплясала сложная последовательность линий.

– Это анализ частоты от тридцати до тридцати тысяч герц. Только посмотрите, какое богатство низкочастотных звуков! Они – темнота, звучность. И взгляните на промежуток между двумя и четырьмя тысячами... Видите, какая живость и сила! Вот что наполняет звучанием концертные залы.

Какое отношение все это имело к Балларду и убийствам, д'Агоста не понял. Не понял он, и что такого написал Пендергаст на обороте визитки (которую Спези по-прежнему сжимал в руке).

– А вот высокие частоты. Видите, как они прыгают, мерцают, будто пламя свечи? Тонкие и мимолетные, эти перепады придают звучанию хрипотцу, трепет.

Пендергаст кивнул.

– И все же в чем секрет, синьор доктор?

Спези выключил музыку.

– Секретов уже не осталось. Их был целый набор; некоторые мы разгадали, другие – нет. Мы знаем, как Страдивари делал инструменты – компьютерная томография позволяет построить трехмерную модель. Нам известны и дизайн деталей, и даже тип древесины. Создать точную копию для нас не проблема.

Спези вновь обернулся к клавиатуре, нажал несколько клавиш, и на экране появилось изображение изящной скрипки.

– Вот. Совершенная копия «Харрисона»[58], до последней трещинки и царапинки. Я смастерил ее за полгода еще в начале восьмидесятых. – Спези грустно улыбнулся. – Но звучит она просто кошмарно. Настоящий секрет, видите ли, заключался в *химии*. Особенно в составе раствора, в котором Страдивари вымачивал дерево, и в рецепте лака. Их я и пытался разгадать.

– И что?

– Странно, почему-то я вам доверяю... – помедлив, произнес Спези. – Страдивари покупал дерево, которое заготавливали у подножия Апеннин и неочищенным сплавляли по рекам По или Адижа. Дойдя до Венеции, оно хранилось в отстойниках. Поставщики поступали так исключительно ради своего удобства, но тошнотворные грязные воды в корне меняли свойства материала – они раскрывали его поры. Когда дерево попадало в мастерскую, Страдивари не сушил его, а сразу начинал вымачивать в растворе собственного приготовления. Насколько я знаю, это была смесь буры, морской соли, фруктовой смолы, кварца и других минералов, а также цветного венецианского стекла. Проходили месяцы, если не годы, пока дерево впитывало все эти элементы. Как они влияли? Удивительно, сложно, чудесно! Они сохраняли: бура уплотняла древесину, делала ее тверже и жестче. Кварцевая мука и стекло предохраняли ее от древоточцев, а заодно заполняли собой полости, придавая звучанию великолепную чистоту. Фруктовая смола защищала от грибка. Разумеется, настоящий секрет состоял в пропорциях, которые, господин Пендергаст, я вам не открою.

Фэбээровец кивнул.

– Я успел сделать сотни скрипок из дерева, которое заготовил таким образом. Я менял пропорции веществ, менял сроки вымачивания, и звук инструментов получался высокий и чистый. Но он был груб. Чего-то все равно не хватало. Чего-то, что ослабило бы вибрации и обертоны.

Доктор помолчал.

– Вот эту проблему и решил гений Антонио Страдивари. Маэстро изобрел особый лак.

Спези перебрал несколько окон меню на компьютере, и на экране возникла черно-белая картинка – сильно изрезанный ландшафт, похожий на изображение горной гряды.

– Это лак Страдивари под электронным микроскопом, тридцатитысячекратное увеличение. Видите, слой не гладкий, каким его видит невооруженный глаз. Нет, миллиарды микроскопических трещинок поглощают и смягчают грубые вибрации и резонанс во время игры. Вот он – истинный секрет скрипок Страдивари. Проблема в том, что состав лака невероятно сложен: там и вареные насекомые, и органические и неорганические вещества. Анализ провести невозможно – для проб у нас чересчур мало лака. Его нельзя соскрести с поверхности скрипки – инструмент погибнет. Но даже если взять худшую скрипку Страдивари, все равно ничего не выйдет, потому что такие инструменты были экспериментальными, а состав лака постоянно менялся. Убить пришлось бы скрипку именно золотого периода. Еще понадобилось бы проникнуть внутрь самой древесины, чтобы исследовать состав раствора, а потом и область контакта дерева с лаком. Вот потому-то мы и не можем узнать точно, как творил Страдивари.

Доктор отошел от экрана.

– И даже заполучи мы все рецепты, это не гарантировало бы успех. Страдивари, зная то, чего не знаем мы, умудрялся создавать и весьма заурядные скрипки. Были ведь и другие условия, благодаря которым на свет рождались великие инструменты – и эти факторы не подчинялись гению маэстро. Взять хотя бы качество древесины.

Агент ФБР кивнул.

– Ну, господин Пендергаст, я рассказал все, что мог. – Глаза Спези лихорадочно загорелись. – Пришло время для этого. – Раскрыв кулак, он разгладил визитку Пендергаста. И только сейчас д'Агоста сумел прочесть, что написал на ней фэбээровец:

«Грозовая туча».

Глава 62

Спези сжимал карточку в дрожащей руке.

– Возможно, – кивнул Пендергаст, – будет лучше, если вы сначала расскажете сержанту д'Агосте историю этой скрипки?

Взгляд Спези наполнился грустью.

– «Грозовая туча» была величайшим творением Страдивари. Она передавалась по цепочке от виртуоза к виртуозу – от Монтеверди до Паганини и дальше. При ней вершилась история музыки. На ней играл

Франц Клемент на премьере концерта Бетховена для скрипки. На ней играл сам Брамс на премьере Второго концерта для скрипки. И Паганини – на первом итальянском представлении всех его двадцати четырех каприччио. А затем, накануне Первой мировой войны – со смертью виртуоза Лучиано Тосканелли, да проклянет его Бог, – скрипка исчезла. На закате своих дней Тосканелли совсем выжил из ума, и кое-кто говорит, будто он сломал инструмент. По другой версии, «Грозовая туча» пропала во время войны.

– Она не пропала.

– Хотите сказать, – резко выпрямился Спези, – она где-то хранится?

– Синьор доктор, если позволите, я задам еще несколько вопросов. Что вы знаете о праве владения «Грозовой тучей»?

– Это одна из ее загадок. Скрипкой владела семья, которая, по словам, приобрела ее напрямую у самого Страдивари. Инструмент передавался от отца к сыну только номинально – его постоянно брали взаем виртуозы. По традиции, многие скрипки Страдивари находятся во владении богатых коллекционеров, которые предоставляют их в долгосрочный заем музыкантам. Так было и с «Грозовой тучей». Если же скрипач умирал или, к несчастью, проваливал концерт, инструмент возвращался в семью владельцев и переходил к следующему музыканту. За «Грозовую тучу» постоянно боролись. Разумеется, имя семьи сохранилось в секрете – ее члены не хотели, чтобы им досажали честолюбивые скрипачи. Тайна имени владельца – это одно из условий займа.

– И ни один виртуоз так и не нарушил молчания?

– Насколько я знаю, нет.

– Причем последний, кто играл на «Грозовой туче», – Тосканелли?

– Да, Тосканелли. Великий и ужасный Тосканелли. Он умер, разбитый сифилисом, в тысяча девятьсот десятом году при странных, необъяснимых обстоятельствах. Рядом с телом скрипку не нашли. Не нашли ее и потом.

– Кому предназначалась скрипка после него?

– Хороший вопрос. Возможно, русскому вундеркинду, молодому графу Равецкому. Которого, впрочем, убили во время революции. Такая потеря… Ужасный был век. А теперь, мистер Пендергаст, не томите меня более, мои силы вот-вот иссякнут.

Фэбээровец достал из кармана пергаментный конверт.

– Фрагмент конского волоса из смычка «Грозовой тучи». – Он поднял конверт так, чтобы лампы просветили его насквозь.

– Можно? – Спези протянул дрожащую руку.

– Я обещал обмен. Конверт ваш.

Спези достал волосок пинцетом, уложил его под микроскоп и вывел изображение на экран компьютера.

– Это определенно конский волос из смычка – видите волокна канифоли вот здесь? А вот следы на микроскопических чешуйках – такие остаются после игры. – Доктор выпрямился. – Любой смычок от «Грозовой тучи» почти наверняка не родной, но даже будь он таковым, конский волос могли заменить тысячу раз. Волос – слабое доказательство.

– Для меня достаточно и его. Это лишь первая улика. Она натолкнула меня на цепочку выводов, ведущих к тому, что «Грозовая туча» по-прежнему существует. И она здесь, синьор доктор, в Италии.

– Как я хочу, чтобы вы были правы! Откуда у вас этот волос?

– С места преступления в Тоскане.

– Бога ради, скажите: кто же хозяин?

– Я все еще не уверен.

– Но как вы узнаете?

– Для начала мне нужно имя семьи, изначальных владельцев «Грозовой тучи».

Спези задумался.

– Я бы начал с наследников Тосканелли. Говорят, десяток любовниц родили ему почти столько же отпрысков. Бог знает, может, кто-то из них жив до сих пор. По-моему, здесь, в Италии, живет его внучка или кто-то еще. Тосканелли был бабником, хлестал абсент и под конец жизни совсем опустился. Вдруг он выболтал секрет одной из любовниц, которая затем передала знание деткам?

– Отличный совет. – Пендергаст встал. – Вы были чрезвычайно щедры, синьор доктор. Как только я раздобуду больше сведений о «Грозовой туче», обещаю поделиться. Спасибо, что уделили нам время.

* * *

Уходили тем же запутанным путем, приняв прежние меры предосторожности. Но когда напарники вышли к кафе, фэбээровец,

явно довольный, предложил остановиться и заказать по эспрессо. У стойки бара он, улыбнувшись, обратился к д'Агосте:

– Ну как, дорогой Винсент, у вас появилась версия?

– По крайней мере одна есть точно, – кивнул сержант.

– Отлично! Только пока мне не говорите. Предлагаю продолжить расследование, сохранив молчание еще ненадолго. Время, когда нужно будет обменяться версиями, скоро настанет.

– Вот и славно.

Потягивая горький напиток, д'Агоста подумал, что надо где-нибудь раздобыть нормальный американский кофе – вместо черной бурды, которая обдирает глотку.

Опрокинув в себя порцию, Пендергаст облокотился о стойку бара.

– Винсент, вы можете представить, на что был бы похож Ренессанс, вырежи Микеланджело Давида из зеленого мрамора?

Глава 63

Сидя в пластиковом кресле, капитан детективов Лаура Хейворд молча смотрела в пластиковую чашку с кофе. Хейворд отлично осознавала, что в конференц-зале она самая молодая да и вообще единственная женщина среди высших офицерских чинов. Одну из типично красно-коричневых стен украшал портрет Рудольфе Джулиани – на фоне башен-близнецов, под которыми шел список офицеров полиции, погибших 11 сентября 2001 года. И ни одного портрета нынешнего мэра или президента.

Хейворд это было по душе.

Комиссар Генри Рокер во главе стола смотрел перед собой с выражением неизбывной скуки. В руке он сжимал большую чашку черного кофе. Справа от комиссара расположился Мильтон Грэйбл, капитан округа, в котором был убит Катфорт, а позже вырос палаточный городок.

Хейворд взглянула на часы: ровно 9 утра.

– Грэйбл? – сказал Рокер, открывая совещание.

Грэйбл пошелестел бумагами.

– Как вы уже знаете, комиссар, палаточный городок становится проблемой. Большой проблемой.

Комиссар отреагировал лишь тем, что темные круги под его глазами стали еще темнее.

– У меня, – продолжил Грэйбл, – через улицу от самого замечательного дома в округе – да и вообще во всем городе – засели сотни людей. Они ссут и срут, где приде… – Тут его глаза стрельнули в сторону Хейворд. – Прошу прощения, мэм.

– Ничего страшного, капитан, – решительно заявила она. – Мне знакомы оба термина и те физиологические процессы, которые они обозначают.

– Дальше, – попросил Рокер, и Хейворд уловила едва заметный проблеск насмешки в его бесконечно усталых глазах.

– Нас уже затра… – еще один взгляд в сторону Хейворд, – замучили звонками важные персоны. Вы знаете, сэр, о ком я. Они просят, нет, они рвут и мечут, требуя, чтобы мы приняли меры. И они правы. Кто вообще разрешил этот сбор в парке?!

Хейворд поерзала. Ей бы расследовать дело Катфорта, а не выслушивать доклады капитана соседнего округа о том, кто кому чего не разрешал.

– Лагерь не протестует против власти, не требует свободы слова, – продолжал Грэйбл. – Просто религиозные фанатики скучковались вокруг так называемого преподобного Бака, который, кстати, оттрубил девять лет за убийство второй степени: застрелил кассира за жвачку.

– Вот как? – пробормотал Рокер. – Тогда почему не убийство первой степени?

– Апелляция скостила. Я к тому, комиссар, что Бак – не просто фанатик. Он опасен. А проклятая «Пост» бьет в барабан и подливает масла в огонь. С каждым днем ситуация обостряется.

Хейворд была в курсе происходящего, так что мысленно переключила канал «Грэйбл» на «д'Агоста в Италии». Черт, а ведь он запоздал с последним выходом на связь. Вот кто настоящий коп, но толку что: повышение получают штабные крысы вроде Грэйбла.

– Одним округом проблема не ограничивается. Страдает весь город. – Грэйбл положил руки на стол ладонями вверх. – Дайте мне отряд спецназа, и я достану этого преподобного еще до того, как начнется мятеж.

– Затем мы здесь и собрались, капитан, – произнес Рокер, – чтобы найти решение, как предотвратить мятеж.

– Вот именно, сэр.

– Уэнтворт? – обратился комиссар к человеку слева.

Его Хейворд видела впервые, и кто он был, не знала. Знаков отличия на костюме Уэнтворта она не заметила. Уэнтворт даже выглядел не как полицейский.

Он смотрел на свои сложенные домиком пальцы из-под полузакрытых век. А прежде чем ответить, вздохнул – протяжно и медленно.

«Психолог», – решила Хейворд.

– Раз уж речь зашла об этом… э-э… Баке, – заговорил Уэнтворт. – Без собеседования прийти к окончательным выводам трудно. Из того, что я уже видел, могу заключить: у Бака – четко выраженная психопатология. Налицо симптомы маниакального синдрома, возможно даже, комплекса мессии. Есть большая вероятность, что Бак страдает манией преследования. И я бы не рекомендовал посылать к нему группу спецназа. – Он задумался, сделав паузу. – Прочие люди в лагере – просто последователи. Они ответят в точности, как ответит Бак: жестоким сопротивлением или же сотрудничеством, то есть последуют примеру лидера. Можно предположить, что движение распадется само собой, если изолировать Бака.

– Так и есть, – сказал Грэйбл. – Но как это сделать без помощи спецназа?

– Насилие здесь – последний метод. Я бы порекомендовал отправить в лагерь офицера или двоих – безоружных, настроенных дружелюбно, предпочтительно симпатичных женщин. Так мы и выманим Бака. Арестуем без провокаций, быстро и с хирургической точностью. Городок рассосется за день, а последователи уйдут к другому гуру, на концерт «Грейтфул Дэд» или еще куда. В общем, вернутся к прежним занятиям. – Еще один долгий вздох. – Я решительно рекомендую поступить именно так.

Хейворд не удержалась и закатила глаза. Бак – шизофреник? По его речам, которые так бережно цитирует «Пост», ни за что не скажешь, будто у преподобного нарушен мыслительный процесс.

Рокер, собиравшийся было перейти дальше, заметил выражение ее лица.

– Хейворд, вам есть что возразить?

– Да, сэр. Я, конечно, согласна с некоторыми суждениями мистера Уэнтворта, но при всем моем уважении не могу согласиться с его советом.

Уэнтворт посмотрел на Хейворд с сочувствием, как смотрят на неучей. Конечно, его следовало бы назвать «доктор», а никак не «мистер». Но

сейчас уже поздно, а неприязнь психолога сделалась почти осязаемой. Ну и пошел он!

– Такого понятия, как «арест без провокаций», не существует, – продолжила Хейворд. – Не сработает ни одна попытка проникнуть в лагерь и увести Бака. Если он и безумен, то безумен, как чертов гений, и откажется пойти добровольно. А как только появятся наручники, ваши «предпочтительно женщины», как бы привлекательны они ни были, попадут в скверную ситуацию.

– Комиссар, – вмешался Грэйбл, – этот человек издевается над законом. Я каждый день получаю тысячи звонков от бизнесменов и жителей Пятой авеню. А раз уж они звонят мне, то наверняка звонят и мэру. – Он замолчал, позволяя фразе осесть в умах.

– Я, представьте себе, в курсе, что они звонят мэру, – невесело произнес Рокер.

– Тогда вы знаете, сэр, что мы не в состоянии позволить себе роскошь сидеть и ждать. Нужно что-то делать. Может, есть альтернативные решения? Наверное, капитан Хейворд уже нашла идею получше? Хотелось бы выслушать. – Тяжело дыша, Грэйбл откинулся на спинку стула.

– Капитан Грэйбл, – холодно заговорила Хейворд, – вышеупомянутые бизнесмены и жители района не должны толкать полицию на поспешные и необдуманные действия.

«Проще говоря, – подумала она, – шли бы они да отодрали друг дружку где-нибудь в тихом месте».

– С вашей колокольни легко судить, капитан детективов. Я вынужден созерцать этот сброд круглыми сутками, но если бы вы раскрыли убийство Катфорта, данная проблема не свалилась бы нам на головы.

С каменным лицом Хейворд кивнула. Один – ноль в пользу Грэйбла.

– Коли уж мы заговорили об этом, – обратился к ней Рокер, – как продвигается расследование, капитан?

– Наши эксперты работают над новой уликой. Мы проверяем людей, которым Катфорт звонил за последние трое суток. По записям камер наблюдения в его доме пробиваем жильцов и гостей. И конечно же, ФБР сейчас идет по следу в Италии и обещает результаты. – Хейворд лила воду и прекрасно это понимала. Но в том-то и было дело, что ничего нового они пока не родили.

– Ну так что же вы предлагаете по поводу Бака? – Грэйбл, видя, что обскакал Хейворд, принял воинственный вид.

– Я бы подошла еще менее агрессивно. Будем пороть горячку – только подстегнем ситуацию. С Баком надо просто поговорить. Пошлите к нему человека, пусть он объяснит, что его последователи вредят муниципальной собственности и беспокоят жителей округа. В глубине души Бак – человек ответственный. Я не сомневаюсь, он отошлет всех домой, чтобы они побрились, приняли душ и, в конце концов, посрали по-человечески. Предложите Баку сделку – он отсылает поселенцев лагеря по домам, а мы разрешаем провести демонстрацию. Отнеситесь к нему, как к разумному члену общества. В понедельник в восемь часов дайте спокойно провести демонстрацию в дальнем конце стадиона «Флэшинг мидоуз», и больше вы этих людей не увидите.

Глаза Рокера вновь цинично блеснули. Но что это было: одобрение или насмешка, Хейворд не поняла. Сослуживцы любили Рокера, и репутацию он имел отличную. Однако комиссар печально прославился тем, что по его лицу никто ничего не мог прочесть.

– Бак – разумный член общества? – переспросил Грэйбл. – Да он убийца, возомнивший себя Христом! Как с ним общаться? «О, Иисусе, не угодно ли провести демонстрацию?»

Психолог прыснул. Хейворд взглянула на него, он – на нее. Взгляд Уэнтворта проникся еще большим сочувствием. Похоже, он знает что-то такое, чего не знает Хейворд. Скорее всего совещание устроили ради проформы, а решение приняли загодя.

– А если ваш план не сработает? – спросил комиссар Рокер.

– Тогда, – ответила Хейворд, – я уступлю… э-э… мистеру Уэнтворту.

– Док… – начал было Уэнтворт, но его перебил Грэйбл:

– Комиссар, у нас нет времени пробовать сначала один план, затем другой. Бака надо брать прямо сейчас. Оставим ему только право решать: идти добровольно или в наручниках. Сделаем все четко и быстро – на рассвете. Его последователи опомниться не успеют, а он уже будет париться у нас в каталажке.

Молчание. Рокер оглядел оставшихся – тех, кто еще не высказался.

– Господа?

Двое офицеров закивали. Похоже, психолог и Грэйбл склонили всех на свою сторону.

– Что ж, – сказал Рокер, вставая. – Мне ничего не остается, как только присоединиться к единодушному решению. В конце концов, нельзя же выслушивать психолога лишь затем, чтобы не согласиться с ним.

Он посмотрел на Хейворд. Капитан ничего не смогла прочесть по лицу комиссара, но взгляд его был вовсе не безразличный.

– Зашлем в лагерь небольшую группу, как предлагает Уэнтворт, – продолжил Рокер. – Двух офицеров. Капитан Грэйбл, вы – первый.

Грэйбл удивленно посмотрел на него.

– Мы все видим, как вы болеете за свой округ. И ведь именно вы ратуете за решительные действия.

– Конечно, сэр.

– Кстати, Уэнтворт предлагал отправить женщину. – Рокер кивнул на Хейворд. – Это будете вы.

В наступившей тишине Грэйбл и Уэнтворт переглянулись.

Однако взгляд Рокера по-прежнему был обращен к Хейворд. В глазах комиссара она прочла: «Вы мой единственный разумный сотрудник».

– Баку польстит, что к нему придут двое старших офицеров. Выходит, мы с ним считаемся. Грэйбл, – повернулся Рокер, – назначаетесь ответственным за операцию. За вами – детали и расписание. Совещание окончено.

Глава 64

На следующее утро д'Агоста и Пендергаст вновь отправились на площадь Санто-Спирито, на этот раз на лодке. День выдался ясный, и д'Агоста щурился на яркое солнце.

– Вы отчитались перед капитаном Хейворд? – спросил фэбээровец.

– Да, перед тем как лечь спать.

– Она сообщила что-нибудь интересное?

– Ничего особенного. Версии по Катфорту завели в тупик. Записи камер безопасности в доме ничего не дали. Похоже, повторяется ситуация с Гроувом. А теперь еще все нью-йоркские шишки заняты по горло проповедником, который оккупировал Центральный парк.

Сонливой атмосферы как не бывало: на ступеньках фонтана разместилась большая группа молодых людей с рюкзаками. Они покуривали травку, передавая по кругу бутылку вина. Воздух оглашали громкая речь, по меньшей мере на пяти языках, и лай десятка собак.

– Смотрите под ноги, Винсент, – криво усмехнулся Пендергаст. – Флоренция – это чудесное сочетание высокого и низкого. – Он обвел рукой кучки собачьего дерьма, затем указал на величественное здание

на южной стороне. – Например, палаццо Гуаданьи, ярчайший образчик зодчества эпохи Ренессанса.

Первый этаж дворца был выстроен из грубых серо-коричневых блоков, а верхние покрывала желтая штукатурка. Строгую изысканную конструкцию венчала лоджия – крытый портик, опиравшийся на каменные колонны.

– На первом этаже – офисы, – пояснил Пендергаст. – На втором – языковая школа, а на третьем синьора Донателли содержит пансион для студентов. Именно там в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году встретились Бекманн и остальные. Синьора Донателли – хозяйка палаццо, последняя из Гуаданьи.

– Думаете, она вспомнит четырех студентов, которые жили тут три десятка лет назад?

– Попытка не пытка, Винсент.

Осторожно перейдя площадь, друзья прошли в огромные деревянные ворота, обитые железом. Оказавшись в некогда роскошном, а ныне мрачном сводчатом проходе, взошли по лестнице на площадку второго этажа. Там с карниза под поблекшей барочной фреской свисал кусок потрепанного картона. На листе твердой рукой была нарисована стрелка, а надпись сообщала: «Приемная».

Для такого шикарного здания приемная оказалась непростительно маленькой – захламленное, но уютное гнездышко, разделенное надвое деревянной перегородкой с фрамугой. С одной стороны старинного письменного стола побитыми сотами выстроились почтовые ящики, с другой – стояла вешалка для ключей. В приемной сидела миниатюрная пожилая дама, одетая с невероятным изяществом; на ее шее и в сморщенных ушах д'Агоста заметил камни, похожие на настоящие бриллианты.

Она встала, и Пендергаст поклонился:

– Molto lieto di conoscerLa, signora[59].

– Il piacere emio[60], – твердо ответила дама, после чего добавила по-английски, с акцентом: – Вижу, вы не комнату пришли снять.

– Нет, – ответил Пендергаст и показал ей удостоверение.

– Вы из полиции?

– Да.

– Что конкретно вам нужно? У меня дела, – остро и с угрожающей интонацией предупредила дама.

– Осенью тысяча девятьсот семьдесят четвертого года, насколько я знаю, здесь жили четверо американских студентов. Вот фотография. – Пендергаст показал снимок Бекманна.

– Вы знаете их по именам? – На карточку госпожа Донателли даже не посмотрела.

– Да.

– Тогда идемте за мной.

Она завела их за перегородку и через заднюю дверь – в комнату побольше, очень похожую на библиотеку. Здесь на полках до самого потолка громоздились книги, рукописи, документы на пергаменной бумаге. Пахло сухой гнилью, старой кожей и воском. Рассыпающийся потолок еще хранил следы искусной позолоты.

– Архивы семьи, – пояснила дама. – Им восемь столетий.

– У вашего дома богатая история.

С нижней полки в дальнем конце комнаты хозяйка достала большой журнал, перенесла его на стол в центре и стала перебирать страницы, на которых убористым почерком было записано все: счета, платежи, имена, даты.

– Как их звали?

– Баллард, Катфорт, Бекманн и Гроув.

Страницы замелькали с поразительной быстротой, поднимая в воздух облачка пыли. И вдруг дама остановилась.

– Вот. Гроув. – Обремененный бриллиантовым перстнем костлявый палец ткнулся в строчку и скользнул вниз. – Бекманн... Катфорт... Баллард. Да, они все были здесь в октябре.

Пендергаст заглянул в журнал, но даже ему оказалось не по зубам расшифровать микроскопический почерк.

– Приехали одновременно? – спросил фэбээровец.

– Да. Тут записано: на одну ночь, тридцать первое октября.

Госпожа Донателли захлопнула книгу:

– Господам угодно что-то еще?

– Да, синьора. Не будете ли столь любезны взглянуть на этот снимок?

– Вы же не рассчитываете, что я вспомню американских нерях-студентов, которые были здесь тридцать лет назад? Мне

девяносто два года, сэр. По-моему, я заслужила право хоть что-то забыть.

– Прошу, будьте к нам снисходительны.

Раздраженно вздохнув, дама взяла снимок… и заметно вздрогнула. Она долго, пристально вглядывалась в фотографию, и даже тот бледный цвет, что еще оставался на ее лице, начал постепенно сходить.

– Выходит, я все же помню, – низким голосом сказала хозяйка, вернув снимок. – Его… – Она указала на Бекманна. – Дайте подумать. Он и другие мальчики – может быть, даже эти, на фотографии – ушли на всю ночь…

Ее голос утих. Решительность и выражение непоколебимого достоинства исчезли с лица.

– Да, накануне Дня всех святых. Они вчетвером всю ночь где-то пропадали. Бекманн вернулся под утро. Он был сам не свой, и я отвела его в церковь.

– В какую?

– В ту, что здесь, рядом: Санто-Спирито. Бекманн в панике молил дать ему исповедаться. Прошло столько времени, а я до сих пор помню. Помню лицо бедного мальчика. Он просился к священнику так, будто от этого зависела его жизнь.

– И что же?

– Он исповедался, потом сразу же собрал вещи и отбыл.

– А остальные американцы?

– Каждый год они отмечают День всех святых или, скорее, день до него, который вы, кажется, называете Хэллоуин. Это вроде как оправдание пьянке.

– Не помните, куда они пошли в тот вечер? Или, может, они с кем-то встретились?

– Увы…

Из приемной донесся звон колокольчика.

– Ко мне пришли, – сказала дама.

– Последний вопрос, синьора, – попросил Пендергаст. – Тот священник, что исповедал Бекманна… он еще жив?

– Отец Зеноби? Сейчас он живет с монахами монастыря Ла-Верна.

У двери госпожа Донателли на секунду задержалась.

– Вы прискорбно ошибаетесь, – предупредила она, – если полагаете, что отец Зеноби раскроет тайну исповеди.

Глава 65

Д'Агоста надеялся, что из палаццо они с Пендергастом вернутся прямиком в отель. Но напарнику вздумалось побродить по площади.

– Может, съедим по мороженому? – предложил он. – Здесь неподалеку есть кафе «Риччи». Если не ошибаюсь, там подают лучшее мороженое во Флоренции.

– Я к мороженому как-то охладел.

– Зато я – нет. Уж простите.

Войдя в кафе, они направились к бару. Пендергаст заказал рожок ванильного тирамису, а д'Агоста решил взять эспрессо.

– Не знал, что вы такой сластена, – заметил сержант, облокотившись о стойку.

– У меня что-то вроде слабости к итальянскому мороженому. Хотя на самом деле я хочу узнать, чего он хочет.

– Он? Кто – он?

– Человек, который следует за нами.

– За нами следят? – Д'Агоста напрягся.

– Не оборачивайтесь. Он не особенно примечателен: средних лет, синяя рубашка, темные брюки. Профессионал.

Подали рожок мороженого. Едва Пендергаст аккуратно и с удовольствием надкусил лакомство, как вдруг переменился в лице.

– Он вошел в пансион. – Бросив на стойку несколько монет евро и оставив рожок, фэбээровец зашагал прочь из кафе, увлекая за собой товарища.

– Опасаетесь за синьору?

– С синьорой все будет в порядке. Я беспокоюсь за священника.

– Священника?.. – Д'Агоста вдруг понял. – Возьмем этого парня на выходе из пансиона.

– И ничего не добьемся, только увязнем в бюрократическом болоте. Самое лучшее – ехать прямиком в монастырь. Идемте, Винсент, дорога каждая секунда.

* * *

Они взяли в прокате «фиат» и через двадцать минут уже мчались через холмы. Машину вел Пендергаст. Визжа покрышками, «фиат» проскочил несколько «шпилек» и чуть не слетел в кювет – нигде не было заграждений, а за каждым поворотом вздымались вершины Апеннин.

– Я знал, что за нами следят, – рассказывал Пендергаст. – Все началось, когда мы нашли тело Балларда. В критические моменты, например, в Кремоне, мне удавалось избавиться от хвоста. Я хотел подождать и выяснить, кто стоит за тем человеком, потому и не пытался его задержать. Но я не ожидал, что он перестанет таиться. Значит, мы приближаемся к истине. Возросла опасность и для нас, и для тех, кто владеет важной информацией.

«Фиат» заложил крутой вираж; д'Агосту кинуло вбок, на лбу выступил пот.

– Я видел, как вы вытягиваете сведения из людей самого разного сорта, – пропыхтел сержант. – Но если вы сумеете провернуть этот трюк со священником, я вернусь в Саутгемптон вплавь.

Еще один поворот – завизжали покрышки, и машина едва не вылетела в пропасть.

Д'Агоста вцепился в приборную панель.

– Нельзя ли помедленнее? – взмолился он. – Как думаете?

– Думаю, что нельзя. – Пендергаст кивнул назад через плечо.

Когда машина, почти потеряв управление, юзом выходила из очередного виража, д'Агоста с ужасом увидел, какой путь они проделали вверх по горному склону. А внизу, отстав на несколько витков, шел мотоцикл, сверкающий черным корпусом и хромом рамы. Разрыв быстро сокращался.

– У нас на хвосте мотоцикл!

– «Дукати-монстр», – кивнул Пендергаст. – Модель «S4R», если не ошибаюсь. Четырехцилиндровый двигатель, сотня лошадиных сил. Легкий, но очень мощный.

Д'Агоста еще раз оглянулся. Водитель был в облегающем костюме из красной кожи, лицо скрывало тонированное забрало шлема.

– Это он был на площади?

– Либо он, либо кто-то с ним связанный.

– Мотоцикл за нами?

– Нет – за священником.

– Он нас обгонит.

– Мы его задержим. Доставайте оружие.

– Стрелять?!

– Предоставляю вам свободу действий.

Д'Агоста уже слышал высокое завывание мотора «дукати». На следующем повороте «фиат» занесло – сначала вправо, затем влево. А мотоцикл вырвался, накренившись под немыслимым углом, припав почти к самой земле, и пошел на обгон.

В последний момент Пендергаст, взяв влево, ударил по тормозам, и «дукати» встал на дыбы. Выровняв машину, водитель сунул руку в куртку.

– У него пушка!

Д'Агоста с пистолетом устроился у двери. Вряд ли мотоциклист на горном серпантине при скорости 80 миль в час сможет выстрелить хоть сколько-нибудь точно. Но шансов ему давать было нельзя.

Набирая скорость, водитель «дукати» прицелился. Прицелился и д'Агоста.

– Пусть он выстрелит первым, – пробормотал Пендергаст.

Прозвучал выстрел, и мотоциклиста скрыло голубоватое облако дыма, которое тут же рассеялось. Одновременно раздался глухой хлопок, и заднее стекло «фиата» потеряло прозрачность, покрывшись паутиной трещинок. Отстегнув ремень, д'Агоста перелез на заднее сиденье, ногой выбил стекло, прицелился и выстрелил. Мотоциклист, сбросив скорость, отстал.

– Вот сволочь!..

«Фиат» завилял на гравийном покрытии в опасной близости от края. Д'Агоста, сидя на коленях, целился сквозь разбитое окно и, не смея дышать, ждал, пока появится мотоцикл. На следующем витке «дукати» мелькнул ярдах в ста позади.

Пендергаст включил понижающую передачу, двигатель взревел от натуги, стрелка спидометра зашкалила. Автомобиль вошел в следующий долгий, тошнотворный поворот.

Дорога вышла на горный уступ, и «фиат» помчался в длинном тоннеле пихтового леса. За машиной взвились в воздух и затанцевали опавшие иголки.

И тут сзади появился «дукати». Пронзительно ревя мотором, мотоцикл быстро сокращал дистанцию. Водитель, убрав пистолет, пригнулся к рулю.

– Он снова попытается нас обойти!

– Я готов. – Пендергаст держался середины дороги, не убирая ноги с педали газа.

Но «фиат» не мог соревноваться с «дукати». Мотоцикл продолжал быстро набирать скорость. Сейчас преследователь начнет обгон, а справа или слева, Пендергаст не угадает.

Д'Агоста поднял оружие. Потратив уйму времени на тренировки в тире, он вновь стал стрелять довольно метко, но когда машина трясется, а сама цель движется с огромной скоростью, попасть практически невозможно.

Целясь низко, в корпус мотоцикла, д'Агоста выстрелил. И промахнулся.

Сверкнув двумя выхлопными трубами, «дукати» вылетел налево. Мотоциклист буквально слился с рулем; казалось, вот-вот перевалится через переднюю вилку… А через пять секунд он уже скрылся за следующим поворотом.

– Монетка выпала не той стороной, – сухо прокомментировал Пендергаст.

Они уже сами приближались к тому повороту, и д'Агоста понимал, что им не вписаться на такой скорости. Пендергаст отчаянно затормозил, почти одновременно нажав на газ и выворачивая руль влево. «Фиат» занесло, машина развернулась и застыла на краю пропасти.

Запахло сожженными тормозными колодками.

– Может, «фиат» и переживает не лучшие времена, – заметил Пендергаст, – но машины там делать не разучились.

Агент ФБР нажал на газ, и автомобиль вернулся на дорогу.

Они проехали пихтовый лес, и машину вновь стало крутить на витках серпантина, еще хуже, чем прежде. Д'Агоста почувствовал, как подступает к горлу тошнота. Очень, очень далеко внизу проплывала долина Казентино, усыпанная пятнами полей и домишек.

Пендергаст вел в мрачном молчании. Д'Агоста перезарядил пистолет – сейчас стоило посматривать по сторонам, потому что «фиат» несся по городку Чуизи. Фэбээровец почти лег на руль. Пешеходы, увидев его, спешили укрыться в дверях магазинов. Агент срезал зеркальце у припаркованного фургона, и деталь, дребезжа и подпрыгивая, покатилась по улице. Сразу на выезде второй знак сообщал: «Santuario della Verna – 6 km».

Дорога неуклонно шла в гору, крутые повороты сменяли один другой. И вдруг, когда машина вырвалась из чащи на луг, впереди возник монастырь Ла-Верна – все такой же недосягаемый, на высоте тысячи футов. Это нагромождение серого камня почти свисало над пропастью. Старый и поеденный временем Ла-Верна, казалось, врос в тело скалы. По спине д'Агосты пробежали мурашки. В воскресной школе их учили: Ла-Верна, пожалуй, святейший христианский монастырь во всем мире, выстроенный в 1224 году самим святым Франциском.

«Фиат» вновь нырнул в лес, и монастырь пропал из виду.

– Шансы есть? – спросил д'Агоста.

– Смотря как скоро наш знакомец найдет отца Зеноби. Монастырь большой. Вот если бы у них был телефон!

Накренившись, машина миновала очередной разворот, и д'Агоста расслышал звон колокола, едва пробивавшийся сквозь шум мотора.

– У монахов, наверное, сейчас молитва, – сказал он, взглянув на часы.

– Да. И очень некстати. – Колеса заскользили по древнему замшелому булыжнику. Езда на машинах здесь явно не была предусмотрена.

Дорога обегала монастырь сзади. И там у арочного входа лежал на боку «дукати». Широкое заднее колесо мотоцикла лениво вращалось.

Пендергаст свернул на стоянку и выпрыгнул из машины еще до того, как она встала. Выхватив пистолет, фэбээровец побежал к каменному мосту. Д'Агоста – за ним. Затем они помчались направо – к капелле, из раскрытых дверей которой доносилось пение. Сильные голоса звучали в унисон, поднимаясь и опадая на прохладном бризе. Напарники уже были у входа, когда стройный хор резко смешался.

Они вбежали как раз вовремя – затянутый в красное киллер стоял над священником, уперев ему в голову ствол пистолета. Священник поднял руки то ли в изумлении, то ли продолжая молиться. В замкнутом пространстве выстрел прозвучал оглушительно громко – пение монахов смолкло, но эхо долго гуляло под сводами капеллы. Д'Агоста закричал от бессилия, гнева и ужаса. А стрелок – совсем как палач – уже поднял оружие и аккуратно прицелился для контрольного выстрела.

Глава 66

В предрассветных сумерках Лаура Хейворд и капитан Грэйбл наблюдали за палаточным городком, стоя на каменистой возвышенности за арсеналом. Лагерь еще не проснулся. В самом центре образовался круг пустоты, где была разбита большая зеленая палатка Уэйна Бака.

Дурное предчувствие только усилилось, когда Хейворд увидела, насколько разросся лагерь. Неудачная местность: глубокие, густо заросшие болотистые впадины, травянистые пригорки, из которых местами – довольно часто – выглядывала темно-серая скальная порода – мешали составить четкий план поселения. Сквозь заросли виднелась машина, которая заберет Бака, – она стояла на Пятой авеню, у самого дома Катфорта.

Лауре Хейворд совсем не нравилось новое задание. Дело Катфорта еще не закрыто, и по уму ей полагается заниматься именно им. А торчать здесь – еще хуже, чем дежурить на посту дорожной полиции.

Вчера звонил д'Агоста. Вспоминая их недолгий разговор, Хейворд взглянула на Грэйбла. Лучше бы с ней был д'Агоста – на него можно положиться, а Грэйбл...

– Обойдем лагерь с запада, – сказал он, расправив плечи и одернув галстук.

Несмотря на утреннюю прохладу, он вспотел так, что рубашка липла к груди.

– Согласна, – кивнула Хейворд. – Главное – скорость. Нас не должны поймать.

– Позвольте вам напомнить, капитан, – Грэйбл подтянул ремень, – пока некоторые зарабатывали звания, зубря теорию за партой, я учился на практике у самой жизни. Так что свое дело я знаю.

Грэйбл отвернулся в сторону палаточного городка, а Хейворд взглянула на часы. Какого черта он тянет? Вот-вот взойдет солнце, и лагерь проснется.

– Значит, стартуем чуть позже? Я правильно поняла?

Она постаралась успокоиться. В конце концов, Рокер дал ясно понять: операцией руководит Грэйбл, так что надо подчиняться. С напарником или ведущим следует ладить, да и план хорош – сработает... Если, черт возьми, не ждать, пока Бак проснется, а пойти, взять его и погрузить в машину.

«Все получится, – сказала себе Хейворд. – Лишь бы Грэйбл пошевеливался. Хочешь кого-то арестовать – арестовывай, не давая ему опомниться».

Она вновь посмотрела на Грэйбла.

– Ладно. – Капитан заметил ее взгляд. – Пошли.

Срезав путь через низкие заросли деревьев и кустистого подроста, они держались как можно ближе к краю тропинки, обегавшей лагерь с запада, и наконец вышли на вытоптанную поселенцами тропу, ведущую прямиком в лагерь. В нос ударил запах нечистот и немытых тел.

На подходе к границе лагеря Грэйбл ускорил шаг, однако, оказавшись среди бумажных навесов и провисших палаток внешнего круга, остановился. Кто-то уже готовил завтрак на походных печках или просто бродил окрест. Капитан отрывисто кивнул ведомой, и они двинулись дальше. Люди оборачивались, Хейворд дружелюбно кивала в ответ. Ближе к центру палатки жались теснее друг к другу, образуя узкие аллеи. По одному из таких коридоров Хейворд и Грэйбл вышли наконец к палатке Бака. Нижние края клапана крест-накрест крепились растяжкой к боковым колышкам.

«Пока все хорошо», – подумала Хейворд.

Подойдя ближе, Грэйбл громко произнес:

– Бак? Это капитан Грэйбл, полиция Нью-Йорка.

– Эй! – Из ниоткуда вдруг появился парень атлетического телосложения. – Вы что здесь делаете?

– Не твое дело, – резко ответил Грэйбл.

«Черт, – подумала Хейворд. – Надо не так».

– Все в порядке. Мы просто хотим поговорить с преподобным.

– Да ну? И о чем же?

– Прочь с дороги! – скомандовал Грэйбл.

– Что такое? – донесся из палатки приглушенный голос. – Кто там?

– Капитан Грэйбл, полиция Нью-Йорка. – Грэйбл уже нагнулся развязать шнур, крепивший клапан к колышку, но из палатки вдруг высунулась рука и схватила капитана за запястье.

Бак вышел и сурово посмотрел на пришельцев.

– Вы вторгаетесь в мой дом, – отчеканил он.

«В наручники его, – подумала Хейворд. – В наручники сукина сына, и выметаться отсюда».

– Мы – офицеры полиции, – сказал Грэйбл. – И это – муниципальная собственность, а не личные владения.

– Сэр, еще раз прошу покинуть мой дом.

Внешность преподобного вселяла сомнения в том, что Грэйбл справится с ситуацией. Хейворд обернулась к капитану – тот стоял вспотевший и бледный.

– Уэйн Бак, вы арестованы. – Грэйбл потянулся за наручниками, но руки у него тряслись, так что провозился капитан слишком долго.

Оказавшись лицом к лицу с Баком, Грэйбл потерял почву под ногами. Теперь Хейворд все поняла: и почему он так медлил, и почему вспотел там, у арсенала. И почему просил Рокера выделить наряд спецназа. Протирая штаны в кабинете, он растерял навыки, если вообще их имел. И сейчас, без поддержки спецназа, на глазах терял самообладание.

Преподобный смотрел на офицеров, не собираясь сдаваться, как, впрочем, и давать отпор.

Парень-атлет – то ли телохранитель Бака, то ли денщик – сложил руки рупором и оглушительно закричал:

– Христиане, восстаньте! Восстаньте! Копы собираются арестовать преподобного!

Лагерь сразу же ожил.

– Сэр, – дрожащим голосом приказал Грэйбл, – повернитесь и сложите руки за спиной.

Бак по-прежнему не двигался.

– Христиане, восстаньте!

– Капитан, – очень тихо обратилась к ведущему Хейворд, – этот человек сопротивляется аресту. Наденьте уже на него наручники!

Но Грэйбл не сдвинулся с места. И Хейворд поняла, что синицу шанса они упустили. Вспомнился день, когда она, еще дерзким подростком, ткнула палкой в гнездо шершней. На секунду все стихло, а потом… Улей загудел и выплюнул облако шершней – злее, чем тысяча чертей. И точно как тот самый улей, сейчас гудел, готовый в любой момент взорваться, палаточный лагерь.

– Защитим преподобного! Полиция пришла арестовать его! Восстаньте!

Люди, как настоящие шершни, стали выскакивать на улицу.

– Капитан, – наклонилась к Грэйблу Хейворд, – вы не нервничайте, но у нас проблема.

Ведущий раскрыл рот, да так и остался стоять. Над городком разнесся злобный гомон, и люди живым кольцом обступили палатку Уэйна Бака.

Ругаясь про себя, Хейворд обратилась к толпе:

– Друзья, послушайте, мы не желаем вам зла...

– Лжешь! – ответили ей.

– Богохульники! – возопил атлет.

Кольцо сужалось, а Бак, горделиво подняв голову, по-прежнему молчал, будто живой символ достоинства.

– Посмотрите, – подняла руки Хейворд. – Нас всего двое. Беспокоиться не о чем.

– Безбожные наймиты Рима!

– Уберите свои грязные руки от преподобного!

Все складывалось хуже, чем она ожидала. Грэйбл начал пятиться, нащупывая взглядом несуществующий путь к отступлению.

Разгоряченная толпа подалась вперед.

– Только троньте нас, – громко и спокойно предупредила Хейворд, – и мы расценим это как нападение.

Передние ряды встали, однако задние продолжали напирать. Толпа вот-вот должна была захлестнуть офицеров, но тут Грэйбл бросил наручники и потянулся за пистолетом.

– Грэйбл! – закричала Хейворд. – Сто-ой!

С воплями: «Они будут стрелять! Убийцы! Иуды!» – толпа обратилась в лавину.

Бах! Выстрел в небо.

По толпе прошла рябь. Бак, стоявший в нескольких шагах позади Грэйбла, одним быстрым уверенным движением выбил оружие у него из руки.

«Слава Богу», – облегченно вздохнула Хейворд.

Она благоразумно отвела руки подальше от своего табельного – так, чтобы люди заметили. Что-то нужно предпринимать, иначе толпа их линчует.

– Преподобный, – обратилась Хейворд к Баку, – все зависит от вас. Сделайте что-нибудь.

Бак выступил вперед, воздев руки. Толпа мгновенно умолкла и замерла. Выдержав короткую паузу, преподобный медленно опустил руки и указал на Грэйбла:

– Этот человек пришел, осененный плащом Князя тьмы, дабы арестовать меня. Но Господь раскрыл его хитрость.

Грэйбла сковало немое оцепенение.

– Эти центурионы, – продолжал Уэйн Бак, – эти наймиты Рима ползучими гадами на посылках у дьявола проникли в наш лагерь. Но их поразили свои же позор и трусливость.

– Позор трусам!

Хейворд воспользовалась затишьем и прошептала Баку:

– Нам бы сейчас уйти.

– Позор! – вновь взорвалась толпа, и под ноги офицерам полетела палка. Люди, стоявшие в передних рядах, уже искали камни.

Хейворд подалась вперед и заговорила, надеясь, что слышит ее только Бак.

– Преподобный, представляете реакцию нашего руководства, если нас покалечат или возьмут в заложники? – Она холодно улыбнулась. – Ку-клукс-клан покажется вам хором мальчиков.

Некоторое время Бак молчал, и было непонятно, дошло до него или нет. Затем он вновь поднял руки и слегка склонил голову. И снова воцарилась тишина.

– Люди мои, – сказал преподобный. – Люди мои. Мы – христиане, и пусть эти двое пришли со злым умыслом, мы должны проявить сострадание и простить их. – Он обратился к помощнику: – Тодд, отпустите нечестивцев с миром.

Толпа медленно расступилась, образуя живой коридор. Красная как рак Хейворд подобрала пистолет Грэйбла и заткнула его за пояс. Обернувшись, она увидела, что капитан застыл, будто врос в землю.

– Вы идете?

Очнувшись, Грэйбл прошел мимо, даже не посмотрев на ведомую. Через два-три шага он сорвался на бег, и толпа радостно загалдела.

Хейворд шагала, стараясь сохранить достоинство, глядя прямо перед собой и следя, как бы ни лицо, ни осанка, ни голос не выдали, что сейчас она переживает унижение, какого не испытывала ни разу в жизни.

Глава 67

Пендергаст выстрелил поверх толпы, и по ушам ударил ужасающий грохот.

Заметив погоню, киллер взглянул на тело у своих ног, развернулся и побежал. Монахи в коричневых сутанах, молясь, плача или размахивая руками, столпились у тела поверженного брата.

Кто-то из них кричал, указывая на заднюю часть церкви: «Da questa parte! E scappato di la!»

– Винсент, за ним! – крикнул Пендергаст, доставая сотовый, чтобы вызвать «скорую».

К д'Агосте подскочил монах и, схватив его за руку, произнес:

– Я помочь вам. Следовать за мной.

Они выбежали через дверь справа от алтаря и по темному проходу выбрались во внутренний двор.

– Он идти туда, – сказал монах и нырнул в древний, расписанный фресками тоннель.

В конце пути монах распахнул приоткрытую железную дверь, и свет затопил темный проход. Вслед за провожатым д'Агоста очутился у узеньких ступенек, выдолбленных в склоне утеса. От падения с головокружительной высоты здесь спасали только проржавевшие железные перила.

Д'Агоста выглянул за край – на миг ему стало дурно – и заметил затянутую в красную кожу фигурку, спешащую вниз.

– Eccolo! – указал монах и начал спускаться. Полы его сутаны хлопали на ветру, словно крылья.

Д'Агоста старался не отставать, но время так отполировало камень, а сырость так увлажнила его, что лестница была скользкой как лед. По ней давно никто не спускался, ступеньки обкрошились, и в них голодными ртами зияли провалы в бездну.

– Знаете, куда он бежит? – прокричал д'Агоста, хватая ртом воздух.

– В лес.

Снизу грянул выстрел. Монах поскользнулся и едва успел ухватиться за крошечный шероховатый выступ. Д'Агоста не мог помочь ему – он сам был как на ладони, вжался в скалу, не в силах сдвинуться. Он даже не мог сейчас достать пистолет.

Со вторым выстрелом скальная крошка оцарапала д'Агосте лицо. Убийца стоял в сотне футов внизу и целился.

Д'Агоста обеими руками цеплялся за камень. Ждать, пока не подстрелят? Отчаянно упираясь ступнями и коленями, д'Агоста высвободил руку, достал пистолет, прицелился как мог и выстрелил – раз, второй.

Наемник вскрикнул и скрылся из виду, а д'Агоста почувствовал, что сползает, и уже хотел выбросить оружие, но тут монах сказал:

– A me!

Д'Агоста кинул «глок» провожатому, и тот ловко его поймал. Сам же сержант прыгнул чуть в сторону, а в то место, где он стоял, ударила пуля.

– Вниз! – Д'Агоста с монахом выбежали на каменную тропинку и сразу же спрятались за небольшим выступом. Убийца выстрелил – вновь брызнули камни.

«Господи, – подумал д'Агоста. – Мы в ловушке». Ни вперед, ни назад – только отстреливаться. Монах вернул пистолет, и д'Агоста проверил обойму: осталось восемь патронов.

– Начну стрелять, – сказал он, – бегите. Capisci?

Монах кивнул.

Уже поднимаясь, д'Агоста прицелился и выстрелил – раз, второй, третий. Он метил по верхушке камня, за которым спрятался киллер.

Магазин опустел, зато монах успел пробежать открытый участок и надежно укрылся за выступом у самого края, где тропинка вновь обрывалась лестницей в пропасть.

Сменив обойму, д'Агоста перебежал к монаху и осторожно выглянул из укрытия. Наемника нигде не было видно.

Не мешкая, сержант продолжил погоню, и теперь уже монах следовал за ним. Когда лестница наконец закончилась, они оказались у подножия скалы, где за небольшим виноградником темнела плотная стена леса.

– Куда? – спросил д'Агоста.

– Все, ушел, – пожал плечами монах.

– Нет. Идем за ним, в лес.

Пригнувшись, они побежали между рядами винограда и через несколько секунд достигли похожих на колонны собора стволов – деревья неровным строем уходили в прохладную тьму, напоенную ароматом смолы. На толстом ковре из иголок д'Агоста не нашел ни единого следа.

– Как думаете, куда он мог деться?

– Нельзя знать. Нужен собаки.

– В монастыре они есть?

– Нет.

– Тогда звоним в полицию.

– Займет время, – снова пожал плечами монах. – А с собаки – день, два или три, может быть.

Оглянувшись на бесконечный лес, д'Агоста выругался.

* * *

В часовне творилась все та же неразбериха. Пендергаст, склонившись над распростертым священником, делал ему массаж сердца и искусственное дыхание. Несколько братьев во главе с настоятелем окружили их полукольцом. Остальные, потрясенные, тихо молились в сторонке. Вот-вот должен был приземлиться вертолет «скорой помощи» – доносился стрекот лопастей.

Встав на колени, д'Агоста взял священника за вялую, хрупкую руку и вгляделся в серое лицо, в закрытые глаза. Монахи бормотали молитвы, и размеренная каденция успокаивала.

– Думаю, у него сердечный приступ, – сказал Пендергаст, нажимая на грудную клетку священника. – И травма от пулевого ранения.

Вдруг священник кашлянул, рука его дернулась, и глаза, открывшись, уставились прямо на Пендергаста.

– Padre, – тихо и спокойно позвал Пендергаст, – mi dica la confessione piu terribile che lei ha mai sentito.

Глаза монаха, такие мудрые, казалось, видят уже близкую смерть, но все понимают.

– Un ragazzo Americano che ha fatto un patto con il diavolo, ma l'ho salvato, l'ho sicuramente salvato. – Вздохнув, священник с улыбкой закрыл глаза. На долгом последнем вздохе он задрожал и наконец замер.

В следующее мгновение в часовню вбежали медики с носилками. Пытаясь спасти монаха, они развили бурную деятельность: один установил кардиомонитор, второй стал докладывать на базу, что раненый не подает признаков жизни. Получив инструкции, медики уложили священника на носилки и побежали к вертолету.

Гул винтов стих, и часовня словно опустела. Только запах ладана остался витать в воздухе да стройное пение братии вносило странную нотку спокойствия в атмосферу общего шока.

– Я упустил его, – судорожно вздохнул д'Агоста.

– Простите, Винсент. – Пендергаст накрыл его руку своей.

– Что сказал священник?

Мгновение Пендергаст колебался.

– Я просил отца Зеноби вспомнить самую страшную исповедь. Такую исповедь он слышал от мальчика-американца, который заключил сделку с дьяволом.

Значит, правда, подумал д'Агоста, и желудок его сжался. Значит, правда.

– Еще отец Зеноби сказал, что он наверняка спас душу мальчика.

Д'Агосте пришлось сесть. На секунду он опустил голову, пытаясь отдышаться, затем посмотрел на Пендергаста и спросил:

– Ну хорошо, а как же те трое?

Глава 68

Сквозь затянутый сеткой клапан в палатку проникали косые лучи солнца, и казалось, что стенки пылают в огне.

Сидя за столом, преподобный Бак вспоминал, как сплоченно вступилась за него паства. Лагерь возбужденно гудел, бурля еще не остывшей энергией. Несомненно, с ними пребывал Дух Божий.

Конечно, полиция не станет сидеть сложа руки. Очень скоро она перейдет к решительным действиям, и тогда наступит время Бака – момент, ради которого он до сих пор жил. Но что это за момент и как выполнить миссию? Прежде Бак воспринимал этот вопрос как призрачный голос, как легкое беспокойство, от которого вдруг не стало спасения – ни в молитве, ни в посте, ни в покаянии.

Неисповедимы пути Господни, подумал Бак и вновь склонил голову, моля указать путь. Снаружи доносились отзвуки оживленных бесед – о том, как его не дали арестовать. Бак прислушался. Странно, что полиция прислала только двоих. Может, они не хотели действовать агрессивно, не хотели уподобиться Ку-клукс-клану?

Ку-клукс-клан. Простая фраза отрезвила тогда преподобного, будто удар скальпелем в сердце. А та женщина – не старше тридцати пяти, красотка, полностью уверенная в себе. Тот, что пришел с ней, – тщеславный нахал, на таких шестерок Уэйн Бак насмотрелся в тюрьме. Но женщина – за ней стояла мощь сатаны.

Что же делать? Дать полиции бой? Сейчас у Бака в руках огромная сила, но всех сотен душ паствы, преданной ему душой и телом, не хватит. У него – сила убеждения, у полиции – сила оружия: пули, слезоточивый газ, водометы, а за спиной власть государства. Будет бойня.

Бак вернулся к молитве, вопрошая Бога, чего Тот от него хочет.

По деревянной распорке постучали.

– Да?

– Скоро утренняя проповедь и время наложения рук.

– Спасибо, Тодд. Иду.

Преподобный Бак не мог выйти к людям без ответа, ведь они избрали его своим пастырем. «Наймиты Рима!» – кричали они все вместе, указывая на копов. Как он гордился в ту минуту их храбростью и силой веры!

«Наймиты Рима», – подумал Бак. И вдруг все кусочки пазла встали на место. Пилат. Ирод. Голгофа. Ответ лежал на поверхности, нужно было лишь проявить упорство.

– Спасибо, Отец, – пробормотал Бак, встав на колени, а поднявшись, ощутил себя преисполненным света.

Вот теперь он готов встретить все армии Рима.

Выходя из палатки, преподобный восхитился красотой утра – красотой Божьего мира, этого мимолетного дара. Поднимаясь по тропинке к камню, с которого он проповедовал, Бак напомнил себе, что следующий мир будет много лучше. И когда придут несметные полчища безбожников, он сразит их.

Преподобный Бак воздел руки, и его приветствовал громоподобный возглас сотен людей.

Глава 69

Вслед за Пендергастом и полковником Эспозито д'Агоста спустился в подвал. Это было настоящее подземелье, которое, похоже, мало переменилось со времен Средневековья: на стенах висели клочья паутины, а кое-где в углах даже сохранились закованные в цепи скелеты.

– Увы, – полковник остановился у железной двери, – мы, как видите, не слишком-то поспеваем за сменой веков.

Эспозито открыл дверь и сделал приглашающий жест.

От стены до стены просторного помещения протянулись стеллажи с документами. На открытых полках громоздились перетянутые шпагатом стопки дел, настолько старых, что некоторые успели заплесневеть (наверное, хранились тут не одно столетие).

При виде вошедших офицер в опрятной бело-синей форме вскочил из-за стола и отдал честь.

– Basta, – устало проговорил полковник, указав на старые деревянные стулья у длинного стола. – Прошу, садитесь.

Сам он тем временем сказал что-то младшему офицеру – тот сбегал и принес штук десять папок.

– Вот краткий отчет по делам, которые вас интересуют. Нераскрытые убийства за последний год: во всех случаях жертва найдена сожженной. Я просмотрел их сам – ничего особенного. Мне, если честно, куда интереснее, что случилось утром в Ла-Верне.

Пендергаст извлек отчет из верхней папки и произнес:

– Мне искренне жаль, что так вышло.

– А уж мне-то как жаль. До вашего приезда было тихо. – Эспозито грустно улыбнулся, разведя руками.

– Мы почти нашли то, что искали, синьор полковник.

– Что бы вы ни искали, я молю Бога, чтобы ваши поиски как можно скорее закончились.

Пендергаст принялся за отчеты. Прочитанное он передавал д'Агосте, который силился понять хотя бы часть из написанного. Змеящиеся под потолком алюминиевые трубы вентиляции тихо гудели, шелестя нагнетаемым воздухом, тщетно пытаясь разогнать затхлость.

Д'Агоста проглядывал дела и вложенные фотографии, стараясь вникнуть в итальянские тексты. Ухватить удавалось только самую суть.

Время от времени он делал коротенькие заметки – для отчета перед Хейворд.

На все документы ушло около часа.

– Нашли что-нибудь? – обратился Пендергаст к д'Агосте.

– Ничего интересного.

– Значит, пойдем по второму кругу.

Полковник, взглянув на часы, закурил.

– Мы справимся сами, синьор полковник, – сказал Пендергаст. – Можете идти.

– А я никуда не спешу, – отмахнулся Эспозито. – Здесь я словно в могиле – никто меня не найдет, и мой сотовый недоступен. Наверху не так уж и приятно, особенно когда каждые полчаса тебе звонят из республиканской прокуратуры. И, боюсь, снова благодаря вам. Жаль только, не хватает эспрессо, здесь нет кофеварки. – Он обратился к младшему офицеру: – Caffe per tutti.

Тяжело вздохнув, д'Агоста вновь окунулся в темный омут отчетов. На сей раз внимание привлекла черно-белая фотография человека где-то в заброшенном здании: скрюченный сильно обгоревший труп лежал у полуразвалившейся бетонной стены. Типичная полицейская фотография, мерзкая, тошнотворная, однако было в ней что-то… неправильное.

– Нашли? – спросил Пендергаст.

Приняв у д'Агосты снимок, он с минуту вглядывался в него, затем, приподняв брови, сказал:

– Да, вижу.

– Что там? – нехотя подался вперед Эспозито.

– Смотрите, человек лежит в луже крови. Его сначала сожгли и только потом застрелили.

– Ну и?..

– Обычно жертву сжигают уже после того, как застрелят, – чтобы скрыть следы. На вашей памяти убийцы хоть раз поступали наоборот?

– Поступали, причем довольно часто. Так вытягивают из жертв информацию.

– Да, но при пытке поджигают только часть тела.

– Это еще ничего не значит. – Эспозито взглянул на фотографию. – Должно быть, работа маньяка.

– Можно увидеть все дело?

Пожав плечами, полковник шаркающей походкой отправился к дальнему шкафу и вернулся с толстой пачкой бумаг. Опустив ее на стол, он перерезал шпагат перочинным ножом.

Пендергаст просмотрел документы и выборочно перевел с листа для д'Агосты:

– Карло Ванни, возраст шестьдесят девять, одинокий фермер. Тело найдено в развалинах крестьянской усадьбы, в горах близ Абетоне. На месте преступления не обнаружено никаких улик: ни отпечатков пальцев, ни волокон, ни гильз, ни следов. – Фэбээровец оторвался от бумаг. – По мне, это не похоже на дело рук маньяка.

– А по мне, так и карабинеры попадаются некомпетентные. – Эспозито недовольно поморщился.

– Один выстрел в сердце. – Пендергаст перевернул страницу. – А здесь что? Судебный врач обнаружил капли алюминия, вплавленные в тело жертвы.

Фэбээровец просмотрел следующую страницу.

– Дальше еще интереснее: за несколько лет до смерти Ванни судили в местной общине по обвинению в педофилии. Из-за формальностей ему удалось избежать наказания. Полиция сочла, что убийство – обыкновенная месть, и, похоже, не особенно старалась найти виновного.

Полковник затушил окурок.

– Кто-то из общины отомстил педофилу. А чтобы тот перед смертью помучился, мститель сжег его живьем, а потом застрелил. Очень просто.

– На первый взгляд, – парировал Пендергаст. – И все же, – продолжил он после паузы, рассуждая вслух, – это выглядит слишком гладко. Предположим, вы, синьор полковник, захотели кого-то убить, причем кого убить, вам разницы нет. Вы, разумеется, выберете человека, повинного в гнусном преступлении, но избежавшего наказания. Человека без семьи, связей, работы. Тогда полиция не станет себя утруждать, а местные жители сделают все возможное, чтобы воспрепятствовать расследованию.

– Слишком заумно, агент Пендергаст. Прямо как у Достоевского. Я ни разу не встречал преступника, способного так тщательно все распланировать. К тому же случайно жертв не выбирают.

– Мы имеем дело не с обычным преступлением, и наш убийца имел совершенно особую цель. – Отложив папку, Пендергаст взглянул на д'Агосту: – Винсент?

– Не мешает проверить.

– Можно снять копию с отчета судебного врача? – спросил Пендергаст.

Подоспел младший офицер с кофе, и полковник отправил его к копиру. Когда подчиненный вернулся, Эспозито передал копию Пендергасту, закурил и обратился к фэбээровцу, не скрывая раздражения:

– Надеюсь, вы не собираетесь просить разрешения на эксгумацию?

– Собираемся.

– Mio Dio! – Эспозито носом выпустил струйки дыма. – Вы хоть понимаете, сколько времени это займет? Год как минимум!

– Боюсь, такие сроки нас не устраивают.

– Мы в Италии. – Губы полковника изогнулись в улыбке. – Хотя...

– Хотя – что?

– Можно пойти неофициальным путем.

– Предлагаете разорить могилу?

– У нас это называется «предварительная проверка». Сначала найдите что-нибудь, а уж потом заполняйте бумаги.

– Спасибо, синьор полковник, – поднялся со стула Пендергаст.

– За что? Я вам ничего не говорил. – Эспозито насмешливо поклонился. – К тому же эта могила вне моей юрисдикции. Будем считать, что все вопросы улажены – кроме Карло Ванни, естественно.

И у самой двери он окликнул Пендергаста с д'Агостой:

– Не забудьте бутерброды и бутылку кьянти. Похоже, ночь предстоит долгая и холодная.

Глава 70

Церковь, в которой погребли Карло Ванни, стояла в предгорье Апеннин, над городом Пестойя. К ней вела бесконечная дорога горного серпантина, и на его поворотах новенький «фиат» ехал то вперед, то словно бы возвращался назад, пронзая тьму светом фар.

– Приготовьтесь, – сказал Пендергаст д'Агосте. – Нас могут ждать.

– Думаете, они знают, куда мы поехали?

– Уверен. В трех-четырех поворотах за нами следует машина. Когда мы доедем до церкви, она остановится неподалеку. Не позволим застать себя врасплох. Воспользуемся тактикой «я бегу – ты прикрываешь». Надеюсь, вы ею владеете?

– Еще бы.

– Тогда вы прикрываете, а я добираюсь до входа и подаю сигнал… – Пендергаст ухнул совсем как настоящий филин. – Вот такой.

– Вы не устаете поражать талантами, – усмехнулся д'Агоста. – Неужели в ФБР без этого не берут?

– Возможно, мы имеем дело с киллером. Но вы дождитесь, пока он откроет огонь, и уж тогда стреляйте на поражение.

– А вы?

– А я о себе позабочусь… Все, мы на месте. – На последнем повороте Пендергаст сбавил скорость. – Приготовьте оружие.

Достав «глок», д'Агоста проверил обойму и передернул затвор. Фэбээровец провел машину мимо церкви, остановил ее в конце дороги и вышел.

В воздухе витал аромат толченой мяты. Звезды, разбросанные по безлунному небу, мерцали над силуэтами кипарисов. Сама церковь призраком темнела на фоне огней Пестойи. Стрекотали сверчки.

«Тихо, безлюдно, – подумал д'Агоста. – Самое то, чтобы разорить могилку-другую».

Коснувшись его плеча, Пендергаст кивнул в сторону рощи в сотне ярдов внизу. Д'Агоста с пистолетом спрятался в тени машины, а фэбээровец без слов метнулся к деревьям, исчезнув во тьме.

Через минуту послышалось уханье.

Поднявшись, д'Агоста перебежал к Пендергасту. Впереди стояла церковь – маленькая, выстроенная из каменных блоков, с прямоугольной башней. Передний вход – деревянная дверь под готической аркой – был заперт.

Еще раз коснувшись руки д'Агосты, Пендергаст кивнул на вход. Д'Агоста отступил в тень деревьев.

Фэбээровец пробежал через двор и замер пятном на фоне черной двери. Слышно было, как он проверяет, заперто или нет. Затем железо заскребло о железо, и фэбээровец, со скрипом отворив дверь, юркнул внутрь. Снова ухнул филин, и д'Агоста, глубоко вздохнув, помчался ко

входу. Едва он оказался внутри, Пендергаст захлопнул за ним дверь и запер ее, поковыряв в замочной скважине узким металлическим предметом.

Оглядевшись, д'Агоста перекрестился. В прохладном нефе у ног Девы Марии, отбрасывая тусклые оранжевые сполохи, угасали свечи.

– Вы идете слева, я – справа, – сказал Пендергаст.

С оружием на изготовку они пошли вдоль стен: в церкви не было ничего, кроме статуи, исповедальни, задернутой шторкой, и грубого алтаря с распятием.

Подкравшись к исповедальне, Пендергаст отдернул шторку.

Никого.

Опустив пистолет, фэбээровец скользнул в дальний угол и нагнулся к замочной скважине в железной двери. Снова заскрежетала отмычка, и открылся проход к каменной лестнице. Пендергаст осветил фонариком темноту спуска.

– Я тревожу не первое место упокоения, – признался агент. – Но этот раз обещает стать самым интересным.

– Почему Ванни похоронили здесь, а не на кладбище снаружи?

– Camposanto только внутри, – пояснил Пендергаст, прикрыв и заперев дверь. – Церковь построена на крутом холме, поэтому почивших хоронят в склепах, вырезанных прямо в скале под святилищем.

Спустившись по лестнице, напарники оказались в сводчатом помещении. В ноздри ударил запах плесени. Слева луч фонаря высветил средневековые саркофаги. Неизвестный скульптор изобразил ушедших словно бы спящими, вырезав их образы на крышках: одного в доспехах, другого в одежде епископа.

Д'Агоста последовал за агентом к новым рядам древних могил, украшенных скульптурами. Наконец фэбээровец остановился у второй железной двери, без проблем открыл ее – и луч фонаря выхватил из темноты тоннель, грубо вырезанный в теле скалы. В каждой нише на полке лежала кучка костей и череп, завернутые в тряпье. На костяных пальцах поблескивали перстни, а кое-где между ребер рассыпались ожерелья и прочие драгоценности.

Вспуганные светом, мимо мохнатыми пулями промчались мыши.

Далее узкими ступеньками от пола до потолка поднимались ряды могил поновее. И чем дальше, тем ближе к современности были даты на мраморных крышках. Попадались и фотографии – лица из XIX или

начала XX века, отмеченные лишениями и разочарованием. Иные таблички носили лишь имена и даты, а то и вообще ничего – эти еще только ждали хозяев.

Пендергаст шел, светя фонариком то вправо, то влево. И вот в самом конце в нижнем ряду дальней стены д'Агоста увидел одинокую табличку.

КАРЛО ВАННИ

1948-2003

Пендергаст достал из кармана тонкое полотнище и расстелил его перед могилой. Затем вытащил узкий ломик и длинное лезвие с изогнутым концом. Лезвием фэбээровец провел между плитой и стеной по всем четырем сторонам, а ломик воткнул в образовавшуюся щель. Рывок – и мраморная крышка отошла, подняв тучу пыли. Пендергаст ловко поймал табличку и уложил ее на полотнище.

Темная дыра дохнула запахом горелой плоти. Посветив внутрь, Пендергаст позвал товарища:

– Помогите, пожалуйста.

Стоя рядом на коленях, д'Агоста старался не смотреть на покойника, чтобы сохранить остатки достоинства.

– Берите его за левую ногу, я – за правую, и вместе вытягиваем. Хорошо еще, что могила Ванни на нижнем уровне.

Пересилив себя, д'Агоста взглянул на торчавшие из темноты подошвы ботинок – каждая с дыркой.

– Готовы?

Кивнув, д'Агоста ухватился за туфлю.

– Все же, наверное, – сказал Пендергаст, – лучше брать за щиколотки. Нехорошо получится, если ступни выйдут без тела.

– Согласен. – Д'Агоста взялся за узловатую кость, и под штаниной мертвеца что-то хрустнуло, как пергамент. Д'Агоста с трудом подавил приступ тошноты. Зловоние убивало.

– На счет «три» тянем – медленно и плавно. Раз, два, три...

Оказалось, труп прикипел к днищу могилы, но, оторвавшись, вышел наружу на удивление просто.

– Так, – приговаривал Пендергаст. – Тянем, тянем...

Д'Агоста пятился, пока тело не вышло из ниши полностью.

Открылось гнездо уховерток; насекомые в панике бросились врассыпную, и д'Агоста отпрыгнул, смахивая их со штанины.

Карло Ванни лежал перед д'Агостой и Пендергастом, скрестив руки на груди поверх распятия. На напарников смотрели черные, сморщенные глаза. Губы Ванни отошли, обнажив гнилые пеньки зубов. Прилизанные мощным фиксатором седые пряди сохранились все до единой. Чуть запыленный костюм выглядел почти новым, только местами его поели уховертки. И лишь по скрюченным, почерневшим пальцам да по свернувшимся миниатюрными свитками ногтям можно было сказать, что человека сожгли.

– Подержите, Винсент. – Пендергаст передал д'Агосте фонарь.

Фэбээровец склонился над трупом, ножом рассек костюм от горла до пупа и разгреб бумажную набивку на месте запавшей брюшины. Кожа отходила сухими пыльными лоскутами, оголяя обугленные края ребер.

Удерживать фонарь стало непросто.

Пендергаст тем временем достал из кармана лист бумаги, в котором д'Агоста узнал ксерокопию рентгеновского снимка. Похоже, фэбээровец собирался искать застывшие капли металла. Нацепив на глаз окуляр ювелира, он с щипцами и ножом еще ниже склонился над брюшной полостью Ванни. Что-то негромко хрустнуло.

– Ага! – Пендергаст извлек кусочек металла, опустил в пробирку и снова припал к сожженному телу.

Услышав за спиной какой-то звук, д'Агоста развернулся, посветив фонарем.

– Слышали?

– Крыса, – успокоил его фэбээровец. – Будьте добры, посветите.

Д'Агоста перевел луч фонаря на труп. Сердце грохотало в груди. Отчет в полиции получится будь здоров!

Звук за спиной повторился, и, развернувшись, д'Агоста высветил крысу – размером с кота. Животное подобралось, моргнуло и, зашипев, обнажило острые зубы.

– Пш-шла! – Поддев ногой комок грязи, д'Агоста зафутболил его в крысу, и та убежала.

– Винсент. Свет, пожалуйста.

– Паразиты хвостатые...

– А вот и еще капля. – Пендергаст опустил в пробирку вытянутый кусочек металла. – Любопытно. Металл не просто расплавился на поверхности тела, а вошел глубже, чем на шесть дюймов. Наверное, из-за ударной волны от небольшого взрыва.

Пендергаст извлек из тела третью каплю, затем четвертую, обе поместил в пробирку, которую затем закупорил и спрятал в кармане вместе с остальными предметами.

– Думаю, все, – взглянул агент на д'Агосту. – Давайте вернем господина Ванни на место, где ему и должно покоиться.

Нагнувшись, д'Агоста ухватился за труп и помог убрать его в нишу.

Фэбээровец смел отлетевшие частички тела на лист с ксерокопией и смахнул их в могилу. Затем достал баночку со строительным цементом, нанес его по краям плиты, которую тут же водрузил на место. Агент постучал там и тут по табличке, чтобы лучше уселась, и отошел.

– Отлично! – оценил он свою работу.

Входная дверь по-прежнему оставалась закрытой. Пендергаст отпер ее и под прикрытием д'Агосты пересек двор.

– Порядок, – позвал агент через некоторое время.

Облегчению д'Агосты не было границ, когда он вышел из церкви в теплую ночь. Только запах плесени, похоже, засел в носу накрепко.

Пендергаст указал вниз на дорогу, где в полумиле от них мерцали задние габаритные огни автомобиля.

– Он ехал за нами. – Фэбээровец включил фонарь и посветил для д'Агосты на следы чужой машины в низкой росистой траве.

– И что здесь делал?

– Скорее всего ему не терпелось узнать, как далеко мы продвинулись. Убивать нас он явно не планировал. Почему? Как по-вашему, Винсент?

Глава 71

Хейворд никогда не любила ощущение deja vu, а сегодня утром оно переживалось как нельзя остро. Те же люди в той же комнате слушали все те же доклады, что и сутки назад. Только вчера докладчик не прикрывал свою задницу. Сегодняшнее совещание до безобразия походило на игру в «музыкальные стулья»: вот сейчас музыка оборвется, и те, кто бегал вокруг ряда стульев, плюхнутся на сиденья, а какой-нибудь несчастный придурок останется крайним. Ему дадут пинка, и доходяга с треском вылетит из игры.

Судя по отчету Грэйбла, пинка получит именно Хейворд.

Грэйбл как раз добрался до середины затянутого повествования, где трусость и нелогичное поведение старшего странным образом преобразились в хладнокровие и геройство. Грэйбл сумел вовремя остановить озверевшую толпу выстрелом в воздух и дать опергруппе уйти, не посрамив департамента. И не важно, что задача осталась невыполненной. Капитан же Хейворд в лучшем случае выполняла функцию пассивного наблюдателя, мертвым грузом висела на шее ведущего. Тем не менее сейчас он великодушно воздержится от критики в адрес ведомой.

Конечно, можно рассказать, что Грэйбл стрелял в воздух вовсе не хладнокровно, а в панике, рассказать, как он бежал, поджав хвост, забыв про табельное оружие. Но тогда получится, что Хейворд ввяжется в ту же игру, а этого ей не надо. Поэтому капитан просто постаралась отключиться от происходящего и не участвовать в празднике полуправд.

Радовало одно: похоже, Пендергаст и д'Агоста добились в Италии определенного успеха. А заодно Хейворд избавилась от клеща-фэбээровца. Бедные итальянские офицеры, устроит он им райскую жизнь! Уже сейчас агент наверняка изводит какого-нибудь карабинера. С другой стороны, Хейворд недоставало д'Агосты. Она соскучилась по нему даже больше, чем ожидала.

Уэнтворт разродился подробным докладом о психологии толпы, сдобрив его цитатами о мании величия из припасенных амбулаторных карт. Слова громоздились на слова, теории – на теории; Хейворд честно заставляла себя слушать, но смысл от нее все-таки ускользнул.

Потом шеф соседнего отдела проинформировал, что очень сильно расстроен мэр: вся полицейская рать уже под ружьем, а сильные мира сего по-прежнему недовольны, ведь полиция до сих пор не решила вопрос.

Однако никто не порадовал светлой мыслью, как же выселить Бака из Центрального парка.

Рокер внимал докладчикам, сохраняя обычное невозмутимое выражение лица – выражение, по которому ни за что не догадаешься, какие мысли роятся в голове у комиссара. Но вот взгляд его утомленных глаз остановился на Хейворд.

– Капитан?

– Мне нечего добавить, – ответила она, пожалуй, чуть резче, чем следовало.

– Значит, – чуть улыбнулся Рокер, – вы со всеми согласны?

– Я не говорила, что согласна. Я сказала: мне нечего добавить.

– Накопали что-нибудь на Бака? Может, его разыскивают?

– Да, – ответила Хейворд, которая пол-утра провисела на телефоне. – Правда, немного. Его разыскивает полиция Брокен-Эрроу, Оклахома, – за нарушение правил досрочного освобождения.

– Досрочное освобождение! – рассмеялся Грэйбл. – Да у нас тут нападение на офицера полиции, сопротивление аресту, попытка похищения! Хватит, чтобы упрятать его на годы.

Хейворд промолчала. По сути, против Бака играло только то самое нарушение правил досрочного освобождения. Найдется с десяток свидетелей, которые подтвердят: Бак вовсе не сопротивлялся аресту, и Грэйбла никто не провоцировал – он сам схватился за пистолет и принялся палить в воздух.

– Что дальше? – спросил Рокер.

Молчание.

– Капитан? – Рокер не сводил взгляда с Хейворд.

– Предлагаю то же, что и на прошлом собрании.

– Даже несмотря на сегодняшний… э-э… неудачный опыт?

– Не случилось ничего, что изменило бы мое мнение.

Повисла гнетущая тишина. Грэйбл качал головой. «Горбатого могила исправит», – говорило его лицо.

– Вот как? Помню, вы собирались идти в одиночку?

– Да. Я пойду в лагерь, попрошу Бака распустить людей по домам принять душ и переодеться. Взамен мы разрешим ему провести демонстрацию. Отнесемся к нему с уважением, честно предупредим.

Грэйбл недоверчиво фыркнул.

– Капитан? – обратился к нему Рокер. – Хотите что-то добавить?

– Комиссар, я был там. Бак псих, причем очень опасный псих. Он ведь бывший убийца. Его ученики – сущие фанатики. Они возьмут Хейворд в заложники или сделают с ней что-нибудь и того хуже.

– Комиссар, при всем моем уважении, я не согласна с капитаном Грэйблом. Бак и его люди занимают территорию парка уже неделю и до сих пор вели себя вполне разумно. По-моему, смысл попытаться есть.

Тут покачал головой Уэнтворт.

– Доктор? – повернулся к нему Рокер.

– Я бы оценил шансы на успех этого предприятия как очень низкие. Капитан Хейворд не психолог и прогнозирует поведение людей, исходя из обывательского мнения, не основанного на научном подходе к психологии.

– Я не люблю хвастаться, – посмотрела Хейворд на Рокера, – но вообще-то я закончила Нью-Йоркский университет и получила степень магистра криминальной психологии. Насколько мне известно, доктор Уэнтворт преподает в колледже, поэтому у нас не было возможности общаться в академических кругах.

Повисла неловкая пауза. Рокер, казалось, пытался подавить улыбочку.

– Однако, – едко заметил Уэнтворт, – своего мнения я менять не собираюсь.

Комиссар не обратил на реплику внимания.

– Значит, решено? – спросил он Хейворд.

– Решено.

– Советую держать в резерве группу спецназа и медиков, – вставил Грэйбл. – Кому-то придется вытаскивать капитана Хейворд.

Сдвинув брови, Рокер посмотрел на свои руки, затем поднял голову и произнес:

– Завтра суббота. Я уже принял решение воспользоваться относительным затишьем и ввести в парк дополнительные силы. Но мне ужасно не хочется так поступать, пока остается хоть один шанс решить вопрос без слезоточивого газа и водометов. – Он посмотрел на Хейворд. – Пойдете в полдень. Если не справитесь, мы действуем по графику.

– Спасибо, сэр.

– Вы уверены, что ваш план сработает?

– Нет, сэр.

– Ну вот, – улыбнулся комиссар. – Немного самокритики, которой, черт возьми, так нам всем не хватает. – Взгляд Рокера обежал собравшихся и вновь остановился на Хейворд. – Действуйте, капитан.

Глава 72

С левого борта парома д'Агоста смотрел, как над поверхностью моря круто поднимаются очертания острова. В лучах утреннего солнца

голубоватый силуэт слегка мерцал. Капрайя, самый крайний остров Тосканского архипелага. Похожий на верхушку затерянной посреди океана скалы, он выглядел ненастоящим, будто взятым из сказки. Низкий широкий нос парома «Торемар» упрямо вспахивал бирюзовые воды, приближаясь к его берегам.

Пендергаст стоял рядом. Легкий морской бриз трепал его светлые волосы, а благородные черты лица на ярком солнце казались вырезанными из мрамора.

– Этот остров, Винсент, чрезвычайно интересен. Когда-то здесь была тюрьма, в которой сидели самые опасные преступники Италии: мафиозные капо и те, кого не удержали стены рядовых казематов. Но в середине шестидесятых тюрьму закрыли, и остров по большей части превратился в национальный парк.

– М-да, и как здесь живут?

– Вообще-то Капрайя – самый очаровательный из всех островов Тосканы. Там есть крохотная деревушка на краю утеса, связанная с небольшим портом одной-единственной дорогой. Острова почти не коснулось тлетворное влияние цивилизации, потому что там совсем нет пляжей.

– Так как, говорите, зовут ту женщину?

– Ее зовут Виола Маскелин. Леди Виола Маскелин. Я почти ничего не узнал о ней и не смог уведомить о нашем визите. Похоже, на острове леди Маскелин проводит лето и в конце октября уезжает путешествовать. Так мне сказали.

– Вы уверены, что мы застанем ее дома?

– Нет. Но я предпочитаю застать намеченную жертву врасплох.

– Намеченную жертву?

– Это я говорю как сыщик. Мы имеем дело с много повидавшей образованной англичанкой. Она единственная правнучка самой большой любви Тосканелли, и кому, как не ей, знать секреты семьи.

– А если она крепкий орешек?

– Все может быть. Затем и нужен эффект неожиданности.

– Сколько же ей лет?

– Около сорока, если я правильно подсчитал.

– Вы знаете историю ее семьи? – Д'Агоста взглянул на фэбээровца.

– Я знаю историю одной интрижки, наполненной огнем и страстью, о каких пишут в книгах. Прабабушка Виолы Маскелин, известная викторианская красавица, вышла замуж за педантичного и бесчувственного герцога Камберлендского, который был на тридцать лет старше ее. Через несколько месяцев Тосканелли соблазнил молодую супругу герцога. Завязался роман, и в результате родилась девочка – бабушка нашей леди Виолы, – а бедная герцогиня умерла при родах.

– И что по этому поводу предпринял герцог?

– Герцог… Может, он и был бесчувственным, но человеком оказался достойным. После смерти жены он удочерил девочку на законных основаниях. Герцог, конечно, лишил падчерицу больших титулов, однако оставил за ней титул поменьше. А вместо основного имения завещал ей кое-какие земли в Корнуолле.

Палуба вздрогнула под ногами. Остров на глазах обретал плоть и вес. В молчании Пендергаст достал из кармана пробирку, в которой блеснули кусочки металла, извлеченные из тела Ванни.

– Мы так и не обсудили нашу находку.

– Угу, зато я успел подумать над ней.

– Я тоже. Кажется, пришло наконец время раскрыть карты?

– Вы первый.

– Ни за что. – Подняв палец, Пендергаст еле заметно улыбнулся. – Я тут старший и вправе приказывать.

– Значит, так, да? Используем служебное положение?

– Используем.

– Ладно… Ну, по-моему, эти капли металла выбросил некий прибор, сработавший не совсем правильно.

Пендергаст кивнул.

– Какой именно прибор?

– Некое загадочное устройство должно было поджарить Ванни. Оно же убило и остальных. Но когда прибор опробовали на Ванни, он не сработал, и беднягу пришлось застрелить.

– Браво.

– Теперь ваша версия.

– Все то же самое. Ванни стал одной из первых жертв, может даже, подопытным кроликом, на котором испытали высокотехнологичное орудие убийства. По всему выходит, что наш убийца – из плоти и крови.

Паром приближался к гавани, проплывая мимо размытых волнами вулканических скал. На набережной теснились ветхие дома, покрытые желтой и красной штукатуркой. Позади них возвышались крутые холмы. На берег с парома съехала единственная машина, затем сошла горстка пассажиров. Д'Агоста и Пендергаст едва ступили на твердую землю, а паром уже отчалил, спеша к следующей остановке – к острову Эльбе.

– Паром пойдет в обратный путь через четыре часа. – Пендергаст достал из кармана записку и тщательно изучил ее. – Леди Виола Маскелин, улица Сарацино, девятнадцать. Надеюсь, мы все же застанем la signora на месте.

Через несколько минут к остановке подъехал старый оранжевый автобус. На одинокой узенькой улице он с трудом развернулся и открыл двери. Д'Агоста с фэбээровцем погрузились, двери скрипнули, закрываясь, и автобус со скрежетом покатил вверх по ужасно крутому склону, который, казалось, вырастал прямо из пенящихся морских волн.

Через пять минут дорога закончилась – автобус прибыл в деревню, и напарники вышли. Слева они увидели старинную церковь, выкрашенную в персиковый цвет, а справа – табачную лавку. Мощенные булыжником улочки, слишком узкие, чтобы по ним могла проехать машина, изгибались под странными углами. Среди прочих строений сильно выделялись руины замка – их полностью захватили грушевые деревья, а за деревней выглядывала небольшая, поросшая низким кустарником горная гряда.

– Очаровательное местечко. – Пендергаст указал на мраморный диск, укрепленный в стене здания: «Улица Сарацино». – Нам сюда.

Они пошли по переулку между выбеленных стен домов, номера которых постепенно росли. Вскоре город закончился, и началась голая земля, разделенная каменными стенами на садики, где росли лимонные деревца и миниатюрные виноградники. В воздухе витал аромат цитрусовых. Тропинка сделала резкий поворот, и там, на краю скалы, – в совершенном одиночестве над бескрайней голубизной Средиземного моря – напарники увидели небольшой аккуратный домик, затененный побегами вечнозеленой бугенвиллеи.

Скользящим шагом Пендергаст прошел вниз, к открытому дворику, и постучал в дверь.

Ему не ответили.

– C'e nessuno? – позвал фэбээровец. – Есть тут кто-нибудь?

Ветер вздохнул в кустах розмарина, примешав к его благоуханию аромат моря.

Д'Агоста огляделся.

– Смотрите, – кивнул он в сторону сада с террасой. – Там кто-то копает.

За виноградником окапывала грядки маленькая фигурка в поношенной соломенной шляпе, старых парусиновых штанах и грубой рубахе, расстегнутой до середины. Заметив посетителей, человек выпрямился.

– Я бы уточнил: там копает женщина. – Пендергаст энергично зашагал в сторону хозяйки. Та ждала, опершись на черенок лопаты и глядя, как незваные гости аккуратно перешагивают через комья вскопанной земли.

Пендергаст с обычным полупоклоном предложил даме руку. Хозяйка приняла этот жест, но перед тем сняла шляпу, и на плечи ей упали густые темные блестящие волосы.

«Что-то Пендергаст напутал с возрастом», – отметил д'Агоста.

Женщина была прекрасна: высокого роста, стройная, со светящимися энергией ореховыми глазами. Она все еще не могла отдышаться, и ноздри ее раздувались.

Между тем Пендергаст, поклонившись, выпрямился да так и остался стоять, не отпуская руки хозяйки – молча, глядя ей прямо в глаза. То же самое происходило и с женщиной. В полной тишине д'Агоста подумал, не знаком ли напарник с их «намеченной жертвой», потому что со стороны все смотрелось именно так – словно они узнали друг друга.

– Я – Алоизий Пендергаст, – представился наконец фэбээровец.

– А я – Виола Маскелин, – ответила женщина с сильным и приятным английским акцентом.

Д'Агоста вдруг понял, что Пендергаст забыл представить его, что было совсем уж не в духе напарника.

– Я – сержант Винсент д'Агоста, полиция Саутгемптона.

Женщина посмотрела на него так, будто только что заметила, но когда она улыбнулась, улыбка ее лучилась теплом.

– Добро пожаловать на Капрайю, сержант.

Снова повисла неловкая пауза. С лица Пендергаста не сходило несвойственное ему удивление. Да что с ним такое?

– Ну что же, – улыбнулась леди Маскелин, – надо думать, вы пришли ко мне, мистер Пендергаст?

– Да, – поспешно ответил он. – Да, мы – к вам. По поводу...

Она оборвала фэбээровца, подняв палец.

– Виноградник под палящим солнцем – не самое подходящее место для разговоров. Может быть, пройдем ко мне в дом, на террасу, и я предложу вам прохладительного?

– Да, конечно.

Она вновь ослепительно улыбнулась, и на щеках появились ямочки.

Леди Маскелин повела гостей к террасе, окаймленной кустами розмарина и крохотными лимонными деревцами, в тени глицинии. Усадив Пендергаста с д'Агостой за столик на потертые деревянные стулья, хозяйка исчезла в доме. Чуть позже она вернулась, неся винную бутылку без этикетки, наполненную бледно-янтарной жидкостью, бокалы, бутылку оливкового масла и глиняное блюдо с толстыми кусками неровно нарезанного хлеба. Когда хозяйка обходила стол, наполняя бокалы белым вином, д'Агоста уловил исходящий от нее легкий аромат винограда, земли и моря.

Пендергаст отпил из бокала.

– Леди Маскелин, вы сами делаете вино?

– Да. Оливковое масло тоже. Работать на своей земле – огромное удовольствие.

– Complimenti. – Пендергаст отпил еще вина и обмакнул в масло кусочек хлеба. – Превосходно!

– Спасибо.

– Позвольте же сказать, леди Маскелин, ради чего мы приехали.

– Не надо, – тихо попросила она, глядя далеко в море.

На ярком свету ореховые глаза леди Маскелин сделались почти голубыми, на ее губы легла загадочная улыбка.

– Не стоит портить такой... такой особенный момент.

«Интересно, что еще за особенный момент?» – подумал д'Агоста. Издалека, со стороны обрыва, доносились шум волн и крики чаек.

– У вас просто очаровательная вилла, леди Маскелин.

– Вилла? Нет, – рассмеялась хозяйка. – Просто бунгало с видом на море. Таким я его и люблю. Здесь у меня книги, музыка, оливковые деревья… И море. Чего еще желать от жизни?

– Вы сказали: музыка. Играете на чем-нибудь?

– На скрипке, – не сразу ответила леди Маскелин.

«Ну вот, – подумал д'Агоста. – Сейчас Пендергаст покружит вокруг да около – и налетит как хищник».

– Вы живете здесь постоянно?

– О нет. Это было бы чересчур. Я, конечно, затворница, но не такая.

– И где вы бываете, когда не живете здесь?

– Мной владеет довольно депрессивное настроение. Осень – в Риме, декабрь – в Луксоре, в Зимнем дворце.

– В Египте? Зимой там, должно быть, занятно.

– Я руковожу раскопками в Долине царей.

– То есть вы – археолог?

– Египтолог и филолог. Мы не просто роем землю в поисках черепков и костей. Недавно мы раскопали могилу писца Девятнадцатой династии. Жрецы покрыли стены восхитительными надписями. Естественно, могилу успели разграбить до нас, но, по счастью, грабителей интересовали только золото и драгоценные камни. Свитки и надписи они не тронули. Самого писца мы нашли в саркофаге – и при нем было множество таинственных свитков, полных магических заклинаний. Нам предстоит развернуть их и расшифровать – они исключительно хрупкие.

– Чудесно.

– Ну а когда приходит весна, я отправляюсь в Корнуолл, в семейное поместье.

– Проводите весну в Англии?

– Люблю, когда под ногами чавкает грязь, – рассмеялась леди Маскелин. – И когда льет холодный дождь. А еще когда можно растянуться на ворсистом ковре у камина с хорошей книжкой. Но как насчет вас, мистер Пендергаст, что любите вы?

Вопрос, похоже, застал агента врасплох, и, чтобы скрыть смущение, фэбээровец отпил вина.

– А я люблю ваше вино. Оно освежает – такое простое и скромное.

– Я делаю его из мальвазии, которую завезли сюда четыре тысячи лет назад минойские торговцы. Когда я вдыхаю аромат этого вина, передо мной оживает сама история – как минойские триремы отправляются в дальний путь, к чужим островам... – Женщина рассмеялась, отбросив с лица черные волосы. – Я неизлечимый романтик, в детстве мечтала стать Одиссеем. – Она взглянула на Пендергаста. – А вы? Кем вы мечтали стать, когда были ребенком?

– Великим белым охотником.

– Ничего себе мечта! – рассмеялась хозяйка. – И что, она сбылась?

– Отчасти. Но как-то на охоте в Танзании я вдруг осознал, что утратил к этому всякий интерес.

Они замолчали. Д'Агоста решил больше не пытаться разгадать тактику Пендергаста, а с пробудившимся интересом принялся за вино. Замечательным оказался и хлеб – со свежим, пикантным маслом оливок, – такой толстый, что жевать его приходилось очень долго. Д'Агоста макнул кусок в масло, отправил его в рот и сразу потянулся за новым. Пожалуй, в последнее время он был чересчур строг к себе, соблюдая диету, даже не завтракал...

Чуть позже, взглянув тайком на часы, д'Агоста решил, что лучше бы Пендергасту поторопиться, если они хотят успеть на паром.

К его удивлению, леди Маскелин сама сменила тему:

– Вот мы заговорили об истории... А ведь у моей семьи история тоже богатая. Вы что-нибудь слышали о моем прадедушке, Лучано Тосканелли?

– Слышал.

– При жизни ему исключительно хорошо давались две вещи: игра на скрипке и соблазнение женщин. Этакий Мик Джаггер своей эпохи. Среди его пассий были графини, баронессы, принцессы. Порой прадедушка общался с двумя, а то и с тремя женщинами в один день, причем не всегда в разное время. – Леди Маскелин усмехнулась.

Пендергаст кашлянул и взял кусок хлеба.

– Однако у него была одна большая любовь – моя прабабушка, герцогиня Камберлендская. Прадедушка наградил ее внебрачным ребенком, моей бабушкой. – Хозяйка сделала паузу и с любопытством посмотрела на Пендергаста. – Вы ведь затем и пришли, верно?

Пендергасту потребовалось время, чтобы собраться и ответить:

– Да, именно так.

Она вздохнула.

– Мой прадедушка закончил жизнь – как и многие в те времена, когда еще не открыли пенициллин, – подхватив дурную болезнь.

– Леди Маскелин, – поспешно сказал Пендергаст, – поверьте, я вовсе не собираюсь совать нос в дела вашей семьи. Я задам один-единственный вопрос...

– Я знаю, что это за вопрос. Но сначала я хочу, чтобы вы выслушали историю моей семьи.

– Нет нужды...

– Я хочу, – вздохнула леди Маскелин, теребя пуговицу рубашки, – чтобы вы сначала узнали. И больше мы к этой теме не вернемся.

«...Чтобы вы сначала узнали, – удивленно повторил про себя д'Агоста. – Интересно, а что же тогда потом?» Пендергаст, казалось, тоже пришел в замешательство. И, не дождавшись от него ответа, хозяйка начала свой рассказ:

– Итак, мой прадедушка заболел сифилисом. Когда болезнь достигла стадии, на которой спирохеты поражают мозг, он изменился – изменилась его игра. Она стала странной. Прадедушка дал концерт во Флоренции, и публика его освистала. Тогда семья владельцев скрипки потребовала вернуть инструмент. Прадедушка отказался. Он бежал, и хозяева «Грозовой тучи» послали за ним агентов. Они преследовали его от города к городу, где прадедушка, ведомый безумием, находил пристанище у бесчисленных женщин. Агенты и частные детективы шли по следу настойчиво, но незаметно, потому что им никак нельзя было выдавать имя нанявшей их семьи. Останавливаясь в гостиницах, мой прадед играл по ночам – с невиданным техническим изяществом, так что не каждый виртуоз смог бы повторить за ним Баха, Бетховена, Брамса, однако – как гласит история – в руках прадеда скрипка выдавала их произведения холодно, необычно и совершенно не так, как было задумано композиторами. А тем, кто его слышал, казалось, будто на скрипке играет сам дьявол. – Леди Маскелин замолчала.

– Что же было дальше? – спросил Пендергаст.

– Семья владельцев «Грозовой тучи» была очень влиятельна, а кровное родство связывало их с королевскими династиями европейских стран. И все же они никак не могли поймать прадеда и преследовали его по всей Европе. В конце концов погоня настигла его в деревеньке Суизи, что в Южном Тироле, у подножия Доломитовых Альп. Его предали – само собой, женщина. Прадед выбежал через заднюю дверь небольшого постоялого двора и скрылся в горах. При нем не было ничего, кроме

скрипки да одежды, которую он успел нацепить. В таком виде он и забрался на Скилиар. Вы знаете, что такое Скилиар?

– Нет, – сказал Пендергаст.

– Это высокогорное плато, зажатое между доломитовыми пиками и иссеченное ущельями и отвесными скалами. Говорят, когда-то там устраивали шабаши ведьмы. Летом на Скилиаре пасут отары редкие закаленные пастухи, но прадедушка бежал туда осенью, и плато было пустынно. И как раз в ту самую ночь шел сильный снег. Наутро прадеда нашли в одной из пастушьих хижин замерзшим насмерть. А скрипка исчезла. На снегу возле хижины агенты не нашли никаких следов и сочли, что по пути наверх мой прадед в приступе безумия бросил «Грозовую тучу» в один из водопадов.

– И вы в это верите?

– Приходится.

Пендергаст подался вперед, и его обыкновенно льстивый южный акцент зазвучал вдруг с необычным напряжением:

– Леди Маскелин, я пришел сказать, что «Грозовая туча» цела и невредима.

Она уставилась на него немигающим взглядом.

– Вы не первый говорите об этом.

– Но я докажу.

Взгляд леди Маскелин не изменился. Наконец она тускло улыбнулась и покачала головой:

– Я поверю, только увидев скрипку.

– И я верну ее вам. Передам «Грозовую тучу» из рук в руки.

Д'Агоста не верил собственным ушам. Пендергаст прибыл сюда не затем, чтобы рассказывать этой женщине, будто скрипка цела. Странно, что фэбээровец вообще упомянул инструмент.

Леди Маскелин решительно покачала головой.

– В мире есть сотни копий «Грозовой тучи». Их наштамповали в конце девятнадцатого века, чтобы продавать по девять фунтов.

– Когда я верну вам ее, леди Маскелин…

– Довольно уже этих «леди Маскелин». Каждый раз, как вы называете меня этим именем, мне кажется, будто в комнату вошла моя мать. Зовите меня Виола.

– Конечно, Виола.

– Так-то лучше. А я буду звать вас Алоиз.

– Разумеется.

– Имя у вас очень необычное. Ваша мать была поклонницей русской литературы?

– В нашей семье вообще принято давать необычные имена.

– А в нашей давали имена музыкальные, – рассмеялась леди Маскелин. – Ну расскажите же о «Грозовой туче». Как и где вы ее нашли? Если в самом деле нашли…

– Полностью эту историю вы узнаете, лишь когда скрипка вернется к вам. Вы сыграете на ней, и я расскажу правду.

– Честно говоря, не смею надеяться. Хотя услышать, как звучит «Грозовая туча», я бы очень хотела.

– Тогда будет смыт позор и с вашего имени.

– Чепуха! – рассмеялась леди Маскелин, помахав рукой. – Титулы, род, честь… Оставим этот мусор для позапрошлого века.

– Оставим. За исключением чести.

Женщина с любопытством посмотрела на Пендергаста.

– А вы держитесь старинных манер, я права?

– Держусь подальше от современных, если вы об этом.

– Да. – Улыбаясь, она оглядела фэбээровца с головы до ног. – И похоже, держитесь удачно.

Леди Маскелин вновь привела Пендергаста в замешательство.

– Что ж, – сказала она, поднимаясь, в ее глазах отразился голубой отсвет с моря, а на щеках появились ямочки от улыбки, – со скрипкой или же без возвращайтесь и расскажите о ней. Обещаете?

– Ничто не доставит мне большего удовольствия.

– Вот и славно. Договорились.

– А теперь, – серьезным тоном произнес Пендергаст, – перейдем к цели нашего визита.

– Ах да, большой вопрос, – улыбнулась леди Маскелин. – Я вас слушаю.

– Мне нужно имя той влиятельной семьи, что когда-то владела «Грозовой тучей».

– Я могу дать вам нечто большее, чем имя семьи. – Из кармана она достала конверт и положила его перед Пендергастом. Изящным каллиграфическим почерком на конверте было надписано: «Доктору Алоизию Ф.К. Пендергасту».

Краска сошла с лица фэбээровца.

– Откуда это у вас?

– Вчера граф Фоско – а его семья и владела «Грозовой тучей» – нанес мне неожиданный визит. Пожалуй, неожиданный – не то слово. Фоско сбил меня с толку. Он сказал, что вы придете и что он – ваш друг и хочет передать этот конверт.

Пендергаст медленно достал из конверта карточку, на которой все тем же размашистым, плавным почерком было написано:

Исидор Оттавио Бальдасаре Фоско,

граф Священной Римской империи,

рыцарь большого креста ордена Квинканкса,

постоянный магистр Розенкрейцерской масонской ложи Месопотамии,

член Королевского географического общества и проч., и проч.,

будет безмерно рад

видеть вас в фамильном имении

Кастель-Фоско

в пятницу, 5 ноября.

Кастель-Фоско,

Греве-ин-Кьянти,

Фиренце.

Пендергаст резко взглянул на д'Агосту, затем вновь на леди Маскелин.

– Этот человек – вовсе не друг. Он чрезвычайно опасен.

– Опасен? Милый толстый граф? – Леди Маскелин было рассмеялась, но смех ее прервался, когда она увидела выражение лица фэбээровца.

– Скрипка – у него, – сказал Пендергаст.

– Так оно и должно быть, – не отрывая взгляда от агента, произнесла женщина. – То есть если скрипка найдется, она должна быть у него.

– Чтобы заполучить «Грозовую тучу», граф жестоко убил четырех человек, а может, и больше.

– Боже мой…

– Никому ничего не рассказывайте. Оставайтесь здесь – на Капрайе вам ничто не угрожает. Если бы Фоско счел необходимым, он бы вас уже убил.

– Вы пугаете меня.

– Да, и мне жаль, но порой лучше бояться. Через два-три дня все закончится. Виола, пожалуйста, будьте осторожны. Просто ждите, пока я не вернусь со скрипкой.

Сначала она не ответила, потом, словно очнувшись, произнесла:

– Вам пора. Иначе опоздаете на паром.

Пендергаст взял леди Маскелин за руку. Так они стояли – молча, неподвижно, глядя друг другу в глаза. Потом Пендергаст развернулся и быстро зашагал к воротам.

* * *

Остров таял в воздухе на горизонте. С той минуты, как напарники покинули домик на краю обрыва, Пендергаст не промолвил ни слова, лишь, потерянный в собственных мыслях, смотрел на бурлящий след, тянувшийся за паромом.

– Фоско знал, что вы знаете, – произнес д'Агоста. – Иначе бы он убил Маскелин.

– Да.

– Получается, вся эта история – лишь изощренный план, как заполучить назад скрипку, так?

Пендергаст кивнул.

– Я и не сомневался, что жирная сволочь в этом замешана.

Пендергаст молча смотрел вдаль.

– Вы как, в порядке? – осмелился спросить д'Агоста.

– Да, вполне. – Очнувшись, Пендергаст огляделся. – Спасибо.

Остров исчез совсем, и, словно по команде, на восточном горизонте возникли низкие очертания материка.

– Что будем делать?

– Я приму приглашение Фоско. Если мы хотим арестовать графа, необходимо узнать, что за машина послужила ему орудием убийств.

– Зачем же Фоско вас пригласил?

– Чтобы убить.

– И вы пойдете к нему?!

Взгляд Пендергаста вновь обратился к морю, серебристые глаза почти полностью побелели, отражая яркий свет.

– Фоско уверен, что я приму приглашение, потому что это единственный шанс получить доказательство его вины. Если же я откажусь, он будет преследовать нас – месяц или год, а может, и все десять лет... – Фэбээровец помолчал. – И будет постоянно угрожать Виоле, леди Маскелин, из-за того, что она знает.

– Понятно.

Пендергаст все смотрел в голубую даль, а когда заговорил вновь, его слова прозвучали очень тихо:

– Завтра в Кастель-Фоско все закончится.

Глава 73

Сидя за старым столом напротив Бака, Брайс Гарриман делал заметки. Свет газовой лампы резал глаза. Была уже почти полночь, и Гарриман подгонял в уме материал второй статьи, которая пойдет в утренний выпуск, – первую он накатал еще в полдень, но не успел сдать до вечера. Опросив с полдесятка людей в лагере, Гарриман скроил из этих кусочков смачную статейку: кичливый капитан явился арестовать Бака, но вдруг запаниковал и дал деру, оставив разбираться во всем напарника – женщину. Шикарная получится вещь – не просто статейка, а пропуск на работу в «Таймс». Гарриман успел заглянуть к ним, запустить щупальца... Вроде бы все шло как надо. Спасибо Баку, Гарриман теперь – единственный журналист, которого пускают в палаточный городок. Сейчас он соберет материал, скомпонует, а утром с двумя статьями в одном номере сорвет двойной куш. И уж конечно, завтра Гарриман тоже вернется – так, на случай если полиция перейдет в решительное наступление.

По настроению в городке Гарриман понял: заварухи не избежать. Сорвав арест преподобного, люди ходили возбужденные, готовые к бою – лагерь все никак не мог успокоиться и напоминал бочку с порохом, фитиль которой уже загорелся. И хоть близилась полночь, воздух буквально звенел от молитв и бесед. Многие ребятишки, проверив на

себе, что значит спать на земле и обходиться без Интернета и кабельного ТВ, сделали ручкой. Зато те, кто остался… о, те были настоящим ядром, преданными последователями. И недостатка в них Гарриман не заметил – он насчитал три с лишним сотни палаток.

Сам Бак изменился. Гарриман больше не чувствовал в преподобном сомнения – исчезла аура удивленного и ничего не понимающего человека. Вместо нее Бак излучал прямо-таки сверхъестественное спокойствие и уверенность. Когда их с Гарриманом взгляды встречались, журналист готов был поклясться, что Бак смотрит сквозь него – в иной мир.

– Что ж, мистер Гарриман, – проговорил Бак. – Вы получили то, зачем пришли? Уже почти полночь, мне пора читать проповедь, прежде чем люди отойдут ко сну.

– Только один вопрос. Вы ведь понимаете, полиция Нью-Йорка не оставит вас в покое… Как думаете, что они предпримут?

Этим вопросом Гарриман надеялся встряхнуть Бака, но тот лишь стал еще безмятежнее.

– Они предпримут то, что должны предпринять.

– Но ведь ничего хорошего вы не ждете? Вы готовы к чему угодно?

– Нет: ничего хорошего я от полиции не жду; и да: я готов ко всему.

– Вы говорите так, будто уже знаете, что случится.

Бак улыбнулся, будто говоря: да, знаю.

– И вас это не тревожит? – допытывался Гарриман.

Снова та же загадочная улыбка. Черт, в статье ее не процитируешь!

– Полиция может применить слезоточивый газ или даже послать группу спецназа. Тот первый визит – лишь детский лепет.

– Я вверяю судьбу в длани Господа, мистер Гарриман. А кому вы вверяете свою?

«Все, пора закругляться».

– Благодарю, преподобный, вы мне очень помогли. – Гарриман встал.

– А я благодарю вас, мистер Гарриман. Не задержитесь ли еще ненадолго – послушать мое обращение к людям? Как вы сами сказали, противник готовится к действиям. Сегодня моя проповедь прозвучит несколько иначе.

Мгновение Гарриман колебался. Утром ему вставать в пять часов. К тому же если завтра копы что-либо предпримут, они выступят рано.

– О чем же проповедь?

– О преисподней.

– Тогда останусь.

Бак подозвал одного из помощников, и тот помог ему облачиться в простую ризу, а затем провел преподобного к выходу. Следуя за ними, Гарриман достал диктофон. Стараясь не обращать внимания на вонь, он шел за Баком к травянистому холму – там из земли торчал кусок скалы. Он возвышался над палаточным городком, и все дружно называли его «скалой проповеди».

Бак взобрался на каменную вершину, и шум в лагере стих. Преподобный медленно поднял руки, а Гарриман, глядя снизу, увидел, как из темноты выступили сотни людей, окружив проповедника.

– Друзья мои, – начал Бак. – Доброго вечера. Еще раз благодарю, что присоединились ко мне на этом пути. Уже не первый вечер я говорю с вами о поисках духа, объясняю, зачем мы здесь и что должны делать. Сегодня я поведаю нечто иное.

Братья и сестры, вскоре вам предстоит испытание. Великое испытание. Хвала Господу, вчера мы одержали большую победу. Однако пособники тьмы легко не сдаются. И потому мужайтесь – мужайтесь, дабы принять и исполнить волю Всевышнего.

Гарриман удивился голосу Бака: преподобный говорил тихо, но в речи металлом звенела уверенность, которой прежде не было.

– Я много раз повторял, зачем мы собрались и чего добиваемся. Сегодня, накануне событий, которые станут испытанием из испытаний, позвольте указать, кто наш враг, с кем мы боремся. Запомните мои слова и храните, когда меня не станет меж вами.

«Канун великого испытания, – повторил про себя Гарриман. – С кем мы боремся. Когда меня не станет меж вами». С тех пор как Гарриман в последний раз побывал у Бака в палатке, он взялся за Библию. Не то чтобы он ею зачитывался, но кое-что из слов Иисуса запомнил: «…Куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною»[61].

– Почему, друзья мои и братья, в темные Средние века наши предки – необразованные, не знавшие того, что сегодня кажется элементарным, боялись Бога не в пример больше нас? Я задал этот вопрос, я на него и отвечу: потому что люди в те времена еще не забыли страх перед Богом.

Они знали, какая награда ждет праведников на небе, но знали, и что ожидает грешников, подлецов, лентяев и отринувших веру.

Однако вина лежит не только на людях. Винить стоит церковь. Она подслащивает Слово Божье, отворачивает паству от предупреждений, говорит, будто ад – лишь метафора, то, во что верили древние и у чего нет воплощения. Любовь Бога к нам всепрощающа, говорит церковь. Она утешает паству, уводя от истинного значения Слова. Как будто крестившись, сделав доброе дело или причастившись раза два или три, человек заслужит место на небе!.. Друзья мои, это ужаснейшая ошибка.

Бак оглядел затихших слушателей.

– Любовь Бога жестока. В этом городе – и во всех больших городах – люди умирают каждый день и во множестве. Как вы думаете, когда все эти несчастные души осознают истину, понимают, что им уготовано? В какой момент пелена падает с их очей, и они видят: вся жизнь их – лишь обман, и они блуждали во тьме, все дальше уходя от света во мрак, а теперь у них впереди только неизмеримая мука? Точно ответить нельзя. Полагаю, кто-то да видит все это – мельком, в последний миг своей жизни – и ощущает: что-то не так, нечто ужасное поджидает его, нечто страшнее, намного страшнее, чем сама смерть. И в момент, когда душа отделяется от тела, ткань реальности рвется в клочья, и мертвый вдруг видит перед собой пустоту. Он хочет кричать, но страх подавляет его; он хочет бежать, но от этого не убежишь. Это лишь малый задаток, первая ступень лестницы, ведущей вниз, в преисподнюю.

Что же такое ад? Наши предки верили, что, попадая туда, грешник вечно горит в озере огня и серы. Образа ужасной топки, пламя которой не дает света, в те нехитрые времена было достаточно.

Бак снова оглядел паству.

– Учтите, для кого-то уготован именно такой ад. Но число преисподних, братья и сестры, бесконечно! Сатана уготовил каждому свой ад. Дьявол, может, и неровня Всевышнему, однако он воистину могуч. И нашим убогим умам не понять всей его силы.

Запомните, запомните навсегда: Бог изгнал Люцифера за всепоглощающую зависть и злобу. И потому сатана в своей неизбывной ревности и желании отомстить использует нас как пешки. Как отвергнутое дитя ненавидит соперника, так дьявол ненавидит нас – любимых чад Господа. Никому не дано понять всей глубины его гнева. Для него каждая душа, которой он овладел, – это победа. Он смотрит на Бога и грозит кулаком.

Дьяволу ведомы наши слабости, наши низменные желания. Он знает, как вызвать в нас тщеславие, жадность, похоть или жестокость. Для

сатаны нет ничего тайного. У него в запасе уловка для всех; на каждом шагу нашей жизни он расставил силки и капканы, чтобы утянуть нас во мрак. Но подумайте: разве, одержав победу, Люцифер удовольствуется тем, что поместит душу в обычный ад? Подумайте, друзья мои, подумайте хорошенько. Чтобы победить окончательно, тот, кому ведомы наши страхи – даже те, о которых не знаем мы сами, – доведет страдания жертвы до предела. И что хуже, такой ад будет длиться вечно. Для кого-то преисподняя станет озером огня и серы. Кого-то заколотят в черном гробу, где он будет лежать в темноте, не в силах пошевелиться или произнести хоть слово, постепенно сходя с ума – и безумие со временем только удвоится, а потом удвоится еще раз. Или же представьте вечное удушье: задержите дыхание на две минуты, на три, ощутите отчаянную тягу вдохнуть. В аду не будет ни глотка свежего воздуха. Не будет там и пощады, а будет только бесконечная агония.

Ночь выдалась теплая, но Гарриман непроизвольно вздрогнул. «…Будет только бесконечная агония».

– Дьявол может придумать и что-нибудь более утонченное и неспешное. Представьте человека, который боится сойти с ума; проходят десятки лет или же медленно протекают столетия, а этот человек по-прежнему мучается страхом. Потом переживает все сызнова. Затем еще раз и еще… Или мать – она души не чает в своих детях, но вынуждена смотреть, как они снова, и снова, и снова с ее смертью опускаются на самое дно, становятся наркоманами, теряют волю к жизни, и смерть приходит к ним, забытым и проклятым.

Бак подошел к самому краю скалы.

– Задумайтесь на мгновение, вообразите худшее, что может ждать вас в аду. А потом уясните себе: сатана, которому ведомы все ваши страхи, приготовит вам место во сто крат ужасней. Обязательно приготовит. Он уже ждет вас. Дьявол все продумал заранее. Криками и мольбами жертвы лишь холят горькую боль Люцифера.

Преподобный глубоко вздохнул, и его голос зазвучал еще тише:

– Я сказал: каждому уготован свой ад. Сатана устроил так, что дорогу в преисподнюю найти очень легко – она широка и удобна. Следовать ею, не думая, отдаться течению – легко и просто. Намного проще, чем искать скрытый, неторный путь к небесам. И за этот путь мы должны биться – биться, друзья мои, не на жизнь, а на смерть. Ибо в борьбе – и только в борьбе! – обретается путь к спасению. Прошу, запомните это перед лицом испытаний.

Бак развернулся и покинул скалу.

Глава 74

Пендергаст завтракал. Войдя к нему в номер, д'Агоста увидел на столике разнообразные фрукты, булочки и ставший уже обязательным эспрессо. Просматривая факсы, агент ФБР деликатно поклевывал яйца-пашот. На миг д'Агоста перенесся назад в Саутгемптон: точно так же они обедали в день, когда дело только началось. Как же давно это было...

– А, Винсент! – обернулся агент. – Проходите. Закажете что-нибудь к завтраку?

– Нет, спасибо. – Утро выдалось замечательное, солнечное, но д'Агосте казалось, будто над ним с напарником нависла мрачная туча. – Странно, что у вас не пропал аппетит.

– Я счел своим долгом подкрепиться, неизвестно, когда удастся поесть еще. Однако не берите в голову. Угощайтесь круассаном. Эльзасский сливовый джем – просто чудо. – Отложив факсы, Пендергаст развернул местную газету.

– Что это за факсы?

– Сообщение от Констанс. Ее помощь просто неоценима. Для решающей встречи мне понадобится все снаряжение.

– Я иду с вами, – решительно заявил д'Агоста.

– Не сомневался, что вы это скажете. – Пендергаст опустил газету. – Но позвольте напомнить: приглашение на одно лицо.

– Вряд ли толстозадый граф станет возражать.

– Возможно, вы правы.

– Я работаю с вами над этим делом с самого начала. В меня стреляли – и не раз, – потом отрезали кончик пальца, хотели скинуть в пропасть... А кое-кто хотел скинуть меня в пропасть вместе с собой на машине.

– Вы снова правы.

– Тогда не ждите, что я буду прохлаждаться у бассейна с запасом холодного пива, пока вы находитесь в логове Фоско.

– Ну что ж, – улыбнулся Пендергаст, – во Флоренции у меня осталось одно дельце. Обсудим его.

* * *

Через два часа они подъехали к большому, без изысков, зданию, выстроенному из камня.

– Палаццо Маффеи, – сказал Пендергаст, сидевший за рулем. – Подождите, я ненадолго.

Фэбээровец вышел из машины и направился к входу. Изучив имена на латунной табличке, нажал кнопку звонка. Через некоторое время из динамика донесся приглушенный голос. Пендергаст ответил, и массивная дверь, зажужжав, отворилась. Агент ФБР исчез внутри.

Д'Агосте стало любопытно. Он успел обогатить словарный запас и потому был уверен, что по домофону Пендергаст говорил не по-итальянски. Больше всего его речь походила на латынь.

Выйдя из машины, сержант пересек узенькую улицу и подошел к зданию. Кнопка, на которую нажал Пендергаст, была подписана просто: «Корсо Маффеи». Имя д'Агосте ни о чем не говорило, и он вернулся в машину.

Пендергаст вышел из здания через десять минут.

– Ну и что вы там сделали? – спросил д'Агоста, когда фэбээровец уселся за руль.

– Подстраховался. – Пендергаст пристально посмотрел на товарища. – Шансы на успех – пятьдесят на пятьдесят. Вам ехать не обязательно. Лучше останьтесь.

– И не подумаю. Мы ведем это дело вместе.

– Вижу, вас не переубедить. И все же я напомню, Винсент: у вас – сын, а еще, кажется, неплохие перспективы на продвижение по службе и счастливая жизнь впереди.

– Повторяю, мы ведем это дело вместе.

Улыбнувшись, Пендергаст положил руку ему на плечо. Такой жест показался д'Агосте странным, ведь Пендергаст редко проявлял теплоту.

– Я заранее знал, что вы ответите, Винсент. И я очень рад. Что бы я делал без вашей рассудительности, стойкости и – среди прочего – талантов стрелка?

Неожиданно для себя д'Агоста смутился и что-то пробурчал.

– В Кастель-Фоско надо приехать между обедом и ужином, – сказал Пендергаст. – По пути я вкратце все объясню.

* * *

Дорога до Кьянти шла по югу Флоренции, изгибаясь между холмами. Пожелтевшие полосы виноградников, бледно-зеленые оливковые рощи, сказочные замки, роскошные виллы эпохи Ренессанса... Ничего прекраснее д'Агоста не видел. А над всем этим возвышались поросшие лесом горы, где изредка темнели угрюмые монастыри.

Вскоре далеко внизу показался городок Греве, спрятавшийся в долине, что тянулась вдоль одноименной реки. После очередного поворота Пендергаст указал налево.

– Кастель-Фоско, – проговорил он.

Замок стоял на одинокой скале посреди холмов. С такого расстояния он смотрелся как башня; огромная, зубчатая, побитая временем, она высилась над лесом. Дорога свернула, резко пошла под уклон, и Кастель-Фоско исчез из виду. Пендергаст съехал с шоссе и начал петлять по проселкам и аллеям. Наконец машина остановилась у замшелой стены, перед ржавыми железными воротами с мраморной табличкой: «Кастель-Фоско». Открытые створки, казалось, вросли в землю, а за ними по крутому склону вилась старинная немощеная дорога.

По пути наверх Пендергаст кивнул в сторону террасированных виноградников и оливковых рощ вдоль дороги:

– Богатое имение. Похоже, самое крупное в Кьянти.

Д'Агоста не ответил. С каждым ярдом, приближавшим их к замку, у него усиливалось дурное предчувствие.

Дорога наконец вывела на вершину холма, и замок – чудовищная каменная башня на высоком склоне горы – сделался ближе. С одной стороны к нему была пристроена вилла времен Возрождения: рядом с красной черепичной крышей и роскошными окнами мрачные очертания древнего бастиона смотрелись почти отвратительно.

Кастель-Фоско окружал двойной ряд стен. От внешней почти ничего не осталось, кроме обвалившейся кладки и разбитых башен, внутренняя сохранилась намного лучше. Ее плоский массивный вал служил чем-то вроде подпорки для самого замка. Позади крепости зеленым амфитеатром – еще на тысячу футов вверх – вздымались покрытые лесом горы, и обнаженные скалистые пики зазубренным полукругом протыкали низко нависшее небо.

– Здесь больше пяти тысяч акров земли, – сказал Пендергаст. – Имению Фоско не менее тысячи лет.

Д'Агоста не ответил. Предчувствие беды все росло – безумие вот так являться в пещеру ко льву! Но д'Агоста привык целиком полагаться на Пендергаста. Напарник не станет действовать очертя голову: удалось же ему перехитрить снайпера и спасти их обоих из рук людей Балларда. Фэбээровец выручал д'Агосту и прежде. План Пендергаста – какой бы он ни был – сработает.

Просто обязан сработать.

Глава 75

Миновав ворота во внешней стене, Пендергаст провел машину по кипарисовой аллее и въехал на стоянку у двадцатифутовой внутренней стены замка, поросшей мхом и адиантумом. Д'Агоста со все возрастающим чувством тревоги увидел пару утыканных шипами массивных деревянных дверей, к которым вела широкая каменная лестница.

Когда напарники выбрались из машины, двери приглушенно загудели, а затем с басовитым гулом начали открываться, влекомые невидимым механизмом.

Взойдя по ступеням, д'Агоста и Пендергаст прошли в арочный вход и будто попали в другой мир. Перед ними раскинулась ровная лужайка, на краю которой и стоял замок. С одной стороны сверкал на солнце большой круглый пруд, окаймленный мраморной балюстрадой и украшенный статуей Нептуна – морской бог восседал на спине морского чудовища. Справа, позади часовни с черепичным куполом, пролегала еще одна балюстрада, а за ней – маленький садик, что спускался вниз, резко обрываясь у внутренней стены крепости.

Вновь послышался скрип, и земля дрогнула. Обернувшись, д'Агоста увидел, как закрываются двери.

– Не волнуйтесь, – пробормотал Пендергаст. – Пока все идет по плану.

Д'Агоста надеялся, что так оно, черт побери, и есть.

– Где Фоско? – спросил он.

– Полагаю, мы скоро его увидим.

Напарники пересекли лужайку. Парадный вход в замок открылся перед ними с металлическим скрежетом, а внутри гостей ожидал Фоско в элегантном сером костюме. Длинные волосы графа были зачесаны назад, на руки он, как всегда, надел перчатки.

– Дорогой Пендергаст, – с улыбкой произнес Фоско, – добро пожаловать в мою скромную обитель. И сержант д'Агоста с вами? Как мило с его стороны составить компанию.

Фоско протянул руку, но Пендергаст ее не пожал.

– Жаль. – Граф опустил руку, и улыбка исчезла. – Я надеялся, что наша встреча пройдет по всем правилам, что это будет разговор джентльменов.

– Если здесь присутствует джентльмен, представьте его.

Фоско неодобрительно хихикнул.

– Разве можно так обращаться к хозяину дома?

– Разве можно сжигать людей в их собственном доме?

– Вам не терпится перейти к делу, да? – с отвращением произнес Фоско. – И все же погодите. Нельзя держать гостей на пороге. Прошу.

Граф повел Пендергаста с д'Агостой по длинному коридору в парадный зал. Д'Агоста никак не думал увидеть здесь изящную лоджию с колоннами и полукруглыми арками, огибавшую три стены.

– Взгляните. – Граф указал на окрашенную терракотовую лепнину над арками. – Тондо работы Делла Робии. Впрочем, вы, должно быть, устали с дороги. Идемте, я провожу вас в отведенные вам покои, где можно освежиться.

– Вы приготовили комнаты? – переспросил Пендергаст. – Разве мы остаемся на ночь?

– Естественно.

– Сомневаюсь, что мы задержимся. Боюсь даже, мы *не* задержимся.

– Тем не менее я настаиваю.

Граф потянул за металлическое кольцо-ручку, словно актер в драматической сцене, достал из кармана огромный ключ и запер дверь на замок. Затем открыл крышечку на вделанном в стену деревянном ящике. Внутри оказалась современная клавиатура, выглядевшая довольно странно на фоне средневекового интерьера. Граф набрал длинный код, и в ответ, лязгнув, сверху опустилась решетка.

– Теперь можно не опасаться, что явятся непрошеные гости, – сказал Фоско. – Или что кто-то без спроса уйдет.

Не дождавшись ответа, как всегда, поражая легкостью и быстротой походки, он повел их через зал и по длинному коридору, по обе стороны которого на стенах чернели старые портреты, а под ними выстроились ряды средневековых доспехов, копий, пик, булав и другого оружия.

– Доспехи ценности не имеют, это новодел восемнадцатого века. А на портретах, конечно же, мои предки. Время совсем не пощадило полотна, лиц уже не разглядеть. По счастью, наш род не страдал красотой. Поместье принадлежит нашей семье с двенадцатого века, когда мой выдающийся пращур Джованни де Ардаз отнял его у лонгобардского рыцаря. Моя семья получила рыцарский титул, и с тех пор наш герб – неистовый и ужасный дракон, стоящий на задних лапах. Во времена великих герцогов сама курфюрстина пожаловала нам титул графов

Священной Римской империи. Мы жили тихо: выращивали здесь виноград и оливки и никогда не вмешивались в политические распри. Есть одна флорентийская поговорка: «Гвоздь, который вылез, вновь забивают». Фортуна улыбалась то одним политикам, то другим, а дом Фоско никогда не вылезал подобно гвоздям, поэтому на нас ни разу не обрушился удар молотка.

– И все же, – заметил Пендергаст, – в последние месяцы вы, граф, умудрились высунуться достаточно далеко.

– Увы, да, хотя большей частью против своей воли. Я должен был вернуть то, что принадлежит нам по праву. Но мы поговорим об этом за ужином.

Коридор вел мимо гостиной, украшенной картинами и гобеленами, и Фоско с гордостью привлек внимание гостей к некоторым пейзажам.

– Хоббема и ван Рейсдал, – похвастался он.

За гостиной последовали еще несколько роскошных и наполненных светом комнат, затем интерьер вдруг изменился.

– Мы в исконной лонгобардской части замка, – пояснил Фоско. – Ей – двенадцать столетий.

Свет проникал в крохотные пустые помещения через бойницы высоко в прокаленных стенах.

– Комнаты старые и унылые, я их не использую, – сказал граф. – Здесь всегда сыро и холодно. Однако если спуститься на несколько уровней, то там вы найдете кладовые, тоннели и подвалы – исключительно удобные для хранения вина, бальзамов и prosciutto di cinghiale, кабаньего окорока. В наших угодьях, знаете ли, водится вепрь – отведать его мяса к нам приезжают многие. А самые нижние тоннели вырезали в скале еще этруски три тысячи лет назад.

Дальнейший путь преграждала массивная железная дверь, вделанная в еще более толстую стену. Здесь, в глубине замка, каменная кладка была покрыта влагой.

– Сейчас мы поднимемся в башню, – сказал Фоско и открыл дверь вторым ключом.

Сразу же за порогом из глубин штопором поднималась винтовая лестница – до самого верха, так что последних ступеней уже не было видно. Фоско снял со стены электрический факел, включил его и начал восхождение. Через пять или шесть витков он остановился на маленькой площадке перед единственной дверью. Открыв ее третьим по счету ключом, Фоско пропустил Пендергаста и д'Агосту в комнату – старую, но

обустроенную на современный манер: терракотовый пол устилали персидские ковры, а в камине горел огонь, согревая уютные кресла; на столе стояли напитки, книжные полки во всю стену ломились от томов. Маленькие окошки выходили на долину реки Греве и на череду холмов далеко внизу, убегающих в сторону Флоренции.

– Eccoi qua! Мы на месте. Надеюсь, комнаты вам понравятся. Здесь две спальные напротив друг друга. Вид из окна обворожительный, не находите? Вы, кстати, не захватили необходимых вещей. Ну да не беда, я скажу Пинкеттсу, он принесет бритвы, банные халаты, тапочки и пижамы.

– Сильно сомневаюсь, что мы останемся на ночь.

– А я сильно сомневаюсь, что вы к ночи уйдете. – Граф улыбнулся. – Ужин в девять.

Поклонившись, он вышел и с глухим стуком закрыл дверь. Сердце д'Агосты сжалось, когда в замке заскрежетал ключ, а затем на ступеньках послышались удаляющиеся шаги.

Глава 76

Комиссар Рокер привел ни много ни мало, а целых три отряда по сдерживанию массовых беспорядков, команду спецназа, двух переговорщиков, конную полицию, две мобильные группы и целую тьму рядовых полицейских в шлемах и бронежилетах. Поодаль, на Шестьдесят седьмой улице, припарковались пожарные машины и кареты «скорой помощи».

Хейворд в последний раз проверила рацию и оружие. Вокруг толпились полицейские со щитами и дубинками вперемежку с пестрой толпой специалистов, уши которых украшали провода переговорных устройств. Хейворд заметила даже тайных осведомителей, одетых как обитатели городка. Такая избыточная сила не удивляла: если уж отправляться в лагерь, то вооружение должно превосходить силы противника – чтобы на одного человека в палаточном городке приходилось девять своих. Ни в коем случае нельзя позволять поселенцам надеяться, будто они выстоят.

Но что делать с их верой? Последователи преподобного искренне верили, что за ними стоит сам Господь Бог. И это не какие-нибудь забастовщики из муниципальных работников, у которых дома сопливые дети и две машины в гараже. Эти люди преданы поводырю фанатично, и поэтому свой план Хейворд считала разумнее.

Только оправдает ли он себя?

Рокер отделился от общей массы и подошел к Хейворд:

– Готовы?

Она кивнула.

Комиссар по-отечески потрепал ее по плечу.

– Начнутся проблемы – сообщайте по рации. Мы немедленно выступим. – Он оглянулся на ряды людей и оборудования. – Надеюсь, черт побери, все это не пригодится.

– Я тоже.

В одной из мобильных групп Хейворд заметила Уэнтворта. Из уха психолога торчал провод, а сам он трещал без умолку и бурно жестикулировал – в общем, наконец дорвавшись, с восторгом играл в полицейского. Уэнтворт обернулся в сторону Хейворд, и она отвела взгляд. Если план не удастся, Хейворд не переживет унижения. Карьера тоже окажется под вопросом. Уэнтворт сразу заявил, что идея обречена; если бы не Рокер, Хейворд не дали бы сделать и шагу. Впрочем, она не единожды задавала себе вопрос: и чего ей не молчалось? Сидела бы тише воды ниже травы. Ведь сколько тихоней – из тех, что плывут по течению – добились успеха, поймав нужную волну! Похоже, Хейворд подцепила от д'Агосты привычку высовываться.

– Готовы?

Она кивнула, и Рокер убрал руку с ее плеча.

– Вперед, капитан!

Хейворд в последний раз оглянулась и пошла по тропинке, обегавшей арсенал с северной стороны. Позади остались коллеги – они готовили штурм, и им ничто не угрожало. На ходу капитан достала из кармана бэйдж и прикрепила его к лацкану пиджака.

Через несколько минут она вышла к внешним рядам палаток и, чуть замедлив шаг, пригляделась. Был уже полдень, по лагерю бродили люди, пахло жареным беконом. Стоило капитану подойти ближе, как поселенцы стали обращать на нее внимание. Хейворд дружелюбно кивала, получая в ответ враждебные взгляды. Люди ожесточились; ничего удивительного – они не дураки и понимают: отпугнув двух офицеров, от всей полиции не избавиться. В городке ждали, что нечисть пойдет на штурм, и Хейворд старалась показать, что никакая она не нечисть.

Капитан ощущала, что все взгляды прикованы сейчас к ней. Слышались шепотки: «Сатана... Нечестивая...» Стараясь сохранять доброжелательный вид и легкость походки, Хейворд вспоминала уроки

«социальной динамики»: толпа как собака, учует твой страх – укусит, а если побежишь – станет преследовать.

Дорогу капитан помнила и к палатке Бака вышла меньше чем за минуту. Преподобный сидел с книгой за столиком снаружи, полностью погрузившись в чтение. Внезапно перед Хейворд вырос уже знакомый прислужник (Бак называл его Тодд). Собралась и толпа – пока что любопытная, притихшая и настороженная.

– Опять вы?! – удивился Тодд.

– Опять я, – ответила Хейворд. – Пришла поговорить с преподобным.

– Они вернулись! – закричал парень, заступая Хейворд дорогу.

– Никаких «они». Только я.

Толпа загудела, словно ток в проводах. Напряжение возросло.

Преподобный читал, совершенно не обращая на нее внимания. Отсюда было видно название: «Книга мучеников» Джорджа Фокса, издание «Ридерз дайджест».

Тодд уже приблизился к Хейворд вплотную.

– Преподобного беспокоить нельзя!

На Хейворд накатило неприятное чувство. Вдруг Уэнтворт был все-таки прав?

– Я пришла одна, – сказала Хейворд достаточно громко, чтобы Бак ее услышал. – У меня нет приказа на арест. Я хочу поговорить с преподобным как человек с человеком. Что здесь плохого?

– Лукавая! – раздалось из толпы.

Хейворд шагнула вперед, оттирая Тодда плечом.

– Офицер, это нападение! – предупредил Тодд.

– Если преподобный не желает меня видеть, пусть так и скажет. Почему вы принимаете решения за него?

– Преподобный просил не беспокоить.

Тодд отступил на шаг, однако с дороги не отошел. Кто-то закричал:

– Римлянка!

«Да что они заладили про этих римлян?!»

– Преподобный, уделите мне всего пять минут, – позвала Хейворд, посмотрев через плечо Тодда. – Пять минут.

Наконец Бак оторвался от книги, положил ее на стол и с большой неохотой встал. Он взглянул на Хейворд, и когда их глаза встретились, капитана пробрал озноб. Еще вчера она видела в этих глазах неуверенность и даже намек на готовность слушать. Но сегодня во взгляде проповедника не читалось ни малейших эмоций – только спокойствие и абсолютная уверенность в себе. Лишь на короткий миг промелькнуло что-то от человека – слабое подобие недовольства. Хейворд сглотнула.

– Простите, – попыталась она обойти стража.

Бак кивнул помощнику, и тот отошел. Когда преподобный вновь посмотрел на Хейворд, ей показалось, что смотрит он вовсе не на нее, а сквозь нее.

– Преподобный, департамент полиции Нью-Йорка хочет через меня попросить вас и ваших людей об услуге. – «Говорите проще, неформально, не стоит показывать силу, – учили их на курсах переговорщиков. – Пусть объект думает, что решения принимает он».

Но Бак словно не слышал.

В наступившей тишине Хейворд ощущала угрозу. Капитан не оборачиваясь могла сказать, что к палатке подошла большая часть поселенцев.

– Послушайте, преподобный, у нас проблема. Ваши последователи разрушают парк, вытаптывают кусты и траву, а вдобавок используют территорию как общественный туалет. На вас жалуются те, кто живет поблизости. Подумайте об их здоровье, а если нет, так о своем.

Хейворд остановилась. Дошло ли до Бака хоть что-то из сказанного?

– Преподобный, вы согласны помочь?

Капитан подождала, но Бак хранил молчание.

– Прошу, ответьте.

Люди беспокойно переговаривались. Постоянно прибывающие поселенцы окружали палатку со всех сторон, а вместе с ней и саму Хейворд.

– У меня к вам предложение. Честное и прямое.

«Ну же, осел, спроси, что я хочу предложить!» Важно заставить его говорить, задавать вопросы или просто раскрыть рот.

Преподобный упрямо молчал, продолжая смотреть на Хейворд – точнее, сквозь нее. Боже, она в чем-то ошиблась. Или же что-то изменилось с последней их встречи. Хейворд видела перед собой другого человека.

Впервые Хейворд ясно почувствовала близость провала.

– Вы меня выслушаете?

Ответа не было.

– Позаботьтесь о своем здоровье, распустите на день последователей. Только на один день! Пусть ваши люди помоются и по-человечески поедят. В благодарность мы позволим провести демонстрацию – собраться, не нарушая закона и с благословения властей, а не так – нанося ущерб парку и раздражая жильцов. Я слышала вашу речь; теперь у вас есть шанс сделать все законно и заслужить уважение. Воспользуйтесь им!

Она замолчала. «Не говори слишком много. Пусть он переварит услышанное».

Люди замерли в ожидании ответа своего пастыря. Теперь все зависело от Бака.

Наконец он моргнул и поднял руку – медленно, словно робот. В напряженной тишине – а было так тихо, что Хейворд слышала, как щебечут птицы – Бак обошел столик и указал на капитана.

– Центурион, – только и произнес преподобный.

И этими словами будто открыл газовый вентиль.

– Центурион! – разразилась толпа. – Наемник Рима!

Кольцо вокруг палатки стало сужаться, и Хейворд вдруг испугалась по-настоящему. План не сработал. Неужели таков и был неизбежный финал?! В толпе пробудился опасный инстинкт, и Хейворд стало не до карьеры.

– Преподобный, – позвала она, – если вы отвечаете «нет»...

Но Бак отвернулся и – к полному смятению Хейворд – ушел к себе в палатку. А пустоту на том месте, где он стоял, быстро заполнили поселенцы.

Бак оставил Хейворд на милость толпы.

«Пора выметаться отсюда».

– Ладно, народ, – обернулась Хейворд к людям, – я понимаю, когда мне говорят «нет»...

– Иуда, молчи!

Толпа вооружилась палками, а Хейворд изумленно отметила, как быстро способны рассвирепеть люди. Она проиграла, проиграла с позором. Теперь карьере конец, Хейворд даже не сомневалась. Сомневалась она в том, сможет ли вообще унести руки-ноги из лагеря.

– Я ухожу, – заявила она громко и твердо. – Ухожу и надеюсь, мне дадут сделать это спокойно. Я – представитель закона.

Она пошла на живую стену, однако на этот раз стена не расступилась. Хейворд продолжала идти, думая, что люди отступят, но люди не отступили. Несколько рук резко толкнули капитана в грудь.

– Я пришла с миром! – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. – И я уйду с миром!

Хейворд шагнула вперед и встретилась лицом к лицу с Тоддом. Страж преподобного сжимал в руке... камень.

– Не делайте глупостей, – предупредила она.

Парень поднял руку, и Хейворд быстро подошла к нему, глядя прямо в глаза – как собаке. Впереди всегда идут самые отчаянные: задние ряды надеются на удачу и ждут, пока противник не будет сломлен и побежден, но передние – это убийцы.

– Сучка иудская! – Потрясая камнем, Тодд отступил на шаг.

Пытаясь успокоиться и привести мысли в порядок, Хейворд быстро оценила ситуацию. Оружие бесполезно. Выстрел в воздух лишь на мгновение отпугнет толпу; шок пройдет, люди набросятся на капитана, и от нее не останется мокрого места. Рокер будет только через десять минут, к тому времени поселенцы уже отведают крови и встретят полицию яростным сопротивлением. А пока комиссар доберется до самой Хейворд... Господи, она не то что десяти минут не продержится – не выстоит и пяти.

Сдержать толпу мог только Бак, а он сейчас в палатке.

Хейворд начала пятиться. Кольцо сжималось, оттесняя ее от палатки, которой уже не было видно. Своими спинами они словно ограждали Бака от ужаса того, что собирались сотворить с капитаном. Со всех сторон в Хейворд летели проклятия и насмешки.

Хейворд отчаянно вспоминала лекции по психологии толпы. Проблема в том, что поведение толпы отличается от поведения отдельно взятого человека. На толпу нельзя воздействовать подсознательно, языком тела. Толпа слушает только себя. С ней не поспоришь. Она запросто совершит такой акт насилия, на который одиночка никогда бы не осмелился.

– Центурион! – Чувствуя поддержку, Тодд шагнул к Хейворд. Люди позади него кричали, размахивая палками.

– Бак!

Бесполезно. Он ее не слышал.

– И вы называетесь христианами?! – выкрикнула Хейворд. – Посмотрите на себя!

Толпа еще больше рассвирепела.

– Богохульство! – потряс камнем Тодд.

Вот теперь она испугалась по-настоящему.

– В Библии сказано…

– Богохульница поносит Библию!

– Все слышали?!

– Заткните ей рот!

Все. Времени не осталось. Надо уходить. Стоит кому-то из толпы первому бросить камень, и они не остановятся, пока с врагом не будет покончено.

Хейворд исчерпала запас вариантов, и больше идей не осталось.

Не осталось совсем.

Глава 77

Д'Агоста отвернулся от окна. Было без пяти минут девять.

Пендергаст спокойно встал с дивана, на котором пролежал последние полчаса. Еще раньше агент убедился, что с легкостью может отпереть дверь отмычкой. Однако исследовать з*а*мок он не спешил, поэтому предпочел вновь запереть комнату.

– Хорошо вздремнули? – спросил д'Агоста. Он не понимал, как вообще можно спать в такой ситуации.

– Я не спал, Винсент. Я размышлял.

– А, ну да. Я тоже. О том, как слинять отсюда.

– Вы ведь не думаете, что я привез нас сюда, не подготовив план побега? Но даже если он не сработает, я верю в силу импровизации.

– В силу импровизации?

– Старые замки кишат тоннелями и потайными ходами. Мы сбежим отсюда, прихватив доказательства, а позже вернемся с подкреплением. У нас был выбор, Винсент: либо принять приглашение, либо закрыть это дело.

– Паршивый, скажу я, выбор.

– Полностью с вами согласен.

В дверь постучали.

Вошел Пинкеттс при полном параде. Рука д'Агосты непроизвольно дернулась к кобуре. Но лакей только поклонился и объявил:

– Прошу к столу.

Он повел пленников вниз по лестнице, потом через несколько комнат и коридоров – в большой зал, где желтые стены и высокий сводчатый потолок разгоняли сумрак поместья. На столе сверкали серебро и фарфор, а в центре благоухали свежие розы. Ужин был накрыт на троих.

Фоско дожидался в дальнем конце комнаты, у гигантского камина, украшенного резным фамильным гербом. Граф отвернулся от слабого огня, и вверх по его руке резво взбежала белая мышка.

– Добро пожаловать. – Фоско опустил мышь в проволочный домик. – Мистер Пендергаст, будьте добры, сядьте справа от меня, сержант д'Агоста, вы – слева, пожалуйста.

Д'Агоста присел, отодвинув стул подальше от графа. В присутствии Фоско ему всегда становилось не по себе, а теперь было просто невыносимо.

– Немного игристого? Из моих погребов...

Напарники молча отказались. Граф пожал плечами, а Пинкеттс наполнил его бокал.

– За «Грозовую тучу», – предложил Фоско. – Жаль, вы отказываетесь. Выпейте хотя бы воды.

– Мы с сержантом д'Агостой решили сегодня вечером воздержаться, – ответил Пендергаст.

– А у нас чудесная трапеза. – Граф осушил бокал, и Пинкеттс внес большое блюдо с ломтиками холодного мяса. – Affettati misti toscani, – сказал Фоско. – Мясное ассорти по-тоскански. Окорок борова, которого, к слову, я застрелил сам. Ну же, попробуйте. Финоккьона[62] и сопрассата[63] тоже мои.

– Нет, благодарю.

– Мистер д'Агоста?

Д'Агоста не ответил.

– Нам бы сюда слугу-карлика – пробовать пищу. Так не люблю есть в одиночку.

– Фоско, – подался вперед Пендергаст, – перейдем прямо к делу. Ни я, ни сержант д'Агоста не сможем задержаться здесь на ночь.

– Я настаиваю.

– Это не аргумент. Мы уйдем, когда сочтем нужным.

– Вы не уйдете в эту ночь, как, впрочем, и в любую другую. Предлагаю разделить со мной ужин – сегодня вы едите в последний раз. Не бойтесь, еда не отравлена. Я уготовил вам кое-что утонченное.

Д'Агоста и Пендергаст ответили графу молчанием.

Пинкеттс наполнил бокал хозяина красным вином. Граф отпил и кивнул. Взглянув на фэбээровца, он спросил:

– Когда вы догадались?

– Рядом с трупом Балларда, – тихо заговорил Пендергаст, – я нашел конский волос. Я понял, что он – от скрипичного смычка, вспомнил название яхты Балларда – «Грозовая туча», – и в тот же момент все встало на свои места: искать следовало вора, который убил жертву, предварительно ее напугав. Тогда мои мысли обратились к вам, хотя я долгое время был уверен, что преследовать стоит Балларда.

– Умно. Я не ожидал, что вы так быстро доберетесь до сути, а потому позволил себе недостойную поспешность – приказал ликвидировать священника. Мне ужасно жаль. Совершенно ненужный и глупый поступок. Я тогда на мгновение поддался панике.

– Совершенно ненужный? – взорвался д'Агоста. – Глупый? Вы как будто не о человеке говорите!

– Избавьте меня от морального абсолютизма. – Фоско отпил вина, насадил на вилку кусок свинины, съел и, вернувшись в доброе расположение духа, взглянул на Пендергаста. – Еще во время нашей первой встречи я за пять минут разговора понял, что от вас будут одни неприятности.

Не дождавшись ответа, Фоско поднял бокал.

– Едва познакомившись с вами, я пришел к выводу, что вас придется убить. Я надеялся, что за меня все сделает Баллард. Но он показал свою полнейшую никчемность.

– Вы его подстрекали.

– Скажем так: Баллард был напуган и принял совет. А в результате я вынужден разбираться с вами сам. Однако для начала будет неплохо, если вы поздравите меня с удачным завершением дела. Все-таки я забрал скрипку у Балларда. К тому же, как вы знаете, мистер Пендергаст, я не оставил следов, и меня никак нельзя связать с убийствами.

– У вас есть скрипка, которой еще недавно владел Баллард.

– Скрипка принадлежит семье Фоско по закону. Я до сих пор храню документ о продаже, подписанный самим Страдивари, так что в нашем праве можете не сомневаться. Пройдет какое-то время, и скрипка всплывет в Риме. Я спланировал все до мелочей, останется лишь предъявить права, вознаградить счастливого хозяина лавки, и «Грозовая туча» вернется ко мне свободной и чистой. Баллард ведь никому не сказал, зачем он забирает скрипку из лаборатории. Да и кто бы поверил? – сухо хихикнул Фоско. – Итак, мистер Пендергаст, против меня ничего нет, никаких доказательств. К тому же мне сопутствовала невероятная удача. – Он откусил кусочек хлеба. – Например, вся история завязана на одном поразительном совпадении. Знаете на каком?

– Догадываюсь.

– Тридцать первого октября тысяча девятьсот семьдесят четвертого года около полудня я вышел из Национальной библиотеки и столкнулся с группой совсем зеленых американских студентов. Такие круглый год болтаются по Флоренции. Был канун Дня всех святых – для вас Хэллоуин, – в который эти студенты усердно напивались. Я тогда и сам еще не оперился; американцы показались мне настолько вульгарными, что меня это даже позабавило. Мы разговорились. В какой-то момент один из них – а именно Джереми Гроув – разошелся и стал утверждать, будто религия, Бог и вообще все такое – ерунда для отсталых. Его наглость разозлила меня, и я сказал: верить в Бога или нет, советовать не могу, но в дьявола верить нужно, потому что он есть.

Фоско тихо рассмеялся.

– Они все дружно заявили, будто и дьявола нет. И тогда я намекнул: мол, знаю людей, которые увлекаются оккультизмом, собирают манускрипты и прочую атрибутику, а еще, что у меня завалялся старый пергамент с заклинанием для вызова самого Люцифера. Я предложил им решить спор той же ночью, потому что ночь, согласитесь, была идеальная – как-никак Хэллоуин. Ну, спросил я тогда, попробуем? О да, согласились они, чудесная идея!

Фоско вновь затрясся в тихом смехе.

– И вы устроили представление?

– Именно. Я пригласил их к себе в замок на спиритический сеанс, к полуночи, а сам быстро вернулся домой, предвкушая забаву. Мне помогал Пинкеттс, который, к слову, вовсе не англичанин, а талантливый лингвист и любитель интриг Пинчетти. У нас в распоряжении оставалось всего шесть часов, но мы подготовились вовремя и довольно неплохо. Я всегда был этаким Леонардо да Винчи – изобретал машины, безделушки и, между прочим, fuochi d'artifico – фейерверки. У меня в подвалах множество потайных ходов и скрытых дверей, и все они пригодились. Что это была за ночь! Видели бы вы их лица, когда мы читали заклинания, вызывая Князя тьмы, прося у него богатства и предлагая взамен наши души. Проколов пальцы, мы кровью расписались в контрактах. А уж когда Пинкеттс включил спецэффекты… – Откинувшись на спинку стула, Фоско взорвался смехом.

– Вы напугали их и тем разрушили Бекманну жизнь.

– Удовольствие того стоило. А если я пошатнул их жалкую веру, тем лучше. Мы расстались… но потом произошло еще одно чудесное совпадение – судьба, не иначе: тридцать лет спустя я узнал, что один из этих недотеп приобрел «Грозовую тучу».

– Как же вы узнали?

– Я шел по следу «Грозовой тучи» всю свою сознательную жизнь, мистер Пендергаст. Я задался целью вернуть ее в нашу семью. Вы говорили с леди Маскелин, вам известна история скрипки. Разумеется, Тосканелли не бросил ее в водопады Скилиара! Почему? Да потому что, как бы безумен ни был Тосканелли, он лучше других осознавал ценность инструмента. Если он не избавился от «Грозовой тучи», куда же он ее дел? Ответ покажется вам прозаичным: Тосканелли насмерть замерз в пастушьей хижине, и в ту ночь сильно снежило. Очевидно, тот, кто нашел труп Тосканелли, пришел до снегопада и взял скрипку, а непогода скрыла его следы. Кто украл скрипку, спросите вы? Естественно, хозяин той хижины.

Пинкеттс забрал опустевшее блюдо и через некоторое время внес тарелку пельменей тортеллини с маслом и шалфеем. Фоско набросился на еду.

– Я уже говорил, что обожаю детективы. У меня редкий талант к сыску. Я проследил путь «Грозовой тучи» от пастуха к его племяннику, затем – к цыганскому табору, потом – к магазину в Испании и к сиротскому приюту на Мальте. Меня бросает в дрожь при одной мысли, что скрипку

оставляли на солнце, держали в футляре на жалкой соломенной подстилке, возили в телеге или забывали в школьной аудитории. Mio Dio! И все-таки она выжила, очутившись в конце концов в городе Ангулеме, во Франции – инструмент продали в лицей вместе с прочим музыкальным хламом. Там какой-то криворукий мальчишка уронил скрипку и сломал одну колку. Инструмент отнесли в скрипичный магазин, подремонтировать. Владелец опознал «Грозовую тучу» и подменил, отослав лицею подделку. – Граф укоризненно хихикнул. – Какой момент! Но владелец магазина знал, что скрипкой ему не владеть. Поэтому он контрабандой вывез «Грозовую тучу» в Америку и тайно выставил на продажу. Купить и законно владеть инструментом не мог никто: зачем кому-то скрипка Страдивари, если нельзя играть на ней именно как на скрипке Страдивари?! Однако покупатель нашелся. Локк Баллард – он заплатил всего два миллиона долларов. Я вышел на него через три месяца после продажи.

На лице Фоско промелькнуло выражение зловещего экстаза. Пинкеттс принес третье блюдо: бифштекс по-флорентийски, прямо с огня. Граф отрезал кусочек шипящего мяса с кровью и отправил его в рот.

– Я вознамерился выкупить «Грозовую тучу» у Балларда. Заметьте, инструмент принадлежал мне по праву, но я готов был даже переплатить. Увы, я так и не успел сделать предложение Балларду – он собирался уничтожить скрипку.

– И разгадать наконец секрет Страдивари?

– Верно. А знаете зачем?

– Я знаю только, что Баллард не делал скрипок и не интересовался музыкой.

– Верно. Но ведомо ли вам, чем занималась его компания, «БАИ»?

Пендергаст не ответил.

– Ракетами, дорогой Пендергаст. «БАИ» занималась баллистическими ракетами, для этого ей и нужна была скрипка.

– Бред! – вмешался д'Агоста. – Какая связь между баллистической ракетой и скрипкой, которой триста лет?!

Фоско не обратил на него внимания. Он смотрел на Пендергаста.

– Мой дорогой сэр, вы что-то знаете, хотя предпочитаете молчать... В общем, я запустил «крота» в лабораторию к Балларду. Пришлось потом размозжить бедолаге череп, но прежде он поведал, *что* хозяин собирался сделать со скрипкой.

Граф подался вперед. В его глазах читалось негодование.

– Китайцы, видите ли, спроектировали ракету, которая теоретически могла преодолеть систему ПРО США. Объект стандартной формы не в состоянии обмануть радар. Взять хотя бы ваши истребители и бомбардировщики «Стелс», взгляните на их необычные угловатые очертания. Однако ракета – не какой-то там бомбардировщик, который летает на скорости шестьсот миль в час. Возвращаясь в атмосферу, баллистическая ракета развивает скорость в десять раз больше. Так вот на возврате китайские пробные образцы разрушались из-за неконтролируемых резонансных колебаний.

Пендергаст едва заметно кивнул.

– Ученые Балларда искали решение проблемы, разгадывая секрет лака Страдивари. Можете себе такое представить?! А секрет лака в том, что через несколько лет игры в лакированной поверхности образуются микроскопические трещинки. Из-за них звук уже не кажется сухим и холодным. Именно потому на скрипках Страдивари нужно играть постоянно, иначе трещинки начинают затягиваться. Баллард намеревался создать высокоэффективное покрытие для китайских ракет – такое, которое тоже имело бы миллиарды невидимых глазу трещинок, поглощающих вибрации на возврате в атмосферу. Следовало создать трехмерную модель, выяснить, как соединяется лак с деревом, измерить длину, ширину и глубину отверстий...

Фоско прервался, чтобы съесть еще немного бифштекса и выпить вина.

– Вскрыть нужно было скрипку Золотого периода. Сошла бы любая, но ни одна не продавалась, особенно для таких целей. И тут на черном рынке появилась «Грозовая туча». Ecco fatto! И все!

Д'Агоста с отвращением наблюдал, как Фоско промокает красные жирные губы огромной салфеткой. Он не знал, верить графу или нет.

– Теперь понимаете, Пендергаст, ради чего я приложил такие усилия? Лишь на китайцах Баллард заработал бы миллиард. А ведь он не собирался ограничиваться одним клиентом. Я должен был спасти скрипку, и как можно быстрее. Баллард уже привез ее в итальянскую лабораторию и выставил поистине непреодолимую охрану. Тогда меня осенило. Осталась единственная лазейка: напомнить Балларду о нашей встрече тридцать лет назад. Напугать его.

– Убив остальных, кто участвовал в инсценированном вызове дьявола?

– Да. Я собирался убить Гроува, Бекманна и Катфорта, обставив все так, будто дьявол наконец пришел по их души. Бекманн пропал, так что остались двое. Баллард мало заботился о духовных делах. Убийство должно было сбить полицию с толку и родить слухи о сатане. А главное,

требовалось убедить Балларда. Само собой, жертвам полагалось сгореть. Так и родилось мое небольшое устройство…

Фоско отпил вина.

– Гибель Гроува я спланировал с особенным тщанием. Начал с того, что позвонил ему и рассказал о посещении, которое меня до смерти напугало. Сначала Гроув не поверил, будто за нами пришел Люцифер. Тогда Пинкеттс поработал у него дома, оставив кое-какие сюрпризы: странные звуки, запах и прочее. Просто диву даешься, как простенькая бутафория может подорвать трезвый рационализм. Гроув испугался, а я предложил ему искупить грехи. Вот почему он задумал ту необычную вечеринку. Я одолжил Гроуву свой любимый крест, и бедняга отдал мне ключи от дома и доверил коды охранных систем.

Смерть Гроува подействовала изумительно. Баллард позвонил мне почти сразу же. Продолжая играть роль перепуганного глупца, я поведал Балларду, что у меня в доме творится необъяснимое: будто я чувствую странный запах и слышу бестелесные голоса. Разумеется, я перечислил все, что произошло бы с ним позже. Дальше я сказал: Люцифер явился забрать долг, ведь он выполнил свою часть сделки, теперь пришла наша очередь. В конце концов, мы расписались кровью в контракте.

Оставив Балларда наедине с размышлениями, я занялся Катфортом. Пинкеттс, представившись английским баронетом, купил квартиру по соседству с ним и принял кое-какие… э-э… меры. Вначале Катфорт вел себя так же, как Гроув: он ведь думал, что тогда у себя в замке я их разыграл. Но стоило Катфорту узнать, как именно умер Гроув, он утратил покой. Переусердствовать я не хотел – достаточно было, чтобы он позвонил и рассказал обо всем Балларду. И он это сделал.

Граф сухо рассмеялся.

– После гибели Катфорта ваша «желтая пресса» привела публику в неистовство, сотворив настоящее чудо. Все шло как по маслу. Баллард впал в безумие. И я нанес colpo di grazia, последний удар – позвонил ему, сообщив, что сумел откупиться от дьявола!

Фоско в восторге захлопал в ладоши, и д'Агосту затошнило.

– Баллард в отчаянии спросил, как именно я провернул эту сделку. Тогда я рассказал про древний манускрипт, в котором сказано, что порой сатана соглашается принять от человека подарок взамен души. Подарок должен быть уникальным, способным потрясти человека до глубины души. Балларду я сказал, будто пожертвовал Вермером.

Бедняга впал в еще большее смятение: у него не было Вермера, а из ценностей он мог предложить только яхты, машины, дома и компании.

Баллард умолял посоветовать, что бы такое купить Люциферу. Нечто необыкновенное, ответил я, раритет, без которого мир обеднеет. Само собой, Баллард не знал, что мне известен нынешний хозяин «Грозовой тучи». И я заявил: вряд ли у него найдется что-то стоящее предложить сатане, и что мне несказанно повезло в свое время купить Вермера – уж Караваджо точно не спас бы мою душу.

Довольный шуткой, граф расхохотался.

– Так или иначе, сказал я Балларду, подарок нужно сделать незамедлительно. Приближалась тридцатая годовщина заключения пакта, Гроув и Катфорт погибли, так что времени у Балларда оставалось не так уж и много. Я предупредил, что Князь тьмы заглянет ему в душу и поймет, если его попытаются облапошить. Так что лучше Балларду выставить нечто действительно ценное, иначе гореть ему вечно в аду.

Вот тогда-то Баллард наконец сломался. Он рассказал, что у него есть невероятно редкая скрипка Страдивари – «Грозовая туча», – и спросил, сгодится ли она в качестве откупа. Я ответил: не могу судить за дьявола, но думаю, подарок получится неплохой.

Фоско прожевал очередной кусок истекающего соком бифштекса.

– Я вернулся в Италию намного раньше вас, даже раньше Балларда, в библиотеке нашел подходящий гримуар и передал Балларду, рекомендовав точно следовать ритуалу: поместить «Грозовую тучу» в разорванный круг и встать – для безопасности – в замкнутый. Но прежде требовалось распустить прислугу, выключить сигнализацию и так далее, ибо сатана не терпит вмешательств. Несчастный выполнил все мои указания. В роли дьявола я подослал Пинкеттса, который, доложу вам, от природы сущий Князь тьмы. Нарядившись и включив спецэффекты, он забрал скрипку, а я в это время использовал свою машинку, чтобы разделаться с Баллардом.

– Почему именно так? – тихо спросил Пендергаст. – Можно было просто застрелить его.

– А это, мой дорогой, уже ради вас! Я хотел, чтобы полиция еще помучилась, а вы задержались в Италии чуть подольше.

– Чтобы вы успели от нас избавиться и спрятать наши останки?

Фоско от души рассмеялся.

– Полагаю, вы что-то приготовили, чтобы выкупить свои жизни? Иначе бы не явились сюда.

– Совершенно верно.

– Зря. Вы уже покойники и прекрасно об этом знаете. А говорю я так, потому что мы с вами похожи. Очень похожи.

– Ошибаетесь, граф. Я не убийца.

Д'Агоста удивился, заметив легкий румянец на лице Пендергаста.

– Но вы могли бы им стать. Я вижу, в вас есть эта жилка.

– Ничего вы не видите.

– Вы называете меня воплощением зла, считаете, что мой план жесток и коварен. Однако задумайтесь, ведь я сохранил величайшую в мире скрипку, предотвратил китайскую ракетную атаку и спас от ядерной угрозы миллионы ваших мирных сограждан. И какой ценой? Отнял жизни у педераста, предателя, продюсера, наводнившего наш мир дрянью, и безбожника, который разрушил жизнь своим близким.

– Включите в список и нас.

– Разумеется, – кивнул Фоско. – И еще жизнь несчастного священника. Но если уж быть до конца откровенным, я бы не пожалел и сотни людей. В конце концов, их на Земле пять миллиардов, а «Грозовая туча» только одна.

– Она не стоит и одной жизни, – услышал д'Агоста собственный голос.

– Разве? – обернулся к нему Фоско, приподняв брови. Граф хлопнул в ладоши, и в комнату вошел Пинкеттс. – Принеси скрипку.

Слуга вышел и вернулся чуть позже, неся в руках черный деревянный ящик, похожий на маленький гробик. Футляр покрывала патина. Пинкеттс оставил его на столе возле стены, а сам ретировался в дальний угол.

Фоско подошел к ящичку, достал оттуда смычок и натер его канифолью. Потом медленно и очень нежно извлек из футляра скрипку. Д'Агосте она показалась вполне заурядной: просто скрипка, разве что очень старая. Трудно было поверить, что из-за нее совершено столько убийств.

Фоско упер скрипку в шею. Вздохнув и прикрыв глаза, он не спеша повел смычок по струнам, и потекли чистые ноты. Д'Агоста тут же вспомнил название мелодии: «Иисус, радость желаний человеческих» Баха – ее часто напевал дедушка. Ноты размеренно поднимались одна за другой – к величавой каденции, наполняя зал прекрасным звучанием.

Комната переменилась. Она засияла невидимым светом. Трепещущая чистота музыки ошеломила д'Агосту, наполнив его сладостным, светлым

чувством. Д'Агоста слушал и внимал языку без слов – языку чистой красоты.

И вдруг мелодия оборвалась. Д'Агосту словно выдернули из прекрасного сна. Оказалось, он позабыл обо всем на свете: об убийствах, о Фоско – и реальность, будто мстя, навалилась на него с удвоенной силой.

Фоско опустил скрипку.

– Теперь видите? – произнес он шепотом. – Это не просто скрипка. Она живая. Понимаете, мистер д'Агоста, почему скрипка Страдивари звучит так прекрасно? Музыка смертна, она подобна биению птичьего сердца в полете. Она напоминает нам, что все прекрасное погибает. Она быстротечна и хрупка, и потому глубина ее красоты столь безмерна. Один-единственный вздох, подобный сверкающей вспышке, – и музыка умирает. Но гений Антонио Страдивари поймал сей момент, заключив его в лаке для дерева, и тем обессмертил.

Фоско посмотрел на Пендергаста глазами, полными тоски.

– А теперь, мистер Пендергаст, скажите: был ли я не прав, спасая эту скрипку? Пожалуйста, скажите, совершил ли я преступление?

Пендергаст не отвечал.

– Я скажу, – произнес д'Агоста. – Вы хладнокровный убийца.

– Ах, ну да, – пробормотал Фоско. – Обыватель вечно норовит возвести все в абсолют. – Граф аккуратно протер скрипку мягкой тряпочкой. – Как бы ни была прекрасна «Грозовая туча», она далеко не в лучшем состоянии. На ней нужно играть и играть. Я занимаюсь с ней ежедневно: сначала играл по пятнадцать минут, затем дошел до получаса. Она выздоравливает. Еще полгода – и «Грозовая туча» поправится окончательно. Тогда я передам ее Ренате Лихтенштейн. Девушке всего восемнадцать, но она стала первой женщиной, победившей в конкурсе имени Чайковского. Рената просто нечеловечески гениальна! А когда Рената уже не сможет играть, мой наследник передаст скрипку кому-нибудь еще, а наследник моего наследника передаст инструмент следующему музыканту. И так будет продолжаться веками.

– У вас есть наследник? – удивился Пендергаст.

– Прямого – нет. Но я не стану затягивать, и скоро у меня появится сын. Совсем недавно я повстречал самую очаровательную женщину в мире. К сожалению, она англичанка, однако может похвастаться и итальянской кровью – от прадеда. – Граф улыбнулся шире.

Пендергаст побледнел.

– Вы жестоко ошибаетесь, – сказал он, – если думаете, будто она выйдет за вас.

– Знаю, знаю. Граф Фоско – толстяк, отвратительный толстяк… Вы недооцениваете чарующую силу слов! Ах, как красноречие пленяет женские сердца! Мы с леди Маскелин провели на острове изумительный день. Ведь мы оба благородных кровей, мы понимаем друг друга. – Фоско похлопал себя по бокам. – Я даже готов сесть на диету.

Ненадолго воцарилось молчание. Затем Пендергаст заговорил вновь:

– Вы показали нам скрипку. Можно ли теперь увидеть ваше небольшое устройство? То самое, что убило по меньшей мере четверых.

– С превеликим удовольствием. Я очень горжусь этим изобретением. И не просто покажу его вам, а устрою демонстрацию.

Демонстрацию? Д'Агоста похолодел.

Граф кивнул Пинкеттсу, и тот, забрав скрипку, вышел из комнаты. Вернувшись, слуга принес большой алюминиевый чемодан. Фоско открыл замки и поднял крышку. Внутри на подкладке из серой пористой резины лежали несколько металлических деталей. Достав их, граф собрал прибор и обернулся к д'Агосте.

– Сержант, – тихо попросил Фоско, – будьте добры, встаньте вон там.

Глава 78

– Ба-ак! – Нахлынула паника, и Хейворд, пытаясь не потонуть в ней, закричала: – Остановите их!

Тщетно.

Петля затягивалась. Направляемый общим безумием, Тодд, вожак стаи, поднял камень. Глаза его расширились, ноздри раздувались. Хейворд знала: так выглядит тот, кто готов ударить.

– Стойте! – закричала она. – Вас учили другому! Вы губите свое дело!

– Заткнись, центурион! – ответил ей Тодд.

Хейворд споткнулась. Ее обуял ужас, но она понимала: нельзя показывать страх. Хейворд смотрела на него, как на бочку с порохом. Рука нависла над рукоятью табельного оружия. В крайнем случае придется стрелять. Да, тогда ей конец, но она не позволит этой своре собак задрать себя будто кошку.

«Что-то здесь не так», – подумала Хейворд. Вокруг происходило нечто непонятное.

Толпа кричала, награждая Хейворд эпитетами, в которых она не видела смысла. «Наемник Рима». К чему это? На что Бак настроил людей? И почему сам он разочаровался, когда пришла Хейворд? Почему оставил ее и ушел? Откуда этот остекленевший взгляд, словно преподобный чего-то ждал? Значит, после первого раза, когда его не удалось арестовать, что-то случилось.

«Что именно?»

– Богохульница! – Тодд шагнул еще ближе.

Толпа плотнее окружила Хейворд. Свободного места почти не осталось, и капитан ощутила на шее зловонное дыхание. Сердце колотилось как сумасшедшее. Рука ближе подвинулась к пистолету.

В этом был некий смысл, его просто не могло не быть.

Хейворд быстро прокрутила в уме все, что знала об отклонениях, и сопоставила с поведением Бака. Что там говорил Уэнтворт? «Маниакальный синдром, возможно, даже комплекс мессии». В глубине души Хейворд все еще верила: Бак – не шизофреник.

Вот только… Комплекс мессии…

«Потребность быть мессией». Уэнтворт и сам не знал, насколько был прав.

И тогда пришло озарение. Надежды Бака, его обновленные цели открылись для понимания. Когда толпа называла Хейворд римлянкой, она имела в виду вовсе не Римскую католическую церковь. Она говорила о римлянах – о тех, настоящих. О римлянах-язычниках, солдатах, которые забрали Иисуса.

Теперь Хейворд стало ясно, почему Бак отвернулся от нее и ушел. Она просто не вписалась в его сценарий.

Капитан обратилась к толпе, закричав так громко, как только могла:

– Отряд солдат идет забрать Бака!

Людей словно ударило током. Хор насмешек и проклятий смешался, волна неуверенности прошлась от передних рядов к задним.

– Слышали?!

– Идут солдаты!

– Они идут! – поддержала Хейворд.

Люди подхватили крик, создав, как и надеялась Хейворд, эффект мегафона.

– Идут солдаты! Центурионы!

В рядах появилась прореха, и Хейворд увидела Бака. Преподобный вышел из палатки, и толпа вскипела от напряжения. Тодд уже в который раз поднял камень, но бросать пока не решился.

Этой передышки Хейворд и добивалась. Времени было всего ничего, но связаться с Рокером хватит. Капитан вытащила рацию и пригнулась, чтобы никто не заметил.

– Комиссар! – позвала она.

Коротко шикнула статика, затем крохотный микрофон проскрипел голосом Рокера:

– Да что у вас творится?! На вас напали, капитан? Мобилизуемся и входим в зону. Сейчас мы спасем вашу задницу...

– Нет! – резко ответила Хейворд. – Вы устроите кровавую баню!

– У нее рация! – завопил Тодд. – Предатель!

– Сэр, послушайте. Нужно тридцать три человека. Тридцать три. Ровно. И еще: у вас были копы, что работали под прикрытием, маскируясь под последователей Бака. Мне нужен один из них. Всего один.

– Капитан, я не пойму, что вы...

– Молчите, пожалуйста, и слушайте. Бак должен претерпеть страсти Христовы. Он – жертвенный агнец Нью-Йорка, поэтому и ведет себя так. И мы ему подыграем. Замаскированный коп станет подсадной уткой. Он обнимет Бака, слышите: Бака нужно обнять. Потом войдут остальные и арестуют преподобного. Делайте, как я сказала, комиссар, и беспорядков не будет. Бак пойдет добровольно. Иначе...

– Тридцать человек – этого мало...

– Тридцать три. Столько было римлян в отряде.

– Отберите у нее рацию! – Хейворд толкнули, но она вывернулась.

– И что вы там сказали про Бака? Он думает, что...

– Просто сделайте, как я говорю, сэр. Ну же...

Хейворд ударили в спину, и рация вылетела у нее из рук.

– Пособница тьмы!

Хейворд не знала, понял ли Рокер. Более того, она не знала, как поведет себя толпа. Может, у Бака и был свой сценарий, но последуют ли ему остальные?

Преподобный тем временем пробирался к ученикам.

– Дорогу солдатам Рима! – закричала капитан. – Дорогу!

Она указала на юго-запад.

Удивительно, но люди обернулись и посмотрели в ту сторону. Обернулся даже сам Бак. Он спокойно дожидался начала драмы.

– Они идут! – кричали остальные. – Идут!

Волна смятения всколыхнула ряды, и люди, толкаясь, стали вооружаться камнями и палками.

Неожиданно Бак поднял руки, пытаясь что-то сказать. Крики тут же умолкли.

– Он будет говорить! – закричали ученики. – Молчите!

– Дорогу центурионам! – заговорил преподобный глубоким, всепроникающим голосом.

Слова преподобного поразили всех. В ответ кто-то лишь крепче сжал импровизированное оружие, кто-то обернулся в сторону, откуда надвигалась полиция. Прочие же ученики Бака продолжали смотреть на него, не веря своим ушам.

– Сие уже было! – кричал Бак. – Да сбудутся писания пророков. Дорогу, братья и сестры, дорогу!

И последователи подхватили крик – сначала робко, затем уверенность в их голосах стала расти.

– Дорогу!

– Не сражайтесь с ними! – взывал Бак. – Бросьте оружие! Пропустите центурионов!

– Пропустите центурионов!

Преподобный воздел руки, и толпа начала расступаться.

Хейворд ощутила прилив крови к конечностям. Сработало. Не преобразился один только Тодд. Личный помощник преподобного попеременно смотрел то на нее, то на Бака. Безумие его не отпускало.

– Предатель! – рявкнул Тодд.

Появилась стройная фаланга копов. Рокер все-таки понял. Полицейские на бегу врубились в крайние ряды, расталкивая людей щитами. Но поселенцы палаточного городка, вняв призывам учителя, не сопротивлялись. Они отступали.

– Дайте им пройти! – кричал Бак, подняв руки.

Полицейские уже неслись по аллее, сметая палатки, оттесняя людей. Едва бойцы оказались у шатра преподобного, поселенцы запаниковали. Тодд поднял камень. Его лицо перекосило от ярости.

– Все из-за тебя, с-сучка!

Брошенный камень вскользь ударил Хейворд в висок. Покачнувшись, капитан упала на колени. По лицу побежала горячая струйка крови.

Рядом вдруг оказался Бак. Его сильные руки обхватили Хейворд и подняли.

– Уберите мечи! Они пришли за мной, и я пойду с ними. Такова воля Божья!

Преодолев дурноту, Хейворд взглянула на Бака. Тот промокнул ей рану белоснежным платком.

– Оставьте, довольно! – пробормотал преподобный. Его лицо сияло, преисполненное светом.

«Ну конечно, – сообразила капитан. – Ведь это все по сценарию».

Неразбериха усилилась. Кто-то обнял Бака – вот наконец и «Иуда», – и Хейворд услышала:

– Иуда, целованием ли предаешь?

Копы оттолкнули преподобного от капитана. Раненый висок кровоточил, голова кружилась. Хейворд тошнило.

– Капитан? – окликнул ее кто-то из отряда. – Капитан Хейворд ранена!

– Офицер ранен! Нужен медик!

– Капитан Хейворд, вы как? На вас напали?

– Я в порядке, – сказала она, пытаясь прогнать дурноту; копы тем временем окружили ее, и каждый пытался помочь. – Все в порядке. Это просто царапина.

– У нее кровь!

– Не обращайте внимания, все в порядке. Я могу идти.

Ее неохотно отпустили.

– Кто? Кто на вас напал?

Тодд стоял рядом. Оглушенный вернувшейся человечностью, он с ужасом взирал на деяние своих рук.

Хейворд отвернулась. Еще один арест мог все испортить.

– Не знаю, – сказала она. – Да и не важно. Уходим.

– Мы отведем вас к «скорой».

– Я пойду сама. – Хейворд протягивали руки, но капитан отклоняла их. Зачем? Обычная рана в голову – такие всегда кровоточат.

На лагерь опустилась невероятная тишина. Бойцы заковали Бака в наручники и уводили, заключив в живой полукруг. Ученики наблюдали, сдерживаемые призывом учителя.

– Простите центурионов, – просил Бак. – Они не ведают, что творят.

Сила, что вела людей, исчезла. Бак велел разойтись, и ученики его послушались.

Все было кончено.

Глава 79

Д'Агоста молниеносно выхватил пистолет.

– А поцелуй меня в зад!

– Спрячьте оружие, идиот, – снисходительно вздохнул Фоско. – Пинкеттс!

Слуга вернулся, неся в руках огромную тыкву. По приказу графа он поставил плод на плиту перед камином.

– Не спорю, сержант д'Агоста, демонстрация прибора на вас произвела бы больший эффект. Но я не хочу возиться. – Фоско вернулся к столу.

Д'Агоста отошел, убрав оружие в кобуру. Пендергаст тоже вооружен. Пусть только Фоско и его лакей дернутся!.. Кроме Пинкеттса в замке слуг не было – разве что повара.

– Ну, приступим. – Фоско взялся за прибор: с одного конца ствол украшала насадка в виде луковицы, а с другой – набор реле и кнопок. – Итак, гибель Гроува и Катфорта должна была совершенно сбить полицию с толку. Обоих я собирался сжечь. Однако, сами понимаете, простое сожжение или поджог дома не подошли бы. Своих жертв я не мог даже сварить. И тут я вспомнил про феномен, названный спонтанным возгоранием человека. Вы ведь читали хроники? Знаете, кто из итальянцев умер от него первым?

– Графиня Корнелия, – кивнул Пендергаст.

– Графиня Корнелия де Баиди Чезенте. Самый показательный случай. Я задумался, как бы воспроизвести подобное со всеми дьявольскими подробностями. И вспомнил о микроволнах.

– О микроволнах? – переспросил д'Агоста.

– Да, сержант, – снисходительно улыбнулся граф. – Те самые, что излучает ваша кухонная СВЧ-печь. Они нагревают объект изнутри, их можно нацелить, как луч, чтобы, скажем, сжечь тело, не повредив при этом то, что вокруг. Микроволны воздействуют избирательно; ковры и мебель не успевают загореться. Микроволны также ионизируют и нагревают металлы с определенным количеством валентных электронов во внешнем энергетическом уровне.

Фоско погладил устройство и отложил его на стол.

– Вы ведь знаете, мистер Пендергаст, я изобретатель и обожаю совершать невозможное. Видите ли, собрать микроволновый передатчик легко. Трудно создать подходящий источник питания. Но «И.Г. Фарбен» – немецкая компания, с которой моя семья поддерживала связь во время войны – производит чудесное сочетание накопителя и батареи, способное дать необходимый заряд.

Д'Агоста бросил взгляд на микроволновый излучатель. Прибор смотрелся глупо, как дешевая бутафория из старого научно-фантастического фильма.

– Это устройство никогда не станет орудием войны: оно поражает жертву самое большее с расстояния в двадцать футов. Но мне этого хватило с лихвой. Пришлось, конечно, попотеть, пока все стадии сожжения не были просчитаны. Не одна погибла тыквочка!.. Наконец я опробовал свое детище на том педофиле из Пестойи, могилу которого вы обыскали. Человеческое тело сгорает не так легко – прибор перегрелся и немного оплавился. Позже я усовершенствовал устройство, и оно превосходно сработало на запуганном Гроуве. Конечно, сжечь его полностью не удалось, но свое дело я сделал. Потом приукрасил место убийства как было нужно, собрался и вышел из дома, заново включив сигнализацию. С Катфортом все вышло еще проще. Я уже говорил: мой слуга Пинкеттс купил соседнюю квартиру и начал ее «перепланировывать». Из Пинкеттса вышел отличный старый джентльмен – постоянно мерзнущий и закутанный с ног до головы в теплую одежду.

– Так вот почему записи с камер безопасности ничего не дали, – догадался д'Агоста.

– Пинкеттс – мой добрый лицедей, чей талант я частенько использовал. Как бы там ни было, стены сухой кладки и деревянные штифты не стали

помехой для излучателя. Микроволны, дорогой Пендергаст, замечательно проходят сквозь них, как луч света – через стекло. Конечно, если внутри стен нет железных гвоздей или влажности. Ведь металл поглотил бы микроволны, раскалился бы и вызвал пожар. Пинкеттс вскрыл стену с нашей стороны, заменил гвозди деревянными штифтами и вернул покрытие на место. Никто ничего не заподозрил, потому что мы представили это как обычный ремонт. Пинкеттс сам воздал почести Катфорту, пока я наслаждался с вами оперой. Лучшего алиби, чем провести вечер в компании детектива, и представить нельзя! – Фоско самодовольно надулся.

– А запах серы?

– Мы сжигали в курительнице смесь серы и фосфора, а дым вводили через трещины вокруг потолочного плинтуса.

– Как вам удалось выжечь отпечатки копыт в доме Гроува?

– Прямым излучением. В доме Катфорта – напротив, непрямым, из-за стены. Пинкеттс сделал проекцию маски. Задачка чуть посложнее, но вполне реализуемая. Я гений, вы не находите?

– Вы сумасшедший, – ответил д'Агоста.

– Я изобретатель. Для меня нет ничего прекраснее, чем решать хитрые головоломки. – Зловеще улыбнувшись, Фоско взял со стола устройство. – Ну же, отойдите назад. Мне нужно настроить мощность и сфокусировать луч. А то ненароком спалю всех нас вместе с тыквой.

Накинув на плечо кожаный ремень, Фоско нацелил прибор на тыкву, подвигал рычажками и нажал на курок. Д'Агоста взирал на это действо с ужасом и восхищением. Он слышал только, как гудит накопитель, – и все.

– Сейчас излучатель работает на самой малой мощности. Будь здесь не тыква, а наша жертва, она испытывала бы ни с чем не сравнимое ужасное чувство, словно во внутренностях у нее завелись осы. Представьте: насекомые ползают в кишках и жалят. То же самое, впрочем, происходит и с кожей.

С виду тыква не изменилась. Фоско повернул реле, и накопитель загудел громче.

– Жертва кричит. Осы жалят невыносимо, безостановочно – и внутри, и снаружи. Меж тем кожа сохнет, выскакивают волдыри. Мышцы нагреваются так, что вспыхивают нейроны – они посылают бешеные импульсы, и жертва падает на пол, корчась в конвульсиях. Температура тела взлетает. Две-три секунды, и человек уже катается по полу, молотя руками-ногами, кусая и проглатывая свой же язык.

Граф еще раз переключил реле. На поверхности тыквы набух пузырь, а сам плод, казалось, размяк и немного осел. И вдруг сверху донизу тыкву расколола трещина – чмокнув, вертикальные «губы» разошлись и выпустили облако пара.

– И вот наша жертва лежит без сознания. Жить ей осталось секунды.

Трещина постепенно росла. Из чрева тыквы послышалось приглушенное бульканье. Затем трещина вдруг выплюнула струю оранжевой слизи, и та растеклась по полу вонючими ручейками.

– Оставим без комментариев. Жертва мертва. Однако самое интересное впереди.

Уже вся поверхность тыквы покрылась пузырями: одни лопались, выпуская облачка пара, другие истекали оранжевой жижей.

Граф повернул диск еще на одно деление.

Тыква снова лопнула, изрыгнув порцию горячей, бурлящей слизи вперемешку с семенами. Кожура проседала, почернела и задымилась плодоножка. Наружу рвалось все больше семян, а из трещин били свистящие струи пара. Потом вдруг раздались хлопки – начали взрываться семечки. Корка тыквы затвердела. Комната наполнилась запахом горелой мякоти. И внезапно – с громким «пафф!» – тыква загорелась.

– Ессо! Дело сделано – жертва горит. Но дотроньтесь до камня возле тыквы – он почти не нагрелся.

Фоско опустил излучатель. Окутавшее тыкву пламя лизало плиту у камина. От остатков плода медленно поднимался густой зловонный дым.

– Пинкеттс!

Слуга немедленно взял со стола бутылку минеральной воды и затушил огонь. Затем ловко смахнул ногой остатки тыквы в камин и вернулся к себе в угол.

– Замечательное представление, правда? Смею заверить, оно куда как ярче, когда микроволны имеют дело с человеческим телом.

– Вы понимаете, что больны на всю голову?! – сказал д'Агоста.

– Пендергаст, ваш напарник начинает меня раздражать.

– Очевидно, тем, что намного благороднее вас? – ответил агент. – Однако представление что-то затянулось. Мы с вами не закончили одно дело.

– Согласен, согласен.

– Я здесь, чтобы предложить вам сделку.

– Кто бы сомневался, – цинично скривил губы Фоско.

Позволив наступить тишине, Пендергаст посмотрел на графа. По взгляду фэбээровца ничего невозможно было прочесть. Молчание начало угнетать.

– Вы напишете признание во всем, что совершили, – произнес наконец Пендергаст. – Затем подпишетесь под ним и в качестве доказательства отдадите свою дьявольскую машину. Я препровожу вас в полицию, где вас арестуют и будут судить за убийство Локка Балларда и Карло Ванни, а также за пособничество в убийстве священника. В Италии нет смертной казни, так что примерно через двадцать пять лет вы выйдете на свободу и доживете остаток жизни в спокойствии и тишине. Если, конечно, не умрете за решеткой. Таково мое предложение.

– Вот так просто? – Губы Фоско недоверчиво изогнулись в циничной усмешке. – И что же я получу взамен?

– Вы будете жить.

Краем глаза д'Агоста уловил движение в углу: Пинкеттс целился в них с Пендергастом из «беретты». Сам д'Агоста потянулся к кобуре и расстегнул петельку, но фэбээровец покачал головой.

– Письмо, идентичное этому, – напарник вытащил из кармана конверт, – я оставил у князя Корсо Маффеи. Он вскроет послание, если мы не заберем конверт через сутки.

Услышав имя Маффеи, граф побледнел.

– Вы состоите в тайной организации Comitatus Decimus, Обществе Десяти. Как члену этой средневековой гильдии, вам доверили на хранение определенные документы, формулы и рукописи. В некий октябрьский день тысяча девятьсот семьдесят четвертого года вы злоупотребили доверием: использовав те самые документы, разыграли потешную церемонию, чтобы напугать группу американских студентов. А убийствами усугубили свое положение.

Бледность на лице Фоско сменилась багровыми пятнами.

– Пендергаст, вы несете вздор! – яростно вскричал граф.

– Вы лучше меня знаете, что все это правда. Членство в Обществе Десяти вам обеспечил титул. В молодости вам это казалось игрой. Повзрослев же, вы осознали, как жестоко ошиблись.

– Вы блефуете! Это жалкая попытка спасти свои шкуры.

– О своей шкуре сейчас должны думать вы. Вам известно, что ожидает того, кто нарушает покров тайны. Вспомните об участи маркиза Меуччи. Десять руководителей Comitatus богаты и влиятельны – они везде вас найдут.

Фоско молча смотрел на Пендергаста.

– Обещаю, граф, я заберу письмо у князя Маффеи, сохранив тем самым вам жизнь. Но прежде я должен получить от вас подписанное признание, а затем доставить в полицию. Скрипку держите у себя, в конце концов, она ваша. Подумайте, условия справедливы.

Фоско распечатал конверт и достал письмо.

– Какая низость! – заявил он, вчитавшись.

Пендергаст не ответил, молча глядя на графа – как он возвращается к чтению, как трясутся его толстые руки.

Д'Агоста с любопытством наблюдал за процессом. Теперь он понял, что Пендергаст назвал «подстраховкой», когда забежал утром в палаццо Маффеи. Как именно напарник додумался до этого хода и что означало происходящее, д'Агоста понятия не имел. Со временем Пендергаст ему объяснит. Обязательно. А сейчас д'Агосту переполняло облегчение. Пендергаст вновь их спас.

Тем временем граф оторвался от чтения. Лицо его совсем побелело.

– Как вы узнали? Должно быть, кто-то еще раньше успел предать Comitatus. Пусть накажут его, не меня!

– Мне известно только о вас. А вам больше знать и не требуется.

Фоско с трудом удерживал себя в руках. Положив письмо на стол, он взглянул в лицо Пендергасту.

– Что ж, хорошо. Я ожидал от вас сильного хода, но сейчас в моих глазах вы превзошли себя. Значит, сутки, так? Пинкеттс отведет вас в ваши покои, а я обдумаю предложение.

– Разбежался! – ответил д'Агоста. – Сейчас мы уйдем, а ты давай пиши признание. Потом позвонишь нам в отель.

Пинкеттс все еще целился в д'Агосту и Пендергаста, переводя ствол от одного к другому. Д'Агоста прикинул: он мог бы всадить пулю в лакея – если, конечно, правильно рассчитать.

– Вы отправитесь в свои комнаты, – повелительно произнес граф. – И будете ждать.

Он едва заметно кивнул Пинкеттсу, и тот шевельнул рукой. Д'Агоста упал, перекатился и выстрелил – все в одном плавном, отработанном до автоматизма движении. Пинкеттс не издал ни звука. Только отшатнулся к стене и выстрелил в воздух. Д'Агоста встал на колено, спустил курок еще два раза – «беретта» выпала из рук лакея и откатилась в угол. Пендергаст тем временем достал свой пистолет и уже прицелился в графа.

Фоско медленно поднял руки.

И тут в проходах, ведущих из зала, появились вооруженные люди в крестьянской одежде. Они спокойно и уверенно вошли в зал. Всего их набралось с полдесятка.

В углу Пинкеттс булькнул в последний раз и затих.

– Похоже, у нас ничья, – не опуская рук, произнес Фоско. – Это напоминает мне сцену из драмы. Вы убиваете меня – мои люди убивают вас.

Такие легкие, слова графа отдавали резкостью. От них веяло холодом.

– Дайте нам уйти, – сказал д'Агоста. – И никого убивать не придется.

– Вы уже убили Пинкеттса, – парировал Фоско. – И вы еще смели читать мне лекции о святости человеческой жизни! Пинкеттс был моим лучшим и самым преданным слугой.

Д'Агоста шагнул к графу.

– Агент Пендергаст! – повысил голос Фоско. – Задумайтесь на секунду: эту игру вам не выиграть. На счет «три» д'Агосту убьют. Вы, конечно, застрелите меня – и останетесь жить, сознавая вину за гибель партнера. Вы узнали меня достаточно хорошо и должны понимать: я не блефую. Сложите оружие, ведь у вас есть письмо.

Фоско выдержал паузу.

– Раз.

– Он блефует! – крикнул д'Агоста. – Не поддавайтесь!

– Два.

Пендергаст опустил пистолет.

Фоско по-прежнему не опускал руки.

– Мистер д'Агоста, ждем только вас. Не заставляйте меня доводить счет до конца. Вы ведь понимаете, что даже с такими замечательными

навыками ситуации вам не исправить. Вы убьете одного, ну двоих человек, но уж третий-то наверняка отправит вас к праотцам.

Д'Агоста медленно пустил пистолет. Еще один был пристегнут к ноге – точно так же, как у напарника. Так что игра еще далеко не проиграна. К тому же д'Агоста рассчитывал на письмо Пендергаста.

Сверкающими глазами Фоско посмотрел на д'Агосту, затем – на агента.

– Очень хорошо. Мои люди проводят вас в комнаты, а я пока обдумаю предложение.

Глава 80

Пендергаст вышел из своей комнаты с первыми лучами восходящего солнца. Сидящий у камина д'Агоста буркнул что-то в приветствие. Он проворочался всю ночь, так и не сумев заснуть. Зато у фэбээровца, похоже, проблем со сном не возникло.

– Отличный огонь, Винсент. – Пендергаст разгладил костюм и присел рядом. – Осенью на рассвете бывает довольно прохладно.

– Выспались? – Д'Агоста со злостью ткнул в огонь кочергой.

– Кровати у графа – сущая пытка. А так все сносно.

Д'Агоста подбросил в камин полено, снедаемый бездельем и неведением. Вчера сержант ждал от напарника объяснений, а тот, едва они вернулись из зала, заперся у себя в комнате.

– Так как же вы узнали про тайное общество? – угрюмо спросил д'Агоста. – Вы и прежде доставали кроликов из шляпы, но вчера... Будто джинн из бутылки.

– Восхищаюсь вашей стилистикой – так смешать образы. Что же до Фоско, я кое-что заподозрил еще прежде, чем нашел конский волос на вилле у Балларда.

– И когда же проклюнулось подозрение?

– Помните, я упоминал помощника, Майма? Он выяснял, чем занимались гости с последней вечеринки у Гроува. Вот что удалось найти на Фоско: полгода назад граф тайно приобрел редкий крест семнадцатого века в антикварной лавке на улице Маджио.

– Крест, который он одолжил Гроуву?

– Вот именно. А теперь вспомните момент, когда граф сказал, что, проживи Гроув хоть на день дольше, он стал бы на сорок миллионов богаче.

– Угу. Если кто-то выставляет алиби напоказ, значит, у него рыльце в пушку.

– Говорливость – ахиллесова пята графа.

– Говорливость и выпендреж.

– Я начал искать уязвимые места Фоско. Было ясно, что он – человек опасный, и нам бы пригодилась любая зацепка. Еще в казармах синьор полковник сказал, что высшие круги Флоренции буквально кишели тайными обществами. Я решил выяснить, не принадлежит ли к таким и наш граф. А если да, то как это можно обратить против него. Флорентийская знать – древнейшая в Европе, она уходит корнями в тринадцатый век. Большинство старинных титулов связано с секретными орденами и гильдиями, следы которых прослеживаются вплоть до Крестовых походов. Они хранят тайные документы, проводят обряды... Их много: тамплиеры, черные знаменосцы, розенкрейцеры... всех и не перечислить.

Д'Агоста молча кивнул.

– Некоторые организации относятся к своему делу чрезвычайно серьезно, пусть даже им остались только пустые обряды и церемонии. Я подумал, раз уж граф происходит из очень древнего рода, он наверняка принадлежит сразу к нескольким из орденов. Я послал Констанс е-мейл, и она раскопала для меня кое-что интересное. Мне оставалось только воспользоваться личными связями здесь, в Италии.

– И когда вы это сделали?

– Позапрошлой ночью.

– А я-то думал, вы спали себе в номере отеля.

– Сон – лишь досадная биологическая потребность, которая съедает наше время. К тому же во сне мы уязвимы. Так или иначе, я напал на след Общества Десяти. Эта гильдия наемных убийц была создана в самый конфликтный период тринадцатого века. Медичи тогда еще не пришли к власти. Один из основателей гильдии, французский рыцарь Гуго д'Аквилан, привез во Флоренцию особые манускрипты, полные знаний по темным искусствам. С их помощью ассасины вызвали – по крайней мере так они считали – дьявола и попросили того о помощи в ночном ремесле. Они поклялись друг другу на крови хранить тайну, а того, кто нарушил ее, ждала немедленная смерть. Членом гильдии стал и рыцарь Мантун де Ардаз да Фоско. Он передал членство в Обществе Десяти вместе с титулом своему сыну, а тот – своему и так далее, пока очередь не дошла до нашего Фоско. Судя по всему, их династию назначили хранителями библиотеки Comitatus, тех самых древних документов, которые Фоско использовал, чтобы вызвать дьявола для

Балларда и компании. Не знаю, собирался ли граф с самого начала изъять из архива *такие* знания. Но, познакомившись с четверкой студентов, он должен был понять, что Бекманн умел читать по-итальянски, а Гроув, несмотря на молодость, разбирался в рукописях, поэтому для представления подошел бы далеко не каждый документ. Думаю, Фоско собирался лишь позабавиться и в том возрасте еще не сознавал, какое наказание его ждет. Ведь человек вступает в полноправные члены Общества Десяти, только когда ему исполняется тридцать.

– Ну а теперь, будьте добры, объясните наконец, как вы узнали, что Фоско принадлежит к этому обществу.

– Майм выяснил, что полноправному члену Comitatus делают татуировку, используя прах Мантуна де Ардаза, которого казнили на площади Синьории за ересь: сначала утопили, затем четвертовали, а после сожгли. Знак наносят прямо над сердцем.

– Так вы что же, видели Фоско голым?

– Нет, просто когда я навещал графа в отеле «Шерри Нидерланд», он носил белую рубашку с открытым горлом. Тогда я не обратил на метку особого внимания – она смотрелась всего лишь как большая черная родинка.

– Но вы ее запомнили.

– Фотографическая память бывает полезна.

Вдруг Пендергаст знаком показал д'Агосте, чтобы он замолчал. С минуту они дожидались чего-то в полной тишине, затем на лестнице послышались шаги. В дверь мягко постучали.

– Входите, – ответил Пендергаст.

Дверь открылась, и в комнату скользнул Фоско, сопровождаемый пятью головорезами.

– Доброго вам утра, – поклонился граф. – Надеюсь, вы хорошо выспались?

Д'Агоста не ответил.

– А как прошла ночь для вас, граф? – спросил Пендергаст.

– О, благодарю, я всегда сплю как младенец.

– Значит, по всем признакам вы – настоящий убийца. Как ни странно, почти никого из вас не мучают кошмары.

– Надеюсь, сержант, – Фоско обернулся к д'Агосте, – вы ночью не простудились? Смотритесь что-то неважно.

– Это все ваше больное воображение.

– Вам не понять тонкостей жизни. – Улыбнувшись, граф обратился к Пендергасту: – Как я и обещал, я обдумал ваше предложение и готов ответить.

С этими словами Фоско достал из кармана гладкий белый конверт и передал фэбээровцу. В глазах графа плясали бесенята.

Д'Агоста поразился тому, как побледнел Пендергаст, принимая конверт.

– Верно, – подтвердил граф. – Это то самое письмо, что вы оставили князю Маффеи, – не прочтено и даже не вскрыто. Думаю, здесь я должен сказать: вам шах, мистер Пендергаст. Ваш ход?

– Как оно... – начал д'Агоста.

– Мистер Пендергаст не учел моей гениальности, – махнул рукой Фоско. – Я сообщил князю Маффеи, что ко мне в замок пробрались воры и что я беспокоюсь за сохранность наисекретнейшего манускрипта, который мне доверили как хранителю библиотеки Comitatus. Я попросил князя оставить рукопись у себя на время, пока воров не поймают, и он, разумеется, отвел меня в свое самое надежное хранилище. Я был уверен, что ваше письмо именно там. Я не знал, что вы сказали обо мне князю, а потому про письмо предпочел умолчать. Старый дурак провел меня в подвал, чтобы спрятать манускрипт, и среди старых заплесневелых бумаг я увидел новехонький белый конвертик! Ваше письмо, подумал я, и – вуаля! – оно уже у меня в кармане. Не дождавшись вас, князь Маффеи спустится в подвал, однако письма там не обнаружит. Не сомневаюсь, он все спишет на свои годы, мол, старость не в радость, и разум сдает. – От сдавленного смеха необъятное тело Фоско заколыхалось.

Пендергаст не произнес ни слова. Он вскрыл конверт, достал письмо и прочел. Лист бумаги выпал из его рук.

– Я объявил вам шах, мистер Пендергаст. А стоило, пожалуй, сказать: шах и мат. – Фоско обернулся к приспешникам, просто и непритязательно одетым. У каждого имелось оружие. Позади всех стоял человек, мелкими чертами лица напоминавший грызуна; его умные глаза неотрывно следили за пленниками.

Рука д'Агосты потянулась за пистолетом. Пендергаст, заметив это, сделал короткое предостерегающее движение.

– Верно, сержант. Пендергаст – старший, он знает: лучше не дергаться. Это в кино двое могут одолеть семерых. Конечно, я не прочь, чтобы вы умерли прямо здесь и сейчас. Однако, – издевательски добавил граф, – зачем же лишать вас надежды? Всегда должен быть шанс на побег! – хихикнул он. – Фаббри, разоружите пленников.

Человек в замшевой куртке выступил вперед и забрал пистолеты у д'Агосты и фэбээровца.

– Обыщите их, – приказал граф.

– Вы первый, мистер Пендергаст, – сказал Фаббри с сильным акцентом. – Снимайте пиджак и рубашку. Затем встаньте там и поднимите руки.

Фэбээровец сделал, как было сказано, отдав одежду. Д'Агоста в первый раз увидел на шее у агента цепочку с маленьким кулоном: странное изображение глаза без век над фениксом, восстающим из пепла.

Пендергаста толкнули к стене, и Фаббри профессионально прошелся руками по брюкам фэбээровца. Помощник Фоско быстро нашел второй пистолет, а потом, обыскав агента более тщательно, и кинжал.

– Должны быть отмычки, – предупредил граф.

Осмотрев воротник и рукава одежды Пендергаста, Фаббри обнаружил маленький инструментарий, крепившийся на липучке. Нашлись и другие предметы: шприц, игла к нему и маленькие пробирки.

– Да вы просто ходячий арсенал! – прокомментировал Фоско. – Фаббри, будьте добры, выложите находки на стол.

Острым ножом Фаббри прошелся по швам костюма Пендергаста. Появились щипцы и сложенные пакетики с какими-то веществами. Все это помощник графа разложил на столе.

– Теперь посмотрите у него во рту.

Фаббри проверил зубы и под языком.

Д'Агосте было невыносимо наблюдать подобное унижение. А с каждым новым найденным предметом шансы на спасение становились все призрачнее. Хотя Пендергаст наверняка припрятал еще один туз в рукаве. Уж он-то должен вытащить их отсюда.

Фаббри велел Пендергасту отойти от стены и наклониться так, чтобы Можно было осмотреть волосы. Фэбээровец наклонился, не опуская рук. Теперь он стоял спиной к полукругу вооруженных людей и Фоско. Граф тем временем увлеченно разглядывал вещи на столе, бормоча себе что-то под нос.

Д'Агоста же смотрел на Пендергаста спереди, из-за спины Фаббри, и то, что он видел, поразило его: предельно осторожно и плавно агент ФБР извлек крохотный кусочек металла из-под кольца на левом мизинце. Непонятно как, но ему удалось спрятать предмет еще в начале обыска.

– Порядок, – закончил Фаббри. – Опустите руки и встаньте вон там.

Пендергаст подчинился, мимолетным движением спрятав железку под воротником куртки Фаббри. Если бы д'Агоста не вглядывался так пристально, он бы и сам этого не заметил.

Далее Фаббри срезал каблуки с туфель агента и проткнул подошву в нескольких местах. Обнаружив еще один комплект отмычек, Фаббри, нахмурившись, вернулся к костюму.

Наконец от вещей Пендергаста остались только лохмотья.

– Теперь – второй, – приказал Фоско.

Д'Агосту ожидала та же унизительная процедура, что и агента: его обыскали и раздели, распоров все до единого швы на одежде.

– Я бы охотно оставил вас в таком виде, – сказал граф. – Но мои подземелья слишком сырые. Я не могу позволить вам простудиться. – Он кивнул на одежду. – Одевайтесь.

Д'Агоста с Пендергастом оделись, и Фаббри заковал их в наручники.

– Andiamoci, – приказал он. – Пошли.

Первым из комнаты вышел граф. За ним – Фаббри и пленники, а в арьергарде – остальные наемники.

Вниз по винтовой лестнице, затем знакомыми комнатами, через обеденный зал и кухню Фоско привел пленников в большую кладовую, где вовсю гуляли сквозняки, и на лестницу. Спустившись, они пошли мимо хранилищ и пустых каменных коридоров. Покрытые кристалликами кальцита стены сочились влагой.

– Ессо, – сказал Фоско, остановившись у низкой двери.

Пендергаст, глядя под ноги, неуклюже натолкнулся на Фаббри. Тот выругался и отпихнул фэбээровца.

– Входите, – велел граф.

Пендергаст вошел в камеру, д'Агоста – за ним. Железная дверь, грохнув, закрылась, ключ повернулся в замке, и напарников поглотила тьма.

Граф заглянул в камеру через маленькое зарешеченное окошко в двери.

– Побудьте пока здесь, – сказал он. – Я нанесу последние штрихи к моему плану и тут же вернусь. Увидите, я приготовил вам нечто особенное. Вас, Пендергаст, как ни странно, ожидает конец в лучших традициях Эдгара По. А вас, д'Агоста, убийцу моего Пинчетти, я поджарю. Использую излучатель в последний раз, а потом уничтожу. И не останется уже ничего, что бы связало меня с этим делом.

Лицо графа исчезло, и слабый свет в коридоре погас.

Шаги снаружи постепенно затихли, только вода капала со стен да шелестели крыльями летучие мыши.

Д'Агоста сел и плотнее запахнулся в обрывки одежды. Рядом едва слышно заговорил Пендергаст:

– Думаю, самое время уходить. Как вы на это смотрите?

– Значит, под воротник Фаббри вы спрятали отмычку? – прошептал д'Агоста.

– Разумеется. И я весьма признателен за то, что он попридержал ее для меня. Почти не сомневаюсь, что Фаббри и еще кто-то остались сторожить нас в коридоре. Ну-ка, Винсент, поколотите в дверь – посмотрим, что будет.

Д'Агоста принялся стучать в дверь:

– Эй! Выпустите нас! Выпустите!

Когда эхо криков умерло в кишке коридора, Пендергаст легонько коснулся плеча д'Агосты и прошептал:

– Продолжайте в том же духе, а я отопру дверь.

Д'Агоста снова начал кричать. Он орал, не стесняясь в выражениях, а через минуту Пендергаст снова тронул его за плечо.

– Порядок. Теперь слушайте: у охранника есть фонарь. Он его, несомненно, включит, едва услышит что-либо подозрительное. Я разберусь с ним, а вы продолжайте отвлекать его внимание.

– Понял.

Д'Агоста вновь закричал, принялся топать ногами. В камере было темно, хоть глаз коли, и он ничего не видел. Просто продолжал орать и орать, пока наконец в коридоре не послышался звук тупого удара. Потом кто-то упал, и в камеру сквозь низкий проход ударил луч фонаря.

– Замечательно, Винсент.

Пригнувшись, д'Агоста вышел. В двадцати футах в стороне, широко раскинув руки, лежал Фаббри.

– Думаете, из этой задницы есть выход?

– Слышите, как пищат летучие мыши?

– Слышу.

– Значит, и выход есть.

– Для летучих мышей – может быть.

– Для нас и это сгодится. Только сначала заберем излучатель. Без него нам никто не поверит.

Глава 81

Они прошли по коридору до лестницы, затем вверх. У выхода в кладовую Пендергаст украдкой заглянул в помещение и дал знак д'Агосте – можно идти. Медленно они двинулись из кладовой на кухню. С потолка на цепях свисала чугунная посуда. Никого и ничего не было слышно.

– Когда Пинкеттс принес излучатель, он вернулся из кухни, – прошептал Пендергаст. – И уходил всего на минуту. Значит, устройство хранится где-то здесь.

– Думаете, Фоско его не перепрятал?

– Граф хотел вас сжечь. А из кухни ведут только три выхода: первый – в обеденный зал, второй – в кладовую, из которой мы вышли. Остается последний. – Фэбээровец указал на дверь в комнату, похожую на старый погреб для хранения мяса.

В этот момент из внешних комнат через столовую донеслись голоса. Пендергаст и д'Агоста приникли к стене по бокам от двери. Говорили на итальянском.

– Они когда угодно могут поднять тревогу, – сказал, подождав, Пендергаст. – Давайте продолжим поиски.

Фэбээровец нырнул за дверь погреба, где в холоде на крюках висели свиные окорока и салями, а полки ломились под весом черствеющих голов пармезана и реджанского сыра. Пендергаст включил фонарик, и в свете луча на одной из верхних полок блеснул алюминий.

– Нашли! – Д'Агоста схватил чемодан.

– Слишком громоздкий, – сказал Пендергаст. – Соберем устройство, а ящик оставим.

Открыв чемодан, Пендергаст ловко, будто не в первый раз, собрал излучатель. Д'Агоста принял у напарника устройство и перекинул его ремень через плечо. Когда они вернулись на кухню, то услышали голоса – наемники Фоско добрались уже до обеденного зала.

– Sono scoppati![64] – панически зашипел голос из рации.

В зале засуетились. Звук шагов сообщил, что наемники покидают столовую.

– У них рации, – пробормотал Пендергаст.

Он выждал секунду, затем выбрался в зал. Д'Агоста, которому излучатель бил по плечу, поспешил за напарником по центральному коридору, вдоль старых портретов и роскошных гобеленов на стенах.

– Сюда. – Пендергаст кивнул на маленькую открытую дверь. За ней оказалась оружейная, забитая мечами, латами и кольчугами. Не говоря ни слова, фэбээровец снял со стены меч, проверил его, вернул на место и взялся за следующий.

Крики стали громче. В следующее мгновение мимо оружейной на всех парах промчалась группа людей – они бежали к столовой.

Агент выглянул в коридор и поманил за собой д'Агосту.

В одной из маленьких сырых каморок без окон, окружающих башню, они остановились перевести дух. Пока им везло – погони не было слышно. К тому же беглецов скорее станут искать у внешних стен, а уж никак не в самом сердце замка.

Но не успел д'Агоста обрадоваться, как спереди донесся чей-то громкий, яростный голос. Пендергаст плавно сместился за приоткрытую дверь, а сержант вжался в стену у него за спиной. Из дверного проема выбежал мужчина с рацией в руке. Тогда фэбээровец мягко – одним движением – поднял меч и вышел из-за двери. Хрюкнув, наемник упал, пронзенный насквозь. По напольным плитам потекла кровь.

Пендергаст живо обыскал покойника. Забрав у него девятимиллиметровую «беретту», агент отдал д'Агосте меч и жестом позвал за собой.

Впереди зияло отверстие спуска по винтовой лестнице. Напарники помчались по ней, перепрыгивая через две ступеньки за раз. Потом Пендергаст вдруг замер – кто-то поднимался навстречу.

– Да сколько же киллеров у этой жирной скотины? – пробормотал д'Агоста.

– Полагаю, ровно столько, сколько нужно. Молчите, сохраним преимущество: мы выше, и нас не ждут.

Фэбээровец прицелился и, как только из-за витка показался человек, тут же выстрелил. Затем обыскал скорчившуюся на ступеньках фигуру и кинул д'Агосте найденный пистолет.

– Carlo! Cosa c'e?[65] – крикнули снизу.

Пендергаст метнулся на голос. Обрывки одежды взвились за плечами, когда он прыгнул и ударом ноги в голову сбил наемника. Приземлившись легко как перышко, агент обыскал убийцу, а найденное оружие заткнул за пояс.

Лестница вывела в сырой коридор. Напарники побежали прочь от башни. Сзади раздались крики, и Пендергаст выключил фонарь, чтобы не стать легкой мишенью. Путь продолжили почти в кромешной тьме.

Когда тоннель раздвоился, Пендергаст задержался проверить пол и потолок.

– Гуано, помет летучих мышей. Значит, они вылетают отсюда.

Фэбээровец свернул налево. Преследователи открыли огонь. Эхо взвыло, отражаясь от каменных стен, и д'Агоста обернулся, стреляя в ответ.

– Давайте используем излучатель, – предложил д'Агоста.

– Не выйдет. Он действует недостаточно быстро, и зона поражения не та. Да и в настройках разбираться некогда.

Тоннель вновь разветвился. Д'Агоста ощутил свежий воздух, а потом увидел впереди проблеск дневного света. Напарники свернули за угол, потом повернули еще один раз – и выбежали к решетке из толстых металлических прутьев. В ярком свете было видно, что за преградой – скала, на которой стоит Кастель-Фоско. Слева крутой склон обрывался в глубокое ущелье, а справа уходил вверх, к горным пикам.

– Ч-черт!

– В принципе я этого ожидал. – Пендергаст осмотрел решетку. – Древняя, но крепкая.

– Что теперь?

– Отстреливаемся. Рассчитываю на ваши навыки, Винсент.

Пендергаст с д'Агостой прижались к стене за последним поворотом тоннеля. По звуку шагов сержант определил, что преследователей примерно шесть – и сейчас они шли быстрее. Д'Агоста высунулся из-за угла и, прицелившись, выстрелил. В темноте было видно, как упал один

из убийц. Оставшиеся рассредоточились вдоль стен. Раздался ответный выстрел – из дробовика, за ним две короткие автоматные очереди. Пули ударили в потолок и ушли в сторону, высекая искры и каменную крошку.

– Черт! – невольно отпрянул д'Агоста.

– Задержите их, Винсент, а я разберусь с решеткой.

Низко пригнувшись, д'Агоста выглянул из-за угла и выстрелил. Ответ последовал тут же: пули опять отрикошетировали от потолка, ударив в пол.

«Они специально бьют рикошетом». Д'Агоста проверил обойму. «Беретта» вмещала десять патронов, и сейчас в магазине оставалось шесть плюс еще один в патроннике.

– Вот, держите запасную. – Пендергаст бросил товарищу обойму. – Экономней.

Теперь у д'Агосты было семнадцать патронов.

Автомат выплюнул короткую очередь, и у самых ног д'Агосты легли пули, отскочившие от потолка.

«Угол падения равен углу отражения». Д'Агоста вспомнил, как он в детстве пускал по воде «лягушки». И прицелившись в то место на потолке, где пули наемников высекали искры, спустил курок.

Послышался крик. «Пять минус один, – прикинул д'Агоста. – Да здравствует физика».

Он откатился назад – и как раз вовремя, потому что через секунду место, откуда он стрелял, накрыло пять пуль.

– Как с решеткой? – спросил д'Агоста.

– Нужно время, Винсент. Обеспечьте мне время.

С потолка посыпались пули вперемешку с каменной крошкой.

Время!.. Выбора не было, и д'Агоста подполз к повороту. Выглянув, он увидел противника – тот вынырнул из тени, пытаясь занять позицию ближе. Но д'Агоста выстрелил, и наемник, вскрикнув, попятился.

Послышались выстрелы, но уже из-за спины. – Пендергаст с равными промежутками выпускал пули по кладке, державшей решетку.

Д'Агоста выстрелил еще раз. Свинец бил в пол перед ним беспорядочным градом.

– Винсент! – позвал Пендергаст, опустошив свой магазин.

– Что?

– Бросьте мне пистолет.

– Но...

– Быстрее.

Поймав на лету «беретту», Пендергаст аккуратно прицелился и выстрелил по разу в те места, где крепилась решетка. Д'Агоста вздрагивал каждый раз, когда фэбээровец нажимал на курок, и, не в силах сдержаться, считал: «Один, два, три, четыре». Затем боек щелкнул вхолостую – патроны кончились. Агент сбросил обойму, и д'Агоста передал ему полную. Стрельба за углом усилилась. Еще секунда-другая – и их накроют.

Пендергаст выстрелил еще семь раз, затем сгорбился и сказал:

– На счет «три» пинаем.

Напарники изо всех ударили ногами по прутьям, но решетка не сдвинулась.

– Еще раз. Снизу.

Они легли на спины, подобрали ноги и ударили.

Решетка подвинулась.

Пендергаст и д'Агоста били снова и снова – пока прутья наконец не вышли из крепежа и не сорвались вниз, увлекая за собой поток камня с щебенкой.

Сразу за краем скала уходила круто вниз – самое меньше на пятьдесят футов, – перед тем как перейти в ровную поверхность.

– Черт побери! – не выдержал д'Агоста.

– Делать нечего. Бросайте излучатель, только найдите кусты, чтобы смягчить падение. Потом спускайтесь сами.

Перегнувшись через край, сержант заметил густой кустарник и кинул в него прибор. Затем, переборов себя, вылез наружу. Цепляясь руками за наслоение раствора, он нашел опору для ног. Спустился чуть ниже, нашел еще опору... Очень скоро он уже не видел выхода из тоннеля – дыра осталась над головой.

Неожиданно рядом возник Пендергаст.

– Старайтесь идти боком. Так легче находить опоры, и в вас будет труднее попасть.

По отвесному известняковому склону, в котором много опор для ног и рук, профессиональный скалолаз спустился бы, наверное, без проблем. Но д'Агосте от этого легче не стало. Он постоянно оскальзывался, от его туфель на кожаной подошве толку не было никакого.

Так он и спускался, стараясь не задевать шершавую поверхность изувеченным кончиком пальца. А Пендергаст уже был далеко внизу.

Из тоннеля вырвалось эхо выстрелов. А когда наступила тишина, донеслись крики:

– Eccoli! Di la![66]

Д'Агоста посмотрел вверх. Преследователи, свесившись над пропастью, целились прямо в него. «Подстрелят, теперь точно подстрелят. О Боже, все кончено!»

Далеко внизу Пендергаст выпустил последнюю пулю. Стрелок, который метил в д'Агосту, получил дырку во лбу и полетел в пропасть, ударяясь о склон. Отвернувшись, сержант продолжил спускаться, торопясь изо всех сил.

Наверху засуетились, и д'Агоста поднял голову – второй стрелок аккуратно ступил на край, держа в руках «узи». Пока враг целился, д'Агоста оглянулся на Пендергаста, но фэбээровец куда-то исчез. Куда, черт возьми?

«Узи» отрывисто застрекотал. Мимо прожужжали пули. От преследователей его защищала лишь тонкая каменная полка.

– Пендергаст!

Нет ответа.

Наемник стрелял. Каменная крошка царапала лицо. Д'Агоста переместил одну ногу, и пуля скользнула по туфле. Дернувшись, д'Агоста еще крепче вцепился в крохотный выступ. Дыхание участилось. Никогда в жизни он так не боялся.

Еще очередь – еще брызги камня. По щеке потекла кровь. И тут д'Агоста сообразил: убийцы крошат полку. Двигайся не двигайся, а пули достанут.

Прозвучал одиночный выстрел, на этот раз снизу. Наверху вскрикнули. Второй головорез полетел вниз, а вслед за ним и его «узи».

Пендергаст. Наверное, подобрал оружие того убийцы, которого подстрелил первым.

Паника овладевала д'Агостой. Он продолжал спускаться, оскальзываясь и восстанавливая равновесие, а Пендергаст в это время его прикрывал.

Угол наклона постепенно уменьшился. Последние двадцать футов д'Агоста съехал на брюхе и оказался на вершине осыпи – взмокший, не в силах унять бешено стучащее сердце, на подгибающихся ногах. Пендергаст был тут же – он укрылся за камнем и стрелял по выходу из тоннеля.

– Заберите устройство, – велел агент.

Сержант подполз к зарослям кустарника и достал излучатель. Одна из лампочек оказалась слегка повреждена, да и само устройство испачкалось и поцарапалось. Но больше повреждений д'Агоста не заметил. Он перекинул ремень через плечо и поспешил укрыться в деревьях. Мгновением позже к нему присоединился агент.

– Спускаемся к дороге.

Они понеслись по склону холма, продираясь через конский каштан и оставляя позади грохот выстрелов. И вдруг Пендергаст замер. В наступившей тишине от подножия донесся лай – размеренный лай большой своры гончих.

Глава 82

Секунду Пендергаст вслушивался, затем обернулся к д'Агосте.

– Охотничьи собаки графа, – сказал он. – И с ними загонщики.

– Боже...

– Сейчас собак выстроят веером, нас загонят и окружат. Выбора нет, перевалим через вершину горы.

Напарники развернулись и побежали через заросли каштана, наискосок уходя от замка. Подъем давался с трудом: ноги вязли в кустарнике и ежевике, скользили на сырой земле и опавших листьях. Лай сливался в какофонию, эхом разносившуюся по долине.

Пендергаст с д'Агостой вырвались на пологий участок, засаженный виноградниками, и побежали между желтеющими рядами, спотыкаясь, тяжело дыша и разбивая подошвами комки мокрой земли. Ноги потяжелели от налипшей на туфли грязи.

Сомнений не оставалось: собаки вот-вот нагонят.

Уже на краю виноградников Пендергаст остановился, чтобы осмотреться. Сейчас они с д'Агостой были в ущелье, а по бокам к вершине поднимались две горные гряды – на самом верху, примерно в

полумиле, они сходились. Кастель-Фоско остался внизу. Он стоял на выдающейся скальной площадке, суровый и неприступный.

– Идемте, Винсент, – позвал Пендергаст. – Времени нет.

Виноградники уступили место новому крутому подъему. Ветви шиповника терзали и без того изодранную одежду. Впереди показалась обвалившаяся стена старой усадьбы, увитая лозой. Пендергаст с д'Агостой миновали пристройки и выбежали на проплешину. Фэбээровец снова остановился, чтобы изучить склон холма.

Д'Агосте казалось, что сердце вот-вот взорвется. А внизу, оглянувшись, он заметил гончих: заливаясь лаем, псы бежали, уплотняя линию. Свистя и крича, за собаками шли загонщики.

Пендергаст пристально вглядывался в склон – туда, где ущелье заострялось клином.

– Я вижу металлический блеск...

– Засада?

Пендергаст кивнул.

– Винсент, вы когда-нибудь охотились на кабана?

– Нет.

– Так вот на нас охотятся, как на кабанов. Там, где лощина сужается, засели охотники. Их огонь целиком накроет верхнюю часть хребта. – Фэбээровец кивнул, словно одобряя подобную тактику. – Стандартная схема такова: собаки выгоняют кабана в самую узкую часть лощины, к линии хребта, и уже там, где нет лесного покрова, животных стреляют.

– А нам-то что делать?

– Оставаться людьми и не бежать от собак. Уйдем в сторону.

Развернувшись под прямым углом, фэбээровец побежал поперек склона. Дорога то взлетала, то опадала, и между холмами разносился умноженный эхом лай. Он слышался одновременно со всех сторон, и казалось, будто собаки уже взяли добычу в кольцо.

Впереди, в четверти мили, возвышался крутой склон горы. «Если бы, – думал – д'Агоста, спотыкаясь на бегу, – если бы только перелезть через гору. Тогда собаки отстанут, а там – снова спуск...» Но пока лес становился лишь гуще, и бежать опять пришлось вверх. Темп упал.

Напарники подбежали к краю небольшого ущелья. На его дне у подножия отвесных стен бурлил поток, омывающий острые камни. А по

ту сторону, на расстоянии двадцати футов, зеленела моховым покровом гора.

И добраться до нее было невозможно.

Пендергаст обернулся. Позади ломались ветки, трещали кусты. Загонщики изрыгали проклятия.

– Ущелье не одолеть, – сказал фэбээровец. – Осталось последнее – попытаемся пройти через заслон стрелков.

Пендергаст проверил обойму трофейного пистолета.

– Три патрона... Идемте.

И снова – вверх. Д'Агоста совершенно лишился сил, однако адреналин и ужасный лай за спиной заставляли бежать.

Прошло еще несколько минут. Лес истончился, а затем и вовсе уступил место лугам и лощинам. Пробежать оставалось всего четверть мили, но для прикрытия не было ничего. До самой вершины тянулись непролазные кусты и отдельные рощицы. застрелить беглецов будет проще простого.

Пендергаст с минуту вглядывался в голую вершину, затем покачал головой:

– Ничего не выйдет, Винсент. Там слишком многолюден, привыкших охотиться в здешних горах. Встреча с ними равна самоубийству. Нам не пробиться.

– Вы уверены? То есть там действительно кто-то есть?

Пендергаст кивнул, вновь посмотрев на вершину.

– Я заметил с полдесятка стрелков. Не считая тех, кто спрятался за камнями. – Фэбээровец задумался, а затем заговорил – быстро, словно бы сам с собой: – Кольцо замкнулось – с обеих сторон и сверху. Вниз тоже не уйти, линию собак прорвать невозможно.

– Откуда вы знаете?

– Такое не удается даже двухсотфунтовому кабану, который мчится вниз по склону со скоростью тридцать миль в час. Как только он сшибается с гончими, те окружают его и...

Замолчав, агент посмотрел на д'Агосту. В глазах фэбээровца загорелся огонь.

– Вот оно, Винсент. Вот выход. Слушайте: сейчас я побегу вниз – прямо на гончих. И когда я сойдусь с ними, все животные соберутся вокруг

меня. Вы в это время как можно быстрее отбежите в сторону на сотню-другую футов. Потом медленно – медленно, Винсент! – спускайтесь. Как лают гончие, загнавшие зверя, вы узнаете сразу. Так вот, когда услышите такой лай, знайте – я сошелся с ними. В этот самый момент и бегите. Ясно? Ждите, пока собаки меня загонят. Линия будет нарушена, и вы сумеете пробраться к дороге.

– А вы?

Пендергаст поднял пистолет.

– С тремя патронами? – воскликнул д'Агоста. – Вам не пробиться.

– Выбора нет.

– И где же мы встретимся? На дороге?

– Не ждите меня, – покачал головой Пендергаст. – Отправляйтесь к синьору полковнику и приведите подкрепление. Подкрепление, Винсент. Излучатель берите с собой – вам нужны доказательства.

– Но... – Намерения товарища только что дошли до д'Агосты. – Ну вас к черту! – выругался он. – Идем вместе.

Лай приближался.

– Вырваться сможет только один. Иначе – никак. Все, идите!

– Нет. Я не пойду... Не оставлю вас гончим...

– Винсент, черт побери, это ваш долг! – И, не сказав больше ни слова, Пендергаст побежал вниз.

– Нет! – крикнул д'Агоста. – Не-ееет!

Но было поздно.

Он стоял парализованный, ноги словно вросли в землю. Худощавая фигура Пендергаста с кошачьей ловкостью пронеслась вниз по склону; затем фэбээровец исчез в лесу.

Д'Агосте оставалось только следовать плану. Как сомнамбула пробежав три сотни футов поперек склона, он развернулся и начал медленный спуск.

Вдруг впереди, в густой роще, сержант увидел высокого человека. Пробеги он дальше или спустись он чуть раньше, незнакомец так и остался бы незамеченным из-за выступающей горной пароды.

Человек стоял неподвижно и смотрел на беглеца.

«Господи, – подумал д'Агоста. – Вот и все».

Он уже потянулся за излучателем, но передумал. Незнакомец не был вооружен. Или же просто спрятал оружие. В таких делах д'Агоста привык обходиться голыми руками. Он подобрался и изготовился прыгнуть, однако что-то его остановило. Человек хоть и был бедно одет, отличался от прочих наемников Фоско: он носил аккуратную короткую бородку, фигурой напоминал Пендергаста, но ростом превзошел бы даже агента – дюйма на четыре. В его глазах д'Агоста заметил нечто странное... Точно, один был ореховый, а второй – пронзительно-голубой.

Поблизости раздался лай собак, и незнакомец отвернулся, позабыв про д'Агосту. Сам же д'Агоста побрел к подножию холма.

В этот момент впереди справа истерически завыла одна из собак: ее голос взвился над остальными. Высокий тон подхватила вторая, затем третья глотка. Свора настигла добычу. А потом прогремел выстрел. Заскулила гончая, все остальные залаяли с удвоенной силой. Их заглушило вторым выстрелом, третьим. В ответ глухо бабахнул старый, крупнокалиберный карабин. Густые заросли скрывали то, что творилось, но звуки доносились четко и ясно.

Плотнее прижав к себе излучатель, д'Агоста побежал. Он продирался через ежевику, падал, поднимался и снова бежал. Оказавшись на небольшой прогалине, он оглянулся и далеко справа в последний раз увидел Пендергаста – одинокую фигуру в черном, окруженную обезумевшей сворой. Вне бурлящего живого кольца в агента целились из винтовок загонщики. Круг сжимался. Почуяв кровь, собаки бросались на фэбээровца, пытаясь отхватить кусок живой плоти.

Д'Агоста благополучно уходил. Еще немного – и травля осталась позади. Кровожадная брехня собак, проклятия, ругань загонщиков – все уносилось и постепенно стихло. Охота закончилась. Дичь была загнана. Только загнали не кабана, а человека.

На этот раз Пендергасту не уйти.

Глава 83

Бака доставили в КПЗ. Там, окруженный белоснежными стенами, он сидел на нарах и ждал. Даже в полночь по коридорам разносились крики из соседних камер. Заключенные колотили в решетки, орали. Кто-то требовал адвоката, кто-то просто нечленораздельно мычал.

Бака оформили по всем правилам, загнали в душ, выдали смену одежды и свежий номер «Таймс». Ему даже предоставили телефонный звонок адвокату. Но при этом преподобному не сказали ни слова. Баку начинало казаться, будто он провел в камере вечность. С каждым проведенным здесь часом невидимые шурупы все глубже вворачивались

в невидимую плоть. Когда же начнется? Это ли переживал Христос, прежде чем предстать перед Пилатом? Уж лучше оскорбления и пытки, чем неведение и ожидание. Бака душила стерильность новеньких белых стен, залитых флуоресцентным светом ламп под зарешеченными плафонами. А что хуже всего, в камере он был совершенно один. Преподобный не знал, как долго он сможет выносить людей, что приносили еду. Тюремщики видели, что Бак не ест, и уносили паек, не взглянув ему в глаза, не ответив на вопросы, не сказав вообще ничего.

Бак встал на колени и начал молиться. «Когда же, – вопрошал он, – когда же начнется? Когда сотрясутся стены, прозвучат громкие голоса, и земля проглотит нечестивых? Когда возопят проклятые, а цари и князья побегут в ущелья гор? Когда в небе появятся четыре всадника Апокалипсиса?..» В камере не было окон, и преподобный не мог даже выглянуть на улицу, не мог узнать, что происходит.

Неизвестность буквально убивала его.

Охранник – крупный негр в синей форме – принес еду.

– Что это? – оторвался от молитвы Бак.

Разносчик не ответил. Только поставил поднос на выдвижной поддон в решетке, задвинул его в камеру, закрыл окошко и, развернувшись, ушел.

– Да что происходит? – выкрикнул Бак. – Что… Тюремщик исчез.

Поднявшись с колен, Бак сел на койку. На подносе его дожидались бейгель[67] со сливочным сыром и желе, куриная грудка в сгущенной подливке, сероватые бобы с морковью и остывающее картофельное пюре. От столь неприкрытой пошлости преподобный скривился.

Наконец в тюремную атмосферу проникли новые голоса, что-то лязгнуло. Заключенные оживились, и Бак поднялся со своего места.

Неужели началось?

За ним – Бак точно знал, что за ним – пришли четверо: вооруженные до зубов, чванливые офицеры шагали боевым строем. Преподобный почувствовал, что готовится нечто дурное. Что бы это ни было, он примет испытание, которое, вероятно, потребует всех сил души. Бак примет его как часть великого Божьего замысла.

Конвоиры остановились у камеры преподобного.

– Уэйн Пол Бак? – прочитал один из полицейских по карточке, прикрепленной к зеленой папке.

Напрягшись, Бак кивнул.

– Пойдете с нами.

– Я готов, – ответил Бак с вызовом и достоинством.

Офицер открыл дверь. Остальные конвоиры отошли назад, взяв оружие на изготовку.

– Повернитесь и заложите руки за спину.

Преподобный сделал, как велели. Бак чувствовал: надвигается нечто ужасное. Холодная сталь наручников обхватила запястья, и предвестником грядущего щелкнул замок.

– Сюда, сэр.

«Сэр». Уже насмехаются.

Не говоря ни слова, конвоиры проводили Бака по коридору до лифта; поднявшись на несколько этажей, повели его дальше. У серой металлической двери офицеры остановились и постучали.

– Входите, – ответил женский голос.

Бака ввели в небольшой кабинет. Через единственное окно преподобный увидел, что на улице ночь, и в темноте горят огни Манхэттена. А за металлическим столом сидела она – женщина-офицер, что привела центурионов.

Бак встал перед ней – перед своим Понтием Пилатом – гордый, непокоренный.

Женщина-офицер приняла папку у конвоира.

– Вам предоставили защитника? – спросила она.

– Мне не нужен защитник, кроме Бога. Он – мой адвокат.

Только сейчас Бак заметил, как эта женщина прекрасна, как молода. Над ухом, где ударил камень, ей успели наложить повязку. И этого человека он спас от смерти.

«У дьявола много обличий».

– Что ж, ваше право. – Встав из-за стола, офицер сняла с вешалки пиджак и надела его. – Судебный исполнитель готов?

– Да, капитан.

– Тогда идемте.

– Куда? – спросил Бак.

Его вывели из кабинета – к другому лифту. Спустившись, конвоиры сопроводили преподобного через паутину коридоров во двор. Там в свете натриевых ламп поблескивала кузовом немаркированная машина, работавшая на холостых оборотах. За рулем сидел коп в форме. А снаружи, с пассажирской стороны, скрестив на груди руки, дожидался крупный, приземистый человек в сером костюме.

– Снимите наручники, – приказала капитан. – И усадите его сзади, пожалуйста.

Бака расковали и посадили на заднее сиденье. Хейворд тем временем переговорила с человеком в сером и передала ему зеленую папку. Тот расписался в бланке на дощечке с зажимом, сел рядом с водителем и захлопнул дверь.

Хейворд же наклонилась к заднему окну и сказала:

– Вам, должно быть, интересно, что происходит, мистер Бак?

Преподобного захлестнули эмоции: вот оно, сейчас его повезут на встречу с судьбой, где наступит момент истины!.. Бак был готов.

– Этот человек – судебный исполнитель. Он доставит вас обратно в Броккен-Эрроу, штат Оклахома, где вас разыскивают за нарушение правил досрочного освобождения.

Не может быть. Над ним издеваются. Это лишь трюк.

– Мистер Бак, вы меня поняли?

Бак не стал отвечать. Он не поддастся на их уловки!

– Окружной прокурор решил не возиться и не стал возбуждать против вас дело. Хотя, по правде сказать, вы ничего и не натворили. Не считать же преступлением то, что вы пользовались правом на свободу слова. Не скрою, вы избрали для этого не самый стандартный способ, но нам повезло избежать беспорядков и тихо-мирно распустить ваших людей. Все они сейчас дома, а то место в парке мы обнесли забором. Скоро его вычистят и засеют травой. Администрация парка все равно планировала эти работы, так что реального ущерба вы никому не причинили. Инцидент, как говорится, исчерпан.

Бак слушал и не верил ушам.

– А… – едва смог выговорить он. – А что же со мной?

– Как я уже сказала, вы отправляетесь назад, в Оклахому. У нас с вами никаких дел больше нет, зато у комиссии по досрочному освобождению к вам несколько вопросов.

Улыбнувшись, Хейворд, наклонилась ближе:

– Мистер Бак, вы хорошо себя чувствуете?

Преподобный не ответил, потому что чувствовал себя нехорошо. Ему было дурно.

Опершись о крышу машины, капитан наклонилась к преподобному еще ниже:

– Мистер Бак, позвольте я кое-что вам скажу? Это личное.

Бак уставился на офицера.

– Во-первых, Иисус только один, и вы – не Он. А во-вторых, я – христианка. Вы не имели права указывать на меня пальцем и отдавать на милость толпы, якобы творя правосудие. Вам не мешало бы перечитать Евангелие от Матфея: «Не судите, да не судимы будете... Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». – Помолчав, Хейворд добавила: – Отныне вы отвечаете только за себя. То есть ведете себя, как подобает добропорядочному гражданину, не ввязываетесь в сомнительные дела и соблюдаете закон.

– Но... Вы не понимаете... Скоро начнется. Предупреждаю вас, скоро начнется. – Слова дались Баку с огромным трудом.

– Я не знаю, состоится ли Второе пришествие, но уверена, что вас об этом известят в последнюю очередь.

Хейворд улыбнулась, похлопала по крыше автомобиля.

– Прощайте, мистер Бак. И не ищите приключений.

Глава 84

Граф терпеливо дождался, пока ему подадут ужин в пышно обставленный обеденный зал главной постройки Кастель-Фоско. Стены здесь были настолько толстые, что снаружи не долетало ни единого звука; слышно было только, как жужжат сервомоторы Буцефала, сидящего на белом насесте: искусственный попугай грыз искусственный же орех. За роскошными окнами открывался великолепный пейзаж: холмы Кьянти, глубокая долина Греве. Однако граф предпочитал остаться за столом, на тяжелом дубовом стуле и с неспешностью истинного гурмана обдумывать события дня.

Ход мыслей прервали шаги в коридоре. Шаркая, вошла кухарка Ассунта. На дальний конец стола она поставила большой поднос, с которого одно за другим выложила перед хозяином лапшу мальтаглиати на свином бульоне, рагу из бычьего хвоста, приготовленную над огнем печень

домашней птицы и гарнир из фенхеля, тушенного в оливковом масле. Именно такую – простую и домашнюю – пищу любил вкушать граф, когда жил на вилле, и именно такие блюда в совершенстве готовила кухарка Ассунта. Ей, конечно, не доставало лоска и утонченности покойного Пинкеттса, но тут уж, увы, ничего не поделаешь.

Фоско поблагодарил служанку и, когда она вышла, налил себе кьянти из личного погреба. Отпив вина, он принялся за еду, однако, хоть и умирал с голоду, не позволял себе спешки: смаковал каждый кусочек и каждый глоток.

Наконец, когда с ужином было покончено, граф позвонил в маленький серебряный колокольчик. Появилась Ассунта.

– Grazie, – произнес граф, промокнув уголки рта большой льняной салфеткой.

Ассунга присела в неуклюжем реверансе.

– Когда приберетесь, – встал из-за стола Фоско, – можете поехать домой.

Не поднимая головы, кухарка вопросительно взглянула на графа.

– Per favore, signora. Сделайте милость, вы уже давненько не виделись с сыном.

– Mille grazie[68]. – Ассунта еще глубже присела в реверансе.

– Prego. Buona sera[69]. – Мягко развернувшись, граф вышел из зала.

Кухарка – последняя из слуг, кто оставался в замке. Прочих он успел отослать до понедельника. Всех, кроме Джузеппе, старого собачника, без которого не обойтись. Не то чтобы граф не доверял слугам. Нет, многие из них были связаны с династией Фоско крепкими многовековыми узами. В их верности граф не сомневался. Он просто не хотел, чтобы его беспокоили, пока он не завершит дело.

Не спеша граф пошел через парадный зал, через картинную галерею и оружейную палату. Путь вел графа назад сквозь время: сначала через пристройку тринадцатого века, затем уже по самой лонгобардской твердыне. Здесь не светили электрические лампы, не работало отопление. Здесь не было даже водопровода. Сырость и тьма начинали давить, и Фоско зажег фонарь, который снял со стены. Прихватив со старинного рабочего стола некий предмет, он сунул его в карман жилетки. Затем, выбрав один из боковых коридоров, Фоско отправился дальше – все глубже и глубже, в подземные тоннели, вырезанные в теле скалы.

Подвалы Кастель-Фоско не пропадали даром. Многие комнаты отвели под виноделие: в одних вино разливалось в бутылки, в других оно еще

только бродило, залитое в огромные чаны, а в-третьих штабелями складывались маленькие бочки из французского дуба. Прочие помещения династия Фоско приспособила под хранение кабанины: там с потолка свисали бесчисленные туши. Были и склады с оливковым маслом, и цехи для заготовки бальзама. Однако сейчас граф спускался намного глубже – в могильники, вырезанные в нависающем известняковом склоне. Ступеньки вились, уводя в затхлость древних катакомб, куда не спускались уже пять веков.

В холодном воздухе стены истекали влагой, а выдолбленная вручную лестница была такая скользкая, что поскользнуться на ней мог любой. И если эта участь постигла бы графа, никто не услышал бы его криков о помощи. Поэтому, спускаясь, Фоско замедлил шаги.

Наконец он добрался до лабиринта узеньких склепов, вырезанных в камне. В каждой нише лежало по скелету. Сосчитай кто-нибудь всех покойников, он догадался бы, что здесь покоятся не только пращуры графа, но и соратники, павшие тысячу лет назад на войне. Кислорода не хватало: чем дальше забирался Фоско, тем хуже светил фонарь. И чем глубже пробирался граф, тем больше появлялось осыпавшихся могил: от них остались груды кирпича и кости, в изобилии устилавшие пол – пожеванные и растасканные по усыпальнице крысами.

Путь закончился тупиком. Фонарь Фоско едва справлялся с густой темнотой. Встав у последнего углубления в стене, граф осторожно повел светильником из стороны в сторону.

Трепещущее пламя высветило фигуру агента Пендергаста: голова покоилась на груди, а лицо истекало кровью из десятка царапин. Некогда безупречный пиджак валялся грудой тряпья у ног фэбээровца, сшитые вручную английские туфли покрывал толстый слой тосканской грязи. Пендергаст был без сознания и, несомненно, свалился бы, если б его не держала толстая цепь, обвитая вокруг груди. Один конец ее крепился к железной скобе, вбитой в известняковую стену, а последнее звено другого конца закусил висячий замок у второй скобы. Еще одна цепь выходила из-за спины Пендергаста и сковывала безвольно повисшие руки.

Граф уже понял, как опасен противник, и поэтому в первый раз он повел фонарем очень аккуратно и не стал подходить близко. Но Пендергаст не двигался. Тогда, ободренный, Фоско посветил снова, и, едва свет коснулся лица Пендергаста, тот вздрогнул. Задрожали и приподнялись веки.

Фоско моментально отпрянул.

– Агент Пендергаст? – позвал он проникновенным голосом. – Алоиз? Мы пробудились?

Фэбээровец вяло пошевелил конечностями, попытавшись согнуть руки.

– О, прошу простить, цепи необходимы. Скоро вы поймете зачем.

Не дождавшись ответа, граф продолжил:

– Наверняка вы совсем не чувствуете сил и едва способны шевелиться. Может даже, кое-что из последних событий ускользнуло из вашей памяти. Виной тому фенобарбитал – самый удобный способ вернуть вас в замок. Позвольте же восполнить пробел: вы и незабвенный сержант д'Агоста утомились от моего гостеприимства и решили бежать. Конечно же, я был против, не обошлось без борьбы. Что и говорить, дело мерзкое – мой любимый Пинкеттс, как ни прискорбно, погиб. Речь еще зашла о некой бумаге, которую вы оставили кое-кому на хранение и которая перешла ко мне. Сержанту д'Агосте, как ни печально, удалось скрыться. Однако не будем о грустном. Главное – вы снова здесь, в моем замке! И я настаиваю, чтобы вы задержались. Как гость. Серьезно, возражений я не приму.

Фоско поставил фонарь на железную подставку в стене.

– Удобства скудные, вы уж простите. Хотя прошу заметить, что они не лишены природного шарма. Видите белую паутину на потолке? Это, дорогой Пендергаст, селитра. Кому, как не вам, оценить всю литературность момента, а заодно понять, что я намерен сделать[70].

В подтверждение своих слов граф достал из кармана жилетки мастерок. При виде инструмента тяжелый, одурманенный взгляд Пендергаста на миг прояснился.

– Ага! – довольно воскликнул граф. – Вы все видите, все понимаете. Отлично. Приступим же!

Обернувшись к куче костей, Фоско разбросал останки. Обнажилась объемная бадья со свежим раствором. Работая мастерком, граф нанес первый слой поперек входа в нишу. Потом, разобрав одну из груд кирпичей, он перетаскал их – по два за один раз – к ногам Пендергаста, аккуратно выложил первый ряд и нанес поверх него второй слой раствора.

– Замечательные кирпичи! – приговаривал граф. – Несколько сотен лет назад их лепили из глины со склонов местных холмов. А какие они крупные – не чета вашим английским малявкам! Для раствора я взял много извести – почти две части на одну часть песка. Все потому, что ваше последнее пристанище должно стать воистину крепким. Оно должно прослужить вам века, дорогой Пендергаст, должно продержаться до Второго пришествия, пока не вострубит последняя труба[71]!

Пендергаст не ответил. Его взгляд к тому времени окончательно прояснился. Фэбээровец наблюдал за графом внимательно и терпеливо. Фоско закончил второй ряд.

– О, я готовился, – сказал граф, – давно готовился. Видите ли, уже тогда, на поминках по Джереми Гроуву, когда мы с вами слегка поспорили о панно Гирландайо, я понял, что прежде не встречал столь опасного противника.

Пендергаст не отвечал. Во внезапном порыве гнева граф выложил сразу третий, четвертый и пятый ряды.

Уложив последний кирпич в шестом ряду, Фоско остановился. Вспышка гнева прошла, и к графу вернулось прежнее настроение. Стена уже была по пояс Пендергасту. Хозяин замка, отойдя, элегантно уселся на груду кирпичей и почти тепло взглянул на пленника.

– Вы, наверное, заметили, что я пользуюсь фламандской перевязкой: перемежаю тычки с ложками[72], – сказал граф. – Основательная работа, не так ли? Я мог бы стать каменщиком, если бы захотел. Полагаю, когда последний кирпич займет свое место, времени у вас будет немного – лишь день или два, смотря сколько воздуха пропускают здешние стены. Все же я не садист и не желаю вам неподобающе долгой смерти. Хотя могу понять: удушье в кромешной тьме – не совсем то милосердие, на какое можно надеяться. Я бы и рад помочь, но увы.

Фоско посидел еще немного и, восстановив дыхание, вернулся к работе.

– Не думайте, господин Пендергаст, что меня не мучает совесть. – Голос графа звучал почти задумчиво. – Замуровав вас здесь, я лишу мир одного из великих умов. Без вас на Земле поубавится красок. Однако так будет лучше для меня и мне подобных – для мужчин и женщин, предпочитающих вершить свои судьбы свободными от оков, которые накладывают закон и его слуги.

Из-за стены виднелось только окровавленное лицо Пендергаста.

Фоско вопрошающе посмотрел на него.

– Что, вы и сейчас не ответите? Будь по-вашему, продолжим.

Следующие три ряда он выложил в полном молчании.

Когда граф нанес раствор для десятого ряда, Пендергаст заговорил. Нижняя половина лица уже скрылась за стеной, и голос агента звучал глухо.

– Не делайте этого. – От прежнего бархатистого, чуть ленивого тона не осталось и следа.

– Дорогой Пендергаст, я уже это сделал! – Нанеся слой раствора, граф отошел за кирпичами.

Пендергаст заговорил снова, но не раньше, чем был закончен наполовину десятый ряд.

– У меня есть одно дело, важное для всех. Член моей семьи намерен совершить нечто ужасное, и я должен его остановить.

Прислушавшись, Фоско остановился.

– Позвольте мне только закончить начатое, – просил Пендергаст, – затем я вернусь. Вы… вы сможете избавиться от меня как сочтете нужным. Даю слово джентльмена.

– Вы принимаете меня за дурака? – рассмеялся Фоско. – Думаете, я поверю, что вы вернетесь, как консул Регул вернулся в Карфаген на собственную казнь? Ба!.. Даже если вы сдержите слово, когда мне вас ждать? Двадцать, тридцать лет спустя, когда вы состаритесь и пресытитесь жизнью?

Из тьмы в нише не прозвучало ни слова.

– Хотя это дело, о котором вы говорите… любопытно. Значит, замешан член вашей семьи? Расскажите-ка поподробней.

– Сначала освободите меня.

– Исключено. Мы впустую тратим время. Я, знаете ли, утомился. – Фоско живо принялся за десятый ряд, а после и за одиннадцатый.

И уже когда графу оставалось вложить один-единственный кирпич, чтобы завершить кладку, Пендергаст заговорил вновь.

– Фоско… – прозвучал тихий, замогильный голос, словно поднявшийся из самой глубокой ниши. – Прошу вас как джентльмена… как человека.

– Во мне мало и от того, и от другого. – Фоско взвесил кирпич в руке. – И боюсь, пришло время прощаться. Благодарю за то, что составили компанию в эти последние дни. Я говорю вам не arrivederla – до свидания, а addio – прощайте. Фоско вогнал на место последний кирпич, убрал со стены излишки раствора и услышал – или ему показалось, – как из могилы донесся низкий стон, похожий на выдох. Или то был ветер?..

Граф ногой сгреб к стене разбросанные кости, схватил фонарь и быстрым шагом зашагал через тоннели к древней лестничной шахте. Достигнув ее, он стал подниматься к теплому свету вечернего солнца: десять, двадцать, тридцать ступеней… Преисподняя, полная беспокойных теней, уходила все глубже.

Глава 85

С заднего сиденья д'Агоста молча наблюдал, как за окном машины вьется горный серпантин. Мимо проносился все тот же прекрасный пейзаж: холмы, одетые в цвета осени – в рыжее и золотое, – но д'Агоста, ничего по сторонам не замечая, видел впереди лишь суровую твердыню Кастель-Фоско. Одного взгляда на нее хватило, чтобы вновь пробудить страх, от которого не защищал даже конвой карабинеров.

Д'Агоста переложил с одного колена на другое парусиновую сумку с дьявольским изобретением Фоско. Душа наполнилась яростью, которую приходилось держать в узде – она еще пригодится в предстоящей схватке. После двенадцати часов сводящей с ума бумажной волокиты у него наконец был ордер, и он ехал в логово врага. Теперь, когда зверь бюрократии насытился, нужно было успокоиться, сохранить самообладание, иначе выгорит единственный запал, без которого не спасти Пендергаста – если тот еще жив.

Рядом полковник Эспозито глубоко затянулся и раздавил сигарету в пепельнице. За всю дорогу он не произнес ни слова, только время от времени позволял себе курить. Сейчас он тоже выглянул в окно.

– Поразительно, как этот замок ужасен.

Д'Агоста кивнул.

Эспозито вытащил из пачки новую сигарету, затем передумал, сунул ее обратно и повернулся к д'Агосте:

– Судя по вашему рассказу, Фоско умен и коварен. Мы должны взять его с поличным. Поэтому в замок надо проникнуть быстро.

– Да. Так и сделаем.

Эспозито провел рукой по зачесанным назад седым волосам.

– Совершенно ясно, что граф из тех, кто не оставляет следов. Так что Пендергаст может и... – Полковник не договорил.

– Если бы мы не прождали полдня...

– Нам не дано изменить порядка вещей, – покачал головой Эспозито.

Карабинер замолчал, а машина тем временем въехала во внешние ворота и покатила дальше по кипарисовой аллее.

– У меня к вам будет просьба, сержант, – предупредил полковник.

– Какая?

– Позвольте мне вести переговоры. Я позабочусь, чтобы они прошли на английском. Фоско хорошо говорит по-английски?

– Он владеет языком в совершенстве.

Таким обессиленным д'Агоста не чувствовал себя никогда. Тело ныло, исцарапанная и порезанная кожа горела. На ногах сержант держался только потому, что его вела железная решимость освободить Пендергаста, ведь неизвестно, какие ужасы друг терпит в заточении. «Если он еще жив, то, наверное, сидит, запертый в той самой келье… Да жив он, жив».

Д'Агоста быстро, горячо помолился про себя, чтобы так оно и было. О другом он боялся даже подумать.

Машина остановилась. В тени крепостной стены царила прохлада.

– Наш «фиат»… – пробормотал д'Агоста. – Мы оставили машину здесь. Ее нет.

– Какой она была модели? – спросил Эспозито.

– «Стило», черного цвета, номер: ай-джи-пи двести двадцать три.

Эспозито обернулся к одному из своих людей и отдал распоряжение.

Замок выглядел неестественно тихим. Кивнув подчиненным, полковник быстро повел их к дверям.

На этот раз крепость и не подумала никого впускать. Полковник забарабанил в двери с растущим недовольством, и только через пять минут створки наконец открылись. По ту сторону карабинеров встретил Фоско. Его взгляд обежал кучку полицейских и остановился на д'Агосте.

– Боже мой! – улыбнулся граф. – Сержант!.. Как вам Италия?

Д'Агоста не ответил. Гротескная фигура графа моментально вызвала в нем ненависть и отвращение.

– Пожалуйста, простите, что не открыл вам сразу, совсем не ожидал гостей. – Фоско повернулся к полковнику: – Однако нас не представили.

– Полковник Горацио Эспозито, – объявил карабинер. – У нас ордер на обыск поместья. И я бы попросил вас не мешать, сэр.

– Ордер?! – удивился Фоско. – О чем вы?

Не обращая на него внимания, Эспозито прошел мимо, на ходу выкрикивая приказы. Обернувшись к графу, он предупредил:

– Мои люди должны получить допуск ко всем частям замка.

– Ну разумеется! – Фоско поспешил на другой конец дворика, мимо журчащего фонтана к мрачной твердыне башни, выказывая полную растерянность, смешанную с раболепным желанием помочь.

С выражением каменного спокойствия на лице д'Агоста, державший сумку подальше от графа, отметил, что сегодня двери позади карабинеров не закрылись.

Фоско повел полицию главным коридором в комнату, которую д'Агоста прежде не видел. Это была роскошная библиотека, где на стеллажах выстроились фолианты с золотым тиснением на кожаных корешках. В камине весело потрескивал огонь.

– Прошу, господа, – пригласил Фоско. – Располагайтесь. Позвольте предложить вам херес? Сигару?

– Боюсь, для удовольствий нет времени. – Эспозито достал из кармана лист бумаги с печатями и положил его на стол. – Вот ордер. Сначала мы обыщем подвалы и погреба, затем – верхние уровни.

Граф взял сигару из резного деревянного ящичка.

– Само собой, я готов оказать всяческое содействие. Однако разрешите узнать, в чем дело?

– Сержант д'Агоста обвиняет вас в тяжких преступлениях.

– Меня? В преступлениях?! – Граф посмотрел на д'Агосту. – Не понимаю...

– Похищение, покушение на убийство и насильное удерживание сотрудника спецслужб.

На лице Фоско отразилось еще большее удивление.

– Но это... это возмутительно! – Он посмотрел на д'Агосту, на полковника, затем опять на д'Агосту: – Сержант, вы серьезно?

– Пошли, – нетерпеливо сказал д'Агоста. Голос его прозвучал ровно, однако сам он кипел от негодования. Граф проявлял чудеса лицедейства: шок и недоверие смотрелись как настоящие.

Изучив сигару, Фоско отрезал кончик серебряными ножницами и закурил.

– Ладно, я разрешаю вашим людям свободно обследовать мой замок. Ищите где пожелаете. Если понадобится помощь, я к вашим услугам.

Эспозито что-то коротко приказал подчиненным на итальянском. Те отдали честь, разошлись и исчезли.

– А вы, сержант, – обратился Эспозито к д'Агосте, – проводите нас к той комнате, где вас заперли на ночь. Граф, пойдете с нами.

– Я бы и сам настоял на этом. Фоско – древний и благородный род, мы ценим честь превыше всего. Обвинения немыслимые, и нужно немедленно принять меры. – Граф посмотрел на д'Агосту с легким возмущением, а тот пошел вперед, указывая путь.

Дорогу он помнил и вел Эспозито по коридору в гостиную, после которой началась анфилада изысканно обставленных комнат. Фоско следовал за ними, временами пытаясь привлечь внимание полковника, указывая на картины и прочие сокровища. Строй замыкали два карабинера.

В какой-то момент д'Агоста понял, что заблудился. Сколько он ни оглядывался, нужная дверь не находилась.

– Вам помочь? – любезно вызвался Фоско.

Д'Агоста заглянул в один проход, во второй – все не то. За двадцать четыре часа он не мог забыть направления. Или мог?

– Сержант говорил, что комната, в которой его держали как пленника, находится в самой башне, – обратился полковник к Фоско.

Граф озадаченно взглянул на Эспозито, потом – на д'Агосту.

– В башне только одна комната, и нам никак не сюда.

– Ведите.

Граф повел их коридорами и темными комнатами, где не было ничего, кроме голых каменных стен и низких потолков.

– Это самая старая часть Кастель-Фоско, ей одиннадцать веков. Здесь довольно холодно, тоскливо и нет прелестей современной цивилизации: электричества, водопровода… Сам я редко сюда наведываюсь.

Вскоре они добрались до железной двери. Фоско с трудом открыл ржавый замок, затем – со скрипом – и саму дверь. Убрав со стен паутину, граф повел полицию вверх по ступенькам. Каменную шахту наполняло эхо.

На площадке д'Агоста остановился: перед ним была приоткрытая дверь в ту самую комнату.

– Здесь? – коротко спросил Эспозито.

Д'Агоста кивнул.

Полковник дал знак своим людям, и те, открыв дверь, вошли в комнату.

Роскоши как не бывало. Д'Агоста тщетно шарил взглядом – исчезли ковры, книжные полки, а вместо ламп и сантехники в холодном и темном склепе громоздились старая поломанная мебель, поврежденные скульптуры и кучи заплесневелых драпировок. Здесь же лежала огромная погнутая железная люстра. Хранилище забытых обломков ушедшего времени покрывал плотный саван из пыли.

– Сержант, вы уверены, что это именно та комната?

Ошеломление д'Агосты сменилось озадаченностью, а затем гневом.

– Да, – сказал он. – Хотя выглядела она совершенно иначе. Здесь были спальни и ванная...

Наступила тишина.

– Нам понадобилось двенадцать часов, чтобы получить ордер. За это время граф приготовился.

Эспозито провел пальцем по изъеденному червями столу, скатал пыль в комок и пристально посмотрел на д'Агосту. Обернувшись к Фоско, он произнес:

– В башне есть другие комнаты?

– Сами видите: это помещение полностью занимает верхний этаж.

– Хорошо. – Эспозито снова посмотрел на д'Агосту. – Что было дальше?

– Мы спустились к ужину. – Д'Агоста старался, чтобы голос звучал спокойно. – В главный обеденный зал. Фоско заявил, что нам не выйти из замка живым. Потом была перестрелка, и я убил его слугу.

– Пинкеттса?! – вскинул брови граф.

Через пять минут все спустились в столовую, но там, как и боялся д'Агоста, не было никаких признаков борьбы. Только на столе стоял недоеденный завтрак на одного.

– Прошу извинить, – сказал Фоско, указав на блюдо. – Вы застали меня как раз за едой. Я ведь говорил, что не ожидал гостей. А слуг я отпустил по домам на выходные.

Заложив руки за спину, Эспозито обошел комнату.

– Сержант, – спросил он, – сколько пуль было выпущено?

– Четыре, – ответил д'Агоста, подумав. – Три я всадил в Пинкеттса, один раз выстрелил он. След от его пули нужно искать в стене над камином, если там уже все не заделали.

Никаких следов, разумеется, не нашлось.

– Ваш… э-э… Пинкеттс, – обратился Эспозито к графу. – Можно с ним поговорить?

– Позавчера он на несколько недель уехал в Англию. Я так понял, умер кто-то из родственников. Но я буду рад дать вам его адрес и телефон в Дорсете.

– Попозже, – кивнул Эспозито.

Все молчали, а д'Агосте хотелось кричать: «Пинкеттс – не англичанин! Его имя Пинчетти!» Однако он понимал, что спорить сейчас бесполезно. Фоско слишком хорошо продумал детали.

«Сейчас главное – найти Пендергаста».

Вернулись двое карабинеров и быстро заговорили с полковником по-итальянски.

– Мои люди, – повернулся Эспозито к д'Агосте, – не нашли никаких следов вашей машины.

– Значит, граф от нее избавился.

Эспозито задумчиво кивнул.

– В какой компании вы брали машину?

– «Еврокар».

Полковник отдал распоряжение подчиненным, и те, кивнув, вышли.

– Когда Фоско вернулся из Флоренции, нас заперли в старом хранилище, – сказал д'Агоста, пытаясь перебороть растущую панику. – В подвале. Я покажу: туда можно спуститься из кладовой.

Фоско в ответ только сделал приглашающий жест.

– Ведите, – вежливо промолвил он.

Д'Агоста повел компанию из зала в пустую кухню, а оттуда в кладовую. Вход на лестницу закрывал большой шкаф с медной кухонной утварью.

«В яблочко!» – подумал д'Агоста.

– Лестница там, – указал он. – Вход закрыли шкафом.

Эспозито кивнул двоим подчиненным, и те – с огромным трудом – отодвинули мебель. Д'Агоста похолодел: вместо лестницы за шкафом оказалась глухая стена – пыльная и древняя, как вся кухня.

– Простучите ее! – Д'Агоста уже был не в силах удержать рвущиеся наружу разочарование и ужас. – Он заложил вход кирпичами. Раствор еще должен быть сырой.

Полковник достал из кармана перочинный нож и отковырнул кусочек раствора. На пол посыпалась сухая крошка. Эспозито вонзил лезвие глубже. Затем, не говоря ни слова, передал нож д'Агосте.

Сержант опустился у стены на колени и провел лезвием у ее основания. Кладка была старая, пыльная, а на том месте, где стоял шкаф, успел скопиться слой паутины.

Д'Агоста отошел и огляделся. Неужели ошибся?!

– Я не знаю как, но граф, спрятал дверь. Замаскировал. Я видел, здесь была дверь!

Снова повисла тишина, которую долго никто не прерывал. Эспозито встретился взглядом с д'Агостой и отвел глаза. То, как он изучающее осматривал комнату, воскресило в д'Агосте несгибаемую решимость.

– Идемте к вашим людям. Обыщем весь этот проклятый замок.

* * *

Часом позже д'Агоста вернулся в главный коридор. Они обследовали столько залов, комнат, склепов, подвалов и тоннелей, сколько не было, наверное, ни в одном замке мира. И ведь какая-нибудь комнатушка, где гуляют сквозняки, или сырая лестница наверняка остались забыты. Каждая мышца д'Агосты молила о пощаде, да еще парусиновая сумка оттягивала плечо.

Пока шли поиски, граф хранил молчание. Он держался рядом с Эспозито и д'Агостой – терпеливый, преисполненный желания помочь, отпирал каждую дверь и время от времени даже предлагал показать новый маршрут.

– Ну если вы удовлетворены, – Фоско кашлянул, – почему бы нам не вернуться в библиотеку?

Когда они расселись в креслах у камина, к Эспозито подошел карабинер и что-то прошептал ему на ухо. Полковник кивнул, жестом велев подчиненному удалиться. Фоско снова предложил сигару, и на это раз офицер не отказался. Д'Агоста взирал на происходящее, не в силах поверить. Гнев перемешался с ужасом и отчаянием. Такое могло случиться только в кошмаре.

– Мои люди связались с компанией «Еврокар», – бесцветным голосом сообщил Эспозито. – Ваш «фиат-стило» вернули вчера днем, в половине второго. Оплачено картой «Американ экспресс», принадлежащей

Пендергасту. Специальный агент Пендергаст забронировал билет до Палермо, в настоящее время мы выясняем, вылетел ли он тем рейсом. Сейчас так трудно разобраться в делах авиалиний…

– Конечно же, Пендергаст вылетел! Разве не видите, какую игру ведет Фоско?

– Сержант…

– Ведь ясно, все это спектакль! – Д'Агоста поднялся из кресла. – А Фоско – режиссер. Заложил спуск в подвал, разобрал нашу комнату… Спланировал все до последней гребаной мелочи!

– Сержант, прошу вас, – тихо сказал Эспозито, – держите себя в руках.

– Вы сами говорили, что мы имеем дело с непростым человеком!

– Сержант!

Д'Агоста почти обезумел от гнева, горя и безнадежности. Фоско завладел карточкой Пендергаста. Пендергаст пропадает, а этот ублюдок вот-вот просочится сквозь пальцы.

Д'Агоста нечеловеческим усилием воли взял себя в руки, потому что знал: отдайся он эмоциям – и дело пропало. Нужно отыскать брешь в броне графа.

– Значит, в замке Пендергаста нет. Его спрятали в лесу, в горах… там и надо искать.

Эспозито задумчиво затянулся сигарой.

– Сержант, – заговорил он. – В своем рассказе вы утверждали, будто бы граф убил четырех человек, чтобы вернуть скрипку…

– Четырех – по меньшей мере. Но мы сейчас зря тратим время. Надо…

– Простите. – Эспозито поднял руку, прося тишины. – Вы заявили, что граф убил тех людей при помощи устройства, которое вы сейчас носите в сумке.

– Да.

– Не покажете его графу?

Д'Агоста вытащил излучатель из сумки.

– Боже мой! – Фоско с интересом уставился на прибор. – Что это?

– По словам сержанта, микроволновое оружие, – пояснил Эспозито. – Созданное вами, чтобы сжечь мистера Локка Балларда из Абетоне и еще двоих людей в Соединенных Штатах.

Взглянув на полковника, потом на д'Агосту, Фоско переспросил:

– Сержант так и сказал?

– Именно.

– Значит, это машина, которая жарит людей, превращая их в кучку дымящегося пепла? И ее изобрел я? – В изумлении граф развел руками. – А можете показать, как она работает?

– Сержант, не продемонстрируете ли машину в действии?

Полковник говорил в том же скептическом тоне, что и Фоско. Неудивительно – оружие смотрелось как игрушка, муляж из «Звездных войн».

Д'Агоста повертел излучатель в руках.

– Я не знаю, как его включать, – признался он.

– А вы попробуйте, – с долей сарказма предложил офицер.

Д'Агоста подумал, что, сумей он заставить эту штуку работать, ход событий изменится. Нельзя было упускать оставшийся шанс. Он навел ствол на свежую тыкву, которую будто специально – в насмешку – поставили у камина. Прогнав лишние мысли, д'Агоста попытался восстановить в памяти действия Фоско: повернул ручку, нажал на курок… И ничего.

Д'Агоста щелкнул переключателем, нажал какую-то кнопку и снова нажал на курок. Не сработало.

Упав с высоты, устройство вполне могло повредиться, и все-таки сержант выворачивал ручки и снова и снова нажимал на курок, надеясь услышать низкое гудение…

Излучатель молчал.

– Думаю, – тихо произнес Эспозито, – мы видели достаточно.

Медленно убрав оружие в сумку, д'Агоста с огромным трудом заставил себя посмотреть в глаза полковнику. Эспозито ответил скептическим взглядом. Впрочем, нет, не просто скептическим – на лице офицера лежала маска откровенного недоверия… и жалости.

Фоско, который стоял за спиной Эспозито, нарочито медленно вытянул из-под рубашки цепочку с медальоном, опустил ее на грудь и похлопал по кулону пухлой рукой.

Д'Агосту словно прижгли каленым железом – он узнал медальон: глаз без век над фениксом, восстающим из пепла. Кулон Пендергаста. Сообщение графа дошло с ужасающей ясностью.

– Ты, ублюдок... – Д'Агоста кинулся на Фоско, но на нем тут же повисли карабинеры, оттащив к дальней стене библиотеки. Эспозито поспешил встать между ними и Фоско. – Сукин сын! – надрывался д'Агоста. – Это медальон Пендергаста! Вот вам доказательство. Он убил Пендергаста и взял кулон!

– Вы в порядке? – спросил Эспозито у графа, не обращая внимания на д'Агосту.

– Вполне, спасибо, – ответил Фоско, садясь в кресло и поглаживая живот. – Я лишь испугался, не более. А чтоб уж окончательно уладить дело и не осталось никаких сомнений... – Он развернул медальон обратной стороной, где был выгравирован собственный замысловатый герб Фоско – заметно поблекший и стертый.

Эспозито посмотрел на герб и обернулся к д'Агосте, сверкая темными глазами. Д'Агоста, зажатый шестью карабинерами, едва мог пошевелиться. Он пытался вновь обрести контроль над собой, над своим голосом. То, как граф произнес «Чтобы уж не осталось *никаких сомнений»,* и то, как выделил последние два слова... Так он сообщал д'Агосте, что уже слишком поздно, что те двенадцать часов, съеденных бюрократией, обернулись трагедией. Отчаянная надежда, что граф, может быть, не убил Пендергаста, а только держит как пленника, дрогнула, будто пламя свечи на ветру, и угасла. Пендергаст мертв.

Никаких сомнений...

Эспозито протянул Фоско руку.

– Abbiamo finito qui, Conte, – сказал он. – Chiedo scusa per il disturbo, e la ringrazio per la sua pazienza con questa faccenda piuttosto spiacevole[73].

Граф отвесил изящный поклон.

– Niente disturbo, Colonello. Prego. – Взглянув на д'Агосту, Фоско добавил: – Mi displace per lui[74].

Пояковник и граф пожали друг другу руки.

Глубоко поклонившись, Эспозито вышел из комнаты, пройдя мимо д'Агосты, словно тот был пустым местом.

Карабинеры отпустили сержанта, и тот, прихватив сумку, направился к выходу. Глаза застилала красная пелена. Уже в дверях д'Агоста обернулся.

– Ты – покойник, – произнес он с трудом. – Ты…

Граф обернулся. Даже без слов его ответ был достаточно красноречив: влажные губы Фоско расплылись в плотоядной улыбке.

«Он убил Пендергаста».

А потом улыбка исчезла – скрылась в облаке сигарного дыма.

* * *

Весь путь назад до машин полковник Эспозито молчал. Он не сказал ничего, и когда машины стронулись с места, поехав вниз по кипарисовой аллее мимо оливковых рощ. И лишь когда под колесами автомобилей запетляла главная дорога до Флоренции, офицер повернулся к д'Агосте.

– Я в вас ошибся, – холодно произнес он. – Принял как своего, выдал рекомендации, помогал всеми силами, а вы… Вы обесчестили себя, опозорив заодно меня и моих людей. Нам крупно повезет, если граф не подаст жалобу за то, что мы вторглись к нему в дом и нанесли личное оскорбление. – Он наклонился чуть ближе. – С этого момента считайте, что ваши официальные полномочия отозваны. В Италии вас объявят персоной нон грата. Знаете, будь я на вашем месте, я бы использовал бюрократическую задержку и покинул страну ближайшим рейсом.

Откинувшись на спинку сиденья, полковник уставился в окно с каменным выражением лица и не произнес больше ни слова.

Глава 86

Приближалась полночь, и Фоско, слегка запыхавшись, вернулся в обеденный зал. Граф – жил ли он в городе или на вилле – всегда совершал перед сном моцион. А длинные коридоры Кастель-Фоско как нельзя лучше подходили для пеших прогулок.

Граф присел у камина и, желая избавиться от стылых объятий замка, протянул руки к веселому пламени. Сейчас неплохо бы устроиться в кресле с бокалом портвейна и обдумать завершение удачного дня.

С людьми граф рассчитался и распустил по домам; кто-то вернулся в окрестные деревни, кто-то остался в домиках на ферме при замке. Небольшой отряд полиции тоже ушел, забрав с собой сержанта д'Агосту, изрыгающего пустые угрозы; скоро его посадят в самолет до Нью-Йорка. Слуг Фоско отпустил до конца выходных, и вернутся они не раньше утра. Кастель-Фоско умолк и, казалось, к чему-то прислушивается.

Поднявшись, граф подошел к буфету, налил себе портвейна и снова сел. В последние дни стены замка гудели от возбуждения. Теперь же напротив, твердыню окутала неестественная тишина.

Фоско отпил из бокала и нашел, что вино превосходно.

Графу лишь ужасно не хватало Пинкеттса – или скорее Пинчетти, – готового предупредить любое желание. Трудно привыкнуть, что верный слуга лежит сейчас в безымянной могиле, в глубине семейного склепа. Будет непросто, нет, невозможно подыскать Пинкеттсу достойную замену. И если честно, сидя наедине с собой, граф признал, что чувствует себя чуточку одиноко.

Что ж, по крайней мере труп агента ФБР останется при нем навсегда.

Блистательный противник! Если бы не преимущества родной земли: «кроты», многоходовые планы, защита от случая – кто знает, не исключено, что игра закончилась бы совершенно иначе. Во время вечернего моциона Фоско спустился в подвалы замка, чтобы проверить, как коротает время в могиле Пендергаст. В катакомбах все было по-прежнему. Фоско постучал в стену, но ответа, конечно же, не дождался. Прошло почти двое суток – фэбээровец вряд ли протянул так долго.

Граф сидел в кресле, потягивая портвейн и предаваясь сладостным размышлениям. Конечно, еще не все концы были спрятаны: оставался сержант д'Агоста. Как он бесился, как угрожал, когда его уводили!.. Ничего, скоро гнев поутихнет, придет смирение, затем неуверенность, а после и страх, потому что сержант не мог не понять, с кем связался. Фоско не прощает! И этот конец он не спрячет, а просто отрежет – заставит д'Агосту заплатить по счетам: за убийство Пинчетти и за кражу любимого изобретения.

Впрочем, с этим можно не торопиться.

Попивая вино, граф вспомнил о втором незаконченном деле – о Виоле, леди Маскелин. Он представил себе, как она возделывает виноградник – сильная, загорелая. В ней смешались благородное происхождение, кошачья грация и пьянящая сексуальность. На редкость умная женщина, к тому же лучащаяся жизнью. Ее свет обогреет даже мрачный Кастель-Фоско...

В темноте за стенами зала что-то слабо прошелестело.

Фоско застыл на половине глотка.

Он отставил бокал, встал и подошел к главному входу в столовую. В длинном коридоре не было никого и ничего – только длинные ряды доспехов мерцали в мертвенном свете луны и редких светильников. В замке всегда водились крысы. Пора, наверное, главному садовнику о них позаботиться.

Фоско задумчиво вернулся к камину, но пламя не согрело его. Холод, который ощутил граф, навеяли не только стылые стены.

И тут он вспомнил, что могло бы вернуть ему бодрость духа. От камина Фоско прошел к маленькой двери, которая вела в личную мастерскую. Через лабиринт столов и автономного оборудования он добрался до задней стены, там опустился на колени и нажал маленький рычажок. Над головой открылась одна из деревянных панелей обшивки, и Фоско, поднявшись, открыл дверцу пошире, чтобы ввести код на консоли большого сейфа. Медленно, с благоговейным трепетом граф достал из тайника черный ящик в форме гробика, в котором хранил «Грозовую тучу».

Уже в обеденном зале он поставил скрипку на стол у стены, подальше от жара камина – пусть инструмент освоится, – а сам вернулся в кресло. После холода мастерской тепло очага показалось ему восхитительным. Отпив еще портвейна, Фоско задумался: что бы сыграть? «Чакону» Баха? Крикливого Паганини? Нет, что-нибудь простое, ясное, свежее... Вивальди, «Весну» из «Времен года».

Граф посидел еще немного, затем подошел к столу, открыл латунные замки на футляре и приподнял крышку, однако играть на скрипке не стал. Прежде чем она окончательно привыкнет к температуре и влажности, пройдет еще минут десять. Фоско взирал на инструмент, целиком отдавшись ощущению загадочной красоты. Совершенные линии влекли его, будто изгибы идеального женского тела. Душу наполнили неимоверная радость и чувство завершенности.

Фоско сел в кресло. Ослабил галстук, расстегнул жилетку.

«Грозовая туча» вернулась на законное место. Он вырвал ее из челюстей забвения. Оно того стоило – стоило затрат, сложных закрученных планов, стоило риска и жизней. Скрипка оправдала бы куда большее. Малиновые отблески пламени на полировке наводили на мысли, будто бы инструмент – не отсюда, будто бы он – это голос, песня лучшего мира, что придет вслед за нынешним.

Комната прогрелась. Фоско кочергой чуть подтолкнул поленья в глубь очага и отодвинул кресло от камина. «Весна». Нежная, живая мелодия влилась в разум и потекла сквозь него, словно граф уже начал играть. Оставалось потерпеть еще пять минут. Фоско снял галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

В камине громко стрельнуло полено, и граф чуть не подпрыгнул. Портвейн выплеснулся из бокала на жилетку.

Удивляясь себе, Фоско откинулся на спинку. Похоже, дело расшатало нервы сильнее, чем он думал. Ощутив небольшую тяжесть в желудке,

граф отставил бокал. Пожалуй, стоило налить себе чего-то покрепче – для пищеварения. Кальвадоса, граппы или настойки на травах, которую готовят монахи из Монте-Сенарио.

Поднявшись, граф направился к бару и налил себе маленький бокал горького аперитива. Куда-то вдруг исчезла легкость походки.

На обратном пути желудок громогласно запротестовал, и Фоско отпил красновато-коричневой жидкости. Потом сделал еще два глотка и вдруг услышал другое – шаги у двери.

Фоско попытался встать и не смог – он обессилел. Но не важно: за дверью никого нет и быть не может. Слуги вернутся лишь завтра. Не иначе как разыгралось воображение, сдают нервы. Такое бывает.

Внутренности бурлили от несварения, и граф осушил бокал. Он поерзал, пытаясь устроиться удобнее. Стало слишком жарко, а рядом как назло никого, чтобы притушить пламя. Фоско глубоко, неровно вздохнул. Вот сейчас он успокоится, возьмет скрипку и сыграет. А живенькая «Весна» вернет ему прежнее настроение.

По всему телу начало расползаться томление – оно медленно росло внутри, распускаясь виток за витком. Граф промокнул лоб платочком. Сердце беспокойно билось в груди. Похоже, несварение тут ни при чем, он просто заболел. А все эти сырые, холодные подземелья! Нужно отдохнуть. Прямо завтра, решил Фоско, он отправится в самое подходящее для отдыха место – на Капрайю…

Дрожащей рукой граф поднес к губам бокал. Напиток почему-то обжег рот, словно горячая смола или уксус. Жар передался руке. Фоско вскрикнул – бокал обжег пальцы. Граф вскочил, выронил посуду, и она разлетелась осколками по полу.

Porca miseria? Что за свинство?!

Фоско судорожно вздохнул. Жгучая боль поразила глаза, во рту пересохло, сердце забилось с бешеной скоростью. Что это, сердечный приступ? Говорят, он начинается именно так – с чувства, что происходит нечто ужасное. Однако ни в груди, ни в руке боли не было, только внутри все росло и росло давление, будто скручивая внутренности. Фоско яростно огляделся, но не увидел в комнате ничего, что ему помогло бы, – ни бутылка портвейна, ни скрипка, ни мебель, ни роскошные гобелены не дали ответа.

Граф судорожно заморгал, его губы кривились в гримасах, пальцы конвульсивно дергались. Жар обволок тело горящим одеялом. Кожу будто облепил сплошным покровом рой пчел, а внутри, как одно целое, нарастали ужас и жар – нестерпимый, всепоглощающий жар, которому не было ровней пламя в камине…

Внезапно граф понял. Все понял.

– Д'Агоста!.. – прохрипел Фоско.

Согнувшись пополам, граф направился к двери, с грохотом упал на инструментальный столик и встал на колени. Мышцы спазматически дергались, но неимоверным усилием воли Фоско заставил себя ползти дальше.

– Bastardo!.. – Издал он задушенный крик. – Ублюдок!..

До двери оставалось всего ничего, несколько футов, и Фоско – в нечеловеческом рывке – ухватился за раскаленную ручку. Кожа на ладони зашипела, пошла пузырями. Но граф подтянулся, повернул ручку и... Дверь была заперта.

Пытаясь закричать, Фоско рухнул. Он извивался на полу, а жар внутри рос и рос, будто по венам текла раскаленная лава. В голове ужасно, пронзительно зазвенело, словно в череп забрался гигантский комар. Запахло горелым. Внезапно тело свело судорогой, и челюсти заскрежетали, сжались так сильно, что треснули и раскрошились зубы. Непрошеными туманными звеньями одной кошмарной цепочки перед глазами прошли все грехи и излишества. В адском пламени агонии Фоско заметил, что стал видеть мир по-другому: реальность преломилась, стала чахнуть, а в пламени очага показалось нечто *извне*...

«...О, Иисус, Господь, что за тень встает там, в огне?..»

Осколки зубов вошли в десны, рот заполнила кровь. Язык разбух и не слушался. Но Фоско, собрав последние крохи воли, издал нечто среднее между стоном и бульканьем – он начал молиться.

«Отче наш...»

Кожа покрылась пузырями, смазанные маслом волосы задымились и начали скручиваться. А граф, ломая ногти, впиваясь пальцами в каменный пол, пытался выдавить из себя слова:

«...Иже еси на небесех...»

Сквозь оглушительное жужжание в ушах пробился могучий и ужасный, словно поднявшийся из глубочайшей бездны, смех. Но смеялся не сержант д'Агоста. Смеялся даже не человек...

«...Да святится...»

На пределе сил Фоско пытался продолжить молитву, когда закипел подкожный жир на губах:

«...Имя твофрррррррр...»

И граф уже не мог издать ни звука.

Глава 87

Брайс Гарриман нырнул в спертый прокуренный воздух кабинета Руперта Криса. Он давно ждал этого дня и собирался насладиться каждым мигом предстоящей беседы. Такие истории потом рассказывают детям и внукам, записывают в мемуарах, смакуют в памяти.

– Гарриман! – Редактор в присущей ему манере уселся на край стола. – Садись.

Гарриман сел. А почему бы не сесть? Пусть для начала Крис немного поболтает.

– Статья про Хейворд и того проповедника, Бака, – это нечто! Мне даже почти жаль, что бедолагу отправили назад, в Оклахому. – Крис взял со стола лист бумаги. – Вот, думаю, тебе понравится: объем продаж по киоскам за выходные и за сегодня. – Он помахал результатами перед носом у Гарримана. – На девятнадцать процентов выше, чем год назад, и на шесть процентов выше, чем на прошлой неделе. А «сквозная продажа» составила шестьдесят процентов!

Крис ухмыльнулся так, будто объем продаж «Нью-Йорк пост» был для Гарримана центром Вселенной. Сам же Гарриман откинулся на спинку стула, вылепив на губах дежурную улыбку.

– И ты посмотри: доход от рекламы вырос в три с половиной раза!

Крис дал Гарриману время уяснить изумительную новость и насладиться ею.

– Ладно, парень, – редактор закурил сигарету, – только попробуй сказать, что я – неблагодарная скотина и не умею ценить заслуг. История – твоя, от и до. Ее сделал ты. Я, конечно, поделился опытом, присоветовал кое-где, поддал, так сказать, пиночка, направляя на путь истинный. Но в общем, сварганил ее именно ты.

Крис замолчал, будто дожидаясь... Чего? Что Гарриман упадет на колени и станет взахлеб кричать: спасибо-спасибо?

– В общем, тебя заметили. И если я говорю «тебя заметили», это следует понимать как «тебя заметили наверху». На следующей неделе, – Крис приготовился добить Гарримана, – я приглашаю тебя на ежегодный вечер Сообщества репортеров – в «Таверну на лужайке»[75]. Тебя ждет... – Крис закатил глаза к потолку, будто Гарримана приглашал сам небесный владыка. – Тебя ждет *он*. Он хочет увидеть тебя, пожать тебе руку.

«Встретить меня, пожать руку. Прекрасно. О Боже, великолепно! Надо будет скорее рассказать друзьям».

– Вечер официальный. Смокинг-то есть? Нет? Я всегда беру напрокат, в местечке напротив супермаркета «Блумингдейл». Там – со скидкой, самые лучшие.

Уму непостижимо: вот так запросто, не стесняясь, признаться, что берешь смокинги напрокат!

– Нет, спасибо, – холодно произнес Гарриман. – У меня уже есть штуки две.

Крис как-то странно посмотрел на него.

– Тебе известно о ежегодных вечерах? В смысле, я варюсь в этом уже тридцать лет, и позволь сказать тебе: этот ужин – нечто особенное. В шесть – коктейль в Хрустальном зале, в семь – за стол. Если хочешь, приводи с собой телку.

– Боюсь, – Гарриман подался вперед, – не получится.

– Приходи один. Какие проблемы!

– Вы не поняли: я вообще не смогу прийти. Я буду занят.

– Чего?

– Я. Буду. Занят.

Крис ошарашенно замолчал, потом соскочил со стола-насеста.

– Занят?! Ты чем меня слушал, задницей? Я тебе толкую про ужин с Ним Самим! Про ежегодный, мать твою так, ужин Сообщества репортеров!

Гарриман встал и отряхнул пепел, упавший ему на рукав, пока Крис в припадке ярости размахивал сигаретой.

– Мне предложили место в газете, именуемой «Нью-Йорк таймс». Слышали о такой? – Гарриман достал из кармана конверт. – Я ухожу. Вот заявление. – Он положил конверт на стол, как раз там, где дерево блестело, отполированное задницей Криса.

Наконец. Сказано и сделано все, что Гарриман так долго в себе вынашивал. Ждать больше не было смысла. Впереди много работы: нужно освоиться в новом кабинете, ведь в понедельник из затянувшегося медового месяца вернется Билл Смитбек. Гарриман представил себе его рожу: то-то придурок удивится. Еще бы, Брайс Гарриман теперь его коллега, товарищ из кабинета прямо за стенкой.

Вот это и было нечто особенное.

Господи, жизнь хороша!

Гарриман подошел к двери и обернулся – лишь затем, чтобы полюбоваться на физиономию Криса: редактор стоял раскрыв рот. Впервые ему нечего было сказать.

– Бывай, приятель, – подмигнул Гарриман. – Увидимся как-нибудь.

Глава 88

Авиалайнер коснулся взлетно-посадочной полосы, подпрыгнул и снова встал на шасси.

В динамиках зазвучал ленивый голос:

– Говорит капитан. Мы приземлились в аэропорту имени Кеннеди. Пока, пожалуйста, все оставайтесь на местах. Просим прощения за небольшую болтанку в полете. Добро пожаловать в Нью-Йорк!

Над морем пепельных лиц прошлась и быстро угасла жиденькая волна аплодисментов.

– За небольшую болтанку... – пробормотал мужчина в соседнем кресле. – Кто этому ослу права летные выдал?! Я теперь и за миллион баксов на самолете не полечу.

Повернувшись к соседу, он пихнул его локтем.

– Слава Богу, мы опять на земле. Да, приятель?

Д'Агоста слепо смотрел в иллюминатор. Толчок привел его в чувство.

– Вы про что?

– Ой, тоже мне пофигист! – фыркнул сосед. – У меня вон за последние полчаса жизнь прошла перед глазами. Дважды.

– Простите, – отвернулся Д'Агоста. – Я и правда не обратил внимания.

* * *

Словно зомби, д'Агоста шел через Восьмой терминал, неся в руке чемодан. Вокруг звучали возбужденные голоса: люди обнимались, смеялись. А он все шел, глядя прямо перед собой.

– Винни! – окликнули его. – Эй, Винни! Сюда!

Д'Агоста обернулся: продираясь через поток пассажиров, к нему спешила Лаура Хейворд – обворожительная, в темном костюме. Ее черные волосы блестели, а голубые глаза были прекрасны, как Средиземное море. Она улыбалась, но улыбка тронула д'Агосту совсем не так, как идеальные глаза.

– Винни, – обняла его Хейворд. – О Винни!

Он машинально ответил ей тем же и ощутил крепость и нежность объятий, почувствовал тепло дыхания на шее, упругость груди. Это было как удар током. А ведь минуло всего девять дней. Невероятно. По телу прошла странная дрожь, и д'Агосте показалось, будто он – ныряльщик, всплывающий со дна глубокого моря.

– Винни, – пробормотала Хейворд. – У меня просто нет слов.

– А ты не говори ничего. Не сейчас. Лучше потом.

– Боже! – Она медленно отпустила его. – Что с твоим пальцем?

– Локк Баллард, вот что.

Они вошли в отделение выдачи багажа. Д'Агоста, смутившись от затянувшейся паузы, сбивчиво произнес:

– Ну как тут без меня?

– С твоего последнего звонка ничего не изменилось. Над расследованием убийства Катфорта по-прежнему работают десять детективов. Формально. Еще я слышала, что твой шеф из Саутгемптона писает кипятком, потому что дело Гроува не продвинулось ни на йоту.

Стиснув зубы, д'Агоста было заговорил, но Хейворд прижала к его губам палец.

– Знаю-знаю. В нашей работе такое случается. Бак исчез с горизонта, и «Пост» переключилась на новую тему. Имя Катфорта больше не мелькает на первых страницах. В конце концов его убийство перейдет в разряд нераскрытых – вместе с убийством Гроува, конечно. Я все не могу поверить, что убийцей оказался Фоско.

Д'Агоста кивнул.

– И ведь самое обидное, когда знаешь, кого брать, а сделать ничего не можешь!

Прозвучал гудок, наверху мигнул желтый сигнал, и заработал транспортер, подвозя чемоданы.

– А вот я, – тихо ответил д'Агоста, – кое-что сделал.

Хейворд, нахмурившись, посмотрела на него.

– Объясню по дороге.

Десятью минутами позже они ехали к Манхэттену. Хейворд сидела за рулем, а д'Агоста безучастно смотрел в окно.

– Значит, все это из-за скрипки, – сказала Хейворд. – Из-за какой-то там паршивой скрипки.

– Это не просто скрипка.

– Да плевать! Она не стоила стольких смертей. И уж тем более не стоила... – Тут Хейворд осеклась, будто речь зашла о чем-то, о чем они с д'Агостой решили не говорить. – Где она теперь?

– Я отослал скрипку на остров Капрайя – одной женщине из династии скрипачей. Та вернет инструмент семье Фоско, когда объявится новый наследник. Думаю, Пендергаст на моем месте поступил бы именно так.

– Я понимаю, – снова заговорила Хейворд, – ты не мог объяснить все по телефону, но что именно случилось? В смысле, после того как ты привел итальянскую полицию в замок Фоско.

Д'Агоста не ответил.

– Винни, ну давай. Будет лучше, если ты все расскажешь.

– Остаток дня я прочесывал окрестные холмы, – вздохнул д'Агоста. – Опрашивал фермеров, жителей деревень – всех, кто мог что-то видеть или слышать. Проверял сообщения в отеле. Я должен был убедиться, понимаешь? Убедиться окончательно...

Хейворд терпеливо ждала.

– Я все понял, еще когда мы обыскивали поместье. Фоско так посмотрел на меня... Ужасно, ты бы видела... – Д'Агоста покачал головой. – А когда пришла полночь, я прокрался в замок тем же путем, которым мы бежали. Я сумел понять, как работает излучатель, и... Использовал его – в последний раз.

– Ты свершил правосудие, отомстил за напарника. Я бы сделала то же самое.

– Правда? – тихо спросил д'Агоста.

Хейворд кивнула.

– Дальше рассказывать нечего, – беспокойно поерзал д'Агоста. – Сегодня все утро я проверял больницы, морги, полицейские сводки. Просто чтобы занять себя чем-то. Потом сел на самолет.

– Что ты сделал с излучателем?

– Разобрал, а детали разбил и разбросал по мусорным ящикам.

Хейворд кивнула.

– А теперь какие планы?

– Не знаю, – пожал плечами д'Агоста. – Наверное, вернусь в Саутгемптон. И получу по шапке.

– Ты что, – коротко улыбнулась Хейворд, – не слушал меня? По шапке получит твой шеф. Этот орел вернулся из отпуска, решил закогтить славу и подпалил себе перышки. На следующих выборах Браски наверняка его обойдет.

– Тем хуже для меня.

– Есть одна новость, – сменила тему Хейворд. – Ограничения по набору в полицию Нью-Йорка упразднили, так что можешь возвращаться.

– Ну уж нет, – покачал головой д'Агоста. – Больно долго меня не было. Заржавел я.

– Ну не так уж и долго. При наборе учитывают стаж. Ты ведь работал в Саутгемптоне, посредником ФБР... – Она замолчала на время, сворачивая на Лонг-Айлендское шоссе. – В мой отдел ты, конечно, не попадешь. Зато есть вакансии в других округах центра.

Прошло время, прежде чем до д'Агосты начало доходить.

– Погоди-ка, – сказал он. – Прежняя работа? В центре города? Уж не ты ли постаралась? Бегала и просила за меня комиссара!?

– Я? Бегала? Ты же знаешь, я делаю все по правилам. Я – воплощенный устав. – Однако на миг улыбка на лице Хейворд сделалась шире.

Впереди возник раскрытый зев тоннеля Квинс-Мидтаун, сверкающий кафельной облицовкой в свете флуоресцентных ламп.

Д'Агоста смотрел на Хейворд – на прекрасные черты лица, на то, как она слегка хмурилась, плавно ведя машину в оживленном вечернем потоке. Чудесно вновь оказаться рядом с ней!.. И в то же время он никак не мог отделаться от чувства опустошенности. Вокруг будто образовался вакуум, и его нечем было заполнить.

– Ты права, – сказал д'Агоста, когда они въехали в тоннель. – Эта скрипка может быть ценнее всех скрипок на свете, однако она не стоила жизни Пендергаста.

– Ты не знаешь наверняка, мертв ли он, – сказала Хейворд, глядя на дорогу.

Сколько раз он напоминал себе, как Пендергаст вытаскивал их из передряг, даже когда казалось, будто весь мир против них. Пендергаст умудрялся совершать чудеса... Но сейчас он не вернулся. Д'Агоста чувствовал: сейчас все по-другому.

Он ощущал почти физическую боль, когда перед глазами вставал образ друга, окруженного людьми Фоско.

«Вырваться сможет только один».

В горле встал комок.

– Да, – произнес д'Агоста, – наверняка не знаю. Хотя... – Он достал из кармана платиновый кулон Пендергаста, слегка оплавленный и изрытый оспинками. Д'Агоста снял его с дымящегося трупа Фоско. Секунду посмотрев на украшение, он сжал руку в кулак и уперся костяшками в челюсть. Ему хотелось заплакать.

На том холме остаться должен был он!

– Если бы Пендергаст выжил, то дал бы о себе знать. – Д'Агоста помолчал. – Надо еще подумать, что говорить Констанс.

– Кто это?

– Констанс Грин, подопечная Пендергаста.

Остаток пути через тоннель они провели в молчании. Наконец, когда машина выехала в ночь Манхэттена, Хейворд взяла д'Агосту за руку.

– Высади меня где-нибудь, – с тяжелым сердцем попросил он. – Например, у Пенсильванского вокзала. Доберусь до Лонг-Айленда на поезде.

– Зачем? – спросила Хейворд. – Там тебе нечего делать. Твое будущее здесь, в Нью-Йорке.

Машина проезжала мимо Центрального парка, мимо Мэдисон, мимо Пятой авеню, а д'Агоста молчал.

– Тебе есть где остановиться в городе? – спросила Хейворд.

Он покачал головой.

– Я... – произнесла было Хейворд, но тут же умолкла.

– Что? – посмотрел на нее д'Агоста. В свете уличных фонарей ему показалось, что Хейворд краснеет.

– Я просто подумала: раз уж ты решил работать в городе, почему бы тебе не остаться у меня? Так, ненадолго, – поспешно добавила она. – Пока дела не утрясутся.

Какое-то время д'Агоста молча смотрел, как скользят по ветровому стеклу пятна и полосы света. Потом – совсем неожиданно – он понял, что нельзя держаться за прошлое. Нужно отпустить его, хотя бы сейчас. Что было, то было, а завтра еще не пришло. Он не властен ни над

прошлым, ни над будущим. Он может лишь жить – настоящим моментом.

Тяжесть не исчезла с души, однако д'Агоста ощутил, что нести груз стало легче.

– Слушай, Винни, – тихо произнесла Хейворд. – Говори что угодно, но я не верю в его смерть. Интуиция мне подсказывает, что он жив. Если на свете и есть непобедимые, то Пендергаст – самый непобедимый из них. Он тысячу раз обманывал смерть, обманет и снова.

Д'Агоста слабо улыбнулся.

Притормозив у светофора, Хейворд посмотрела на д'Агосту:

– Ну что, едем ко мне? Не очень-то вежливо заставлять даму спрашивать дважды.

Он повернулся к ней, сжал ее руку.

– Пожалуй, едем, – сказал д'Агоста, улыбаясь все шире. – И чем скорее, тем лучше.

Эпилог

Неласковое ноябрьское солнце освещало, но совсем не грело стены Кастель-Фоско. Сад опустел, и некому было услышать, как журчит вода в мраморной чаше фонтана. Под стенами на гравийной площадке вихрем взвивались пожухлые листья, скрывавшие следы многих машин. Кругом царила тишина. Никто не ехал и не шагал по узкой дорожке, ведущей к склону горы. Только одинокий ворон сидел на бойнице, глядя вниз на долину Греве.

Еще до полудня фургон следователя увез тело Фоско. Полицейские задержались чуть дольше: фотографировали место преступления, брали показания, искали улики, однако ничего существенного не нашли.

Труп обнаружила Ассунта. Ее – пепельно-бледную, потерявшую рассудок – увез домой сын. Прочие слуги тоже покинули замок, радуясь неожиданным выходным. В поместье все равно нечего было делать – ближайшая родственница графа, одна из кузин, сейчас отдыхала на Изумрудном берегу, на Сардинии. К тому же смерть посетила поместье в слишком ужасном обличье, чтобы кто-то захотел оставаться там без особых причин. Замок окружили тени и тишина.

Но нигде в Кастель-Фоско не было так темно и так тихо, как в древних тоннелях, изрывших подножие горы, глубоко под основанием крепости. Здесь не шелестел ветер, и некому было потревожить пыльные могилы, где в саркофагах покоились забытые мертвецы.

Самые глубокие из ходов, прорытые еще этрусками три тысячи лет назад, извиваясь, уходили в темные глубины и заканчивались горизонтальным тоннелем. В конце тоннеля, над кучкой костей лонгобардского рыцаря возвышалась кирпичная стена. Темень была такая, что никто – даже посветив факелом – не смог бы сказать, что кладке, у основания которой валялись останки бывшего обитателя склепа, всего сорок часов.

За стеной в древней могиле было достаточно места, чтобы вместить человека. Однако изнутри не доносилось ни звука. Власть тьмы столь глубоко проникла под своды могильника, что казалось, будто здесь само время остановило свой ход.

Потом тишину нарушил приглушенный звук легкой поступи.

На пол упал мешок с инструментами. Вновь воцарилась тишина – ненадолго. Раздались удары, как будто кто-то работал молотком и зубилом.

Стук продолжался – размеренный, в четком ритме, как отлаженный ход часов. Прошли минуты, и в тоннеле вновь воцарилась тишина. За ней последовал еле слышный шорох, словно сдвигали кирпичи, и в могилу проник бледный свет.

Через секунду в свежую дыру заглянула горящая любопытством – если не возбуждением – пара глаз: ореховый и голубой.

К читателю

Некоторые читатели заметят, что в «Огне и сере» мы сделали кое-что необычное. Возможно даже, найдутся профессора английской литературы, которые, удивленно покачав головами, укажут нам на нижайшую подлость, которую только можно было совершить против великой литературы.

Речь идет о том, как мы без зазрения совести украли персонаж со страниц «Женщины в белом» – книги великого викторианского писателя Уилки Коллинза – и поместили графа Исидора Оттавио Бальдасаре Фоско в наш роман «Огонь и сера».

Для тех, кто незнаком с творчеством Коллинза, сообщаем: опубликовав роман «Лунный камень», он сотворил английский детектив. Вышедшая несколько позже (в 1860 году) «Женщина в белом» стала – для нас – величайшей работой Уилки Коллинза и одной из популярнейших книг Викторианской эпохи. Сегодня она почти забыта.

За кражу графа Фоско мы просим прощения и в то же время не можем представить, как еще выразить дань уважения нашему любимому писателю, который, несомненно, повлиял на наше собственное

творчество. Перед Уилки Коллинзом мы в неоплатном долгу, как и все авторы детективов, знают они это или нет. И если кто-то из наиболее предприимчивых наших читателей возьмется за «Женщину в белом», мы будем только рады. А тем критикам, которые возмутятся кражей Фоско и назовут это преступлением против литературы, мы ответим:

Braveggia, urla! T'affretta

a palesarmi il fondo dell'arma ria!

Благодарности

Линкольн Чайлд хотел бы поблагодарить Брюса Свенсона, Марка Менделя, Пат Аллокк, Криса и Сюзан Йанго, Тони и Ассунту Тришка, Джерри и Терри Хайленд, доктора медицины Энтони Чифелли, доктора медицины Нормана Сан-Августина и доктора медицины Ли Сакно – за дружбу и помощь. Линкольн Чайлд не перестает благодарить: специального агента Дугласа Марджини – за детальное описание работы правоохранительных органов Нью-Йорка и Нью-Джерси, Боба Пржыбыльского – незаменимого консультанта по оружию, монсеньора Боба Дьячека – за вычитку и комментарии к рукописи. Спасибо родственникам (близким и дальним) – за то, что мирились и продолжают мириться с эксцентричным писателем. Особая благодарность жене Лючии и дочери Веронике – за любовь и поддержку.

Дуглас Престон находится в неоплатном долгу перед Алессандро Лацци, который радушно пригласил его на охоту на кабана в тосканских Апеннинах. Я благодарю Марио Спези и полковника Олинто – за обширные сведения по работе карабинеров и итальянского уголовного розыска в целом. Я бы хотел поблагодарить Марио Альфьеро – за то, что помог мне с неаполитанским диалектом. Некоторые моменты в романе было бы просто невозможно прописать без помощи многих людей, особенно семьи Каппеллини, владельцев великолепного Кастелло-ди-Верраццано в Греве, семьи Матта, владельцев Кастелло-Виккьомаггио, а также без помощи монахов монастырей Ла-Верна и Сакро-Спеко, что в Субиако. Я также хотел бы поблагодарить Никколо Каппони – за огромнейшую помощь, и нашего итальянского переводчика Андреа Карло Каппи – за советы и поддержку. Я благодарю Андреа Пинкеттса – за его знаменитую фамилию. И наконец, но далеко не в последнюю очередь, я вновь благодарю свою семью: Исаака, Алефию, Селину и Кристину, отплатить которым по-настоящему я не смогу никогда.

И как обычно, мы благодарим людей, без которых книги дуэта Престон – Чайлд просто не вышли бы в свет: Джейми Левин, Жами Рааба, Эрика Симоноффа, Иди Клемма и Мэттью Снайдера.

Примечания

1

Как поживаете? (фр.)

2

Отлично, мадам (фр.).

3

Да, спасибо (фр.).

4

Джеймс, Монтегю Родс (1862 – 1936) – британский автор мистических романов.

5

Джеймс, Филлис Дороти – современная английская писательница, автор многочисленных детективов.

6

См. роман «Реликт».

7

См. роман «Натюрморт с воронами».

8

Выходцы из Акадии (сейчас – Нова Скотия), французской колонии в Канаде.

9

Лицемерный чтец (фр.).

10

Ирландские поминки справляются над гробом, до погребения, а не после него.

11

Цитата из стихотворения Дилана Томаса «Не уходи покорно в мрак ночной…» (пер. с англ. Г. Кружкова).

12

Ищите женщину (фр.).

13

Вот знамение! (лат.)

14

В этот год в Париже, в мастерской фотографа Надара организована первая выставка произведений художников-импрессионистов. Непризнанные парижские художники: Моне, Ренуар, Писарро, Сезанн, Дега – открыли на бульваре Капуцинов свою собственную выставку.

15

Брак, Жорж (1882 – 1936) – французский живописец, вместе с Пикассо ставший основателем кубизма.

16

«Снукер» – вид игры в бильярд, одновременно переводится с английского как «жулик» («snooker»).

17

Вид зеленого салата.

18

Нутряное сало с мясом.

19

Ит. букв.: «Вода течет» или «Прошлого не вернуть» («В одну реку не войти дважды»).

20

Колледж, в котором обучаются студенты из-за рубежа.

21

Нагрудная часть мужской верхней сорочки, надеваемой под открытый жилет при фраке или смокинге.

22

Слова из начальных строк единственной трагедии английского драматурга Уильяма Конгрива (1670 – 1729) «Невеста в трауре».

23

Делобре, Эмиль (1873 – 1956) – французский живописец, реставратор. Известностью обязан именно искусству копииста (в числе прочего

авторству Делобре приписывают одну из картин де ла Тура – «У гадалки»).

24

О тише, тише бегите вы, кони ночи (лат.).

25

Пер. с англ. Е. Бируковой.

26

Британцы (ит.).

27

Настоящий подвиг! (ит.)

28

Приди, мое отмщение! (ит.)

29

Узкий остров в проливе Ист-Ривер в Нью-Йорке, между Манхэттеном и Куинсом.

30

Святотатствуешь (лат.).

31

Небольшой завтрак (фр.).

32

См. роман «Реликварий».

33

См. романы «Реликварий» и «Кабинет диковин».

34

Ведущий экономико-политический журнал, выходящий два раза в месяц.

35

У.Б. Йейтс. «Второе пришествие» (пер. с англ. К.С. Фарай).

36

Лигурия – область на севере Италии.

37

Комбинация букв, составляющих позывные (заставку) вещательной станции. По решению ФКС (Федеральная комиссия по связи), которая утверждает заставки, позывные радиостанций к западу от р. Миссисипи начинаются с буквы "W", к востоку от нее – с буквы "К".

38

Евангелие от Матфея. 10:23.

39

Объединение 8 старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США.

40

Сек", Cirque (фр.) – цирк.

41

Время правления Наполеона III (с 1852 по 1870 г.). Нельзя же указывать людям на дверь только потому, что они говорят по-другому".

42

Д. Беньян. «Путешествие Христианина к вечности» (пер. с англ. Ю.Д. Засецкой).

43

Перефразированная цитата из Евангелия от Матфея (10:29): «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без [воли] Отца вашего».

44

Букв.: «Карминовое кафе» (ит.).

45

Доброй ночи (ит.).

46

С приездом, господин Баллард! (ит.)

47

Благодарю, синьор (ит.).

48

Полицейский участок.

49

Фискальный код (итал.).

50

Закусочная (ит.).

51

Речь идет о конце света.

52

Геррик, Роберт (1591 – 1674), «Коринна идет на праздник Мая» (пер. с англ. А. Лукьянова).

53

«К Римлянам». 3:10,23.

54

Бардак (ит.).

55

Набережная реки Арно.

56

Неаполитанская мафиозная организация.

57

Самая известная и любимая скрипка Антонио Страдивари.

58

Скрипка, созданная Страдивари в 1693 г.

59

Очень рад встрече, госпожа (ит.).

60

Взаимно (ит.).

61

Кн. от Иоанна. 13:36.

62

Тосканская свиная колбаса с укропом.

63

Слабосоленая тосканская ветчина.

64

Сбежали! (ит.)

65

Карло! В чем дело? (ит.)

66

Вон они! Снаружи! (ит.)

67

Еврейский хлеб, по форме напоминающий бублик.

68

Тысяча благодарностей (ит.).

69

Пожалуйста. Доброго вечера (ит.).

70

Имеется в виду рассказ Эдгара Аллана По «Бочонок амонтильядо».

71

Последняя, седьмая труба Апокалипсиса (см. Откровение).

72

Тычок – кирпич, кладущийся поперек основного направления кладки.

73

Ну вот, граф, все и закончилось. Прошу прощения за беспокойство и благодарю за ваше терпение в столь неприятном деле (ит.).

74

Я вас умоляю, полковник, это все пустяки. А его мне жаль (ит.).

75

«Таверна на лужайке» – роскошное кафе с видами на Центральный парк, знаменито своими хрустальными канделябрами, зеркалами ручной работы и витражами.